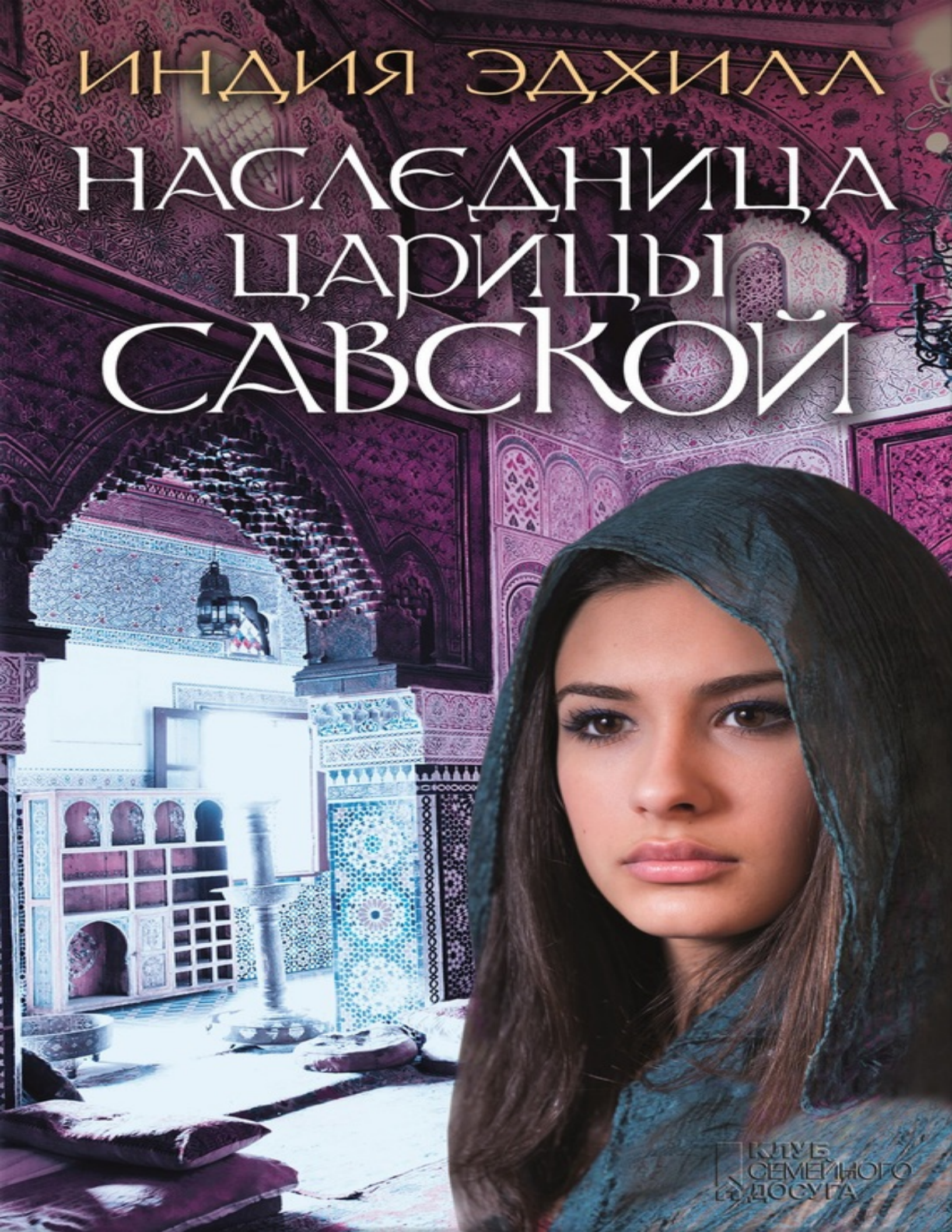

ИНДИЯ ЭДЖИЛЛ

НАСЛЕДНИЦА
ЦАРИЦЫ
САВСКОЙ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Annotation

Величайшая история любви, запечатленная в веках. Царь Соломон был утомлен государственными делами и бесконечными интригами жен и наложниц, когда в его дворце появилась женщина, которая затмила всех красавиц и покорила правителя. Царица Савская прибыла из далекой страны, чтобы испытать мудрость царя загадками, и сама стала для него удивительной загадкой, желаннейшей женщиной на свете. Но прекрасная царица Савы искала в покоях Соломона не только любовь. Ее привело в Израиль пророчество: именно здесь царица должна найти свою дочь и наследницу трона...

- [Индия Эдхилл](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Часть пятая](#)
 - [Часть шестая](#)
 - [Часть седьмая](#)
 - [Заключение](#)
-

Индия Эдхилл

Наследница царицы Савской

© India Edghill, 2004

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2016

* * *

Посвящается Бонни С. Уилфорд 1949–2003

*Творения ее усердных рук
В конце пути хвалу ей
вознесут.*

*Любить и жить – мудрее нет дорог,
И исполнять,
что Бог велит иль рок,
Не возносить молитв, не
вопрошать, Лишь гладить волосы и губы целовать.
И принимать страстей высокий вал,
Беречь – и отпускать,
когда твой час настал!*

Лоуренс Хоуп

Пролог

Песнь Ваалит

Отец мой был великим царем, мудрым и сильным человеком. Мать моя, дочь джинна, была огненным песчаным вихрем. Так начал бы мою историю какой-нибудь арфист. В конце концов, того требует традиция. Так начну и я свою песнь, ведь для нарушившего все правила и отринувшего все заветы лишь традиция может искупить вину и подсластить ее.

И песнь моя такова: царь золотого века и царица земель, что лежат дальше восхода солнца, встретились и вступили в поединок разума и воли. Она испытывала его сложными загадками, а он с легкостью все их разрешал. И тогда женщина склонилась перед силой его мудрости, восхваляя его величие, а потом отбыла в свое далекое царство, увозя груз бесценных подарков, которыми щедро оделил ее премудрый царь.

«Она получила все, чего только могла желать, – так поют об этом сейчас. – Царь Соломон дал все, чего хотела душа великой царицы».

Но щедрость далась ему нелегко. Он неохотно расстался с тем, чего по-настоящему жаждала царица Южных земель и что он даровал ей. Для этого ему пришлось поступиться своим царским величием. В песнях об этом не поют – правда горька для людей.

А я облечу песнь о них в свои слова и в их собственные. Я, в свою очередь, стану царицей Земли Пряностей, царицей Юга. И в этой песне поведаю вам о Соломоне Премудром и о Билкис, царице Утра.

Часть первая

Царица Южной страны

Я – лишь эхо воспоминаний, но обо мне еще говорят, а значит, ветер времени доносит мой шепот до слуха живых. Ведь обо мне ходит еще немало легенд, и не всегда молва щадит меня. Но одно я, Ависага Сунамитянка, могу сказать от чистого сердца: никогда я не плела интриг, чтобы стать царицей. Все заговоры, которым я содействовала, все мои хитрости имели целью лишь одно: чтобы после смерти царя Давида корона досталась Соломону. Оказавшись при дворе царя Давида, ни о чем другом я не думала.

Лишь об этом. И о том, чтобы Соломон стал моим. Чтобы его душа стремилась ко мне. Ко мне одной. Какое значение имели по сравнению с этим царь или корона?

В сердце моем жили два одинаково сильных желания. И судьба, зная о них, лишила меня того, что могло бы все искупить. Искупить все те поступки, благодаря которым Соломон взошел на трон, а я стала царицей. Судьба не даровала мне сына от Соломона. Сына, который унаследовал бы царство. Этой награды я была лишена.

И все же в конечном итоге это не имело значения.

Билкис

Ее страна снов и пряностей лежала далеко за горизонтом, и само название тех земель означало «рассвет». Рассвет и пряности – два драгоценных камня, что одинаково ярко сияли в короне Савского царства. Короне, благополучно переходившей от матери к дочери, от тетки к племяннице, от сестры к сестре по живой цепи поколений, не прерывавшейся тысячу лет.

До сих пор.

Билкис посмотрела на корону Савского царства – золотой обруч, украшенный драгоценными камнями. Теперь ему грозила неведомая судьба. Древнее сокровище покоилось в ларце из черного дерева, таком старом, что от благоговейных прикосновений сотен рук стерлась узорная резьба на нем. Главная придворная советница рассказывала о вырезанных

на ларце фигурах так подробно, словно видела их воочию: Аллат, богиня-матерь Савы, дарует пряности и благовония Амелиат-Кукнус, рожденной солнцем и пламенем и ставшей первой царицей.

Ладан и мирт, корица и перец... Пряности Савского царства, более редкостные, чем рубины, более драгоценные, чем золото, принесли этой земле богатства, превосходящие мечты всех правителей. Дар богини воплотился в мирной жизни и процветании. И то и другое хранили царицы, любящие матери земли Аллат и ее народа.

От сестры к сестре, от тетки к племяннице, от матери к дочери. Билкис взяла корону в руки. На чеканной золотой поверхности вспыхнул отблеск. *От царицы к царице.*

До сих пор.

Теперь лишь одна женщина могла доказать свое прямое происхождение от царской династии Савы. «Я – последняя царица. – Она смотрела на тяжелую корону, благоговейно держа ее в руках. – Почему так случилось? Я посвятила себя выполнению долга. Благо Савского царства было для меня дороже жизни». Всегда, всегда она заботилась о своем царстве, словно о единственном ребенке. Она принесла ему в жертву себя. Свою дочь. И все ради того, чтобы пережить смерть своего детища.

Теперь она осталась одна. А корона ждала...

Билкис со вздохом осторожно вернула ее в древний ларец, пробежав пальцами по золотой поверхности, сиявшей холодным светом. «Я не предам тебя», – поклялась она. Династия Савских цариц не закончится на ней. *Не может закончиться на ней.*

Она опустила крышку ларца и взяла со стола серебряное зеркальце. Не обманывая себя и не впадая в тщеславие, она разглядывала отражение своего лица. Солнце, просачиваясь сквозь алебастровые окна, вкрадливо льстило ей.

Ласковая ложь. И точно так же лгало ей зеркало: полированное серебро отражало лишь подведенные сурьмой глаза и тронутые кармином губы. В зеркалах ее накрашенное лицо все еще сияло молодостью и красотой. Серебро не показывало морщинок, которые прорезали кожу в уголках глаз и вокруг рта.

Пока не показывало.

Но когда-нибудь, уже скоро, алебастровые пластины окон перестанут смягчать солнечные лучи, да и серебро больше не сможет лгать. Она медленно опустила зеркальце и отвернулась.

«Пора посмотреть правде в глаза – я старею».

Само по себе это не было большой бедой, ведь старело все живое. Но

для царицы Савской это означало катастрофу.

«Если бы не умерла Алит!..» Но ее единственная дочь, возвращенная и воспитанная, чтобы занять трон и в свою очередь, вслед за матерью, стать царицей, лежала в могиле вместе с девочкой, рожая которую она и умерла. И дочь, и внучка скончались в ранний предрассветный час. Последние, в чьих жилах текла бесценная кровь правящей Савской династии...

«А я слишком стара, чтобы родить еще одну дочь». Изящное тело и гладкое лицо не выдавали истинный возраст, но иметь детей она больше не могла. После смерти дочери она пыталась изо всех сил, проводя в саду наслаждений при храме Аллат бесчисленные ночи с мужчинами, не видевшими ее лица, в поисках героя, который оказался бы достаточно сильным, чтобы зачать наследницу и продолжить царскую династию.

Но у нее ничего не вышло – тело отказывалось давать новую жизнь. И теперь с каждым очередным лунным циклом она все яснее убеждалась, что больше не сможет рожать детей.

И все же она не могла обойтись без наследницы. *Савское царство* не могло обойтись без наследницы. Каким-то образом ей предстояло найти царицу для этой страны, царицу, которая снимет тяжелую корону с ее гордой головы и будет править после нее, заботясь о земле и народе Аллат. «И как мне даровать им эту милость? – Она больше не могла избегать этого вопроса, он преследовал ее, словно призрак. – Ведь мое тело слишком старо для этого, и нет других женщин одной со мной крови, чтобы разделить эту ношу. Что же мне делать?»

Этот неотвратимый вопрос лишал ее покоя и не позволял забыть. Что толку от всех долгих лет ее правления, если некого оставить на престоле после себя? Лишь преемственность, невидимое глазу перетекание власти из одних царственных рук в другие, могла обеспечить мир. Неужели на ней разомкнутся звенья этой безупречной, искусно выкованной цепи?

Теперь покой не приходил даже по ночам. Во сне она скиталась в пустынях, лишенная надежды, мечты и жизни, а на рассвете просыпалась измученная, без сил для дневных дел. Она не показывала другим свою неотступную тревогу – точно так же она скрыла бы и любую другую слабость. Это была ее беда, и она не могла никого заражать своим беспокойством.

Но она знала, что скоро ей придется защищать будущее народа Аллат. Жизнь, даже царская, была зыбкой, а будущее ждать не могло.

И после долгой ночи, когда она лежала и смотрела, как восходят, а потом садятся звезды, она поняла, что и сама больше не может ждать.

Встав вместе с солнцем, она по ступеням поднялась на крышу дворца. Внизу расстился мирно дремлющий город. Мариб, Жемчужина Пустыни. Мариб, Царство Пряностей. Мариб, любимое дитя Аллат, Звезды Утренней и Звезды Вечерней.

Яркое солнце взбиралось на арку небес. Глядя, как разгорается день, царица истово молилась: «Даруй мне ответ, Солнце наших дней. Даруй мне ответ, и я заплачу любую цену, которую ты мне назначишь». Она ждала, простирая руки к огненной богине, возносящейся в ясное небо. Но ответ не приходил. Лишь золотистая земля мирно простиралась под восходящим солнцем. Наконец она со вздохом опустила руки, усталая, хотя день еще не начался, и отвернулась от солнца – ее ожидали повседневные заботы.

«Я до смерти измучена. Ну что ж, может быть, сегодня мне хотя бы удастся поспать». Она выполняла дневные обязанности, словно разукрашенная статуя. Благодаря долгим годам опыта на ее уста приходили нужные слова, тело совершало обусловленные ритуалом движения. А сейчас, хотя больше всего на свете ей хотелось броситься на кровать, она стояла и терпеливо ждала, пока прислужницы снимали с нее платье, смывали с кожи пот и дневной жар, застилали скамью, чтобы она могла сесть. И, когда царица села, Хуррами встала у нее за спиной, чтобы распустить ее туго заплетенные волосы, а Ирция, собирая снимаемые с нее украшения, раскладывала по местам в серебряную, разделенную перегородками шкатулку браслеты и кольца, ожерелья и подвески, ножные браслеты, шпильки с головками из драгоценных камней, скреплявшие ее платье.

Каждый вечер один и тот же ритуал. Ирция и Хуррами заботились о ней с тех самых пор, как стали женщинами; их вырастили и воспитали, чтобы служить ей. Так же и ее вырастили и воспитали, чтобы служить Савскому царству. И, хотя она очень хотела остаться одна, их долг и право заключались в служении ей. Отослав, она лишь ранила бы их. «А мне это не помогло бы. Вот если бы...»

– Что тревожит мою госпожу?

Хуррами взялась за искусно заплетенные косы, короной уложенные на голове царицы.

Билкис хотела солгать, но вдруг сказала другое:

– Почему ты думаешь, будто меня что-то тревожит?

– Ты словно бы... изменилась, – вот и все, что произнесла Хуррами.

Ее руки проворно порхали по волосам госпожи.

– Изменилась?

Хуррами отложила двенадцать украшенных алмазами заколок, извлеченных из кос царицы.

– Госпожа моя, вот уже двенадцать лет я служу тебе. Твои тайны – мои тайны. Как могу я не знать, что тебя мучают беспокойные сны? – Хуррами начала распускать туго заплетенные косы. Волосы падали тяжелой волной на плечи. – Твой разум ищет покоя и не находит.

«Ничего удивительного. Женщина ничего не может утаить от своих прислужниц».

– Любящие тебя беспокоятся, – добавила Ирция, – нам бы хотелось видеть тебя счастливой.

– Спасибо за доброту.

Билкис размышляла, как лучше поступить – промолчать или открыться. В конце концов она решилась на компромисс.

– Хуррами, ты права. Я тревожусь. Да, Ирция, мне тоже хочется видеть себя счастливой!

Ирция ответила на иронию госпожи покорной улыбкой и продолжила раскладывать дневные уборы по отделениям серебряной шкатулки. Хуррами взяла резной гребень из слоновой кости и принялась тщательно и неспешно расчесывать густые волосы Билкис.

– А что сделало бы тебя счастливой, госпожа моя? – тихо спросила Хуррами.

«Дочь», – подумала Билкис. Но произнести это вслух она не могла. Этого и не стоило говорить, ведь Хуррами все понимала. «Как и Ирция, и все остальные служанки, и придворные, и торговцы». Ее подданные очень беспокоились о будущем. Шпионы в своих донесениях сообщали, что народ все чаще задается вопросом о том, кто сменит Билкис на троне Савского царства. «Что сделало бы меня счастливой? Новая царица для Савы».

Позади молча стояла Хуррами, приглаживая расплетенные косы госпожи. Гребень из слоновой кости ровными движениями проходил сквозь черные как смоль волосы.

– Спасибо, что спрашиваешь, милая, – вздохнула Билкис, – но не в женской власти дать мне это.

– Значит, это во власти мужчины? Кто-то посмел пренебречь прекраснейшей в мире царицей? Хочешь ли ты, чтобы я покарала его, госпожа? – В голосе Хуррами звенели веселые колокольчики. – Хочешь, я притащу его к твоим ногам, закованного в золотые цепи?

Царица рассмеялась – она знала, что ее прислужница вполне на это способна. Хуррами шла по жизни смеясь.

– Очень великодушно, спасибо. Но и мужчина не способен дать мне это. Лишь во власти богов даровать мне покой.

Помолчав, Хуррами спросила:

– И боги его не даруют?

– Пока не даровали.

А ведь она весь прошлый год молилась и без конца жертвовала храмам – от воспоминаний зажглась было какая-то мысль, но вспыхнула и погасла слишком быстро, и царица не успела ее уловить...

– Для богов иначе идет время.

Ирция, степенная и рассудительная девушка, повторила эту банальность со всей подобающей серьезностью. Билкис знала, что за спиной у нее Хуррами улыбнулась этой торжественной набожности.

– У богов в запасе вечность. А у цариц – нет.

Царицы умирали и старели, оставаясь навсегда лишь в памяти своих дочерей.

– Тогда, возможно, моей госпоже стоило бы напомнить об этом богам, – сказала Хуррами, с силой вонзая гребень в переплетение прядей.

– Возможно.

И вдруг тлеющая зола той упущенной мысли вспыхнула ярким пламенем. Царица застыла, боясь погасить ослепительный свет своего озарения, не чувствуя даже, как гребень пробирается сквозь ее волосы.

«Да, попросить богов – снова. – На миг ее кровь похолодела и медленнее побежала по жилам. – Раньше они тебе никогда не отвечали, почему сейчас должно получиться иначе?» Эта тщательно хранимая тайна отравляла стыдом. Билкис делала все, что подобает царице, чтобы добиться милости богов. Набожно поклонялась лику Аллат. Но никогда не получала знаков, которыми боги проявляют себя перед теми, кто им служит. Иногда, стоя перед статуей матери Савского царства и слушая гнетущую тишину, Билкис задумывалась о том, существуют ли боги вообще.

«Нет. Сейчас не время сомневаться. Я пойду в Великий Храм. И попрошу у Аллат помощи. И она скажет мне, где найти следующую царицу Савскую. А если она не ответит...»

Внезапное ощущение уверенности, словно горячее вино, наполнило ее теплом. Если Аллат не ответит, это будет означать, что боги полагаются на нее, Билкис, и знают, что она поступит надлежащим образом. «Да». Ощущение, что все правильно и справедливо, согрело ее.

– Да, наверное, так мне и следует поступить. – Она улыбнулась и погладила Хуррами по тонкому запястью. – Прекрасный совет, милая. И я знаю, что на этот раз моя молитва не останется без ответа.

«А еще я должна поблагодарить за все, что уже было мне даровано». Возможно, боги и вправду существуют. Ведь кто, кроме самой Аллат, мог подсказать этот дерзкий план?

Множество храмов высилось в Марибе; жители Савского царства отличались набожностью, и эти храмы, словно драгоценные камни, украшали корону всеобщего счастья. А из всех самоцветов ярче всего сиял храм Аллат. Прекрасная обитель прекраснейшей из богинь. Дом Царицы Небесной стоял в самом сердце города. Двери внешних помещений храма были открыты для всех днем и ночью, и каждый мог войти, будь то мужчина или женщина, местный житель или чужестранец, ребенок или старик. Здесь тепло встречали всех, кто хотел поклониться Аллат, принести пожертвование или немного отдохнуть, наслаждаясь дарованным богиней покоем. Внешние помещения храма щедро делились ее милостями.

Но за гостеприимством внешних помещений, за улыбками жриц, прохладными фонтанами, роскошными яствами и напитками скрывалось совсем другое царство.

За кустами роз и нежно журчащими фонтанами, за стенами, покрытыми ярким узором из лилий и леопардов, за алтарями и статуями, что поставили здесь благодарные прихожане, за блеском и смехом – за всеми невинными наслаждениями, которыми наделяла любящая богиня, лежало Внутреннее Святилище храма.

Просто так попасть туда не мог никто. Большинство людей никогда не входили во Внутреннее Святилище, всю жизнь довольствуясь понятными и простыми радостями, которые богиня даровала всем.

Для Внутреннего Покоя не хватало одной лишь чистой преданности и безоглядной веры – он требовал мудрости, смелости и твердой решимости не поддаваться иллюзиям.

Но для особо ревностных или отчаявшихся тайное сердце храма открывало путь к их настоящим желаниям.

Билкис прошла этим тяжелым путем истины лишь дважды за всю жизнь. В первый раз – когда ей на голову возложили корону Рассветного царства и вручили жезл с наконечником в виде когтистой лапы. Девушка по имени Билкис тогда стала царицей Южных земель. В тот день она боялась собственной слабости и осмелилась пройти во Внутреннее Святилище, чтобы испытать себя.

Во второй раз она приходила туда в день смерти своей дочери, ища покоя и смирения, чтобы склониться перед хитросплетениями судьбы. Тогда ей это не удалось. Горечь и страх терзали Билкис, пока ее не

поглотила тьма. Еще неделю она не вставала с кровати, понемногу собирая осколки своей души. После того страшного дня она не осмеливалась входить даже во внешние покои храма.

«Но сегодня мне придется. – Билкис простерла руки перед собой. Они не дрожали. – Я спокойна». Она поднялась и медленно повернулась к прислужницам:

– Хороша ли я?

Она спросила не из любопытства – следовало, чтобы сегодня убор и наряд выглядели безупречно.

– Ты – сама богиня во плоти, – ответила Ирция.

– Еще нет, – произнесла Билкис и посмотрела на Хуррами.

Та внимательно изучала госпожу.

– Да, – Хуррами опустила на колени и провела рукой по складкам подола, – да, ты прекрасна, госпожа моя.

– Хорошо. Остается покрывало.

Ирция и Хуррами достали из позолоченной шкатулки переливающееся облако ткани, встряхнули его и накинули на голову Билкис. Сквозь сияние священного покрывала мир казался тенью. Покрывало богини было соткано из шелка, легкого и прозрачного, словно солнечный свет. Золотые нити ярко вспыхнули, когда оно легло на голову Билкис, ниспадая с диадемы и окутывая все тело до пят.

Служанки осторожно поправили покрывало. Приведя все в порядок, Хуррами кивнула:

– Ты готова, госпожа моя. – Немного поколебавшись, она тихо добавила: – Удачи, Билкис.

Вопреки увещаниям придворной распорядительницы, прислужниц и телохранителей, Билкис вышла на улицы Мариба одна. По столь важному поводу не подобало устраивать пышную царскую процессию. «Сейчас я лишь прихожанка, а не правительница. Я не уступлю соблазнам тщеславия и показной роскоши».

Кроме того, мудрость подсказывала ей, что образ закутанной в покрывало царицы, одиноко идущей к великому храму просить милости Аллат, сохранится в памяти горожан дольше, чем процессия, какой бы она ни была пышной.

Имелись и другие причины проявить столь скромную набожность и спокойную гордость. Ожидалось (хотя и не требовалось напрямую), что проситель, желающий попасть во Внутреннее Святилище, пройдет через главные ворота смиренно и кротко. Сегодня эта скромность станет не

только проявлением набожности, но и продуманным ходом. Весь город должен был увидеть, что царица отправилась искать истину у самой Аллат. Легкомысленным или бесцельным такое обращение к богине быть не могло...

«...А значит, любым словам, принесенным мной из храма, поверят». От мысли о том, что придется обмануть, у Билкис стало горько во рту. Но она не могла выйти от богини без ответа. *Не могла.* А если Царица Небесная не поднимет завесу над будущим Савского царства... Билкис снова мысленно повторила слова, символизировавшие ее надежду, словно бесплотные талисманы, защищавшие от сгущавшихся туч: «Если Аллат не откроет будущее, для меня это будет означать, что она полагается на меня и разрешает мне действовать».

Эта мысль казалась разумной и обоснованной. Она даже могла быть правдой. Если бы от этого еще становилось легче на душе...

Билкис попыталась отбросить все мысли. Не следовало приходить к Царице Небесной в смятении. Когда дворцовые ворота остались позади, укрощать непокорные мысли стало легче. Многолетняя привычка даровала ей способность отвлекаться, когда она устремляла все внимание на то, чтобы ступать величественно и грациозно.

Казалось, пути из дворца в храм не будет конца. И все же Билкис вышла на широкую, освещенную солнцем площадь у главного входа в храм. Там ее, как и всех просителей, приветствовала жрица:

– Добро пожаловать в дом нашей Матери, дитя. Что привело тебя сюда?

Последняя возможность передумать, отказаться от выбранного пути. Но Билкис уже произносила ритуальный ответ:

– Я пришла в поисках мудрости.

– Многие приходят в поисках мудрости, – сказала жрица. – Тебе больше ничего не нужно?

– Я пришла ради будущего.

– Будущее само найдет тебя. Это все, что тебе нужно?

– Я пришла ради себя.

Жрица поклонилась и отступила. Билкис прошла вперед, за порог первого сада удовольствий.

Великий Храм богини Аллат состоял из семи чертогов, по кругу опоясывавших центр. Внешний чертог – обитель отдыха и любви – состоял из окруженного стенами дворика. Розы наполняли воздух своим ароматом. Фруктовые деревья росли вдоль дорожек, причудливо змеившихся по саду

удовольствий. Идущие этим приятным путем в конце концов снова оказывались у входа, увидев из всех чудес храма лишь этот милый тенистый сад.

Многие в большем и не нуждались.

«Если бы только я могла этим довольствоваться». Но она выбрала другой путь и не собиралась сворачивать.

Она спокойно прошла по саду во второй открытый для всех двор и миновала его соблазны, по-прежнему не останавливаясь. Затем – третий двор, и вот уже остались позади все радости простых смертных. Молясь, чтобы смелость не покинула ее, Билкис посмотрела на первую преграду, отделявшую внешний храм от загадок, скрытых в его центре.

«Перед ней все равны». Сквозь золотистую пелену покрывала Билкис видела ворота и охранявшего их стража. Первые из семи ворот, которые следовало пройти по дороге к богине, были украшены позолотой и драгоценностями. Цельный слоновий бивень, покрытый резьбой, служил засовом.

– Что тебе нужно? – спросил жрец, охранявший ворота.

– Войти.

Все ответы она давно выучила наизусть. Когда-то она думала, что с того дня, как на голову ей возложили корону, произносить их вновь не придется.

– Входить следует кротко и смиренно. Готова ли ты оставить безрассудство и гордость у этого порога?

– Да, – ответила Билкис.

– Тогда отбрось их и входи.

Царица наклонилась и сняла позолоченные сандалии, которые затем вручила стражу. Тот с легким поклоном принял их. Он поставил сандалии на полку, где виднелась еще дюжина пар обуви. Потом страж отодвинул засов из слоновой кости и распахнул ворота.

– Входи кротко и смиренно, и пусть тебе откроется искомое.

Сердце колотилось. Она прошла в ворота. Здесь по-настоящему начинался ее путь. Отсюда повернуть назад она уже не могла. Богато разукрашенные створки захлопнулись, оставив ее лицом к лицу с тем, что они скрывали.

«Я прошла первые ворота. Конечно, это самое сложное». Первые ворота, первые из семи, которые предстояло миновать. Каждые следующие означали приближение к сердцу богини, каждые избавляли от одной из оболочек смертного мира.

Идущим во Внутренний Покой следовало оставить на каждом пороге

украшение или одежду. У первых ворот снимали обувь, чтобы проситель шел в главное святилище босиком.

У вторых ворот Билкис расстегнула пояс и вручила полоску из переплетенных золотых и серебряных нитей жрецу, молча ожидавшему у створок, выложенных гладкими нефритовыми пластинами.

Ожерелье у третьих ворот, браслеты у четвертых. Изысканные золотые сережки в виде лучистых солнечных дисков – у пятых. На шестом пороге она расстегнула платье. Тяжелый шелк скользнул по ее телу и с тихим шелестом опустился вниз. Она осторожно переступила через мягкую ткань и пошла дальше.

Теперь на ней осталось лишь покрывало богини, которое защищало ее до седьмых ворот. Там ей предстояло отказаться от этой последней иллюзии.

Ее окружала полная тишина. Сам воздух казался тяжелым и мягким, словно теплый мед. Теперь следовало очистить разум от страха и желаний, и Билкис чувствовала, что это не удастся. «В первый раз у меня получилось лучше. И во второй. Что со мной не так, почему сейчас не выходит?»

«Ты сама знаешь. Сейчас все слишком серьезно. Если у тебя не получится, Савское царство падет».

У седьмых ворот из гладко отполированного ладанного дерева в роговом обрамлении не было стражей, требовавших символов ее женственности. Здесь ей предстояло пройти одной.

Она воздела руки под покрывалом и сняла с головы украшенный драгоценными камнями обруч. Слово радуясь освобождению, покрывало опустилось в ладони, скользнуло по спине и легло у ног сияющей лужицей. Посмотрев на сброшенное покрывало, она разжала пальцы, и обруч упал на смятую ткань. Теперь от Внутреннего Святилища ее отделяли только ворота из дерева и рога.

Теперь она, такая же просительница, как и все остальные, могла предстать перед богиней. Положив руку на засов, она открыла седьмые ворота.

На нее хлынул свет. Она двинулась вперед, во Внутреннее Святилище богини. Там не было идолов и статуй, воплощавших златокожую Солнечную Царицу. Лишь внутренний двор. Круглые позолоченные стены и теплый янтарный пол под ногами. Резкий свет полуденного солнца лился во двор. Стены ярко сияли. В этом круге огненного света стояли только богиня и просительница, и все, что происходило дальше, оставалось между ними.

Золотой свет горел так ярко, что Билкис зажмурилась. Она не

опустилась на колени и не стала произносить свою просьбу. Солнечной Госпоже не требовались слова, чтобы понять, что лежало на сердце ее земной дочери. Билкис пришла слушать, а не говорить.

Невыносимо тяжело стоять и ждать. Превратиться в чашу, которую Аллат наполнит, если захочет. Здесь, в обители чистого и яркого света, ничто не могло спрятаться и скрыться в тени. Она стояла перед богиней обнаженная и не могла ничего утаить.

И от себя она не могла ничего утаить.

Это пугало ее даже больше, чем нагота под взглядом лучистых глаз Аллат. И, хотя она уже дважды стояла в этом круге золотого света, сегодня ее охватил особенно сильный страх, словно теперь она заглянула в вечность.

«Нельзя бояться. Нельзя отчаиваться и спешить. Следует ждать».

Ждать и очиститься от всех мыслей, страстей и желаний. Даже самые праведные устремления следовало превратить в терпеливую покорность.

«Жди. И доверься Аллат». Разве стоило приходить, сомневаясь в ответе богини? «Загляни в свою душу. И ты поймешь, где и почему ошиблась. Загляни в свою душу, Билкис».

Звучал ее собственный голос, напоминая, зачем она здесь. И Билкис покорно устремила свой взгляд внутрь. Ее разум искал ответа. «Ты знаешь, что следует сделать. Почему ты боишься?»

Потому что поражение стоило слишком дорого. И расплачиваться предстояло не ей, а всем, кто придет следом. «Если я проиграю, кара падет на Савское царство, а не на меня».

Вот что лежало холодной глыбой страха в самом ее сердце. Все – ее царство, ее земля, ее народ – жили спокойно и верили в ее силы. Верили в будущее.

«И лишь ты можешь даровать им это будущее, дитя мое. – Слова пришли из пустоты, вспыхнув белым пламенем перед ее ослепленными глазами. – Лишь ты».

– Что мне сделать? – прошептала она потоку слепящего света.

– Ты знаешь. Ищи, и ты обретешь. Другого пути нет.

«Ищи, и ты обретешь...»

Так пришел ответ, ясный, словно день, и такой простой, что она рассмеялась от удивления и облегчения. Если нельзя родить дочь, следует найти ее.

«Я должна отыскать настоящую царицу, которая будет править солнечными землями, землями пряностей, землями, которым благоволят

боги. – Слова отчетливо звенели в воздухе, открывая правду, которую она раньше не признавала. – Как могла я до сих пор не понимать, что нужно делать?»

Она всегда знала, что следует выбрать наследницу престола. Но это было нелегко и не предвещало мирного будущего. Ведь царица не могла взять на воспитание дочь из какой-нибудь знатной семьи. Это породило бы размолвки, вражду и привело бы к войне. Но сейчас Билкис наконец получила ответ и увидела выход из лабиринта семейных уз и паутины связей между подданными.

«Значит, Матерь дарует мне дочь, но найти ее я должна сама. И мне придется преодолеть для этого долгий путь». Искать следует не здесь. Нужно отправиться куда-то в далекие земли, а потом вернуться с новой царицей. «С девочкой, чье право на престол никто не сможет оспорить, ведь она будет моей истинной дочерью, которую изберет Матерь Аллат, Светлая Царица».

Теперь она опустилась на колени, касаясь губами горячего, словно кровь, пола, благодаря богиню за помощь и целительную уверенность, окутавшую ее, успокаивающую боль.

Корона спокойно перейдет к следующей царице. Так пообещала богиня. Осталось лишь узнать, где среди всех царств мира найти девочку, на которую укажет богиня...

«Даже если богиня – я».

Выйдя наконец из храма (возвращаться долгой ритуальной дорогой, которой она прошла в святилище, на этот раз не стоило; чтобы предстать перед богиней, требовались жертвы и соблюдение обычаев, а вот обратный путь был проще), Билкис, едва держась на ногах, бросилась в объятия своих самых верных прислужниц. Хуррами прикрыла ее наготу, Ирция протянула кубок. Билкис торопливо выпила вино. На языке остался привкус ладана и корицы.

И лишь тогда она заметила, что ее ждали не только служанки. Высокий, залитый золотым солнечным светом, там стоял сын ее сестры, царевич Рахбарин, ожидая, когда понадобится его помощь.

– Что же, говорила ли с тобой наша Матерь? – спросил он.

Этот вопрос заслуживал ответа. Но Билкис подождала, пока Ирция вновь наполнит кубок. Затем осушила его. На этот раз она содрогнулась, словно бы теплое вино обожгло ее горло холодом.

– Да, – произнесла наконец она, – да, Матерь со мной говорила.

На нее смотрели, ожидая продолжения, но она не могла произнести ни

слова. Теперь, когда она уже не заботилась о том, чтобы смело и грациозно ступить дорогой богини, на нее навалилась усталость, холодом сковывая кости.

– Не сейчас, – промолвила Билкис, закрывая глаза.

– Значит, позже.

Рахбарин подхватил ее на руки, и она вздохнула с облегчением, чувствуя, что вернулась в мир людей и прошла испытание богами и собственным страхом. Более того, она знала, что племянник защитит ее от любопытства назойливых сановников и благонамеренных сопровождающих. Ведь Рахбарин делал то, о чем она просила, а не то, что сам считал лучшим для нее.

Это означало, что просьбы следует тщательно обдумывать. «Но сейчас я просто хочу отдохнуть. Погрузиться в сон и видеть спокойные сны».

Той ночью она спала глубоко и без сновидений, а проснувшись, почувствовала, что отдохнула душой и телом. И, несмотря на все ее тайные сомнения в том, что Аллат действительно дарует царству счастливое будущее, в тот день, после посещения Внутреннего Святилища, ее отчаянные молитвы были наконец услышаны.

Ведь именно в тот день в Мариб к правительнице Южных земель прибыли послы от царя, о котором она никогда раньше не слышала. Послы из страны, лежавшей далеко на север от Савского царства, богатого золотом и благовониями. От Соломона Премудрого.

В тот день Билкис не должна была вершить царский суд, потому она решила отдохнуть. Одета лишь в тонкую льняную юбку, она тихо сидела в своем саду на скамье, вырезанной из красного камня, вдыхала ароматы сирени и роз, наслаждалась теплом солнца, ласкавшего ее распущенные волосы. Царице Билкис редко выпадали такие моменты отдыха, поэтому Хуррами, тихо ступая по садовой дорожке, протянула руку, извиняясь за вторжение.

– Госпожа, умоляю, прости, что нарушаю твой покой.

– Значит, у тебя на то веская причина, – вздохнула Билкис. – Говори.

– Дворцовый управляющий попросил меня сказать тебе, что в город прибыли царские послы и хотят, чтобы госпожа приняла их.

«Неужели эта новость не могла подождать?» Билкис овладела собой и спокойно взглянула на Хуррами:

– Послы? Наверное, они очень важные – или очень назойливые...

– ...если посмели мешать отдыху царицы, – закончила Хуррами,

раздраженно пожимая гладкими плечиками, – но мы ведь знаем управляющего. Он клянется, что дело срочное.

– Что ж...

Билкис печально улыбнулась. Шакариб прекрасно вел хозяйство, но он и вправду слишком уж добросовестно относился даже к делам, которые могли подождать.

– Расскажи мне об этих послах, которые так спешат.

– Я знаю мало. Они прибыли из далеких северных земель...

«Из далеких северных земель...» От этих слов что-то вскипело в крови у царицы и стало труднее дышать. Шаловливый ветерок ласково коснулся ее, и вдруг она поняла, что Пресветлая Богиня ответила на ее жаркую молитву. Эти люди из лежащей за раскаленными песками страны могли дать ей то, что она искала так долго.

– ...из таких далеких земель, что царство их находится за Великой пустыней. Но они прибыли не через пустыню. Они приплыли по Красному морю на торговом корабле.

Слушая Хуррами, Билкис боролась с желанием немедленно позвать чужестранцев к себе – такая спешка противоречила милосердию и мудрости. Билкис подняла руку, и Хуррами замолчала.

– Я не хочу знать, по суше они прибыли или по морю. Сейчас они здесь, этого достаточно. Говоришь, они из далекой страны? Значит, проделали долгий путь. Дайте этим чужестранцам все, чего они пожелают, а затем, когда они отдохнут, приведите их ко мне. Я расспрошу их и узнаю, чего они хотят.

Церемонно прощаясь, Хуррами отвесила поклон, и Билкис отвернулась. Обе они знали, зачем люди из северной страны проделали столь долгий путь и чего они хотят, ведь в Мариб часто прибывали странники из дальних краев. Савское царство, Земля Пряностей, притягивало со всего мира людей, стремящихся к его богатствам. Торговцы, которым хватало смелости преодолеть столь трудную дорогу, щедро платили за пряности и благовония, а возвращаясь домой, получали стократную выгоду.

Никто в мире не мог устоять перед пряностями Савского царства.

«Далекая северная страна... В этой далекой стране ждет будущая царица. Ищи – и обретешь...»

Хотя кровь ее кипела от нетерпения, Билкис не поддавалась спешке. «Эти люди проделали далекий и долгий путь, чтобы добраться до меня и попросить о сокровищах, которыми я владею. Никуда они не убегут, если им придется потерпеть несколько часов – или недель». Или даже месяцев,

если уж на то пошло. Да, те, кто приезжал торговаться за пряности и благовония Савского царства, терпеливо ждали, сколько хотела правительница.

И она, обуздывая едва преодолимое желание поспешить, заставила себя подождать еще день и лишь затем сказала Шакарибу, что посольство из северных земель может предстать перед ее троном из слоновой кости.

Вооз

– Странно это – чтобы царством правила женщина, – хмуро сказал Иофам, – и мне это не нравится.

– Ничто новое не нравится тебе, брат. Стоило ли вообще хлопотать о том, чтобы отправиться в путь?

Вооз осматривался. В роскошных комнатах, которые им выделили, вполне можно было поселить самого царя Соломона. «Люди здесь щедрые. Хотя, с другой стороны, они так богаты, что золото мало для них значит, а серебро и вовсе ничего не стоит».

– Я – брат царя. Служить ему – мой долг и мое право. Соломон попросил меня провести переговоры с жителями этих земель. Он забыл сказать, что мне придется иметь дело с женщиной. Как будто она – ровня царю царей.

– А я забыл, что ты никогда не слушаешь истории путешественников.

Вооз рассматривал серебряный кубок, вертя его в руках. Чеканка изображала горного козла, изготовившегося к прыжку. Рога его сверкали золотом. Во многих дворцах такую дорогую посуду приберегли бы для пиров.

– Кажется, здешние богатства нам и не снились. Посмотри.

Он бросил кубок Иофаму.

– Искусная работа, – только и сказал тот, легко поймав кубок одной рукой и мельком взглянув на него. Он поставил кубок обратно на стол. – Не понимаю, что тебя так удивляет. Если бы Савское царство не владело тем, чего все хотят, нас бы здесь не было.

Все хотели воспетых молвой местных пряностей. Корица, благовонный нард, перец и другие не менее ценные приправы и благовония проходили через Савское царство по дороге из стран, лежавших по ту сторону рассвета, на алчные рынки западных царств. Но больше всего ценился савский ладан. Фимиам, чтобы призывать богов и добиваться милости богинь. Даже суровому богу Израиля нравился ладан. А ладанное

дерево росло только в Савском царстве, и фимиам его – дороже золота и ценнее рубинов – развеивался по всему миру.

– Бесценный ладан и царица, хранящая местное сокровище... Как ты думаешь, она красивая? – спросил Вооз.

– Даже если на нее смотреть страшно, все равно все будут называть ее красавицей. Мне-то какое дело до нее? Меня дома ждет добрая жена.

– Я слышал, что эта царица – не человек, а джинн, и никто не может перед ней устоять. Она выбирает мужчин, как украшения. На один вечер. Думаешь, ты сможешь устоять перед ее чарами, если она поманит тебя?

– Хватит тебе лакать савское вино и слушать здешние сплетни. Мы здесь ради пряностей, а не ради царицы.

– Из всех, кого царь Соломон мог сюда отправить, он выбрал тебя – холодного перед лицом красоты, безразличного к тайнам, равнодушного к роскоши, – заметил Вооз, глядя на царевича Иофама с грустным изумлением.

– Мы не для того приехали, чтобы вожделеть красот, открывать тайны или зариться на чужую роскошь. Мы должны заключить торговый союз для царя Соломона.

Ступая по мягкому ковру, застилавшему прохладные мраморные плиты, Иофам подошел к круглому, как полная луна, окну и откинул занавеску из серебристой ткани.

– Иди сюда и смотри, Вооз. Пусть твои глаза насытятся Марибом сейчас. Ведь, когда мы предстанем перед царицей, нам понадобятся ясный взгляд и холодный ум.

Стоя за плечом двоюродного брата, Вооз смотрел на город, сверкавший ярче жемчужной россыпи. Иерусалим, Город Давида, венчал собой скалистый холм и нависал над равниной, словно воин, охранявший окрестные земли. А Мариб привольно раскинулся посреди изумрудно-зеленых полей, наглядно доказывавших умение местных жителей добывать воду из песков пустыни. Вокруг домов цвели сады, вдоль улиц тянулись аллеи.

– Наверное, здесь живут искусные волшебники, раз они смогли сделать пески плодородными, – сказал Вооз.

– Наверное, здесь живут искусные строители, раз они смогли построить плотину и повернуть реку, протекавшую в тысяче лиг отсюда, – расхохотавшись, ответил в тон ему Иофам. – Может, я и не слушаю рассказы странников про драгоценные камни и джиннов, а вот за донесениями наших разведчиков я слежу внимательно. Сходи к этой пронице – дворцовой распорядительнице – и спроси, долго ли еще послам

царя Соломона ждать, пока царица Савская соблаговолит допустить их к себе.

Билкис

Несмотря на богатство Савского царства, трон отличался простотой. Его вырезали так давно, что даже сама слоновая кость стала древней. Отполированный временем трон, с которого правила династия из тысячи цариц, когда-то был словно лунный свет, а теперь стал медово-золотистым. Сшитая из леопардовых шкур и шелка завеса перед тронем скрывала царицу от взглядов собравшихся придворных. По мановению руки Билкис евнухи-охранники, потянув за золотые цепи, отодвигали завесу, являя миру царицу Савскую, сидевшую на древнем троне, словно богиня.

Захватывающее зрелище должно было внушать трепет и заставлять чужестранцев склоняться перед местными торговцами. И у Билкис не было причин думать, что посланники царя Соломона окажутся более стойкими, чем кто-либо другой.

Один из евнухов прочистил горло, делая вид, что закашлялся. Посмотрев на него, Билкис поняла, что он привлекает ее внимание, ожидая знака отодвинуть завесу. Этот знак ей следовало подать уже давно. Но лихорадочное стремление, подгонявшее Билкис с того момента, как Хуррами рассказала о чужестранцах с севера, покинуло ее. Остывая, ее пыл сменился страхом.

«Ведь если я взгляну на этих людей, выслушаю их и все равно не найду ответа – что тогда?» Что если ответа и не существует? Возможно, она обманывает сама себя, отказываясь смотреть в безнадежное и неумолимое будущее? Что если... «Билкис, ты не можешь вечно откладывать. Подавай знак и начинай».

Она подняла руку, чувствуя, что ее тело еще никогда не было таким тяжелым. Но никто не заметил ее холодного отчаяния. Главный придворный евнух кивнул. Скрывавшие ее завесы разошлись, и она смогла наконец взглянуть на людей, прибывших через Красное море от царя, прозываемого Соломоном Премудрым.

Северяне не упали на колени и не поклонились. Они смотрели на нее, не опуская глаз, будто и не сидела перед ними царица, к которой пришли с просьбой, жрица, которую предстояло умилоствить. Билкис уже приходилось видеть таких. Их землями правили мужчины. Эти люди

просто не могли понять, что царица может служить своему народу и богам не хуже, чем цари, а иногда и лучше многих. Мужчины из мужских царств смотрели на женщин и видели только слабость.

«Да, я хорошо знаю подобных вам людей. Вы, мужланы с презрительными взглядами, думаете, что если я женщина, то слово мое не обладает силой закона». Не отводя глаз от мужчин, стоявших перед ее тронном, она плавным движением подняла руку – словно струйка песка перетекла через гребень дюны. Ухаят, придворная распорядительница, вышла вперед и встала на колени.

– Кто хотел видеть царицу Южных земель? – Отдавая дань вежливости чужестранцам, Билкис говорила на торговом наречии. Традиции следовало соблюдать, несмотря на неотесанность гостей.

– Меня зовут... – начал было главный из них.

Не обращая внимания на эти слова, придворная распорядительница заговорила, заглушая его своим звонким голосом:

– О царица Утра, свет наших дней, сейчас приблизятся те, кто ищет милости и мудрости Дочери Солнца.

Лицо Ухаят оставалось спокойным, как и ее голос, но взглядом она полоснула чужестранцев, словно клинком. Главный из послов побагровел – то ли от стыда за свою неотесанность, то ли от гнева за презрение, которое выказала Ухаят.

В тишине, воцарившейся после слов придворной распорядительницы, Билкис молча сидела, считая удары сердца. Наконец, когда люди за спиной главы посланцев начали нетерпеливо переминаться с ноги на ногу, она произнесла освященный долгой традицией ответ:

– Пусть приблизятся те, кто нуждается в милости и мудрости царицы.

Не ожидая, когда госпожа Ухаят подведет их ближе, посланники Соломона ринулись вперед. «Ни чувства такта, ни хороших манер». А их одежде, хоть и тщательно сшитой, не хватало изысканности.

Глава посольства остановился лишь у самого подножия трона. Надменно выпрямившись, он смотрел прямо в лицо Билкис. Она разглядела в его темных глазах проблеск любопытства и огонек плохо скрытого презрения. Что ж, здесь их, по крайней мере, научат хорошим манерам. «Если вам нужны мои пряности, придется покориться моей воле». Подумав так, она улыбнулась и увидела, как у главного сразу изменилось выражение лица. Любопытство сменилось настороженностью.

– Царица Южных земель приветствует вас, люди с севера. Садитесь – и можете говорить, – сказала она, указывая на три широкие ступеньки, ведущие к трону из слоновой кости, – поведайте, что лежит у вас на сердце.

Любезный жест. Знак оказываемой милости, которой нельзя пренебречь. Но, принимая эту милость, посол должен был неуклюже ютиться у ее ног, словно ребенок, играющий под взглядом кормилицы. «А теперь говори, человечиска. Расскажи, с чем прислал тебя твой царь, а мы посмеемся».

Однако, несмотря на все свое высокомерие, глупцом этот чужестранец не был. Сев у подножия трона, он не посмотрел ни на украшенные браслетами щиколотки царицы, ни на ее обтянутые шелком бедра, ни на жемчужный пояс, обхватывающий ее талию, ни на нити янтарного ожерелья, спадавшего ей на грудь, а снова уставился прямо ей в лицо.

– Я, Иофам, царевич Иудеи, благодарю тебя, о царица, за проявление твоей милости. Да будет это знамением удачного завершения нашего пути.

«Неплохо, Иофам, царевич Иудеи». Многие мужчины побывали на этом месте, и часто они не могли отвести глаз от тончайшей ткани, обвивавшей ее ноги, от тени, скрывавшей тайный сад меж ее бедер. Она снова улыбнулась.

– Действительно, да будет это знамением удачи и процветания. Поведай же нам, Иофам, царевич Иудеи, как называют твои земли, в какой стороне они лежат и кто повелевает ими – и тобой.

– К северу отсюда, за огромной пустыней, лежит моя страна, и течет она молоком и медом. Это объединенное царство Израиля и Иудеи. Обои правит сын царя Давида, Соломон Премудрый, который владеет землями от Дана до Вирсавии, а также многими другими.

Многими другими землями... Да, опираясь на завоевания своего отца, сейчас Соломон управлял самой настоящей империей – во всяком случае, так утверждал его посланник.

– От Великого моря до Великой пустыни, от Египта до Дамаска все путники платят пошлину царю Соломону Премудрому.

«Царь Соломон Премудрый – достойное прозвище. Вправду ли он мудр или это лишь человеческая лесть?» Кто знает... Ведь и ее до сих пор называют Билкис Прекрасной. «Достаточно ли он мудр, чтобы понять, что ему льстят, или и сам одурманен сладкими словами – вот по-настоящему важный вопрос».

– Это и вправду большое царство. Чего же царь Соломон Премудрый хочет от Билкис, царицы Савской?

– Ее благосклонности и дружбы, – ответил царевич Иофам, все так же глядя ей в лицо, – и ее пряностей.

Она не удержалась от смеха:

– Вот это ходатай! Некоторые произносили эти слова лишь через

месяц аудиенций!

На его лице промелькнуло смятение, потом он пожал плечами:

– Что же люди хотят получить в стране царицы Савской, как не ее пряности? Почему не сказать об этом прямо?

– И вправду, почему?

Видя ее веселость, придворные тоже заулыбались и тихо засмеялись над этой бесцеремонно высказанной правдой.

– И это все, чего царь Соломон Премудрый хочет от царицы Савской?

На этот раз он заколебался, но все же в конце концов ответил так же откровенно, как и раньше:

– Мой брат царь Соломон хочет союза с царицей Савской, чтобы торговля продолжалась, чтобы пряности беспрепятственно переправлялись по Пути Благовоний. Ему нужно, чтобы два царства заключили договор.

– И что же твой царственный брат может предложить такого, чего у нас еще нет? Что есть у Соломона Премудрого, в чем нуждалось бы Савское царство?

Произнося эти слова, она почувствовала возбуждение. Словно бы неуловимое ласковое прикосновение скользнуло по ее коже, нежное, как благовонный дымок.

– Не знаю, – ответил царевич Иофам, – но я привез от царя свитки и писца, который затвердил наизусть их содержание. Мой брат, несомненно, предвидел твой вопрос.

«Знает ли Соломон, как ведут себя люди, говоря от его имени? Как бы там ни было, эти неучтивые слова избавили нас от бесконечных церемоний, которые обычно предшествуют настоящим переговорам. А я в обмен на это сделаю вид, что не замечаю их неотесанности».

Ведь и сама она хотела кое-чего от них, хотя они об этом даже не знали.

– Встань, Иофам, царевич Иудеи, и знай, что ты гость царицы Савской. Сообщаю тебе, что поговорю с писцом царя Соломона, но знай также и то, что царица одна не может принять решение.

Когда посланник царя Соломона, явно озадаченный, неуклюже поднялся на ноги, Билкис воздела руку:

– Царица спросит нашу Матерь Аллат и поступит так, как повелит богиня.

И по ее кивку евнухи потянули за тяжелые золотые цепочки. Завеса из леопардовых шкур и вышитого шелка опустилась перед тронем, скрывая ее от посторонних глаз. «Достойное завершение», – подумала она, вставая, и ее ответ, ни к чему не обязывающий, никто не мог бы оспорить.

Скрытая от всех, кроме своих приближенных, она поманила к себе старшего евнуха Тамрина. Когда он подошел и низко поклонился, она улыбнулась:

– Тамрин, у меня есть поручение для тебя. Приведи царевича Иудеи в мой сад.

– Немедленно будет исполнено, солнце наших дней.

Но, несмотря на почтительные слова Тамрина и его низкий поклон, Билкис почувствовала, что он не одобряет это решение.

«Если бы боги даровали мне одно желание – после обретения наследницы, – я попросила бы слуг, прислужниц и евнухов, которые не нянчили меня с детства, еще до того, как у меня начала округляться грудь!»

Иногда их опека буквально душила ее, а их дотошная заботливость удовлетворяла даже самые безумные побуждения еще до того, как она их высказывала.

– О, нет необходимости приводить его немедленно, – ответила она, борясь с желанием напомнить Тамрину, что Савским царством правит она, а не он, хоть он и служил еще ее матери, – но я должна поговорить с ним. Я хочу узнать об этом царе Соломоне больше, чем мне могут рассказать на придворной аудиенции. И если ты что-то услышишь...

– Да, моя госпожа. Можешь положиться на меня.

– Я полагаюсь на тебя, – сказала она, ласково опуская руку на его склоненную голову, – и не сомневаюсь, что ты разузнаешь для меня, что за человек царь Соломон. Или, по крайней мере, каким считают его подданные.

Тамрин, польщенный таким доверием, склонился еще ниже, поднося к губам бахрому ее пояса:

– Свет наших очей, твое желание будет исполнено. Мои рабы по крупицам выпытают у этих неотесанных варваров все. И ты будешь знать царя Соломона лучше, чем его родная мать.

В некоторых делах спешка бесплодна. Что-что, а это она хорошо усвоила, готовясь ко дню, когда на голову ей должны были возложить солнечный диск короны. Билкис научилась терпеть, а потому ждала, храня спокойствие среди повседневных забот и человеческих желаний.

Ведь все смертные постоянно чего-то желали. Страсти управляли жизнями людей. Земля, золото, пряности. Власть и любовь. Сильные подчиняли страсти своей воле, умные ставили чужие стремления на службу собственным потребностям, мудрые приручали и обманывали свои желания, укрощая их.

Глупцы сражались с соблазнами жизни и в конце концов все теряли.

Так учили Билкис. Так и сама она управляла своей судьбой. Сейчас предстояло выяснить, что за человека прислал царь Соломон от своего имени. «Заодно я узнаю, каков сам царь Соломон – или каким он кажется своему верному слуге». Она улыбнулась и распустила веер из павлиньих перьев. На этой встрече она решила показать то, что мужчины других народов называли женственностью, продемонстрировать свое тело, словно дар. Роскошное платье с золотой каймой облегалo ее формы. Полупрозрачная ткань подчеркивала контуры груди и линии бедер. Оба запястья украшало по дюжине браслетов, звеневших при каждом движении рук. Накрашенные кармином губы горели ярким пламенем.

«Если этот северянин не мертвец и не евнух, он не устоит». А с мужчиной, одурманенным женскими чарами, легче договориться.

Она сразу заметила, что терпение у Иофама, царевича Иудеи, на исходе. Его губы сжались в тонкую линию. Он зашагал к ней скованно, как если бы какой-нибудь глиняный идол сошел с пьедестала. Билкис приветствовала его улыбкой и протянула руку ладонью вверх, чтобы окрашенная хной кожа засияла на солнце.

– Царица Савская рада тебе, посланник царя Соломона. Она хочет новой беседы с тобой. Нет, не опускайся на колени, ты можешь сесть рядом, – добавила она, быстро оценив его норы.

Конечно, царевич Иофам и не думал преклонять колени, и теперь, когда Билкис так беззаботно отказалась от ритуала, он спохватился, что должен проявить к ней почтение, а не хмуриться.

– Спасибо, царица, но я постою.

– Что ж, стой, – тихо рассмеялась Билкис, – но, боюсь, ты утомишься, ведь я хочу узнать о твоей стране и твоём царе все. Когда устанешь стоять, разрешаю тебе сесть, где сочтешь удобным, чтобы мы могли говорить, как добрые друзья.

Посланник царя Соломона смотрел на нее с опаской, словно видел перед собой дремлющую ядовитую змею. Царица снова улыбнулась. Столкнувшись с наделенной властью женщиной, этот человек действия растерялся.

– Поведай мне о царе Соломоне.

– Что ты хочешь узнать?

– Конечно же, то, что ты хочешь мне рассказать. Он великий царь, мудрый и могущественный, это понятно. Разве не всех царей описывают такими словами? – Она взяла веер из ярких павлиньих перьев и начала

медленно обмахиваться, овеивая свою кожу легчайшими дуновениями. – И ему нужны мои пряности. Это тоже можно сказать обо всех царях.

– Тогда что я могу сказать такого, чего ты не знаешь? – спросил Иофам. – Твои советники уже успели прочитать царские свитки. Разве тебе не объяснили, что там написано?

Билкис мягко опустила веер на колени. Иофам явно гордился своим умением говорить прямолинейно и ни во что не ставил женщин. Билкис подумала, что самое время воззвать к Матери и обуздать его.

– Я читала свитки, юноша, и знаю, о чем там речь. Позволь мне дать тебе совет, Иофам. Тебе следовало бы помнить, что ты здесь не ради себя, а ради своего царя. И ты проявил бы еще большую мудрость, если бы учитывал одну вещь.

– Какую? – спросил он.

Билкис знала, что он не выдержит воцарившегося молчания.

Она с удовольствием отметила, что его лицо вспыхнуло от досады и разгорающегося гнева. «Он ожидает, что сейчас я покажу ему свою власть, начну угрожать». Она улыбнулась и снова подняла веер.

– Что я не только царица. Я гожусь тебе в матери. Или, по крайней мере, в тетушки, – добавила она, и в словах ее звенел смех. – А теперь иди сюда, Иофам, царевич Иудей, садись рядом со мной на эту подушку и расскажи мне то, что я хочу знать.

«Это так просто». С лица Билкис не сходила улыбка, пока укрощенный брат царя Соломона устраивался на подушке у ее ног, словно сын или придворный певец. Умение заставлять людей слушаться, как и любое другое, мало было приобрести, его следовало постоянно совершенствовать на практике.

«Никогда не отдавай приказ, если знаешь, что его не выполнят, Билкис. Никогда не давай мужчине возможности ослушаться и проявить неуважение. И даруй то, чего он даже не успел попросить». Сквозь годы тихий голос матери делился с ней женской мудростью. «Да, мама, – ответила мысленно Билкис, – я помню. Смотри, как этот грубый надменный мужчина склоняется передо мной, сам не зная, что покоряется».

И, как она и ожидала, стоило царевичу Иофаму заговорить, он открыл намного больше, чем думал, и, конечно, намного больше, чем хотел, приходя сюда. Как и большинство мужчин, он становился красноречивым от восхищенного внимания женщины. А возможность восхвалять достоинства своего царя и величие своей родины вдохновляла на бесконечные славословия.

«Если бы я поверила хоть половине того, что он рассказывает о своем мудром царе, мне пришлось бы пасть ниц и поклониться Соломону!» По словам Иофама выходило, что в Соломоне больше от бога, чем от человека.

– Красота, щедрость, мудрость – твой царь просто образчик всех достоинств.

Улыбнувшись, Билкис взмахнула веером. Поток теплого воздуха хлынул на влажное от пота лицо Иофама, принося с собой ее аромат, дразнящую смесь амбры и ладана. Билкис увидела, что царевич, сам того не замечая, подался вперед, инстинктивно стремясь приблизиться.

– Соломон действительно великий царь. Почти столь же великий, как царь Давид, его отец. Знаешь ли ты, сколь высокое положение занимает наш царь, как почитают его другие правители во всем мире?

– Очень почитают? – невзначай, словно бы насмехаясь, спросила Билкис.

Иофам бросился на защиту своего правителя:

– Его так почитают, что все его жены – царские дочери, как и все его наложницы. Все женщины Соломона – царского происхождения, не ниже. Даже фараон прислал свою дочь в жены царю Соломону и преподнес город Гезер как приданое.

Иофам говорил страстно, словно воздыхатель, пытающийся поразить мать своей возлюбленной во время сватовства.

И Билкис вправду поразились, хоть и не выказала ничего, кроме веселого любопытства. Египетская династия никогда не выдавала своих дочерей за чужеземцев. Отослать дочь царства Дельты и Долины в другую страну, выдать ее за тамошнего правителя – подобного никто и вообразить не мог. До сих пор. Если Соломон смог получить такую жену, это говорило о его влиянии больше, чем часы безудержных восхвалений.

– И наш Бог благосклонен к царю Соломону, ведь все его жены рожают ему лишь сыновей.

«Несчастный!» Билкис опустила веер и пробежала рукой по перьям, словно бы разглаживая их.

– Лишь сыновей? Не повезло ему.

Царский посланник уставился на нее, явно сбитый с толку. Билкис тихо рассмеялась.

«Так значит, Иофам, ты забыл, что в Савском царстве женщины ценятся выше. Приятно чувствовать, что я все еще могу ошеломить чужестранца. Значит, я еще на что-то гожусь».

– Такой великий, наделенный всеми благами царь... С таким верным слугой и преданным братом. И такой умный. Ты ведь назвал его Соломоном

Премудрым?

– Так его называют с тех пор, как он занял трон. В первый же вечер своего правления Соломон попросил нашего Бога о мудрости, чтобы править справедливо и достойно. Господь был доволен Соломоном, ведь тот не молился о богатстве и силе для себя. И ему была дарована мудрость, которой он желал. С тех пор Соломон достойно правил.

«Как набожно. И какой хороший план – создать такую легенду. Она принесла прекрасные плоды! Возможно, этот Соломон действительно мудр».

– Теперь я кое-что знаю о царе, который желает пряностей моего царства. – Билкис снисходительно улыбнулась посланнику. – Это мудрый человек, рожденный под счастливой звездой. Наверное, тяжело отказать такому царю.

– Зачем отказывать? Дай Соломону то, чего он хочет, и взамен ты получишь его дружбу.

– Я не сказала, что откажусь, но за наши пряности Соломону придется заплатить большим, чем дружба. Разве этот обласканный богом царь не готов предложить ничего другого?

Прежде чем царевич Иофам успел подыскать ответ, Билкис рассмеялась, давая понять, что не придает особого значения последним словам.

– Нет, не отвечай. Для обсуждения торговых дел и соглашений не время и не место. Идем со мной, прогуляемся по саду. Я покажу тебе самые красивые наши цветы, а ты, царевич Иофам, скажешь мне, хороши ли они и какие цветы растут в царстве Соломона.

Но, когда солнце поднялось к полудню, Билкис передумала гулять по садовым дорожкам со своим гостем. Его явно ни капли не интересовали сады, а еще менее – долгие разговоры о цветах. В конце концов Билкис отпустила его, чтобы он поискал себе других развлечений. Оставшись одна, царица наклонилась, взяла в ладони маленькую ароматную розу и закрыла глаза, вдыхая сильный насыщенный запах.

«Что за люди – подданные царя Соломона?» Жесткие, грубые, опаленные солнцем. Мало заботящиеся о своей жизни и не обращающие ни малейшего внимания на свои тела. «Что за земля рождает таких людей? И какой царь правит столь суровыми подданными? Царь, обладающий всеми земными благами и мудростью всего мира. Неужели у него нет слабостей?»

Ни один человек не безупречен. Предстояло лишь найти этот порок и

превратить слабость в оружие. Оружие, отложенное на всякий случай, которое, может быть, никогда не придется пустить в ход. Но все-таки оружие.

Открыв глаза, Билкис посмотрела в кроваво-красное сердце цветка. Эти люди из суровых земель царя Соломона прибыли на следующий день после того, как она смиренно обратилась к Аллат. Могло ли это быть простым совпадением? «Люди с севера, послы царя Соломона Премудрого...» Эти слова звучали у нее в ушах неотступно и настойчиво.

«Во всем мире цари чествуют его. Может ли царица отказать?»

Может ли человек быть таким великим, таким мудрым? Возможно, – словно бы шепнули ей, – возможно, тебе следует самой отправиться к нему и посмотреть...» – прозвучало у нее в голове.

Приказ. Ответ. Обещание.

Билкис выпрямилась, поглаживая бархатные лепестки алой розы. Наконец-то появился путь, дорога к будущему Савского царства. Дорога вела на север.

На север, к царю Соломону.

Рахбарин

– Не нравятся мне эти люди с севера. Они... – Рахбарин замялся, подбирая слово, чтобы описать то, что его тревожило.

Он смотрел в глаза Аллат, надеясь отыскать просветление в этих украшенных драгоценными камнями впадинах.

– Они... грубые, – сказал наконец он. – Они проявляют недостаточно уважения. Мне не нравится, как они смотрят на сестру моей матери. Мне не нравится, как они смотрят на твое земное отражение. Может ли она доверять им и их правителю?

Алебастровое лицо осталось неподвижным. Лазурные глаза спокойно сияли в пламени светильников. В темно-синих глубинах поблескивали золотистые искорки, словно звезды в ночи. Рахбарин не знал, слушает ли она его и придает ли значение его словам. Идол был образом, оболочкой, в которую богиня могла вселяться, если хотела этого. Сегодня она предпочла не проявлять себя. Статуя осталась лишь зеркалом, перед которым люди могли размышлять о воплощаемой им богине.

Рахбарин бросил еще щепотку ладана в хрустальную чашу у ног идола, поклонился, затем отступил. Он понял, что сегодня ответа не получит. «Нужно спросить снова. Позже». Может быть, в следующий раз

Аллат отзовется. А может быть, нет. Если богиня и царица уже сплели сеть своих замыслов, никто из них ничего ему не откроет.

Эта мысль заставила его признать то, что он отрицал. Его тетя строила какие-то планы. «Планы, которых я не одобряю, и она это понимает». И если он угадал, то легче будет получить ответ от богини, чем от царицы.

Билкис

«Я должна отправиться на север». Слава богине, здесь все было ясно. А вот как проделать этот путь, что сказать своим советникам и подданным, – это богиня, очевидно, оставила на ее усмотрение.

Но, как все хорошие правители, Билкис не испытывала недостатка в хитроумии. Ответ пришел быстро – она скажет, что Матерь Аллат говорила с ней и потребовала покорности. Придется выполнить желания богини относительно северян и их царя, стремившегося торговать с Савским царством. «Все знают, что я приходила к Матери в ее Внутреннем Святилище. Теперь я могу просто объявить ее волю».

Она знала, чего хочет Аллат, и поняла желания богини в тот самый момент, как имя Соломона коснулось ее слуха. Оставалось только открыть план Светлой Госпожи народу Савского царства и собираться в путь, покоряясь божественной воле.

Она заставила людей царя Соломона подождать еще неделю, а затем снова призвала их к себе. Все эти дни она подолгу молилась перед общим алтарем в Великом Храме. Она не хотела, чтобы возникло хоть малейшее сомнение в том, что ее план – воля самой Аллат. А потому, когда завесы из леопардовых шкур снова раздвинулись и Билкис предстала перед послами Соломона, она улыбнулась и сказала, что тщательно обдумала их слова и предложение их царя.

– Я обратилась к нашей богине Аллат. Вы удачливы. Матерь благосклонна к вам и вашему царю. – Билкис заметила отвращение на лице Иофама. Она мысленно пожала плечами и продолжила: – Савское царство удовлетворит просьбу царя Соломона. И сама царица принесет ему известие о милости нашей Матери.

Придворные зашептались, поднялся негромкий шум. Билкис подняла руку, требуя тишины.

– Все вы знаете, что я вопрошала саму Аллат и осмелилась дойти до Внутреннего Святилища ради ее мудрости. Вы знаете, что всю последнюю

неделю я провела в посте и молитвах. Мне открылись ее желания, и я не буду их оспаривать.

Она окинула взглядом придворных, отмечая для себя, кто выглядит удивленным, кто хмурым, а кто довольным. Затем снова обратилась к послам царя Соломона:

– Вы многое поведали нам о вашем царе, о его мудрости и его золотом городе. А теперь я отправлюсь с вами на север, чтобы мы с вашим царем лично заключили договор.

Придворные молчали. Билкис слышала тихое настойчивое жужжание пчелы, бившейся в алебастровое окно и тщетно пытавшейся вырваться на волю.

Ловя момент, она улыбнулась царевичу Иофаму и продолжила, прежде чем успели заговорить ее советники:

– Выполняя повеление Аллат, я отправлюсь с вами, чтобы самой увидеть золотой город и испытать мудрость царя Соломона.

Билкис была слишком опытной правительницей, чтобы позволить присутствующим обдумать ее слова или усомниться в них. Кивок услужливым евнухам – и упала леопардовая завеса, скрывая Билкис от придворных. Она встала. За тронном ее ожидал племянник.

– Действительно ли такой ответ дала тебе Мать? Она повелела тебе отправиться на север с этими неотесанными варварами?

Хотя Рахбарин протянул ей руку, чтобы помочь спуститься по ступеням, ведущим к трону, он смотрел хмуро.

– Разве я этого не сказала?

Билкис подала руку Рахбарину, мысленно вздыхая. Она понимала, что с племянником ей придется нелегко. Он был всецело предан Савскому царству и царице, готовый защищать ее даже от нее самой, если придется. Если бы только царевич Рахбарин – сильный, верный, умный – родился девочкой!

И все-таки, хотя Билкис и сокрушалась над этим невыполнимым желанием, она в то же время знала, что Мать не ошиблась, создавая Рахбарина мужчиной. Ведь Рахбарин обладал в то же время кротостью и мягкостью. Он был славным, словно источник в пустыне, и чистым, словно ключевая вода. Ему не хватало хитроумия и ловкости. А без хитроумия и ловкости правитель не мог обходиться, не мог царствовать мудро и правильно. Рахбарин обладал всеми добродетелями хорошего мужчины, и именно эти добродетели принесли бы страшный вред правителю.

«Ведь царица должна уметь произносить и правду, и ложь так, чтобы

никто не мог различить их». Чтобы править – пестовать свою страну и народ, – царица должна скрывать свою истинную природу, свою душу. Лишь одно должно ее заботить: процветание ее подданных.

Не ее желания, не ее счастье или благополучие. А их.

Она замешкалась с Рахбариним, а тем временем подошли остальные. Перед ней стояли распорядительница придворных церемоний, царский управляющий, главный советник и старший евнух, наперебой задавая вопросы и думая о том, в здравом ли уме царица Южных земель. Лишь Никаулис, командир царской стражи, хранила молчание.

– Госпожа, твой советник ничего не знал об этом путешествии. – Тон Мубалилата ясно давал понять, что он и не хотел бы ничего знать. – Это невозможно, абсолютно невозможно...

Старший евнух перебил его, в свою очередь высказывая недовольство:

– Конечно, царица Утра может поступать как ей захочется, но столь дерзостное начинание...

– ...слишком опасно, – закончила Ухаят. Придворная распорядительница всегда ставила осмотрительность превыше всего. – Мы ничего не знаем об этом царе и его стране, а его послы – вечно хмурые варвары.

Билкис воздела руку, и ее приближенные смолкли.

– А командиру стражи, моей амазонке, есть что сказать?

Никаулис посмотрела на царицу взглядом твердым, словно клинок.

– Я лишь могу повторить слова других. Это путешествие – безумие. Но я – командир стражи. Я выполню любой приказ царицы.

«Вот что получаешь, приучив придворных свободно высказываться, не боясь кары за пришедшиеся не по сердцу слова!» Билкис тихо рассмеялась этой мысли, глядя на придворных, удивленных ее веселостью.

– Царица услышала вас и благодарит за заботу о безопасности ее и царства. Но я выполняю волю и слово Аллат. Я привезу царю Соломону золото и пряности из нашей страны. И я вернусь от него с новой царицей, которая примет огненную корону после меня.

На миг они замолчали, уставившись на нее. Потом Мубалилат спросил:

– Это то, что тебе открыла Царица Небесная?

В его голосе благоговение странным образом смешивалось с недоверием.

– Да, – ответила Билкис, – это то, что она открыла мне. На смену мне явится наследница – царица, дарованная самой Аллат.

– Из израильского царства? – Старший евнух Тамрин так тряхнул

головой, что из тщательно завитых волос выпала украшенная драгоценным камнем шпилька. – Но каким образом?

Ее самые верные приближенные смотрели на нее, ожидая ответа. Сейчас следовало говорить лишь правду, меньшего они не заслуживали.

– Я не знаю. – Билкис протянула руки, словно умоляя. – Знаю только, что я припала к Матери с молитвой, и таков был ее ответ. Прошу вас верить ей, как верю я. А теперь ваша госпожа разрешает вам удалиться.

Кланяясь, они повиновались, медленно и неохотно. Ухаят и Тамрин ушли вместе, и Билкис сразу поняла, что они замышляют интригу, чтобы удержать ее дома. Несомненно, ее главные сановники и первые люди при дворе долго еще будут ворчать, не в силах осознать новость об этом неслыханном путешествии. Никаулис осталась. Пронзительный взгляд ее серых, словно металл клинка, глаз таил вопрос.

– Могу ли я обратиться к тебе, о царица?

– Говори, командир царской стражи.

– Не может ли кто-то другой отправиться на север вместо тебя?

– Нет, – покачала головой Билкис, – ехать должна я. Кто еще сможет выбрать новую царицу?

На миг Никаулис задумалась, словно собираясь сказать что-то еще, но потом молча склонила голову, принимая окончательный ответ царицы. Затем амазонка тоже удалилась, оставив Билкис наедине с Рахбаринном.

– Ты тоже можешь идти.

Но Билкис не удивилась, когда он пристально посмотрел на нее и сказал:

– С твоего разрешения, я хочу поговорить с тобой, сестра моей матери.

Она мысленно вздохнула. Ей не хотелось бороться с Рахбаринном и его принципами прямо сейчас. «Хотя... Сейчас или потом – все равно». Смирившись с неизбежным, она позволила ему проводить себя в царские покои. Придя в свою комнату, она села. Ирция начала вынимать заколки из ее туго заплетенных волос.

Рахбарин молча ждал. Зная, что он готов молчать хоть до ночи, если потребуется, Билкис вздохнула и сказала:

– Говори, племянник.

– Отошли свою прислужницу, – сказал он, взглянув на Ирцию.

– Нет. Никто из нас тут не откроет никаких тайн.

А еще не мешало оставить свидетельницу, и кто подходил для этого лучше, чем самая приближенная царская служанка?

Получив разрешение говорить, Рахбарин, поколебавшись, начал:

– Я знаю, что ты беседовала с самой богиней, но... Но покинуть

царство и отправиться на север, в страну, которой никто из нас никогда не видел... Мудро ли это, о лучезарная?

– Может быть, это и не очень мудро, но необходимо.

Она смотрела на свое отражение в серебряном зеркале. В глазах мужчин ее лицо все еще обладало ценностью.

– Богиня пообещала мне дочь с севера. Не могу же я ждать, пока ее перенесет через пустыню ураганом и бросит в мои объятия!

Во взгляде Рахбарина светилась непоколебимая упрямая преданность. Она делала его прекрасным подданным, но превратила бы в очень плохого правителя.

– Путь слишком далек и опасен. Лучше отправь на север меня.

– И что, ты родишь мне ребенка?

– Ты тоже не родишь. Ты слишком стара для этого. Не знаю, как толковать ответ богини, но она не могла иметь в виду, что ты сама родишь дочь! Ты умрешь в родах.

Никто не смог бы обвинить Рахбарина в дешевой лести. Он всегда говорил правду, чего бы это ни стоило.

– Кому под силу истолковать ее волю? Она пообещала мне дочь. И дочь от моей плоти и крови – предел мечтаний. Если я умру, рожая наследницу для Савского царства, – что ж, так тому и быть. Я знаю, что ты воспитаешь из моей дочери великую правительницу. У нее не будет лучшего советчика и более верного друга.

– Я не хочу этого, – ответил Рахбарин.

– Не обязательно хотеть, сын моей сестры, достаточно повиноваться. Мать ясно изъявила свою волю: я должна отправиться в путь. А ты должен остаться и хранить царство до моего возвращения.

– А если ты не вернешься, сестра моей матери? Что тогда?

Рахбарин всегда находил слабые места и тщательно прицеливался.

– Тогда, племянник, ты должен сам обратиться к Аллат и поступить, как она прикажет и как ты сам сочтешь нужным.

Зная, что ей нечего добавить, Билкис отпустила племянника и собралась с духом для разговора со своей прислужницей. Ирция, конечно, относилась к этому плану столь же недоверчиво, как Рахбарин.

– Ты слышала, что я сказала царевичу. Можешь начинать складывать вещи, милая. Мы отплываем на север вместе с израильскими торговцами.

Ирция смотрела на нее, округлив глаза.

– Царица говорит серьезно?

– Ирция, разве похоже, что я шучу? Не забывай, со мной говорила Аллат, и я должна повиноваться, даже если придется проделать очень

долгий путь, чтобы послужить ей.

– Ехать ко двору царя Соломона? На край света? До Шелкового пути купцы добираются месяцами, а Иерусалим еще дальше!

Билкис рассмеялась, переводя в шутку возражения служанки:

– Нет, Иерусалим не так далеко. Изучи наши карты внимательнее, Ирция. Дамаск находится дальше, чем Иерусалим, но наши купцы часто ездят в Город Роз. Шелковый путь, как и Путь Благовоний, пересекает множество земель, в том числе царство Соломона. Успокойся, я не намерена полгода провести в дороге.

Ведь рядом с пустыней лежало море, и воды его прямым путем вели на север. Дорога по морю занимала несколько недель, а не месяцев. Билкис улыбнулась и потрепала служанку по руке.

– Я отправлюсь на север к царю Соломону, потому что так велела мне Мать. Следует верить, что она поможет нам в пути.

– Да, конечно, – согласилась Ирция.

Однако царица почувствовала, что служанка ответила неискренне, хоть и набожно. С другой стороны, Ирция, несмотря на необычную внешность, была истинной дочерью своего рода, осторожной и недоверчивой, словно кошечка. Ее мир ограничивали золотистые пески, раскинувшиеся вокруг Мариба; ее стремления сводились к дому и храму. Пока Ирция шла путем, предназначенным специально для ее осторожных шагов, нельзя было и мечтать о лучшей служанке. Но малейшая перемена, даже новый оттенок цветов в вазе, тревожила ее, а тревога делала Ирцию упрямой, заставляя цепляться за знакомые ритуалы.

«Она очень не хочет отправляться в неведомую страну, но она – одна из моих приближенных. Я не могу оставить ее здесь, ведь этого она захочет еще меньше. Ни одно из этих решений Ирции не понравилось бы».

Но Билкис предстояло вернуться из страны царя Соломона с наследницей, а потому ничьи возражения не имели значения.

Рахбарин

Выйдя из царских покоев, царевич Рахбарин отправился прямо в Великий Храм, ища успокоения и повелений. Легко его тете говорить «Оставайся и храни царство...» Разве он достаточно опытен или ловок для этого? Разве может по мановению руки творить чудеса? Разве способен заменить царицу Утра по одному ее слову?

Иногда ему казалось, что его тетя слишком полагается на чужие

способности. Сама она, бесстрашная и мудрая, верила, что и другие таковы. И спокойно давала ему указания!

«Действуй, как велит богиня». Легко сказать. А вот дальше...

«Как мне узнать, что делать?» Уже в который раз он подумал, что не стоило бы его тете так на него полагаться. Он знал, что однажды неминуемо разочарует ее, и это принесет ей боль. Но, если его госпожа хочет, чтобы он позаботился о царстве во время ее отсутствия, он выполнит ее волю.

И он постарается не сомневаться в цели ее пути, хотя с трудом верилось, что эта поездка – желание богини, а не женщины. Но, если царица неправильно поняла богиню, разве остается надежда для нее и для царства?

«По воле богини она отправляется или нет, я буду молиться, чтобы отыскалась новая царица. Ведь если это не удастся...» Без признанной всеми наследницы страна падет жертвой той же чумы, что опустошила множество окрестных земель, – войны, поднявшей семью против семьи, брата против сестры. И в таких битвах победителей не бывает.

Чтобы избежать этой страшной судьбы, царица будет сражаться, сколько потребуется. И, если он больше ничем не может ей помочь, он хотя бы выполнит ее приказы, как сумеет.

Стоя перед статуей, Рахбарин открыл богине свое сердце и попросил о том, чтобы она помогла ему хорошо править, пока не будет Билкис, и чтобы царица получила то, о чем молилась.

И, помимо этого, Рахбарин просил о мире и о благополучном возвращении тети.

Посланники с севера, суровые и холодные, хмуро толклись на улицах Мариба. Рахбарин не мог представить, чтобы они улыбались, смеялись, наслаждались маленькими радостями жизни. И, конечно, земля, населенная такими людьми, не могла тепло и радушно принять царицу Савскую.

«Даруй ей благополучное возвращение, – просил Рахбарин у немого изображения Аллат, – пусть она вернется невредимой, с наследницей или без нее».

Годавия

– Еще один сундук? Поставь его на корму, к другим. Нет, не туда, дурак! Хочешь, чтобы корабль перевернулся?

Ругаясь на десятке языков, Годавия, флотоводец торговых кораблей

царя Соломона, схватил растерянного носильщика за тунику и толкнул направо.

«Мне это не нравится. Совсем не нравится». Мореплавание само по себе полно невзгод и опасностей. Не хватало еще чужеземной царицы, и ее нарядов, и рабов, и служанок, и бесконечных сундуков с сокровищами. Но его никто не спросил. Само собой разумелось, что он найдет место для этой женщины и всех ее пожитков. И никого не заботило, что фарсийские корабли предназначались для того, чтобы неспешно доставлять громоздкие грузы, а не для того, чтобы вихрем переправлять через море царственных особ. Царица Савская приказала – и даже чужеземным капитанам приходилось повиноваться. Годавия прочистил горло, сплюнул и продолжил наблюдать за погрузкой.

«Сундуки с золотом, клетки с большими обезьянами, свертки тончайших тканей, кувшины с пряностями... Если попадемся на глаза пиратам, нас перережут, как цыплят. Да еще и женщины...»

И какие женщины! Разрисованы, как блудницы, а ступают по-мужски гордо. Он побывал во многих городах, от Тира до Трезена, от Кносса до Массалии, но нигде не видывал женщин, подобных тем, которые ходили по Савской земле.

– Эй, там, погрузите эти тюки материй на другое судно! На это больше ничего не тащите!

Недоумки, годные лишь на корм акулам.

Годавия посмотрел на главное судно – «Иаиль». Там, на палубе, рабы возводили шатер для царицы и ее прислужниц.

Можно подумать, если она царица, море явит ей особую милость! Скорее наоборот. Вода, и без того своевольная и властная, из ревности могла обойтись с царицей еще более жестоко, чем с обычной женщиной. Предстояло рискованное путешествие, с женщинами на борту, по морю, всегда готовому бросить вызов.

Однако, хотя он и возглавлял флотилию, с его мнением не посчитались, и оно не могло перевесить царские капризы. А по сути-то, к чему это все сводилось? Царю Соломону доставляли очередную женщину, только и всего. Все равно что *тащить медовые соты в улей*.

И вот прибыла в гавань сама царица, на лошади. Женщина верхом – видано ли такое? А рядом с ней ехала воительница, амазонка. «Много лет я их не встречал. Плавание ей не понравится, ее народ не любит воду». За ними тянулась ватага женщин – в облаках ярких нарядов из таких тонких тканей, что они казались обнаженными, когда порывы морского ветра прижимали платья к телам. Виднелись в толпе и мужчины – евнухи,

стражники, конюхи, – но больше было женщин. Слишком много женщин.

У мостков царица Савская спешила, передав поводья ближайшему из моряков. Тот так удивился, что принял их. Она поднялась на палубу «Иаили» в сопровождении поджарого охотничьего пса.

– Царица Савская приветствует тебя, флотоводец, и благодарит за твое гостеприимство и заботу.

Она погладила длинные, покрытые шелковистой шерстью уши собаки.

– Плавание пройдет хорошо.

– В добрый час, – торопливо добавил Годавия: не следовало давать морю повод усомниться в человеческом почтении, – и да поможет нам Яхве.

Моряки жили и погибали по воле моря. Годавия придерживался старого обычая называть своего Бога по имени, чтобы было ясно, к кому он обращается.

– На все воля богов.

Когда царица улыбалась, в уголках ее глаз разбегались морщинки. При ярком свете солнца видно было, что она немолода.

Но это не имело значения. Царица Савская, будь она молода или нет, своей улыбкой разогревала кровь в жилах мужчин. Годавия надеялся, что кровь самой царицы не так горяча, иначе плавание по Красному морю обернется нескончаемыми бедами.

– Почти все уже на борту, – сказал Годавия, – шатер для тебя и твоих женщин вот-вот будет готов.

– Мы – я и мои женщины – благодарим тебя. Осталось лишь подняться моим слугам, и придворным, и лошадям – и можно отправляться, как только позволят ветер и волны.

Годавия кивнул, но сердце его упало. «Очи Астарты! Я совсем забыл об этих проклятых лошадях!»

– Не унывай, флотоводец, – казалось, в глазах царицы пляшут отблески смеха, словно солнечные лучи на воде, – все будет хорошо, и плавание пройдет удачно. Неужели ты можешь усомниться в том, что боги ему благоприятствуют?

– Я могу усомниться в чем угодно, – ответил Годавия и спустился с корабля.

Ему предстояло поговорить со старшим по грузам и начать размещать царских лошадей на подготовленном для них корабле.

«Кони, собаки и блудницы... Когда я буду рассказывать об этом за кубком, никто не поверит». Он желал лишь одного: чтобы, когда фарсийский флот наконец войдет в гавань Ецион-Гевера, градоначальнику

пришлось не так тяжело и накладно, как ему.

И чтобы для царя Соломона визит царицы Савской оказался достойным всех этих усилий.

Никаулис

«Столько воды». До сих пор Никаулис не приходилось видеть водоема большего, чем Зеркало Богини – озеро у подножия Сияющих гор, дитя горных потоков, прозрачное и холодное, словно лед. На тех берегах прошла юность Никаулис, там она играла в охоту и походы.

Но Зеркало было маленьким. Даже ребенок, подойдя к нему, мог разглядеть противоположный берег по ту сторону водной глади. Море – другое дело.

Корабль плыл по волнам, изменчивым и беспокойным, словно облака. Вдоль борта, пританцовывая, бежали волны, вспыхивая на солнце ярко, словно оперение феникса. На востоке Никаулис иногда различала сушу, но к западу раскинулось лишь море, мерцая и переливаясь до самого горизонта. Она знала, что по ту сторону есть земля – Хуш и Египет, но сейчас при взгляде на эти широкие беспокойные водные просторы в это с трудом верилось.

– Интересно, о чем ты думаешь?

Хуррами чуть не застала ее врасплох – бесконечный плеск волн о деревянный борт, поскрипывание дерева и шелест парусов заглушали другие, более тихие звуки. Никаулис быстро обернулась, коснувшись рукоятки своего кинжала.

– Спокойно, Никаулис, это всего лишь я.

Никаулис тихо вздохнула.

– Я не слышала, как ты подошла, вот и все.

«Я слишком напряжена. Нужно успокоиться, иначе разорвусь, как пересохшая тетива».

Хуррами, улыбаясь, подошла ближе и взялась за поручень.

– Как тебе море? Столько воды – это ведь чудо, правда? А еще эта соль! Я сделала целый глоток этой воды – она и впрямь такая соленая, что отравиться можно. Интересно, как в ней рыбы живут?

– Они привыкли, как же еще?

– Наверное, им даже нравится. – Хуррами уставилась в прозрачную воду внизу. – Столько рыб, и такие красивые. Если поймать несколько для дворцовых прудов, как ты думаешь, царице понравится?

– Они там погибнут.

Никаулис проводила взглядом стайку рыб, голубых, красных и желтых. Повинуясь лишь им понятному сигналу, рыбы метнулись к носу корабля, затем к корме, проскользнув под палубой. Вперед и назад, вправо и влево, словно в танце...

– Может быть.

Хуррами подалась вперед. Из ее прически выскользнула бусинка и упала в море. Мигом дюжина рыбок отделилась от стаи и бросилась к уходящему в глубину шарик. Вода забурлила, а потом рыбы вернулись в стаю.

– Как ты думаешь, они ее съели? – спросила Хуррами.

– Возможно.

Никаулис исподволь наблюдала за царской прислужницей, а та уже вынимала из своей искусно заплетенной косы следующую бусинку, явно желая выбросить еще один яркий шарик ради того, чтобы подразнить наивных рыбок. Хуррами вытащила его и кинула за борт. Снова к нему кинулась стайка рыб, попробовала угощение и, поняв, что оно несъедобно, вернулась к собратьям.

– Никаулис, что ты думаешь о путешествии царицы? – спросила Хуррами тихим ровным голосом.

«Проверка?» Все знали, что Хуррами – глаза и уши царицы. «Поэтому она сама должна понимать, что даже ее праздные вопросы имеют большой вес». Будь то проверка или нет, но учтивость требовала ответа.

– Думать – не мое дело. Мое дело...

– ...охранять и повиноваться. Да. – Хуррами пропустила меж пальцев концы своих длинных кос, переплетенных бусами, удерживающими и украшающими буйную гриву. – И все, телохранительница?

Царская прислужница смотрела искоса, и что-то в ее тоне – легкий, едва ощутимый оттенок иронии – резануло слух. Будто кожу царапнуло кристаллами соли.

– А что еще? Царица Утра приказала отправиться в далекую страну, чтобы она могла встретиться с премудрым царем. Мы отправились.

– Мать приказала, – как бы невзначай, но колко поправила Хуррами.

– А ты, царская девица? – парировала Никаулис. – Что ты сама думаешь об этом путешествии?

– Я? – Накрашенные веки Хуррами быстро опустились, словно сверкающие зеленые крылья, пряча ее светлые кошачьи глаза. – Да ничего. Лишь то, что плавание долгое, море широкое, а люди с севера грубые и странные. Что за царь может править такими? Его слуги неучтивы, шагу

ступить не умеют. А их царь? Лучше ли он?

– Даже если нет, сама Аллат повелела нашей царице найти его.

– Да.

– Чтобы попросить его о помощи? – Никаулис чувствовала, что за этим вопросом кроется другой, выдающий страхи, от которых плохо спалось. Хватит ходить вокруг да около. Удивительно, как так получатся, что величайший страх – говорить прямо? – Милая Хуррами, как ты думаешь, разумно ли было отправляться в это путешествие?

Она поставила под сомнение приказ царицы и повеление богини. «У меня и впрямь беспокойно на сердце. Впереди опасность. Неужели я одна чувствую, что в конце этого пути лежит зло?»

Казалось, стоявшая неподвижно Хуррами была поглощена танцем волн. Наконец она сказала:

– Ты считаешь безумием, что наша царица выполняет волю Аллат и добивается расположения мудрого царя?

– А когда мы доберемся до страны этого мудрого царя? Тогда что?

Не поднимая головы, Хуррами пожала плечами. Солнце играло на ее мягкой коже, будто на волнах моря.

– Тогда царица сделает то, что следует. И мы тоже. – Она искоса посмотрела на Никаулис. – Думаешь, я знаю, что на уме у богини или у царицы?

– Думаю, знаешь. А еще думаю, что не скажешь.

– Может быть. А может быть, и нет. Скажи мне, амазонка, веришь ли ты царице?

– Так же, как я верю богине.

– А я верю богине, как царице. Вот так. – Хуррами коснулась окрашенными хной кончиками пальцев гладкого поручня. – Не знаю, что ожидает нас при дворе царя Соломона, зато знаю, кому мы там понадобится. Мы должны ревностно служить нашей царице – вот все, чего она просит.

– Это все, что я могу. – «Все, что у меня есть».

– И не забывай про свой меч. – В словах служанки снова звенел смех.

– Не забуду, – ответила Никаулис. Внизу яркими вспышками в кристально-чистой воде проносились стаи рыб, скрываясь от опасности в тени корабля. – Не забуду.

Пока Билкис не ступила на деревянную палубу корабля и не бросила взгляд на гладкую, словно стекло, поверхность моря, она, оставаясь царицей, отказывалась слушать свою томящуюся душу. Всегда, всегда с десятилетнего возраста она покорялась долгу. Перед родом, страной, храмом. И никогда она не сходила с этого узкого пути, никогда не колебалась, делая выбор.

«Я всегда выполняла долг». Эта преданность далась ей нелегко. Она была младшей из сестер-царевен, поздней дочкой, рожденной по настоящей любви от мужчины, которого ее мать взяла к себе ради наслаждений, а не ради зачатия наследницы. Когда Билкис родилась на свет, старшие сестры уже были взрослыми женщинами.

Любимая дочь, дитя, которое холили и лелеяли. Дочь, которую мать могла считать всецело своей. Дочь, которая могла сама выбирать себе судьбу. Старшую дочь ожидал трон, среднюю – храм, а младшую – свобода.

Мать вполне могла себе это позволить, выполнив долг перед страной и небесами. Обе сестры уже выбрали себе спутников и родили для Савского царства детей. Более того, старшая дочь подарила семейству двух девочек. Теперь древний царский род точно не мог прерваться, и мать Билкис отдалась чистой радости, предоставляя ей столько свободы, сколько было возможно для савских детей. Сестер сковывали цепи, невидимые узы чести и традиций...

«Но ты, любимая моя Билкис, ты сможешь летать, словно вольный ветер, туда, где высоко вздымаются морские волны. Царица Небесная обещала тебе счастливую жизнь, наполненную вечным светом, сияющим, как сама Утренняя Звезда».

Но слова матери не сбылись. Над Савским царством пронеслась чума, немая крылатая смерть. И, когда она улетела, сестры и племянницы навсегда перестали дышать, и единственной наследницей древнего царского рода осталась десятилетняя девочка. За одну ночь смерть близких принесла Билкис непрощеную корону.

«Теперь ты – моя наследница, – слова матери шумели в ушах, словно ветер, оставаясь неясными, – тебе придется усвоить новые привычки и оставить старые. А мне... Мне придется...» Но Билкис поняла, что жизнь изменилась навсегда. Не может резвиться с вольным ветром та, кому не дает оторваться от земли корона.

С того момента Билкис больше не принадлежала себе. За ней тенью следовал долг, и она покорилась. Так поступила и мать. Царица с единственной наследницей ставила будущее страны под угрозу. Поэтому, несмотря на возраст, мать Билкис бросила все силы на то, чтобы родить

еще одну дочь. Это была тяжелая задача, которая стоила ей жизни.

Но ей удалось подарить Билкис сестру – Саджахиру. Билкис растила ее, окружив любовью и заботой, пока та не стала женщиной. А потом она умерла, также пытаясь родить для Савского царства девочку.

«Бедная Хира. Она старалась изо всех сил. И я тоже». Ведь, как только позволил возраст, Билкис выбрала себе мужчину и стала пытаться обеспечить будущее для царства, родив дочерей. Она зачинала и рожала их, но они умирали до того, как у них успевали прорезаться первые зубки. Лишь Аллат знала, чего ей стоило не сдаваться, какие глубокие незаживающие раны остались у нее на сердце. Но она не прекращала попыток, и наконец у нее родилась дочь, у которой прорезались зубки, и она сделала первые шаги и сказала «мама».

«Алит. Доченька».

Алит, плод ночи полнолуния, проведенной в храме с незнакомцем. Божественное золотокожее дитя, само совершенство. Ее воспитали как достойную преемницу всех цариц, что пришли и ушли до нее. И она принялась ревностно исполнять свой долг.

Более ревностно, чем следовало бы. Билкис долго не позволяла единственной дочери брать себе мужчину, ведь это привело бы к родам и связанным с ними опасностям. Но в конце концов Билкис пришлось покориться необходимости. «Мама, разве будет у тебя внучка, если у меня не родится дочь? Ты слишком беспокоишься за меня. Верь Аллат, как верю я».

В этой вере Алит жила и умерла. Билкис сидела рядом с ней, держала ее за руку, пока из дочери вытекала кровь, а вместе с ней и жизнь, и лгала, чтобы не поколебать ее веру.

– Не плачь, мама. Я родила девочку для Савского царства. Я ведь говорила тебе, что нужно верить нашей госпоже Аллат. – Дочь легонько сжала ее руку слабым движением, похожим на прикосновение мотылька к цветку. – Здорова ли наша девочка?

– Да, – улыбнулась дочери Билкис. Она наклонилась и поцеловала ее холодный лоб. – Алит, твоя девочка – само совершенство.

– Я не сомневалась. Ваалит, моя маленькая богиня, будущая царица...

Алит умерла, так и не узнав, что ее новорожденная дочь еще до нее ушла в предрассветную тьму. Билкис молилась, чтобы тень дочери простила эту ложь.

После смерти Алит остались только два человека, в чьих жилах текла царская кровь, – Рахбарин, сын Саджахиры, и сама Билкис.

«В наших руках будущее. Мы с Рахбариним в ответе за него. Мы не

можем предать идущих за нами», – так поклялась Билкис.

И вот сейчас, глядя, как спокойно перекачиваются бледно-зеленые валы, она почувствовала, что на душе становится легче. «Как будто волны унесли прочь мои годы, а морской ветер развеял тревоги». Впервые за много лет она позволила себе вспомнить, о чем мечтала девочкой: «Путешествовать по огромному миру в поисках мудрости...»

Но ее сковывал долг, и пришлось оставить детские надежды, запереть их глубоко в сердце. Ведь сложила же она свои игрушки в деревянный ларец, опустив крышку. А теперь наконец ей велели открыть свое сердце и пойти за давно забытой мечтой.

«Столько моря и неба!» Если долго смотреть на одно из них, начинало рябить в глазах и разум разлетался на тысячу сверкающих бесконечностей.

Море затягивало. Вглядываться в его глубины – медленно падать в безмятежность и темноту. Следовать за солнечным светом по чистой водной глади, скользить сквозь кристальную прозрачность в голубые тени, во тьму, лежащую в глубинах. Погружаться вниз, к костям моряков, покорившихся солнечному зову морского ложа, навсегда уснуть в синем сумраке.

Отведи взгляд от обманчивого моря, подними глаза к небу, устремись вверх, кружись, невесомая, вместе с ветром и облаками, в высоте небес. Следуй за солнечным светом, пока очарованные им глаза не ослепнут от слез, пока не сбросишь оболочку плоти, прикованную к твердой деревянной палубе медленно плывущего корабля.

«Столько моря и неба! Столько соблазнов...» Но она всегда одергивала себя на краю бездны. Море и небо зря манили ее, обещая сладкий вечный отдых. «Я не могу». Разные соблазны лежали на ее пути, но она не могла отказаться от своего долга перед страной и народом. «Я их мать, их царица. Я не могу их оставить.

Даже если их оставила богиня.

Или богиня оставила только меня?

И за что? Я всегда служила ей должным образом. Она знает, что я пыталась!»

Но в этом детском возмущении крылось признание истинного греха: она не могла верить.

«Как я могу верить, что Аллат держит нас в ладонях, если я смотрю в будущее и вижу лишь горе? Чем станет царство без наследницы? Руинами! Очередной страной слабых людей, добычей чужаков, которые следят за нами хищным взглядом».

Ведь Утренняя Страна, Царство Пряностей – бесценное сокровище,

мечта всех правителей. И лишь сила позволяла хранить это сокровище. Но достаточно одной-единственной трещины на стене, защищавшей от мира, и сокровища Савского царства станут добычей жестоких дикарей.

«Не могли же сто поколений цариц хранить страну лишь для того, чтобы из-за моей слабости все было потеряно. Не важно, какую цену мне придется заплатить...»

Не важно, какую цену придется заплатить за наследницу, Билкис была готова на все.

«Мне все равно, что придется сделать, – идти босиком на край земли, смиренно склониться перед царем Соломоном и всеми его придворными, солгать моему народу и богам. Я пройду любое испытание».

Она без колебаний заплатила бы любую цену за будущее Савского царства. Отказалась бы от любви, радости, надежды. От самой жизни, если следовало принести эту жертву. Лишь одного она не могла помыслить, лишь одного будущего не могла принять.

Поражения.

Часть вторая

Мудрость ценнее жемчуга

Песнь Ваалит

В детстве ничто при дворе отца не удивляло меня. Ведь моим отцом был Соломон Премудрый, царь Израиля, Иудеи и многих других земель, а цари неподвластны законам, которые управляют нижестоящими людьми. По крайней мере, так меня учили бабушки. Каждая из троих – на собственный лад.

Не удивляло меня и то, что у меня было три бабушки, когда другие дети имели лишь по две. И то, что у меня так много мачех, – ведь цари должны заключать множество хорошо спланированных союзов. Я видела мир сквозь сияющую пелену детства, в котором исполнялись малейшие мои прихоти. Пока мой отец не женился на колхидской царевне. Этот брак не просто скрепил еще один союз и открыл очередной жизненно важный торговый путь для нашего царства, он еще и бросил слишком многое на чашу весов, которые отец пытался удержать.

И он сорвал с моих глаз пелену детства. С того дня я уже не могла смотреть и не понимать. И с каждым днем я все меньше готова была довольствоваться положением единственной лелеемой царской дочери. Но кем я хотела стать – этого я тогда не знала.

Колхидская царевна опаздывала. Мы прождали все утро в женской галерее над большим тронным залом, а ее и близко не было видно. Я, непоседа, вытащила клубок алого шелка и начала играть со своей служанкой Нимрой в «кошкину люльку». Ее пальцы порхали ловко, а я плела замысловатые сети, которые потом с трудом распутывала.

Там собрались и все мои мачехи. Ожидая, они коротали время, каждая на собственный лад. Некоторые сплетничали, некоторые перебирали пряди волос, украшения или складки платья. Одна-две играли, как мы с Нимрой. Царица-египтянка Нефрет слушала, как служанка вполголоса что-то читает ей со свитка. Царица Наама сидела с неподвижным лицом, не шевелясь и не желая нарушать безупречный рисунок складок своего покрывала и линий прически. Царица Меласадна ласкала одну из своих крошечных

белых собачек, не обращая внимания на возмущенные взгляды тех жен моего отца, которые соблюдали суровые законы нашего Бога. Госпожа Лиоренда сидела спокойно, двигая лишь кончиками пальцев, когда поглаживала цветы, которые держала в руках. Время от времени она перемещала бутон и сравнивала его цвет с соседними. Македа, тихая и темная, словно полночь, скрывала свои мысли за позолотой опущенных век. Двора пряла, и я жалела, что не взяла свое веретено, чтобы занять беспокойные руки.

Нимра в очередной раз освободила мои пальцы из переплетений алых шелковых нитей. Сквозь решетку из кедрового дерева я посмотрела вниз, туда, где на Львином троне восседал мой отец. При дворе собралось множество пышно одетых людей, но мой отец затмевал их всех. Как и подобает царю-жениху, он оделся в багрец и пурпур с золотой бахромой. Корона Израиля, золотая, с безупречными изумрудами, покоилась на его голове. В руках он держал скипетр со львиной головой – подарок, полученный от скифского царя после женитьбы на его сестре.

Первосвященник Садок сидел на скамеечке возле отцовского трона. Садок стал первосвященником задолго до того, как я родилась; он давно состарился и не смог бы долго стоять. Этим измерялась доброта моего отца – он позаботился о старом Садоке и разрешил ему сидеть во время царских приемов. Все остальные должны были стоять – царский военачальник, стража, иноземные послы, другие священники, придворные, царевицы. Даже мой брат Ровоам. И, хотя он стоял далеко, я видела, что лицо его искажает мрачная гримаса. Наследнику давно стало скучно, и он не заботился о том, чтобы это скрывать. Справедливости ради следует сказать, что к тому времени уже никто из моих братьев не мог спокойно ждать. Мальчики от природы нетерпеливы.

На брата я смотрела недолго. Мой взгляд, словно сокол, искал более приятной добычи. И вот я увидела его, опиравшегося на гладкую колонну из кедрового дерева – по задумке моего отца лес таких колонн раскинулся вокруг большого тронного зала. Тот, на кого я смотрела, носил длинную прическу – локоны спадали ему на спину, а один завиток, перекинутый через плечо, вился на фоне полуобнаженной груди: черное дерево и мед. Его бедра облегал юбка из мягкой синей кожи, расшитой золотыми пчелами, а талию обхватывал позолоченный кожаный пояс шириной в две ладони. Старомодный наряд, но почему-то на Аминторе Критском он выглядел щеголевато. А придворная знать казалась неуклюжей и скованной несколькими слоями дорогих тканей. И все они держали в руках свитки, таблички, золотые или серебряные кубки. У Аминтора в руке была лишь

дамасская роза, красная, словно кровь.

Я восхищалась Аминтором – он всегда оставался собой и выглядел так, словно ему просто нравится жизнь сама по себе. Остальные мужчины мрачно хмурились, ожидая очередную царскую невесту, Аминтор же глядел на всех так, словно царь и весь его двор собрались лишь для того, чтобы он мог их рассмотреть. Да, его бесстрашным смехом я восхищалась еще больше, чем красивым лицом. И свобода его притягивала меня так сильно, что иногда я задумывалась, не хочу ли от Аминтора большего, чем готова признаться даже собственному зеркалу.

Пока я разглядывала Аминтора, он сквозь толпу придворных посмотрел вверх, на женскую галерею, и его взгляд словно бы проник сквозь решетку прямо мне в глаза. Издалека точно нельзя было сказать, но мне показалось, что он подмигнул. Я увидела ясно, что он улыбнулся и поднес маленький пурпурный бутон к губам.

Я знала, что Аминтор не мог меня видеть, но краска бросилась мне в лицо. Я отвела от него глаза и посмотрела на отцовский трон. Отец рассеянно гладил львиную голову, украшавшую скипетр. Как и брат, он начинал терять терпение. На миг я задумалась о том, какие мысли одолевают его, пока он ждет очередную жену. Затем Нимра снова накинута мне на пальцы паутинку алых нитей, и, стараясь сохранить сеть ровной и туго натянутой, я забыла о менее важных вещах.

В конце концов, что может значить для царя Соломона еще одна жена?

Соломон

«Все женщины начали казаться мне одинаковыми». Соломон знал, что это несправедливо, что каждая женщина обладает собственным очарованием, красотой и мудростью. И новая невеста, которую он ожидал, – тоже. Но к тому времени он приветствовал уже столько невест, повидал столько увешанных украшениями наложниц, что все разрисованные лица сливались между собой. Ради интересов царства и торговли заключались союзы, скрепленные словом и плотью. Можно ли лучше проявить покорность его власти, чем отдав ему женщину царской крови?

«И вот я здесь, жду очередную женщину, когда сорок других дел требуют моего внимания». Но Соломон всегда восседал на Львином троне, чтобы приветствовать каждую следующую женщину, поручаемую его заботам, чтобы при всем дворе показать, как он рад ей, и теперь он не мог

прервать традицию, не нанеся тяжкого оскорбления. «Хотя эта невеста окажется точно такой же, как все остальные, скажет те же самые слова. Нет. Так думать нельзя. В конце концов, у меня много жен, а у них лишь один муж. И эту следует встретить с почетом».

Но не с любовью. Любовь принадлежала его первой жене, возлюбленной его сердца. И не предназначалась для других.

А вот уважения могла ожидать каждая женщина.

И потому царю Соломону приходилось ждать во всем своем великолепии на Львином троне, охраняемом дюжиной огромных свирепых зверей из чистого золота, хотя солнце приближалось к зениту, а новой царской невесты все не было видно. К этому времени колхидскому каравану уже следовало бы приблизиться к воротам Иерусалима, чтобы успеть пройти по городским улицам, пока солнце еще светило ярко. А теперь процессия новой царицы не сможет предстать во всем великолепии...

– Но это не наша вина, царь мой и господин! Мы сто раз предупреждали их, что нужно отправиться в путь рано, чтобы успеть в назначенный час. Но ничто не могло их поторопить, они ждали собственных знамений и откладывали без конца, пока царица приносила жертвы своим богам. А теперь цветы завяли, люди потеряли терпение, и... – говорил дворцовый управляющий.

– Довольно, Ахисар, никто тебя не обвиняет, – прервал его царь, подняв руку, – и я меньше всех, а теперь успокойся. – Царь улыбнулся. – Терпение – это добродетель.

– Да, царь мой и господин. – Дворцовый управляющий склонил голову. – Прикажешь сообщить царским женам, что новой царицы пока не видно?

«Они, конечно, и сами успели это понять». Соломон взглянул вверх, на женскую галерею, откуда открывался вид на тронный зал. Сквозь затейливо вырезанную решетку, ограждавшую цариц от жадных взоров, тут и там в полумраке вспыхивали драгоценные камни и поблескивало золото. Он понимал, что и у жен заканчивается терпение из-за долгого ожидания. Вздыхнув, Соломон кивнул:

– Да, сообщи им, но не превращай задержку в несчастье. В конце концов, мы не торопимся.

– Как повелит царь. – Ахисар снова склонил голову и поспешил к царицам, сжавшись от возмущения.

«Управляющий Ахисар ненавидит беспорядок, как пророк Ахия Силомлянин ненавидит грех». Когда дворцовый управляющий удалился на

достаточное расстояние, Соломон позволил себе печально улыбнуться. С каждой новой невестой царских кровей повторялся один и тот же ритуал, и все равно бедняга Ахисар каждый раз так суетился, словно все происходило впервые, а у него не было ни малейшего опыта. И как будто от одного неудачного шага небо могло пасть на землю.

Соломон, продолжая улыбаться, поднялся на ноги и положил львиный скипетр на трон.

– Поскольку процессия невесты еще не вошла в город, я вернусь, когда мне доложат, что колхидцы у Конских ворот.

Выйдя из тронного зала, Соломон решил подняться на вершину царской башни. Здесь, высоко над городом, он мог немного отдохнуть в ожидании своей очередной жены. Он оперся руками о стену – гладко пригнанные камни нагрелись на солнце. С этого выгодного наблюдательного пункта он смотрел на крыши Иерусалима, городские стены и земли, раскинувшиеся дальше. И, как всегда, он чувствовал восторг перед лицом перемен, которые время принесло золотому городу царя Давида.

Когда-то Иерусалим отчаянно цеплялся сбоку за вершину холма, недосягаемый и свирепый, словно дикий зверек. Это было до того, как царь Давид уловками овладел городом и начал править им с восхитительным хитроумием. Под властью Давида город рос, медленно и осторожно, словно не доверяя собственной мощи. К моменту смерти Давида Великого, иззябшего от прожитых лет, Иерусалим уже упирался в городские стены, и не хватало лишь одного толчка, чтобы освободить его.

И царь Соломон его подтолкнул. Давид был воином. Своим мечом он завоевал великое царство. Соломон же был строителем, создававшим империю с помощью торговли.

Империя процветала, и царский город разрастался. Иерусалим теперь уже полностью занял вершину холма и хлынул вниз, затопив окрестные долины. Теперь Иерусалим Давида стал Старым городом, городом в городе, ограниченным стенами, которые когда-то были внешними укреплениями столицы. А новый, сияющий золотом Иерусалим окружали недавно возведенные стены. Широкие новые ворота открывались в мир, управляемый из столицы, которая когда-то была обычной крепостью.

Над нижним новым городом, то стихая, то поднимаясь, раздавался шум, неумолчный, будто плеск морских волн. «Звук мирной жизни и процветания». Теперь Иерусалим мог похвастаться двумя рынками – небольшим, в Старом городе, и базаром у Овечьих ворот, превосходившим своими размерами некоторые деревни. На царском рынке можно было

достать что угодно, от железных наконечников для стрел до посеребренных розовых лепестков.

Соломон смотрел вниз, на базар. Двигались цветные пятна – это переносили тюки тканей и корзины с фруктами. Яркими вспышками в толпе тут и там виднелись женщины.

А по ту сторону базара лежала улица Богов. Теперь в Иерусалиме жили и работали иноземцы; они хотели поклоняться своим богам и делать это по-своему. Соломон удовлетворял их прошения и позволял строить собственные храмы и алтари. Местных противников таких вольностей он обезоружил, обязав новые алтари и храмы платить пошлину Храму Господа Яхве и его священникам.

«Теперь всем выгодно, все вполне довольны и не нарушают мира». Соломон криво усмехнулся. Почти все довольны. Увы, пророка Ахию Силомлянина удовлетворить не могло ничто.

«Даже Храм Господа ему не нравится. Не говоря уже обо мне и моих законах».

Он посмотрел на храм, возвышавшийся над городом. Священное здание венчало его, словно корона; столько золота пошло на украшение, что Дом Господа в полуденном свете горел, словно второе солнце. «Такой великий храм...» И все же иногда Соломон сомневался, действительно ли храм стоил всех нескончаемых затрат на него.

Но теперь отступить было слишком поздно. По правде говоря, поздно стало задолго до того, как был заложен первый камень высоких стен храма. Ведь он был не просто зданием, возведенным во славу Бога Израиля. Храм был ловушкой, такой хитроумной, так богато разукрашенной золотом и напоенной запахом благовонных курений, что Соломон только теперь в полной мере осознал, как сильны эти цепи и как тяжело ярмо.

«Мой отец избежал этой ловушки. А Премудрым все равно называют меня!»

И все же он заслужил это прозвище. «Я просил у Господа мудрости, чтобы хорошо править, чтобы судить честно и справедливо. Я и не подумал о том, чтобы попросить также свободы. Если бы я только не стал царем...»

«Мой брат Адония поверг бы царство в руины, под которыми и его надменная безумная голова не уцелела бы». Соломон очень жалел о прошлом, но все же никогда не сомневался, что из всех сыновей царя Давида он один мог наследовать престол. «Ведь лишь меня воспитывали так, чтобы больше думать о царстве, чем о себе». И это наставило его на путь, приведший сюда.

Он был младшим царским сыном, зачатым в грехе и рожденным в горе

и сомнении. Никто и не думал, что он выживет, – а он не просто выжил, но вырос и окреп. Из него вырастили царя. Растила и учила его женщина, мудрая в путях власти и еще более мудрая в дорогах любви. Он пытался стать справедливым и пронизательным, терпимым и осторожным. Он был не военным, как отец, а мирным человеком, ненавидевшим цену войны – кровь и бедствие.

Теперь, после долгих лет его упорного труда, царство наслаждалось благодатным покоем. Крестьяне могли заботиться о своих виноградниках и стадах, ничего не боясь. Купцам не приходилось опасаться, ведь с дорог царства исчезли разбойники.

Всего за три поколения земли Израиля и Иудеи изменились до неузнаваемости, разрастаясь из союза вечно грызущихся племен в царство, а затем в империю. Всего за три поколения царей.

Саул. Давид. А теперь Соломон.

Царь Саул был воином. Он отбросил филистимлян назад в их прибрежные города. Теперь о первом царе говорили редко, ведь на его подвиги легла тень безумия, а потом их затмила сияющая слава преемника. И хотя народы Израиля и Иудеи вел к победе Саул, но именно Давид превратил обычные победы в нечто большее.

В царство.

Под властью Саула племена Израиля и Иудеи жили как в давние времена. Правление царя Саула сводилось к силе. Саул вообще скорее был военачальником, чем царем, скорее боевым вождем, чем судьей. При Давиде сам смысл царствования изменился. У Давида, как и у Саула перед ним, были воины. Но у Давида было и нечто большее – власть. При царе Давиде победы в битвах стали способом присоединять новые земли и города. Ко времени своей смерти Давид Великий правил землями от Египта до ливанских гор, от приморских городов филистимлян до равнин страны Моав. В наследство он оставил империю.

И царь Соломон усилил эту империю с помощью союзов и торговли, с помощью мощной армии и тщательно продуманных браков. За каких-то шесть лет Иерусалим, город царя Давида, стал главным рынком всех окрестных земель, перекрестком всех дорог мира. Все пути вели в золотой Иерусалим.

Да, царь Давид создал царство, зато царь Соломон возвеличил его.

Однако величие обладало собственной ценой. Несмотря на мир и процветание, люди ворчали. Слишком много налогов, слишком много всего строится, слишком большая армия...

«...хотя я не понимаю, как они хотят, чтобы дороги оставались

безопасными, а рынки процветающими без налогов и армии». Соломон снова посмотрел на Великий Храм, высившийся над крышами дворца. Храм короной венчал город, его слава сигнальным огнем сияла народу Господа. Понадобилось семь лет, чтобы завершить строительство, а казна до сих пор платила Хираму, царю тирскому, за кедровое дерево, пурпур и позолоту, с помощью которых был создан достойный дом для Ковчега Завета, символа присутствия Бога. А еще храму нужен ладан и другие благовония, а также масло, и священников храма нужно кормить и одевать, они должны где-то жить.

Но большинство людей видят лишь одно: строительство давно окончено. Поэтому они не понимают, что нужно и дальше платить. Что платить придется вечно. Как и для того, чтобы содержать царский двор, стражу, армию. И...

– О, столь удрученный вид не подобает великому царю Соломону, да еще и в такой день!

Соломон с улыбкой обернулся:

– И что сегодня за день, Аминтор?

Критянин взмахнул серебряной миской. Фрукты ярко блеснули золотом на солнце.

– Ведь сегодня царь женится.

– Снова, – заметил Соломон.

– Снова. Сколько жен у тебя сейчас? В очередной песне тебе даровали сто, причем каждая краше предыдущей!

– Слишком щедрый дар. Почему люди выдумывают такие небылицы?

– От скуки, от зависти или просто потому, что они приучены лгать с колыбели. – Легкий и беззаботный смех Аминтора зазвенел в прохладном воздухе. – А сам ты помнишь, сколькими женами владеешь, царь Соломон?

– У царя Соломона сорок жен. И он их всех помнит по именам, а также их сыновей. Но никем из них я не владею, – помолчав, добавил он.

– Царь Соломон известен своей мудростью. – Аминтор изячно облокотился о парапет, поставив серебряную миску на гладкие камни. – И, конечно, именно поэтому он в одиночестве удалился на крышу, чтобы высматривать очередную невесту и скрыться от вездесущего управляющего Ахисара. Действительно, он столько шума поднимает!

– Да, поэтому я поднялся сюда. А еще – чтобы спокойно подумать.

– О-хо-хо, царь снова думает. И какую мудрую мысль поймал ты в свои сети на сей раз?

Соломон посмотрел на вершину дальнего холма, на Великий Храм, сиявший под ярким светом солнца.

– Мир и справедливость достаются тяжело. Я хотел бы объяснить это своему народу.

– Ну, это тебе не удастся. Думаю, даже вашему Богу – такому суровому – не удастся заставить людей понять нечто столь неприятное, как правда. Не трать время на желания, которым не дано осуществиться. Попробуй, господин мой. – Улыбаясь, Аминтор протянул Соломону позолоченный плод смоковницы. – Правители должны знать вкус золота.

– Они должны также знать его цену. – Соломон откусил немного сияющей мякоти. Тонкий слой позолоты растаял на языке, словно роса, не оставив никакого вкуса.

– И какова цена золота? Брак с колхидской царевной? – Аминтор подбросил один из позолоченных плодов в воздух и ловко поймал. – Золото из Колхиды, кони из Трои, ячмень и пиво из Египта. Израиль теперь женат на всех богатствах мира.

Соломон не ответил, молча указав на цветастый ручеек, медленно поднимающийся по Кедронской долине к Конским воротам:

– Вот и моя новая жена. Аминтор, будь добр, передай управляющему, что она скоро будет здесь. Хотя я и великий царь, но сам стараюсь держаться от него подальше – он так суетлив.

– С удовольствием. А еще я взгляну на твою новую царицу.

Аминтор изящным жестом подал Соломону серебряную миску и пошел к лестнице. Он исчез в темном дверном проеме, оставив царя наедине с полудюжиной позолоченных плодов смоковницы и любопытной пчелой, опустившейся на один сладкий сверкающий фрукт.

Соломон осторожно опустил миску, давая пчеле возможность самой понять, что плод – лишь яркая приманка. «Спасибо тебе за добрые пожелания, Аминтор, – прошептал он. Очередная свадьба, очередная женщина. – Мне больше не нужны жены, у меня их и так слишком много. Но это необходимый царству союз, а потому...»

А потому он женится, чтобы скрепить очередной договор, завоевать еще один рынок, овладеть новыми сокровищами. Ведь он царь и должен заботиться о своих подданных и думать за них – *чтобы не пришлось думать им самим!* Соломон печально улыбнулся, почувствовав мимолетное желание поделиться этой едкой шуткой. Но в полном людей дворце, в полном жен гареме не осталось никого, с кем он мог бы говорить откровенно. Даже Аминтор заслуживал доверия лишь до тех пор, пока совпадали цели Израиля и Крита.

«Не осталось в живых никого, с кем я мог бы поделиться тем, что лежит на уме и на сердце».

Настоящее одиночество. Соломону страшно не хватало того, что связывало его с приемной матерью, царицей Мелхолой, женщиной, питавшей его разум, – так его родная мать Вирсавия питала его сердце. С царицей Мелхолой он мог говорить о чем угодно, и она понимала его.

А еще больше не хватало ему Ависаги. «Ависага, моя голубка, сердце мое, драгоценный камень, сияющий среди женщин...» Хотя прошло дважды по семь лет со дня ее смерти, он все еще чувствовал сильную боль. Милая Ависага, разумная Ависага, дорогая утешительница, которая всегда знала, что делать и говорить, помогала ему в поисках верного пути...

Что ж, Ависаги больше нет. Она умерла, рожая их единственного ребенка. Дочь. И, хотя мужчины почти всегда хотели сыновей, Соломон радовался, что ребенок от Ависаги оказался девочкой. Ведь, будь ребенок его возлюбленной мальчиком, он бы испытывал безрассудный соблазн объявить его наследником престола. А девочка спасла его от ловушки этого безумия.

Ведь к тому времени, как Ависага понесла и родила ему ребенка, Соломон уже почти двенадцать лет пробыл на троне и столько же раз женился. Цари женятся не только по любви. Интересы государства уложили в постель намного больше царственных пар, чем похоть. Ависагу печалили не жены царя, а дети, которых они рожали ему. Дети, которых она, его любимая, по капризу жестокой судьбы была лишена. Когда царица Ависага смогла наконец с гордостью и любовью сказать, что ждет ребенка, у царя Соломона уже было много сыновей, и он давно сделал важный жизненный выбор: трон унаследует его первенец.

Ведь много жен – это много сыновей, а где много сыновей, там не будет покоя в семье. Даже двум царевичам во дворце тесно, а что уж говорить о дюжине. Сыновья его отца чуть не разорвали царство в клочки, и шрамы тех тяжелых времен еще не зажили в его душе. Соломон не хотел поступать как отец, маня короной самого любимого сына. Когда родился Ровоам, Соломон объявил, что этот мальчик станет следующим царем Израиля и Иудеи, наследником Соломона Премудрого.

Старшему сыну предстояло унаследовать трон – так повелось во всех царствах. Не самое лучшее решение – Соломон сомневался, что Ровоам сможет править, – но лучшее, чем многие другие. Все детство и юность Соломон наблюдал, как использовали корону в сделках со смертью, и теперь он не хотел, чтобы его сыновья в свою очередь состязались за царство.

«Нет, пусть престол займет Ровоам. Зачем царям сыновья? От них сплошные мучения». А дочь... Соломон улыбнулся. Дочь Ависаги служила

ему сладостным утешением, нежным напоминанием, что в жизни есть не только битвы и приказы. Его роза, его голубка, его милая любящая дочь. Почтительная, ласковая, кроткая – все, чего может пожелать отец.

И она быстро становилась женщиной. Женщиной, для которой ему предстояло найти мужа. «Но не сейчас! Она же еще ребенок. С ее свадьбой можно подождать».

И, хотя эта мысль утешала, Соломон знал, что обманывает себя. Дочь приближалась к четырнадцатому году жизни, и пора было устраивать ее будущее. Если быть честным, он уже опоздал. Помолвку Ваалит следовало устроить еще два года назад. «Но я не могу ее потерять». Кроме нее, ничего у него не осталось от Ависаги, возлюбленной жены его юности.

Но пожертвовать ею все равно пришлось бы, ради ее же блага. «Ей предназначено управлять собственным домом, иметь мужа и детей. Да. Я найду ей в мужья хорошего человека здесь, в Иерусалиме». Соломон не хотел думать о том, чтобы выдать ее за чужеземного царя, в далекую страну. «Нельзя использовать Ваалит как товар в сделках между государствами». Его дочь выйдет замуж здесь и будет жить у него на глазах.

«Да. Я начну искать мужа для нее. Скоро.

Но не сегодня». Терпеливое будущее могло ожидать сколько угодно – Соломон знал, что рано или поздно оно победит. Но пока дочь Ависаги оставалась его самым драгоценным сокровищем.

Среди всех этих сыновей, старавшихся затмить друг друга, среди всех этих жен, занятых интригами, чистая любовь дочери сияла, словно самоцвет в грязи. Умная, отважная и проникательная девушка.

Если бы только она родилась мальчиком, как замечательно она бы правила!

Но такие мысли ничего хорошего не сулили. Мир не мог переплавиться, чтобы удовлетворить людей, пусть даже царей. «Мой старший сын – Ровоам, и он займет трон после меня. А Ваалит...»

Ваалит родилась девочкой, пусть и царской дочерью. Не так уж много путей открывалось перед ней. В конце концов, ей предстояло жить так, как решит за нее отец.

Отцовский долг – выбирать мудро. Дочерний – слушаться. «И вправду, в доме моем мир. Разве не трудился я над тем, чтобы его добиться?» Соломон видел, как его отец сталкивал одного сына или священника с другим, как использовал жен друг против друга, и никто не мог разгадать истинных намерений царя. А сам он одинаково щедро оделял всех сыновей, окружал всех жен равным почетом и отдавал дань уважения всем

священникам.

«Да, ко всем мужчинам и женщинам я отношусь одинаково достойно. В моем доме будет царить мир, и в стенах Города Давида, и везде, где мое слово – закон». Так утешал себя Соломон.

Справедливость и мир – царская правда, признаваемая всеми людьми. Тогда почему же кровь его стыла, словно бы он лгал?

Наама

Она была предназначена для царского ложа с того самого момента, когда открыла свои темные глаза, сияющие, словно звездное небо. Первые услышанные ею слова воспевали ее красоту, и, когда пришло время показать ее богине Астарте, чтобы выбрать имя, определяющее жизнь, танцующие над маслом огоньки подтвердили ее судьбу. Наама – так ее называли. «Прекрасная».

У отца ее, царя аммонитян, было двенадцать дочерей, но она, словно луна среди звезд, затмевала всех. От нее никогда не требовали ничего, кроме красоты. Никого не интересовало, что она хорошо умеет считать, искусна в рукоделии, любит танцевать.

Люди обращали внимание лишь на ее блестящие волосы, водопадом струившиеся по спине, на ее кожу, сияющую, словно густые сливки в алебастровой чаше, на совершенные, будто полная луна, очертания ее губ и груди. Смотревшие на царевну пытались определить, чего она стоит. Думали они только об одном – что имя, данное ей, истинно.

Она была прекрасна.

Достойная невеста для великого царя. А потому, когда новый правитель восстававшего между землями аммонитян и прибрежными городами царства захотел заключить договор с ее отцом, ее вместе с другими сокровищами отправили в город Давида-песнопевца.

– Твоя красота будет сиять самоцветом в короне мужа, – говорила ей мать.

– Твоя красота сделает тебя его любимой женой, а твоего сына – наследником, – говорил отец.

Никто не спросил, хотела ли она стать самоцветом в короне Соломона или его любимой женой. Она была красавицей. Судьба уготовила ей путь царской жены и матери, а браком скрепляли договор.

И никто не сказал ей, что красота – западня, ловушка для дураков. До этой истины Наама дошла сама, и это нелегко ей далось.

– Держите зеркало ровно, а то мне не видно.

Наама со всех сторон рассматривала себя в овальном зеркале, большом, словно щит. Бронзовая поверхность сияла, как солнце. Это придумала она сама: бронзовое зеркало отражало не так четко, как серебряное, зато, благодаря его большим размерам, она могла видеть себя во весь рост, определять свою полную цену.

Две ее служанки держали бронзовое зеркало, а Наама внимательно изучала свое отражение. Что ж, выглядела она хорошо. Несмотря на рождение ребенка, ее тело осталось гибким и женственным. Сосуд, достойный принять любого царя. «Даже великого Соломона». Эта мысль больно ее уколола – Наама увидела, как нахмурилось ее отражение, и поспешила разгладить складки недовольства. Если слишком часто поддаваться раздражению, портится лицо. Этого Наама не могла себе позволить. «Ведь я хочу, чтобы Соломон был только моим. А у него столько женщин!»

Гарем израильского царя был так же богат женщинами, как базар в Дамаске – роскошными товарами. Наама делила своего царственного супруга с женщинами из всех известных ей земель и некоторых неизвестных. Царю Соломону были дарованы жены из Египта и пяти городов-государств Филистии. Он взял женщин из Идумеи, Моава, аммонитских земель, Трояды, с Крита, из Мелита. Тир, Сидон и даже Афины с радостью отдавали царю Соломону своих сестер и дочерей. В стенах дворца из кедра и золота собрались царицы из всех стран, лежащих вдоль Царского пути, Шелкового пути и Приморского пути. Ко двору царя Соломона присылали женщин даже царства, через которые с далекого холодного севера шел Янтарный путь. А теперь темная Колхида наконец склонилась перед величием Израиля, прислав старшую царскую дочь в подарок Соломону.

Столько цариц. Столько красивых женщин. Но царь никого из них не выделял.

Последней женщиной, которой царь даровал свое особое расположение, была Ависага. Теперь Наама понимала, какой спокойной была на самом деле ее жизнь в первые годы правления мужа, – ведь не имело смысла даже пытаться вырвать Ависагу из сердца Соломона, и все обитательницы гарема знали это. Какой бы искусной и красивой ни была женщина, разве могла она состязаться с первой любовью царя, быстрый ум и резвые ноги которой помогли ему попасть на трон?

Но Ависага умерла уже больше двенадцати лет назад, а убивший ее

ребенок оказался всего лишь девочкой. Благодарение Мелькарту за эту милость, ведь, роди она мальчика, его бы объявили наследником престола вместо Ровоама. А так – сыну Наамы предстояло унаследовать трон. Царь Соломон поклялся в этом в прошлый, пятнадцатый день рождения Ровоама. Объявил об этом прилюдно, чтобы никто не сомневался.

Но сомневалась она. «Это царство стоит на песке, а корону здесь дают по прихоти. Вероломство, коварство, соблазн – вот что здесь приносит власть. К этому прибегну и я, чтобы следующим на Львиный трон взошел мой сын».

Наама повернулась перед зеркалом, оценивая, как выглядит шаль, накинутая на ее гладкие плечи. Маленькие серебряные полумесяцы сияли на легкой ткани, выкрашенной в темно-синий. Наама хотела выглядеть так, словно ее тело окутано полуночным небом. Рисунок для роскошной шали придумала она сама. Если накинуть на обнаженное тело эту полупрозрачную ткань, так, чтобы очертить ее зрелые формы, она сможет сравниться с самой Астартой, будет воплощением восходящей луны. Конечно, тогда Соломон не сможет устоять.

Но разве это имело значение?! Наама снова увидела в зеркале, что хмурится. Ведь она и так нравилась царю, он говорил ей об этом. Он наслаждался ее ухоженным телом, хвалил ее вкус и ум, любовался орнаментами, которые она придумывала.

Точно так же он наслаждался всеми, точно так же он хвалил других!

Именно это тревожило Нааму. Соломон делал для нее не больше, чем для всех остальных женщин, попавших в царский гарем. Царь ко всем относился одинаково, от дочери фараона и до новенькой диковатой наложницы с киликийских холмов. Соломон тщательно отмерял свою щедрость.

Как могла она полагаться на это бесстрастно установленное равенство? Ведь оно будет длиться лишь до того момента, пока новая женщина не завоюет его сердце. «И, если она родит сына, я и засохшего финика не дам за будущее моего ребенка, несмотря на все царские обещания!»

А потому, чтобы ее сын действительно унаследовал трон, ей следовало каким-то образом стать для Соломона самой близкой женщиной. Должен быть какой-то способ, какие-то сети, в которые бы он попался!

– Что вы думаете? – спросила Наама служанок. – Говорите правду.

Она знала, что ей не солгут. Наама хватало ума ценить откровенность приближенных. «Нет ничего печальнее женщины, которая отказывается слышать о том, что ей не идет. Или о том, что становится заметен ее

возраст. Но я все еще выгляжу достойно. Так говорит зеркало».

– Царица Наама прекрасна, как ночное небо, – поспешила ответить Таллай.

– Я не о красоте своей спрашиваю, а о шали, – строго посмотрела на нее Наама. – Приятна ли она для глаза?

– Да! – Темные глаза Таллай светились восхищением. – Она очень красива. Я хотела бы такую шаль.

– И все женщины во дворце получают такую шаль еще до следующего новолуния, – быстро вставила Ора.

– Да, – рассмеялась Наама, – но мою царь увидит первой!

Любуясь своим телом, обтянутым похожей на звездную ночь материей, своей кожей, сияющей, как полная луна, кудрями, лежащими, как темные облака, Наама улыбнулась.

– И к следующему новолунию царица Наама придумает новый наряд. – В голосе Оры звучала гордость за изобретательность госпожи.

И, хотя с накрашенных губ Наамы не сходила улыбка, сердце ее сжалось.

«Да, к тому времени я должна придумать нечто новое, соблазнительное. Чтобы царь смотрел на меня и не сводил глаз». Наама вдруг почувствовала усталость. Глядя на великолепие своего отражения в бронзовом зеркале, она подавила вздох. Но она не могла позволить себе уныние. Речь шла о будущем ее сына.

И ее собственном.

Матери следующего царя полагались почет и защита. Для царицы-матери не имело значения, было ли ее тело жирным или изящным, бороздили кожу ее лица морщины или нет, блестели ее волосы или свисали тусклыми седыми прядями.

«До новой луны еще много дней. К тому времени... К тому времени я что-нибудь придумаю!»

Для матери царя уже не имеет значения, красива она или нет.

«Да, к будущему новолунию я что-нибудь придумаю.

У меня нет выбора».

Ахия

«Еще одна царственная блудница». Со своего наблюдательного пункта у Конских ворот Ахия следил за неспешным приближением очередной невесты царя Соломона. Процессия шла под звон бронзовых тимпанов.

Ими потрясали одетые в черное сопровождающие – жрецы иноземной гнусности, перед которой пресмыкалась колхидская царица. Ложные боги, лживые женщины, осквернявшие город Яхве.

«А царица ничего не делает». Хуже того, царица принимает всю эту мерзость с улыбкой, встречает с распростертыми объятиями.

Колхидская процессия уже вошла в главные ворота, они ступили своими нечистыми ногами на мощенные камнем улицы Иерусалима. На мужчинах развевались отделанные бахромой платья, дряблые лица были раскрашены, словно у блудниц. А женщины были облачены в пурпурные кожаные штаны, туго зашнурованные на бедрах. От вида одних только этих тварей в сердце пророка запустила зубы ноющая боль – явный знак, что Яхве гневается. Но дальше – больше. И хуже. Приблизилась сама царица. Бесстыжая сидела на повозке из черного дерева, инкрустированной серебряными полумесяцами и змеями. А тащили повозку собаки.

Святотатство на святотатстве. Ахия прижал кулаки к груди, в которой бушевал пожар. Собаки. Ничего удивительного, что он чувствует себя так, словно изнутри его терзают острые клыки. Черные зверюги величиной с ослов, в сбруе из пурпурной кожи, а вели их мальчики в ошейниках с серебряными колокольчиками. *Нечистые, недостойные ступить на землю Яхве.*

Подгоняемый бушующим внутри гневом, Ахия выступил из тени Конских ворот и преградил путь черным собакам, выставив перед собой посох. Дети остановились, оглядываясь на госпожу. Ахия тоже поднял глаза на царскую невесту – поверх закутывавшего пол-лица серебристого покрывала на него смотрели темные, словно терновые ягоды, глаза, неподвижные, как у змеи.

– Дальше тебе нет пути – ты оскорбляешь Яхве. Твое распутство и нечистые звери – поругание живого Бога. – С каждым словом Ахия чувствовал все большую уверенность – да, он верно понял знаки. – Убирайся, нашему царю не нужно твое греховное богатство.

Колхидская царица молчала, и Ахия догадался, что она не поняла его. «Конечно, где этой чужеземной колдунье говорить на человеческих языках! Глупость за глупостью творишь ты, царица Соломон!» Ахия повернулся к зевакам, мужчинам и женщинам, собравшимся вдоль дороги, чтобы посмотреть на новую царскую невесту.

– Вы потеряли стыд? Неужели вы позволите этой твари войти в город царя Давида?

Никто не пошевелился, все молчали. Многие отвели взгляд, словно надеясь, что пророк их не заметит. И, прежде чем Ахия успел снова

обрушиться на них, мужчина, одетый в пурпур и золото – цвета сановников царя Соломона, – пройдя мимо собак, встал перед Ахией.

– Мир тебе, пророк. Госпожа Даксури благодарит тебя за твое приветствие. – Переводчик широко улыбнулся и, поклонившись, продолжил: – А сейчас прошу тебя, именем царя, освободи нам дорогу.

– А я приказываю тебе именем Яхве: поворачивай назад. Поворачивай назад, пока не поздно.

– Мы и без того опаздываем, – ответил переводчик, – царь Соломон ждет.

Ахия смотрел мимо него, мимо черных собак, мимо детей в ошейниках – в лицо колхидской царевне. И, когда он встретился с ее холодным, словно ночь, взглядом, новая боль раскаленным копьем вонзилась ему в голову, застилая взгляд. Царевна словно бы мерцала перед ним, ее лицо окружил ореол пульсирующего света, горевшего и обжигавшего.

Закрыв лицо руками, Ахия, спотыкаясь, попятился, пытаясь спасти свои ослепленные глаза. Когда зрение вернулось к нему, чужеземная колдунья и ее растленная свита уже вступили в Иерусалим, продолжая путь во дворец царя Соломона. За собой они оставили мусор – маленькие глиняные фигурки. Слуги разбрасывали этих идолов на счастье. Теперь мужчины и женщины со смехом собирали их.

Внезапно почувствовав усталость, словно бы вмиг состарившись, Ахия навалился на посох. «Если никто не имеет глаз, чтобы видеть, я вижу». Он наклонился, поднял одного из маленьких идолов и уставился на глиняную собачью голову. Острая морда была выкрашена в черный и красный.

«Я вижу и других заставлю увидеть. Я найду способ прекратить эти святотатства, клянусь Законом». С этими мыслями Ахия выпрямился и медленно, словно старик, отправился в путь по широкой главной улице, ведущей мимо дворца, на холм, к Великому Храму, венчавшему город царя Давида.

Придя наконец к воротам храма, он узнал, что человека, против которого ему предстояло выступить, там нет. Первосвященник Садок ждал прибытия колхидской царевны у царя Соломона во дворце.

Первосвященник Храма Яхве ждал новую языческую невесту царя, чтобы приветствовать ее.

«Очередная жена... Что ж, цари не такие, как обычные люди». При этой утешительной мысли первосвященник Садок улыбнулся, когда Соломон приветствовал колхидскую царевну. Как всегда, царь встретил очередную невесту деликатно и непринужденно. Никогда, ни словом, ни жестом, он не выказывал никаких эмоций, кроме радости от прибытия очередной женщины. Колхидянка не стала исключением. Соломон даже нашел в себе силы улыбнуться ее эскорту, не моргнув и глазом при виде бесстыдных полуобнаженных женщин и диковинно одетых мужчин. Садок восхищался самообладанием царя – самому первосвященнику с трудом удавалось угодить одной жене. А уж когда речь шла о сорока – *и постоянно приезжали все новые и новые, с новыми договорами*, – да, царь Соломон явно обладал большей мудростью, чем другие люди, если ему удавалось хранить мир!

Приветствовав царевну и представив ее придворным, Соломон поручил ее заботам главной управляющей гаремом. Когда колхидянку увели в Женский дворец, царь подошел к Садоку.

– Ты замечательно справился, – сказал первосвященник.

– Я с трудом справился, – ответил Соломон, с улыбкой покачав головой. – Женщина не знает ни слова ни на одном из языков, на которых я говорю. И я должен предупредить тебя, первосвященник: она прибыла в повозке, запряженной черными собаками.

Соломон всегда знал все, что происходило в Иерусалиме, задолго до того, как это становилось общим достоянием. Садок подумал, что сам он услышал бы о собаках, лишь вернувшись домой.

– Где собаки сейчас? – спросил Садок.

– Я приказал запереть их на конюшне, а сам тем временем выясню, что они значат для госпожи Даксури, – может, это ее любимые питомцы, а может, просто ее упряжка.

Садок нахмурился. Собаки – нечистые животные, а кроме того...

– Черные собаки приносят несчастье.

– Еще одно несчастье в том, что они посвящены Черной Богине.

– Вот и отдай их Черной Богине.

Это казалось относительно простым способом избавиться от собак.

– Прекрасная мысль, Садок. – Соломон снова улыбнулся. – Конечно, на свадьбе они нам уж точно не нужны.

– А что, у них там, в Колхиде, на свадьбе присутствуют собаки?

– Дорогой мой Садок, я не имею ни малейшего понятия. Но, даже если и так, нет смысла перенимать у них этот обычай. Свадебная церемония будет такой же, как ты проводил для меня уже дюжину раз. Этого будет

вполне достаточно.

– Конечно. – Садок никогда не имел причин сомневаться в решениях Соломона; царь действительно был мудрым и справедливым – очень надежное сочетание. А теперь, прожив много лет и состарившись, Садок научился ценить мир и покой. – Благословение мое вам обоим.

– Всем нам, – сказал Соломон и взглянул на женскую галерею.

Все царские жены в богатых нарядах и ярких украшениях исчезли, когда колхидскую царевну увели. Они поспешили в Женский дворец, чтобы приветствовать его новую обительницу.

– Мое благословение всем вам. – Садок с улыбкой воздел руки. – Мир Соломону Премудрому и его дому.

Конечно, под крышей царского дворца будет мир. Соломон был мудрым и справедливым, честным и одинаково всех любящим. И все в его доме шло гладко, как по маслу. *Не как во времена царя Давида!* Может быть, при царе Соломоне жилось скучнее, чем при его отце, зато намного спокойнее.

Меласадна

Когда ее призвали к старшему евноху матери и сообщили, что в подкрепление нового договора между островом-царством Мелит и стремительно разрастающейся империей Израиля планируется заключить брак и в невесты по этому договору из всех царских дочерей выбрали ее, Меласадна склонила голову и старательно изобразила скромное нежелание.

– Как прикажет моя мать и госпожа, – тихо сказала царевна, – но я недостойна такой чести.

К ее тайному облегчению, никто не обратил ни малейшего внимания на эти произносимые ради приличия возражения.

Ее собирали в дорогу очень пышно, однако в большой спешке. «Боятся, что царь Израиля передумает», – презрительно улыбалась Меласадна.

Она знала, что царь Соломон не передумает. Не может передумать. Как и ее мать. Потому что их островное царство нуждалось в этом союзе так же отчаянно, как молодая красивая вдова нуждается в сильном новом муже.

Когда-то Мелит был неуязвим. Его защищало море, окружавшее со всех сторон, и на этом море правили его корабли. Но двенадцать поколений назад те спокойные времена ушли безвозвратно, их поглотила ночь смерти и пламени, изгнавшая Дельфиний флот из Великого моря. За огненным

апокалипсисом, низвергшим династию Миноса, последовали хаос и медленный упадок. Сейчас от царей моря и созданной ими империи остались только беззащитные островные государства да память о былой славе.

И, хотя никто из ныне живущих никогда не видел, как Дельфиний флот во всем своем великолепии выходит из кносской бухты, Мелит все еще оплакивал его гибель. Без защиты морских царей такое маленькое царство могло рассчитывать лишь на переменчивую милость пиратов, владевших Великим морем, и богов.

А в далеком Ханаане пришел к власти новый царь. Достаточно богатый и могущественный, чтобы установить порядок на беспокойном море. Все путешественники, останавливавшиеся в Мелите, наперебой воспевали царя Соломона. Меласадна едва осмеливалась верить хотя бы половине рассказов. Но, даже если верить лишь половине, выходило, что этот царь Соломон – второй Минос!

«Богатый, могущественный, мудрый, да к тому же красивый. Чего еще желать?» Думая так, Меласадна мысленно поздравляла себя. Как же ей повезло, что старшая сестра пала жертвой чумы Крысиного царя и ее щеки избороздили шрамы от сыпи, а самую красивую сестру отдали в Храм Госпожи! Когда Меласадна услышала о том, что две страны готовят договор, она молилась, чтобы невестой выбрали ее, и обещала Ариадне Сияющей свой любимый пояс, если царевной, которую пошлют через Великое море в новую сильную страну, станет она.

Ее отправили к царю Соломону с самым щедрым приданым, какое Мелит когда-либо давал чужеземцу. Кроме дружбы Мелита, царь Соломон получал надежный порт, свободный от всех податей, и рынок для израильской шерсти и масла. А сама Меласадна для жениха, который, сам того не зная, спас ее от судьбы старой девы и служанки при матери, тайком взяла с собой еще один подарок. От себя она везла пару маленьких белых собачек, которыми могли владеть лишь члены царской семьи. Меласадна до сих пор улыбалась, вспоминая замешательство и смех царя Соломона, когда она опустилась на колени и вручила ему прикрытую крышкой корзину, откуда раздавался звонкий лай.

– Что же это за голосистый подарок? – спросил Соломон и поднял крышку.

На него уставились две пары блестящих черных глаз. Крошечные собачки посмотрели на великого царя, а затем начали выбираться из корзины. Соломон подхватил их, спасая от падения. Меласадна помнила, как их длинная шерсть свисала меж его пальцев. Лишь намного позже она

поняла, какую доброту на самом деле проявил царь, – ведь она тогда не знала, что люди, среди которых ей предстояло жить, ненавидят собак и считают их нечистыми.

– Они приносят счастье нашему роду, – сказала она, – и лишь люди царской крови могут владеть такими собаками. Это подарок тебе от меня, муж мой.

Она улыбнулась. Ей хотелось, чтобы он понял, как она рада этому браку. Она надеялась, что и он рад.

– Это очень щедрый подарок. – Соломон озадаченно смотрел на малышей. Они крутились и быстро-быстро лизали его руки розовыми язычками. После минутного колебания он вручил собачек Меласадне. – Я прошу, чтобы ты ухаживала за ними. Я ничего не знаю об этих животных, а им, конечно, нужен самый лучший уход.

Вот так, к ее величайшей радости, собаки остались у нее, хотя Соломон, приходя к ней, никогда не забывал спросить об их здоровье. Царские собаки отлично себя чувствовали и оказались плодовитыми, и теперь Меласадна всегда ходила, окруженная стайкой крошечных белых собачек, окутанных длинной белой шерстью, словно облаками.

Она тоже отлично себя чувствовала. В приданое ей дали два торговых корабля, и она проявила смекалку, заключая сделки. Она отправляла на север изящную посуду и тонкие ткани, а на юг корабли привозили меха и янтарь. Ей удалось хорошо наладить торговлю. Она родила царю Соломону двух сыновей, красивых мальчиков, унаследовавших отцовский ум и доброту. Меласадна смотрела на собачек, мелькавших у ее ног, словно хлопья морской пены, и улыбалась.

«Жизнь прекрасна». Она была царицей во дворце царя Соломона, матерью двух чудесных мальчиков, к которым когда-нибудь перейдут ее корабли. Все ее молитвы исполнились.

Меласадна всегда помнила об этом и была благодарна.

Песнь Ваалит

Не буду лгать, что вела себя лучше других женщин в отцовском дворце: я тоже пялилась широко раскрытыми глазами на диковинную свиту колхидской царевны... Мужчины, одетые как женщины, женщины, одетые как мужчины...

– И собаки, огромные черные собаки!

Царевна еще и шагу не успела ступить в верхнем городе, а уже по

меньшей мере двенадцать гонцов принесли эту новость на женскую галерею. Если у цариц нет шпионов, то нет и власти.

– Говорят, она кормит их новорожденными младенцами!

И я не буду лгать, что смеялась над этой глупостью, – хотя, клянусь, я не понимала, как могло изо дня в день рождаться достаточно младенцев, чтобы прокормить этих собак. К моему стыду признаюсь, что предложила Нимре (она тоже сомневалась, что чужестранка в состоянии раздобыть столько детей, чтобы удовлетворить аппетит черных псов), свое объяснение:

– Может быть, она и другим мясом их кормит, а младенцами – лишь когда удастся их достать.

Я думала, что это возможно. Нимра вроде бы сомневалась. Она сказала, что собачки госпожи Меласадны едят лишь мелко порубленное мясо куропаток и маленькие кусочки медовых хлебцев.

– Собачки госпожи Меласадны меньше египетских кошек госпожи Нефрет. А эти собаки величиной с коней! – возразила я.

– Тогда, наверное, они едят траву и овес, – сказала Нимра, и мы рассмеялись и побежали за царицами, наложницами и служанками в Женский дворец. Как и все, мы хотели посмотреть на колхидскую невесту – и ее огромных собак.

Подготовка к свадьбе шла полным ходом, и Женский дворец гудел, словно улей. Каждая царица, каждая наложница тщательно украшала себя, словно сама готовилась выходить замуж. Теперь они собрались в Женском дворце, чтобы приветствовать царевну из Колхиды. И сегодня в кои-то веки все женщины радовались моему присутствию.

Ведь отец не выделял никого из своих женщин. После смерти моей матери никто не мог занять ее место в его сердце. Поэтому часто случались ссоры за первенство. Из женщин моего отца наибольшей значимостью обладали Наама и Нефрет. Царица Наама была матерью старшего царского сына. С другой стороны, Нефрет была дочерью фараона.

Поэтому в такие дни мое положение единственной дочери Соломона, его любимого ребенка, проливалось маслом на шторм их уязвленных чувств. И кроме того, я уже вступила в тот возраст, когда могла распоряжаться во дворце, и никому из отцовских жен не приходило в голову ставить под сомнение мое положение. Теперь я стояла впереди всех, собираясь приветствовать колхидскую невесту в ее новом доме.

Для этой церемонии мои мачехи хорошо надо мной потрудились, наперебой украшая меня, – каждая надеялась, что я упомяну ее труды в

разговоре с отцом. Наама одела меня в платье из тонкой и светлой, словно солнечные лучи, ткани. Нефрет раскрасила мне веки зеленой малахитовой крошкой и густо подвела глаза черным. Меласадна заплела мне волосы, а Аринике завершила ее работу золотыми шпильками в виде бабочек. Целых двенадцать женщин очень старались, чтобы я достойно представила отцовский дом и благосклонно отнеслась к ним.

И вот я стояла во главе собравшихся. Они создали мой образ своим трудом, как если бы выткали покрывало по своему вкусу. Там, в золоте и пурпуре, с жемчужной повязкой на волосах, я чувствовала себя настоящей царевной. Не буду лукавить: мне очень нравилось быть обласканной всеми любимицей дворца. Теперь я вижу, каким была ребенком. В тот день я казалась себе женщиной, но она тогда еще не появилась на свет.

Мои наперсницы – главные товарки по играм – стояли за мной, одетые, словно две луны, затмеваемые солнцем. Когда перед колхидской царевной распахнулись большие кедровые ворота, я услышала шепот Нимры:

– Как думаешь, черные собаки сожрали пророка?

Кешет тихонько засмеялась. Ожидавшие женщины шушукались.

– Тише, – сказала я, чувствуя себя очень властной, и скорее ощутила, чем услышала сдавленное хихиканье моих девушек.

А потом колхидянка вошла в Женские ворота, и смех оборвался.

С ней не оказалось огромных собак – меня это разочаровало. Сопровождали ее лишь двенадцать закутанных в черное служанок – так мне сначала показалось. Присмотревшись, я поняла, что на самом деле это мужчины, одетые и покрашенные, как женщины. Евнухи. Некоторые из жен моего отца тоже держали этих полумужчин в качестве слуг. Но известные мне евнухи не пытались никем притворяться. Они бы постыдились одеваться женщинами.

Глядя прямо перед собой, царевна шла вперед и в конце концов оказалась так близко от меня, что если бы мы обе протянули руки, то соприкоснулись бы кончиками пальцев. Поблескивали ее глаза, непроницаемые, словно темное стекло. Я призвала на помощь свои царственные манеры и поклонилась, произнося заученные формальные слова:

– Добро пожаловать во дворец царя Соломона. Входи и будь нам сестрой.

Я улыбнулась и протянула руки, чтобы отвести царевну в ее покои, но она не двинулась с места. Я повторила свое приветствие на торговом наречии, которым пользовались на всех основных путях. Но и тут она не

ответила. Теряя уверенность, я обратилась за помощью:

– Говорит ли кто-нибудь на языке, который понимает госпожа Даксури?

После краткого неловкого молчания женщины начали расступаться, пропуская вперед госпожу Гелику.

– Может быть, я смогу с ней объясниться. Я попытаюсь.

Я удивилась, ведь госпожа Гелика очень редко подавала голос и почти не появлялась среди других женщин. Она им не нравилась и отвечала тем же. Ее считали надменной и холодной. Я торопливо поблагодарила ее. Гелика поклонилась колхидской царевне и заговорила, медленно и осторожно подбирая слова. Та слушала, ни единым движением не показывая, понимает она или нет.

Гелика замолчала. Колхидянка смотрела на нее, не выказывая никаких чувств. Гелика покраснела и потупила глаза. Она так сильно впилась ногтями в ладони, что побелели костяшки пальцев.

Наконец взгляд темных глаз колхидянки обратился ко мне. Она кивнула и протянула мне руку. Скрывая свое нежелание касаться ее, я легонько сжала ей пальцы, коротко, лишь для соблюдения обычая. Ее кожа была белой и прохладной, словно мрамор.

– Она пойдет с тобой, царевна, – сказала Гелика.

– Нам повезло, что ты знаешь ее язык, – с улыбкой поблагодарила ее я.

– Совсем немного, – ответила та, – я выучила его давно и многое позабыла.

Она все еще стояла, вцепившись в тяжелые складки своего платья. Я снова поблагодарила ее и умоляюще посмотрела на Нефрет и Нааму:

– Нам нужен посредник, чтобы с ней говорить. Пошлите к отцу за ее переводчиком.

Мне показалось странным, что госпожа Даксури не знает ни слова на нашем языке. На ее месте я бы поспешила выучить язык своей новой родины, чтобы не зависеть от милости чужестранцев. В отличие от меня, она не позаботилась даже о том, чтобы выучить торговое наречие, – еще одна глупость со стороны того, кто отправляется в далекий путь.

Но с помощью Гелики я по крайней мере смогла выполнить свой долг перед новой отцовской женой. Я провела госпожу Даксури через лабиринт дворцовых покоев, образованный бесчисленными пристройками, непрерывно добавлявшимися, чтобы угодить каждой новой царице. С колхидянкой я оставалась только до тех пор, пока не убедилась, что она не выказывает недовольства своими покоем, а затем поспешила в гаремный сад во внутреннем дворе. Там женщины моего отца, словно цветы,

склонившись друг к дружке, жалили новую невесту словами, острыми, будто колючки. Когда я вошла, болтовня на миг прекратилась, а потом они поняли, что это всего лишь я, и продолжили.

– Ночные вороны, – сказала Адафь, – а она – воронья царица. Наш царь любит яркие слова и яркие наряды, ей тут ничего не светит.

Из группки иудеек послышались слова Ешары, едкие, словно уксус:

– Никому из нас тут ничего не светит, что уж говорить об идолопоклоннице из какой-то глухомани.

– Наши боги по крайней мере не стыдятся показывать свои лица, – отрезала Адафь.

Собачки Меласадны, раззадоренные громкими голосами, залаяли. Эти настойчивые визгливые звуки, перекрывая злобные замечания, напомнили женщинам о том, кого они обсуждают.

– Надеюсь, это не единственный ее наряд, а то черный на свадьбе – к несчастью.

– Да эта невеста сама по себе – несчастье. Видели, как она смотрела на нашу царевну? Не удивлюсь, если она прокляла ее.

– Не завидую я ее девицам-служанкам. Или это у нее мужчины-служанки?

– Мужчины в женских одеждах... Даже если они на самом деле не мужчины, все равно, так одеваются только жрецы Дагона, а уж с ними-то все понятно.

– Несладко придется нашему царю, когда обо всем этом узнает новый пророк. Черные собаки, да еще и...

– Несладко придется нашему царю в брачную ночь, – сказала царица Наама, и услышавшие это засмеялись.

– Но тебе, Наама, никогда не было дела до собак, – тихо сказала Меласадна.

Я жестом подозвала Нимру и Кешет. Жены и наложницы отца так углубились в свои сплетни, что никто не заметил, как мы вышли из сада, молча и тихо ступая, пока не оказались за расписными колоннами. Теперь, когда никто уж точно не мог видеть и слышать нас, мы втроем переглянулись, схватились за руки и побежали со всех ног по длинному коридору к кухне. Остановившись у кухонных дверей, мы хохотали, пока не начали задыхаться.

Стоило нам успокоиться, Нимра сказала:

– Черные собаки и черные сердца.

И мы снова расхохотались. Мы были так юны, что видели в стычках взрослых лишь пищу для своего веселья.

«Хоть он и царь, но в глазах Яхве – всего лишь человек», – в сороковой раз напоминал себе Ахия, ожидая в большом дворе, пока Соломон выйдет из своих покоев. В конце концов, кто такой царь? Человек, которому другие решили подчиняться, не более. «А когда люди устают подчиняться тому, кто ничем их не лучше, они видят свое заблуждение и вновь склоняются перед законами Яхве».

«И перед Его пророком», – прошипел тихий голосок. Лишь Ахия слышал его. Он силился подавить соблазн: «Нет. Нет, я не буду слушать. Я тоже всего лишь человек».

Но не обычный человек, а слышащий голос Яхве, доносящий слово Яхве до людей. Этого он тоже не мог отрицать. Именно поэтому слышный лишь ему шепот обладал такой притягательной силой. Но Ахия не хотел попадаться на эту соблазнительную приманку. «Я не лучше других. Я посланник Яхве, только и всего».

Он уцепился за эту мысль как за путеводную нить, надеясь, что она, связывая его с делом длиной в жизнь, окажется достаточно прочной. Ведь и сам Ахия был всего лишь человеком, мужчиной, который смотрел в черные глаза разврата и выстоял против чужеземных соблазнов. Который прошел через весь золотой город царя Давида, от Конских ворот до самой Храмовой горы и обратно по вымощенным булыжником улицам к царскому дворцу. И, хотя Ахия измучился, он не захотел остановиться и отдохнуть. «Если я не могу увидеться с первосвященником, я брошу вызов самому царю Соломону. Да. Так даже лучше. Это показывает, насколько сильное оскорбление он нанес, раз Яхве приказывает мне изобличить его».

Пророк Самуил изобличил царя Саула, а пророк Нафан порицал Давида. «Так и пророк Ахия, осыпав царя Соломона упреками, вернет его на путь, предназначенный нашим Богом, – если он услышит и покорится. Если же нет...»

Если царь Соломон не покорится, что тогда? Конечно, если Яхве лишит его своей милости, все грандиозные планы царя, его спесивые мечты исчезнут, растают, как туман в лучах солнца. «Ведь я прав, а царь и священники заблуждаются. Почему они этого не видят? О Яхве, в чем я провинился, почему не дано мне показать им яму, которую они сами себе роют?» Боль пронзила левый глаз и голову раскаленным сверкающим копьем. Предупреждение, знак, что терпение Яхве не бесконечно. «Я заставлю этого царя узреть Твою волю, Господи. Я должен».

Его так поглотила эта немая борьба, что, когда царь прошел меж рядами кедровых колонн вдоль двора, Ахия не заметил бы его, если бы тихий смех царского спутника не резанул его слух. Аминтор Критский, один из множества чужеземцев, кишевших во дворце, словно саранча, пожирающая колосья. Сияясь не обращать внимания на пожар, бушующий за левым глазом, и острые зубы, разрывавшие грудь, Ахия сделал глубокий вдох и стукнул посохом о гладкий камень под ногами:

– Соломон! Слушай и внемли!

Царь остановился и обернулся, его лицо не выражало ничего, кроме спокойной учтивости.

– Добро пожаловать, Ахия. В тени ты можешь найти отдых.

Что ж, царь сам дал повод, и Ахия не упустил такой возможности:

– Как может пророк Яхве искать отдыха, когда землю Господа оскверняет мерзость? Когда Его народ запятнан пороком?

Выражение лица Соломона не изменилось, но, даже стоя в дюжине шагов, Ахия почувствовал, как царь отстраняется, как не хочет склоняться перед истиной. А за спиной Соломона критянин разглядывал Ахию с насмешкой и пренебрежением, словно взрослый, наблюдающий за выходками неразумного ребенка.

Царь подошел ближе, протянув руку:

– Сейчас не время и не место для этого разговора. Идем со мной и спокойно поговорим.

– Зачем искать времени и места? Я говорю по велению Яхве, а слова Яхве не нужно шептать по углам, их нужно выкрикивать с башен.

Соломон улыбнулся, но глаза его остались холодными.

– Хорошо, Ахия, говори так, как тебе по душе. Что ты хочешь сказать мне?

Царское нежелание слушать казалось почти осязаемым, оно повисло в воздухе между ним и пророком, как невидимое покрывало. «Но я – уста Яхве. Мой долг – порицать даже правителей, если они творят зло в глазах Господа».

– То, что я повторял уже сорок раз, о царь, – в словах пророка звучало презрение, а сердце его сжигал гнев, – что ты пренебрегаешь заповедями нашего Господа. Ты якшаешься с чужеземными женщинами и злонамеренными мужчинами. Сегодня весь Израиль и вся Иудея видели, как ты приветствуешь ложных богов и их распутных жрецов. Ты превратил народ Яхве в язычников и блудниц!

Пророк прервался, чтобы перевести дух, и царь воспользовался секундной передышкой:

– Это все, Ахия? Мне многое предстоит сделать сегодня, в том числе помолиться нашему Господу в большом храме. Храме, который я построил для нашего Господа и во славу Его.

– Его славу? Или свою собственную? – Ахия смотрел в холодные глаза царя и видел там лишь отрицание. – Я понял, что царь не будет слушать, – в тишине слова Ахии падали, словно камни, – но помни, Соломон, сын Давида: что Яхве дал, то Он может забрать по воле Своей. Ты всего лишь человек. Внемли и покорись, пока не стало слишком поздно.

На этот раз Ахия не дал Соломону возможности ответить. Он повернулся спиной к нему и пошел прочь.

Позади он услышал вопрос Аминтора Критского:

– Царь мой и господин, как ты терпишь этого неряху? Одно твое слово – и пять-шесть моих людей с радостью...

– Нет! Он пророк, нельзя подступать к нему в гневе.

– ...искупают его, – без запинки закончил Аминтор.

Удаляясь, Ахия слышал смех царя Соломона.

Праведный гнев испепелял кости Ахии, ведя его сквозь тени и свет, пока пророк не оказался перед большими воротами царского дворца. Здесь его оставили силы. Внезапно почувствовав изнеможение, Ахия сел под оливковым деревом, прижав кулак к груди, – там, под сердцем, пылала боль. Царь Соломон отказался внять ему, и это было плохо, но хуже того – он смеялся.

«Смеялся надо мной. Надо МНОЙ, голосом Яхве. Когда-то он не осмелился бы. Когда-то пророков превозносили, им внимали, их боялись. А теперь...

А теперь никто не внимает моим словам, и грешники высмеивают волю Яхве».

Уже не в первый раз Ахия пожалел, что не родился сто лет назад, в те дни, когда правил великий пророк Самуил – неоспоримый голос Господа Саваофа. Самуил назначал царей. И низвергал их.

Но с тех пор случилось так, что власть ускользнула из рук пророков. Теперь правили цари и первосвященники, богатые лентяи, заботившиеся лишь о собственных желаниях и выдававшие их за непогрешимость и благочестие.

Ахия знал, что они заблуждаются. «Путь богатства – для скудоумных». Для скудоумных и грешников. Он резко поднялся и, выйдя из дворцовых ворот, двинулся вниз по склону холма на главную торговую улицу. На его лице застыло жесткое выражение, взгляд стрелой летал по сторонам,

отмечая на пути каждый признак упадка и греха.

Вон мужчины якшаются с язычниками, торгуются, уступая свое достоинство и глумясь над законами Яхве. Вон женщины щеголяют серебряными и золотыми уборами. Женщины, чьи накрашенные лица кричат об их испорченности. Люди, наслаждающиеся грехом и заблуждением.

И вдобавок ко всему этому повсюду высились храмы. «Дома гнусного святотатства». Храмы бесчисленных чужеземных богов так и кишели в Иерусалиме. Сюда хлынули полчища чужестранцев, поклонявшихся идолам, ведь теперь в городе, который Яхве отдал в руки царя Давида, заботились больше о прибыли, чем о Боге, которого стали называть просто Господом, говоря, что имя его слишком священо, чтобы поминать.

«Лицемеры. Они не поминают Его имя, потому что страшатся взывать к Нему, страшатся навлечь на себя Его гнев. Люди Яхве должны увидеть, какая пропасть разверзлась у их ног, и отступить, пока не пали окончательно».

Этот страх мучил Ахию больше всего, бесконечной болью выкручивая кости. «Они видят уныние духа и называют его добрым знаком. Они принимают зло, называя добродетелью. И Яхве покарает их за это». Если он, Ахия, не сможет вернуть народ Яхве к суровому уговору с Богом, гибель падет не только на их головы, но и на него.

Если он не справится, то царство разлетится вдребезги. Яхве не потерпит непокорного народа. «Если я не справлюсь, мой народ уничтожит себя. Если я не справлюсь...»

Он оказался перед портиком здания, которое, судя по пурпурным колоннам, служило домом богине Атаргатис. Между колоннами стояла женщина. Губы ее пятнал красный, а веки – зеленый цвет. На лбу был нарисован синий трезубец. Улыбнувшись, она поманила к себе Ахию:

– Кажется, что-то тревожит тебя, друг. Входи, и пусть Атаргатис Ликующая утешит тебя.

Его охватило холодное отвращение, и, хотя все в нем тянуло его прочь от жрицы, сосуда греха, Ахия заставил себя не отступать. «Я – пророк Яхве, – напомнил он себе, – я никого не боюсь». Не скрывая возмущения, Ахия смотрел на размалеванную женщину. «Я сильный. Тебе не удастся совратить меня с праведного пути, хотя твои губы напоены медом и вином!»

Через какое-то время искусительница пожала плечами и оставила попытки завлечь его. Ахия пошел прочь. Но то, от чего он отказался, другой мужчина с радостью примет. Ахия мысленно вздохнул. Лишь когда

в Иерусалиме выжгут всю эту заразу, народ Яхве сможет жить в безопасности.

«Лишь тогда я смогу жить в безопасности». Он старался не содрогаться, когда боль, которую он терпел за грехи всего Израиля, становилась особенно сильной. Лишь позволил себе прижать руку к сердцу – туда глубже всего вгрызались раскаленные клыки его собственной вины. «Да, Господи. Я понял. Я должен приложить больше усилий. Я не могу потерпеть поражение».

Он не смел. Слепленный, Ахия шел по людным улицам Иерусалима. «Если царь не хочет действовать, должен вмешаться Храм. Да. Я поговорю с Садоком».

На изнеженного роскошью первосвященника было мало надежды, но Ахие следовало дать ему эту возможность. И, если Садок откажется внимать ему, а по всему выходило, что именно так и произойдет...

«Тогда я должен найти другое оружие, чтобы выполнить волю Яхве». Когда-то пророк возводил царей на трон. И низвергал их. Если понадобится – если так повелит Яхве, – пророк снова сможет низвергнуть нечестивого царя, а его пороки прахом развеются по ветру.

«Порочный царь и его чужеземные идолопоклонницы. Я низвергну их всех. Низвергну в прах Соломона и его женщин».

Соломон

– Бедный Ахия! – Соломон смотрел вслед пророку: в каждом шаге Ахии чувствовалась ярость. – Он не видит, что меняются времена, меняются обычаи. Что наше царство и его народ должны впустить на эту землю ветер перемен, который принесет новое. Мне жаль его.

– О царь, ты всех жалеешь, – ответил Аминтор, – позволь дать тебе один совет, господин мой: перестань. Большинство из них не заслуживают этого, а остальные наслаждаются невзгодами.

– Ты явно слишком суров.

– Явно не слишком. Разве не знаешь ты женщин, которые счастливы лишь тогда, когда жалуются?

Соломон пристально смотрел на Аминтора, а в душе его доброта спорила с правдой. Соломон, как всегда, попытался примирить их:

– Я стараюсь заботиться о том, чтобы моим женам не на что было жаловаться. Об их счастье.

Но они не были счастливы, и сердце его признавало это, не зная, как

все исправить. «О Ависага, как же тебя не хватает! Ты могла бы направлять их». Ведь были же его жены счастливы когда-то? «Или я просто закрывал глаза на все, кроме собственных удовольствий?»

– Царь, снова ты отдаешься мрачным думам.

– О моих недостатках.

Аминтор положил руку Соломону на плечо:

– Друг мой, из всех известных мне людей у тебя меньше всего недостатков. Ты видишь тени там, где ярко сияет солнце.

– Ты очень добр.

– Я очень забочусь о себе. Мне приятнее, когда окружающие меня люди улыбаются и ничто не омрачает моего удовольствия и когда мои женщины довольны. Таков и ты, и это вносит лепту в твои тревоги.

– О чем ты?

– У тебя слишком много жен и слишком мало женщин.

– Я заключаю браки по необходимости. Полюбуйся золотом и лошадьми, которых прислали из Колхиды, – и ты увидишь смысл в этой женитьбе.

– Остается надеяться, что вместо золота и лошадей они не прислали собак. Ну и процессия!

– Да, – ответил Соломон, – должен признаться, я не ожидал этого. Думаю, я должен успокоить пророка...

– Зачем? Царь – ты, а не он. А если он тебе докучает, что ж, существуют средства...

– Нет, – это слово тяжело упало между ними. – Нет, – повторил Соломон уже мягче, – я правлю не так.

– Так правят все цари, в конце-то концов, – рассмеялся Аминтор, – ведь для чего нужна армия? Канавы копать?

Соломон с улыбкой покачал головой, представив себе, что делали бы солдаты Венаи, если бы им приказали отложить оружие, взять кирки и лопаты и из воинов превратиться в рабочих. Легкомысленные замечания Аминтора веселили, но в конечном итоге критянин не мог понять, что на плечах правителя лежит тяжелая ноша. И что так и должно быть. Но хорошо бы когда-нибудь встретить кого-то, кто понимает это по-настоящему.

Садок

– Первосвященник, с тобой желает говорить пророк Ахия.

Лицо прислужника оставалось бесстрастным, а голос – ровным и почтительным. Никто не мог бы догадаться, что юный Иеремия, как и большинство в храме, считает пророка Ахию полоумным.

«О нет, – подумал Садок, испытывая жалкое чувство вины, – сколько можно?» Ахия приходил сюда лишь для того, чтобы высокопарно клеймить человеческие грехи. А люди не желали отрекаться от своих грехов в угоду холодной и твердой, будто гранит, морали пророка.

Садок и не считал, что народ настолько уж погряз в грехе. Какая беда в том, что женщина испечет несколько сладких хлебцев для Царицы Небесной? Или в том, что мужчина принесет ягненка в жертву Ваалу, отдав перед этим быка Господу? В конце концов, Господь лишь требовал, чтобы Его почитали первым среди всех богов. И уж конечно, если бы Он гневался, Он явно показал бы свое недовольство, как случалось очень часто в былые времена.

– Что ответить пророку, первосвященник? – спросил Иеремия, и на миг Садок подумал, что хорошо бы не принимать Ахию.

Но такое поведение лишь сильнее разозлило бы его, превратив их очередную случайную встречу в еще более неприятную сцену, чем обычно.

– Зови, – со вздохом сдался Садок.

Ахия вошел и остановился, гордо выпрямившись. «Как будто готовится вдохновлять армию на бой, а не говорить с дряхлым старцем». Собравшись с духом, Садок приветственно кивнул:

– Добро пожаловать, Ахия. Проходи и садись. Позволь угостить тебя вином из лучшего урожая прошлого года, сладким и...

– Первосвященник, я пришел не для того, чтобы лакать вино, – оборвал его пророк, – а для того, чтобы провозгласить волю Яхве.

«Я не лакаю вино», – с раздражением подумал Садок, содрогаясь от упрямства Ахии, который неизменно произносил истинное имя Господа, словно бы подчеркивая, что сам первосвященник больше не называет Его по имени. «Это ведь потому, что теперь уже не подобает каждому произносить имя Господа своими устами! И я, первосвященник, знаю волю Господа не хуже, чем Ахия!»

– Что ж, говори, – ответил он, подавляя вздох.

Ахия помолчал, сверля Садока взглядом, словно разъяренная хищная птица.

– Нельзя насмехаться над Яхве, – объявил наконец Ахия.

– Конечно нельзя. – Садок надеялся утихомирить пророка, благочестиво соглашаясь с ним. Пустая надежда, развеявшаяся при следующих его словах:

– Нельзя насмехаться над Яхве, нельзя глумиться над Его словами. И нельзя насмехаться над Его пророком. Даже если голову человека венчает корона, Яхве может возвысить его или низвергнуть. – Голос Ахии стих до настойчивого полусшепота. Садоку почему-то подумалось о гадюках. Слова Ахии несли в себе яд, сильный и смертоносный. – Да, низвергнуть. Во прах. Его и его чужеземных женщин, его идолов, его кощунства. Он забывает, что правит по милости Яхве, что его возвели на трон для того, чтобы вершить волю Яхве. Чтобы выполнять приказы Яхве. А не для того, чтобы ставить столбы во славу распутной Ашеры и высаживать рощи для каждого ложного бога, чьих почитателей он хочет ублаготворить. Такой царь творит зло в глазах Яхве – чье имя он даже не осмеливается произнести! Такой царь творит кощунство в глазах всех людей и называет это благом. Будь проклят такой царь!

Пророк продолжал свою тираду, но Садок не обращал внимания – все это он уже слышал. «Нет, будь проклята моя надежда, что Ахия хоть когда-нибудь выскажет свое возмущение кратко. Смилуйся, Господи, молю Тебя. Ведь сегодня у царя свадьба». Несомненно, сегодня Ахия злился на жизнь еще больше, чем обычно. И, несомненно, держать в себе эту злобу он не хотел. Садок старался хранить благостное терпение. Даже Ахия не мог говорить вечно. Первосвященник ждал, кивая время от времени, когда Ахия особенно распался, злясь на жизнь, на мужчин и женщин за то, что они такие, какие есть.

– Проклятье падет на такую землю! Проклятье падет на такой народ! Проклятье падет на такого царя!

Ахия сделал эффектную паузу – или просто остановился перевести дух. И Садок поспешил вмешаться:

– Да, конечно. Но, если бы Господь гневался, Он бы открыто показал свой гнев.

Ахия уставился на него ледяным взглядом:

– Он открыто показал свой гнев *мне*.

– Я этого не видел, – твердо ответил Садок, – Урим и Туммим дают лишь благоприятные ответы. Огонь, в котором сгорают жертвы, ярок. – Он выдержал взгляд Ахии – непростая задача – и добавил: – Как бы там ни было, я не понимаю, чего ты хочешь от *меня*. Я покорно выполняю все заветы Господа.

– Царь Соломон не выполняет.

Именно против царя Ахия направлял свою обличительную речь. Садок понял это по злобному торжеству в голосе пророка.

– Царь Соломон тоже покорно выполняет все заветы Господа, Ахия.

– Нет! Он разрешает поклоняться идолам и допускает кощунство. Он связался с чужеземками и потакает их порочным прихотям.

Ахия сделал глубокий вдох, и Садок понял, что пророк лишь начинает свою речь. Садок также понял, о чем он, очень долго и многословно, расскажет дальше. Обычай требовал, чтобы пророка не ограничивали в праве слова. Но никто не мог требовать от Садока большего, чем видимость почтительного внимания. И потому Ахия разглагольствовал, а Садок, иногда кивая, сидел и думал о том, что его добрая жена подаст к ужину: она знатно готовила и пообещала ему сегодня новое лакомое блюдо.

Но постепенно мысли его вернулись к обличительной речи Ахии. Пророк никогда не был приятным собеседником. И не находил добрых слов для царя Соломона и его двора. Но на этот раз он обвинял более напористо и злобно, чем обычно. И непрестанно возобновлял нападки на чужеземных женщин, повторяя, что в царском доме поклоняются идолам. От этого Садоку становилось не по себе. Когда-то пророк низверг царя. Ахия вообразил себя Самуилом?

Но Соломон – не истерзанный и потерявший почву под ногами Саул. Да и времена изменились. Царь теперь обладал большей властью, чем пророк.

Когда Ахия наконец смолк, Садок быстро заговорил, не давая ему начать снова:

- Ты сказал многое, Ахия. Многое. Я подумаю об этом.
 - Соломон всего лишь царь, а не бог. Он ступил на опасный путь.
 - Да, – кивнул Садок, – да. Я поговорю с ним.
- Давая это обещание, он не лукавил.

Песнь Ваалит

Вечером того дня моя служанка Ривка аккуратно расстегнула и расплела на мне все, что с таким трудом создали мои мачехи. Нимра и Кешет заснули в своей кровати, и, когда я осталась наконец одна, мне вспомнились все слова, сказанные отцовскими женами в залитом солнцем саду, и я захотела вновь беззаботно посмеяться над их глупостью. И не смогла. Словно бы какая-то тяжесть лежала на сердце. Что-то вертелось в мыслях, требуя внимания. Накручивая на палец расплетенные волосы, я вспоминала все события того дня, проверяя, в котором из них залегла тень, мешавшая смеяться.

Пересматривая этот день, я видела лишь отцовских женщин. Светлых

и темных, с противоположного края земли и из селений, раскинувшихся на золотых холмах Иудеи. Все были красивы, все блистали, словно драгоценные камни...

Какая-то мысль трепетала в моем разуме, но я пока не могла ее ухватить. Нахмурившись, я начала перечислять всех отцовских женщин – супруг и наложниц. Присланных в подарок и прибывших в подкрепление договора. Но десятью пальцами обойтись не удалось, и скоро я сбилась со счета. Поэтому я воспользовалась своим запасом неоправленных камней.

Конечно, Нефрет. И Наама, никому не дающая забыть, что она мать будущего царя. Гилада и Гелика, Меласадна и Македа. Женщины из далеких стран. Женщины, чьих обычаев наш народ не понимал. Я положила шесть самоцветов на яркую ткань, покрывавшую мое ложе. На фоне сияющего пурпура драгоценные камни казались почти тусклыми – странная игра освещения и сочетания цветов. На таком роскошном фоне даже золото меньше блестело.

Я продолжила подсчитывать отцовских жен, раскладывая камушки ровными рядами на кровати. Аришат – сидонская царевна. В приданое царю Соломону она принесла два порта. Аиша. Брак с ней означал мир с бедуинами, которые совершали набеги на наши восточные границы. Нилуфар, девушка из Персии, с такими же спокойными и равнодушными глазами, как у лелеемых ею длинношерстных кошек...

Я прекратила считать и провела рукой по переливающейся ткани, собирая в ладонь разные камни. На миг я уставилась на них, потом разжала руку. Из ларца слоновой кости я высыпала остатки и начала раскладывать все свои запасы на маленькие кучки – по названиям. Закончив, я увидела, что больше всего у меня бирюзы и жемчуга. Я принялась считать заново, обозначая бирюзой израильтянок и иудеек. Жемчужины обозначали чужеземных царевен.

Затем я пристально посмотрела на сложившуюся из бирюзы и жемчуга мозаику. Так мало бирюзы и так много жемчужин! На пурпурной ткани они сияли, как россыпь звезд. Бирюза рядом выглядела тусклой. Ее красивый небесно-голубой цвет терялся на роскошном фоне.

«Столько жемчужин...» Я вглядывалась в орнамент, который невольно выложила. Теперь, в ровных рядах бирюзы и жемчуга, я ясно увидела, к чему привели женитьбы моего отца, – при дворе оказались одни чужеземцы.

Семья царя уже не походила на семьи его народа. В стенах Женского дворца жили не дочери Израиля и Иудеи, а женщины из других земель, и в приданое они приносили не только золото, города и перемирия, но еще и

своих богов и диковинные обычаи.

«Ничего удивительного, что Ахия так яростно преследует царский двор». Пророк не был уроженцем Иерусалима. Он пришел сюда, желая занять долго пустовавшее место. Со времен Нафана ни один пророк не благоволил царю – а Нафан умер еще до моего рождения. Ахия ненавидел царский дворец и всех чужестранцев, живших здесь. Он разглагольствовал на рыночной площади, клеймя храмы чужих богов, выставшие в городе по мере того, как сюда прибывали торговцы из разных земель. Никто в Иерусалиме, кажется, не обращал особого внимания на Ахию и его бесконечные яростные поношения.

Я посмотрела на бирюзу, потом на жемчужины. А затем взяла еще одну и присоединила ее к другим. Еще одна чужеземная жемчужина, еще одна жена из далеких земель, на этот раз – из страны, лежавшей за северными ветрами. Госпожа Даксури, царица колхидская.

Мой отец гордился, что относится ко всем одинаково справедливо – и что разрешает женам соблюдать их обычаи. Госпоже Даксури он позволит не меньше. Я вспомнила ее закутанных в черное сопровождающих и холодный блеск ее глаз, когда она рассматривала женщин, с которыми ей предстояло жить. Я не знала, какие обычаи привезла она в подарок царю Соломону, но предполагала, что найду в них мало приятного.

Я смотрела на разложенные на кровати драгоценные камни. Жемчуг и бирюза. Тогда я впервые задумалась о том, сколько жемчужин вместит дом моего отца, прежде чем бирюза окончательно затеряется среди них.

Садок

Когда пророк наконец удалился, Садок попытался вернуться в благодушное настроение. Тщетно. Покой ушел безвозвратно. От обличений Ахии Садок разволновался. Дремота, в которой он наслаждался вечером и хорошим самаритянским вином, рассеялась.

«Неужели я когда-то был так молод, так верил в себя и в Яхве – в Господа?» Садок склонялся к тому, что был – наверняка был. Да, когда-то он был горд и смел, словно лев. Юношей он пешком отправился в Хеврон и присоединился к Давиду, когда великий герой правил лишь Иудеей. Он верно служил царю Давиду в хорошие и плохие времена. «Кто увел священников из Иерусалима, когда этот молодой безумец, царевич Авессалом, поднял восстание против своего отца и Бога? Кто унес Ковчег, чтобы Авессалом не мог просить благословения? Я».

Тогда пришлось нелегко, ведь никто не понял, почему Давид Великий убегает из собственной столицы от возмнившего невесть что мальчишки. Священники рьяно спорили, не желая рисковать Ковчегом Завета. Чтобы вынести его за стены Иерусалима и убедить остальных священников отправиться в изгнание вместе с царем Давидом, потребовалось все искусство Садока. «Тогда я владел даром слова!»

«Давид – царь, поставленный Яхве. Ковчег – вместилище Яхве на земле, – сказал он тогда, – и я следую за Яхве, Ковчегом и Давидом. Если вы не пойдете, тогда я сам возьму Ковчег, даже если придется впрячься в него, и потащу его, как бык».

«Я вел их, и они шли за мной. И я оказался прав, ведь Господь даровал победу царю Давиду». И главный военачальник Давида, Иоав, убил царевича Авессалома. «Правильный поступок – этот мальчишка не уважал Храм».

Садок нахмурился, поправляя себя: тогда, конечно, не было Великого Храма и каждый мог свободно произносить имя Господа. Но царевич Авессалом все равно был пустым и никчемным юнцом, презиравшим священников и собственных братьев. И слишком он заносился – *как и царевич Адония*.

Еще один царский сын, метивший на престол. У Адонии хотя бы хватало ума одаривать сладкими обещаниями тех, кто мог послужить его делу. И многие пошли за ним, в том числе первосвященник Авиафар.

«Но я хорошо знал истинную цену Адонии». Как и его брат Авессалом, царевич Адония в глубине души не питал уважения к Господу и Его служителям. Стань он царем, он бы никогда не заботился о священниках, в отличие от Давида. «Царь Давид во время всего своего правления окружал нас почетом и славой. Царь Давид знал, чем он обязан священникам Господа».

Поэтому Садок отвернулся от протянутой руки Адонии, сохранив верность царю Давиду. И снова предчувствия не обманули Садока. Попытка Адонии овладеть короной провалилась. Царевич и поклявшиеся ему в верности оказались низвергнуты во прах. Не стало первосвященника Авиафара. С того дня Садок правил как единый первосвященник Господа Яхве в землях Израиля и Иудеи.

«Тогда я был мудр. Бедный Авиафар! Слишком поспешно он судил, слишком легко отвергал людей». Авиафар всегда презирал Давида из-за его женщин – он считал, что они отдаляют царя от Яхве и на них растрачиваются богатства, предназначенные для строительства Господнего Храма. Зря Садок растолковывал ему пророчества Нафана о том, что царь

Давид лишь готовит место для Храма, что следом придет царь, который возведет Дом Господа на земле. Авиафара это не смягчало.

– Пророк Нафан бежит в упряжке царицы Мелхолы, а она ищет славы лишь для Соломона. – Авиафар плюнул тогда на землю, показывая, что ни в грош не ставит пророчества Нафана. – Следующим на троне окажется сын этой потаскухи Вирсавии – вот более истинное пророчество, чем любые слова Нафана.

– Царевич Соломон – хороший, умный мальчик, – старался успокоить Авиафара Садок. Конечно же, зря.

– Царевич Соломон – дитя греха, сын клятвопреступника и легкомысленной шлюхи, – непримиримо возразил Авиафар, – он недостойн царства.

– Яхве решает, кто достоин царства, – ответил тогда Садок, – а Яхве судит не так, как земные мужи.

Авиафар долго смотрел на Садока. Тот неловко переминался под этим внимательным взглядом.

– Да, – промолвил наконец Авиафар, – но, возможно, Он судит, как земные жены.

– Не понимаю, – ответил Садок.

– Конечно. Я и не думал, что ты поймешь.

Так закончился последний его настоящий разговор с Авиафаром. После опрометчиво устроенного пира по случаю коронации Адонии – празднество закончилось, стоило царю Давиду об этом узнать, и сразу же короновали Соломона – Авиафара отправили в изгнание.

«Не следовало ему идти против сына царицы Мелхолы. Нет, царь Соломон ведь был сыном госпожи Вирсавии. Странно, почему это постоянно вылетает из головы! Я старею, память играет со мной». Как бы там ни было, все знали, что царевич Соломон так же дорог царице Мелхоло, как если бы она сама его родила. «Да и вправду, он похож на нее намного больше, чем на госпожу Вирсавию». Значит, Авиафар поступил вдвойне безумно, бросив вызов не только царю, но и царице.

«Поэтому я мирно сижу сейчас здесь, окруженный почетом, а первосвященник Авиафар умер вдали от царского двора. Бедный Авиафар!»

«Да, но, если я не проявлю мудрость, скоро придется сказать “бедный Садок”». Нега самодовольства развеялась, когда Садок вернулся к своей дилемме. Ахия – пророчествовал он или нет – начал создавать сложности. «Кто знает, что придет в голову такому человеку?»

Садок решил, что предупредит царя Соломона. Осторожно и

тактично – первосвященник не хотел нарушать ровного хода царской жизни.

А также своей.

Соломон

Утро для царя началось плохо. Соломона попросили рассудить спор между двумя женами. Речь шла о рабыне. Каждая из цариц утверждала, что девушка должна служить ей. И царь оказался в затруднительном положении, придумывая решение, способное удовлетворить хоть одну женщину, не говоря уже про обеих. А дальше день становился все хуже и хуже. Управляющий попросил принять его и начал жаловаться на дворцовых поставщиков провизии. Об этом пронюхал главный надзиратель над царскими приставниками и пришел следом – умолять царя о снисхождении к этим же поставщикам.

Однако во всем этом потоке жалоб хуже всего оказался визит Иероваама, надзирателя за сбором ненавистных всем податей и рекрутским набором. Царю удалось проявить милость к управляющему и успокоить расстроенные чувства главного надзирателя, и теперь он надеялся на передышку, но нет – тут же ему доложили, что Иероваам нижайше просит царя явить ему милость и уделить несколько мгновений. Соломону ничего не оставалось, кроме как согласиться, хотя после разговоров с Иероваамом он всегда чувствовал горечь.

– О царь, люди из колена Данова отказались выдать тысячу мужчин, которых я потребовал у них для строительства дорог. Прошу у царя разрешения сурово покарать их.

– Правда? – удивленно поднял брови Соломон. – Я не слышал об этом мятеже.

– В конце концов они выдали людей, но перед этим ставили под сомнение царский приказ.

– Не важно, ставили они под сомнение приказ или нет. Если сейчас тысяча человек строит дороги, то колена Даново подчинилось, разве не так?

– Да, но они спорили и отказывались, пока я сам не выступил против них. Они должны понести кару за своеволие.

Иероваам выпрямился, словно копьё проглотил, возмущенный одной только мыслью, что люди смеют оспаривать его распоряжения. Не будь он так хорош в своем деле, за которое почти каждый день подвергался

поруганию, Соломон давно назначил бы на его место другого.

«Ведь он не только усерден, но и честолюбив». В самом по себе честолюбию нет ничего дурного, *но, как и огонь, это хороший слуга и плохой господин.*

Соломон подавил вздох и взялся за сложную задачу вразумления Иеровоама. Предстояло спасти своевольное колено Даново от скоропалительной кары, не задев при этом болезненную гордость сборщика податей. Тот возразил, что снисхождение может показаться слабостью, и Соломон ответил лишь одно:

– Я не слаб, ты тоже, и, если колено Даново открыто восстанет, придется ему об этом узнать. Но карать людей лишь за высказывания? Нет.

И вот теперь, едва ему выпало немного времени, чтобы изучить новые карты Шелкового пути, с огромным трудом добытые его шпионами, уединение царя снова нарушили:

– О царь, первосвященник просит принять его.

«Господи, что на этот раз?» Соломону иногда казалось, что старик постоянно чего-то хочет. Справедливости ради, Садок чаще всего просил для других, а не для себя. Однако выглядело все так, словно первосвященник считает царскую казну бездонной, а средства – неисчерпаемыми.

– Хорошо, пусть войдет, – с тихим вздохом кивнул Соломон.

Отложив карты, которые собирался изучить, царь заставил себя улыбнуться первосвященнику:

– Добро пожаловать, Садок. Скажи мне, чем царь может послужить первосвященнику сегодня?

Садок склонил голову, принимая царское приветствие:

– Мир тебе, царь Соломон. На этот раз я могу послужить тебе.

«Вот это перемена!» Ни единым взглядом и ни малейшим движением Соломон не выдал этой недостойной мысли. Недостойной и несправедливой. «Но если я даже себе не могу пожаловаться...» К кому он мог обратиться? Даже те, кому он доверял, не вынесли бы груза его человеческой слабости.

Поэтому Соломон снова улыбнулся и указал на обитую тканью скамью у окна:

– Садись, первосвященник. Послать за вином?

Не ожидая ответа, он бросил взгляд на прислужника, стоявшего наготове у дверей. Тот кивнул и кинулся исполнять молчаливое повеление царя.

– Ты очень добр, но я пришел не ради вина – даже столь сладкого, как

твое. – Садок медленно опустился на скамью и сосредоточенно посмотрел на Соломона. – О царь, сегодня мне пришлось принять пророка Ахию.

– Тогда хорошо, что я послал за вином. – Соломон продолжал говорить весело и беззаботно. – Жаль, что он тебя потревожил. Что на этот раз? Опять женское тщеславие?

Садок предостерегающе поднял руку:

– Ты шутишь, а меня действительно потревожили сегодняшние слова Ахии. Он говорил о царском доме и царских женщинах. Он обвинял царскую семью в поклонении идолам.

– Мы уже говорили об этом Садок, – вздохнул Соломон, – я не буду заставлять жен отказываться от своих богов.

– Лучше бы царские жены не поклонялись идолам, – сказал Садок безучастно, словно ребенок, повторяющий скучный вызубренный урок.

– Лучше бы пророк Ахия не лез не в свое дело. – Соломон не сердился на Садока за его замечание, проблема заключалась в другом: понимает ли Ахия, насколько уязвимо это царство? Насколько непрочны заключенные союзы?

У дверей послышался едва различимый шорох, и вошел раб, держа кувшин с вином, а за ним другой внес кубки. Соломон подождал, пока мальчики поставят на стол серебряный кувшин и золотые кубки, затем своими руками наполнил до краев один кубок и налил немного вина в другой. Протянув первосвященнику полный кубок и подождав, пока тот делает глоток, Соломон сказал:

– Поведай мне, почему ты взял на себя труд прийти и передать мне бредни Ахии? Все, что он мог сказать, ты уже слышал сорок раз. Тогда что потревожило тебя теперь?

Садок, нахмурившись, уставился в чашу, словно ища там ответа.

– По правде сказать, я не знаю, о царь. Ахия часто говорил подобное, но на этот раз... На этот раз все было иначе. Он изрыгал яд, словно гадюка. – Садок со вздохом осушил кубок.

Соломон, улыбаясь, взял серебряный кувшин и налил первосвященнику еще вина.

– Благодарю тебя за предупреждение, Садок. Очень жаль, что Ахия любит раздор больше, чем мир.

– От пророков одни неприятности. Да, я знаю, они вещают от имени Господа, – но и я провозглашаю Его волю. В конце концов, я первосвященник.

– А я царь. Ахия же ругает нас, будто глупых мальчишек. – Соломон обхватил ладонями кубок, слегка нагревающийся от его прикосновения.

Темно-красная жидкость отсвечивала пурпурным. – Царь, первосвященник и пророк... Знаешь, Садок, иногда я думаю, что не стоило старому Самуилу так легко покоряться воле народа и ставить царя над Иудеей в те давние времена.

– В таком случае и ты ведь не стал бы царем, – заметил Садок.

– В таком случае, – улыбнулся Соломон, – я и не родился бы, ведь, если бы Самуил не поставил царем Саула, Давид никогда не стал бы царем после него. А не будь царем мой отец, он никогда не увидел бы, как купается моя мать.

– Царь мой!

– А что такого, Садок? Даже ты не мог думать, будто я рос во дворце Давида, не зная обо всей этой грязи.

– Царь Давид был великим человеком и любимцем Господа нашего.

– Ты повторяешь это, как ученик, затвердивший урок. Но ты, пожалуй, прав. Несмотря на все свои заблуждения и пороки, мой отец мирно умер на своем ложе, в преклонных годах.

«Отягченный годами и грехами. А его все равно провозгласили великим царем. Что скажут о царе Соломоне? Назовут ли в будущем и меня великим?»

Его приемная мать, царица Мелхола, растила из него мудрого и справедливого царя. Она учила его выбирать мир, а не войну, и доброту, а не честолюбие. Но теперь он сомневался, хватит ли ему тех уроков. «Ты воспитала меня добрым человеком. Но может ли добрый человек хорошо править?»

Царствование было сложной игрой, а правила ее менялись так же часто, как форма барханов в пустыне. Царь нуждался в умениях, чуждых простым людям, проливающим пот в полях или торгующим на рынке. Не хватало одной лишь доброты, или справедливости, или милосердия – эти добродетели разрушали царства, если не были уравновешены беспощадной расчетливостью, оценивающей истинный вес каждого действия. Ведь царь должен смотреть дальше ненависти, жадности и честолюбия – и дальше самой любви и мудрости.

«Быть царем не так просто, как думают бунтовщики, ропща и хвастаясь вокруг своих костров».

Царица Мелхола хотела соединить лед с огнем. Душераздирающая, непосильная задача. Иногда Соломон жалел, что царица вообще за нее взялась и что корона не досталась кому-то из его старших братьев. Но врожденная честность с собой заставляла его признать, что действительно следовало выбрать его – единственного царского сына, не ослепленного

честолюбием...

– Садок, случается ли тебе думать о том, каким стало бы царство, если бы правил не я, а мой брат Адония?

– Нет, – ответил первосвященник, – потому что я не люблю думать о плохом.

– Ты думаешь, царь Адония правил бы плохо?

– Если бы Господь предназначил Адонии править, он стал бы царем. Но царь – ты, а значит, тебе предназначено править.

– Тяжело тебе возражать, Садок, и невыгодно спорить с тобой.

На лице первосвященника проявилось облегчение, и Соломон почувствовал укол совести – не стоило подшучивать над стариком, хотя Садок и не понял насмешки. Садок не умел смотреть на мир цинично и не подвергал бесконечным сомнениям свои верования и убеждения.

– Счастливым ты человек, первосвященник.

– Я знаю, о царь, и каждый день я благодарю Господа за Его доброту. И за царскую милость, – поспешил добавить Садок.

«С другой стороны, старик хорошо знает, где самое сладкое вино!»

Садок

Предупредив царя об Ахии, Садок выбросил это дело из головы и с легким сердцем вернулся в храм к вечернему жертвоприношению. Ритуалы всегда успокаивали Садока, и огромное здание само по себе умиротворяло.

Великий Храм был одним из чудес света, и ничто не могло сравниться с его славой. Это все понимали без слов, хотя, конечно, следовало каждый день возносить ему хвалу. «Храм освещает нас огнем Господа воинств небесных. Конечно, я верю в это, и мне все равно, кто и что мог бы возразить». Никто не почитал Храм больше, чем первосвященник, но за долгие годы служения в великом святилище потускнело благоговейное изумление, сиявшее некогда ярким светом. Никому не дано вечно обретаться в горних сферах.

Во всяком случае, Садоку это не удавалось, и он думал, что, за исключением немногих пророков, этого не дано никому. Но сегодня, когда он ступал по широкому двору, а заходящее солнце как раз заливало храм светом, купая его в красно-золотом пламени, – хотя Садок уже успел привыкнуть к этому зрелищу, он остановился, в который раз поражаясь великолепному творению царя Соломона во славу Господа.

«Такая красота. И такая пышность. Да, это Дом Господа нашего».

Наконец Яхве – нет, Господь, и почему сегодня это постоянно ускользает из памяти? – получил обитель, равную дому любого другого бога или богини, – *нет, намного более величественную!*

«Нигде в мире нет ничего подобного». От крыши до пола храм сверкал золотом. Царь Соломон не пожалел средств, чтобы создать Великий Храм. Он щедро жертвовал из собственной казны, переманил сюда мастеров из Тира и Фив, закупил шелков и благовоний больше, чем мог позволить себе любой царский дворец. Все во славу Господа.

Священники, молодые и любопытные, нетерпеливо переминались с ноги на ногу у него за спиной. Садок поднял руку, и они застыли.

– Узрите Храм наш, – промолвил Садок, охваченный вдохновением, – узрите славу нашего Бога, Господа воинств небесных!

Он воздел обе руки и широко раскинул их, словно бы обнимая всю Храмовую гору – мирской двор и женский двор, двор священников и внешний двор, открытый всем жителям Израиля и Иудеи. Медное «море» – чашу для омовений священников, огромную, словно озеро, покоившуюся на спинах двенадцати медных волов, которые стояли на гладких каменных плитах. И само святилище, ослепительное творение из кедра и золота, – вход в него поддерживали две большие колонны.

Святая святых вмещала Ковчег и Скрижали Завета.

– Узрите, – повторил Садок, зная, что все во дворе обернулись к нему, – когда-то наш Бог не имел другого пристанища, кроме шатра в пустыне. Когда-то Ковчег смиренно лежал в обители простого землевладельца. Смотрите, как вознесены они теперь перед всеми людьми! Смотрите, какие почести им воздаются! Хвала Господу! Хвала царю Соломону, который построил этот золотой дом во славу Господа!

Слова у Садока иссякли, но осталось ликование, согревавшее его.

Да, храм был чудом. Особенно если вспомнить, что еще не так давно обителью Бога был скромный шатер, вмещавший лишь Ковчег. И так же просто жили священники. «А теперь все могут видеть преклонение перед нашим Господом, почет, окружающий Его служителей».

Успокаивающая мысль. «Ни один царь теперь не осмелился бы повторить поступок безумного царя Саула. По его приказу всех священников в Ноаве предали смерти. Всех, даже самых юных. Теперь такое не может повториться».

Теперь храм возвышался во всей своей мощи. Сияющий золотом явный знак силы Господа и значимости Его священников.

«Да, теперь намного лучше, чем во времена безумного Саула». Или даже во времена великого Давида. Несмотря на всю свою набожность,

Давид не воздавал священникам тех почестей, которыми они пользовались сейчас. Возможно, потому, что он сам слышал голос Яхве и, казалось, всегда знал Его волю, не спрашивая священников или пророков. «И он умер в преклонных годах, царем, значит, его поступки были угодны Господу».

Но царь Соломон – не менее, если не более набожный, чем отец, – оказался намного щедрее. Золото, благовония, жертвы – Садоку стоило лишь попросить царя, и он получал все. «Да, царь Соломон умеет чтить священников!»

Хотя некоторые не умеют чтить своего царя. На миг Садок нахмурился при мысли о растревоживших его неумолимых попреках Ахии. Что толку быть первосвященником Храма Господа, если нельзя добиться почета и повиновения от всех людей?

«Что ж, таковы пророки. Даже царь Давид склонялся перед Нафаном, когда тот порицал его. Царь Соломон не будет обвинять меня, ведь никому не под силу смирить пророка».

Садоку снова стало легко на душе, и он повел процессию священников через широкий двор ко входу в Дом Господа. Их ожидали жертвы, а он не мог выполнять свой долг без мира на сердце и покоя в мыслях.

«Я – первосвященник. Я здесь для того, чтобы служить нашему Господу. Пусть царь договаривается с пророками. Не моя это задача».

Соломон

Хотя день уже перевалил за половину, Соломон заставил себя выкроить время, чтобы принять Ахию. В поисках пророка он разослал по всему городу гонцов, втайне надеясь, что его не найдут. К закату Соломон подумал было, что так и вышло. Поэтому, когда он увидел, как Ахия шагает ему навстречу по царской галерее, он испытал смесь облегчения и уныния. Пророк не смотрел по сторонам, словно не замечая великолепных мозаик из бирюзы, янтаря и слоновой кости, словно бы их и не существовало. Возможно, для пророка их и вправду не существовало – он гордился своим аскетизмом.

– Добро пожаловать, Ахия. Приветствую тебя. – Соломон указал на обитые кожей скамейки: – Присядь и отдохни.

Ахия сделал вид, будто не слышит этих почтительных слов. Царь мысленно вздохнул. С пророком всегда было тяжело иметь дело, а в гневе он и подавно не замечал доброты и не склонялся перед мудростью. Он остановился в нескольких шагах от Соломона, прямой и негибемый, как

посох. Глаза его потемнели от гнева. Одна рука вцепилась в гладкое дерево, другая сжалась в кулак.

– Я явился не ради того, чтобы перебрасываться пустыми словами и тешить царское самолюбие. Я явился, чтобы предупредить тебя. Ты слишком далеко зашел. Можешь смеяться над пророком, но внимли словам Яхве, пока не поздно.

Значит, Ахия слышал насмешку Аминтора. Соломон понял, что успокоить пророка будет еще сложнее, чем он думал.

– Я не смеюсь, – мягко ответил он, – и не глумлюсь над словами Господа.

– Ты женишься на чужестранках, склоняешься к ним и их богам. Ты навлекаешь на себя гнев Яхве – и твоя корона тебя не спасет.

Ахия разжал кулак и бросил что-то к ногам Соломона.

Соломон опустил взгляд и увидел маленького глиняного божка, разбившегося на две части. Собачья голова уставилась на него невидящими глазами.

– Вот какое приданое привезла очередная твоя невеста, царь! Это идолы и святотатство! Вспомни первую и главную заповедь Яхве!

– Я помню. В заповеди говорится о том, что мы не должны почитать других богов прежде Него. Эту заповедь я соблюдаю, Ахия, ни у кого из богов нет первенства перед Господом. А сам я поклоняюсь лишь нашему Богу.

– Можешь ли ты утверждать это, Соломон? Ты, не осмеливающийся произнести имя Яхве? Разве сердце твое не стремится к иноземным женщинам? И разве не склоняют они тебя к своим богам, своим идолам из дерева и камня?

Соломон понимал, что спорить бесполезно. «Выслушивал ли мой отец поучения от старого Нафана?» Царь Давид сумел бы обаять пророка и убаюкать его гнев. А Соломон пользовался лишь доводами разума, но это оружие затуплялось, наталкиваясь на пламенную веру Ахии.

– Ответь мне, Ахия, разве идолы в храмах моих жен обладают хоть малейшей силой? Разве они настоящие боги?

– Конечно нет! Разве могут камень и дерево обладать силой?

– А если эти идолы – просто изображения, не более могущественные, чем куклы моей дочери, то в чем вред от простого их созерцания?

– Это грех против Яхве! Их нужно разбить вдребезги! Вдребезги! И сжечь. И разрушить их святилища. Язычество следует изгнать с наших земель, а иначе гнев Яхве уничтожит тебя, как твоего отца Давида и твоего деда Саула!

«Царь Саул не был моим дедом». Но Соломон понимал, что нет смысла напоминать об этом пророку – тот мог в ответ разразиться еще одной гневной тирадой.

– Нужно освободить дом царя – этот дворец, как его называют, – от идолопоклонства и скверны! Нечистые звери разгуливают по его комнатам, стены смердят грехом и богомерзкими обрядами! Остерегись, царь Соломон! Как бы не ступить тебе на путь, ведущий к гибели!

Соломон в какой-то мере сочувствовал пророку – человеку непоколебимых моральных устоев, суровому и гордому, восстающему против меняющегося мира. «Это все равно что бороться с западным ветром». Но Соломон не мог позволить разрушить то, что он так долго строил.

– Благодарю тебя за предупреждение, Ахия. Я обещаю, что постараюсь поступить правильно.

«Но я не буду запрещать женам искать утешения у их богов».

– Тогда отошли прочь колхидскую чародейку со всей ее нечистью. Откажись от язычества, к которому ты пристрастился. Очисти свой дворец от чужестранцев, а город царя Давида – от скверны. Очисти нашу землю от храмов и роц, посвященных ложным богам, не говоря уже о богинях. Лишь тогда воля Яхве будет выполнена.

«Если я отошлю всех своих жен и сровняю с землей все иноземные храмы, кто поблагодарит меня? Наши купцы, которые больше не смогут торговать со всем миром? Или земледельцы, которые не смогут продавать свой урожай? Или солдаты и священники?» Ведь империя, которой он правил, держалась на торговле и брачных союзах. И на терпимости.

Ахия никогда бы этого не понял.

– Я слышу тебя, Ахия, и благодарю за заботу о нашем народе, но...

– Но ты не склонись перед волей Яхве, – тихим, безжизненным голосом закончил пророк.

«Это перед твоей волей я не склонюсь!» Соломон подавил желание высказать ему в лицо неприкрытую правду. Услышанная от царя правда лишь вызвала бы у Ахии новую вспышку гнева. Поэтому Соломон уже в который раз нашел мягкие слова, пытаясь добиться перемирия:

– Я обдумаю твои речи, пророк. И помолюсь о наставлении свыше, как ты сказал.

– И продолжишь предаваться всем своим грехам.

«Что ж, перемирия не вышло», – вздохнул Соломон.

– Я выполню свою клятву, Ахия.

– А я – свою. – В глазах пророка полыхало презрение. – Иди же, иди к

своей иноземной невесте, склонись перед очередной чужеземкой. Но помни, что даже царь не стоит выше Закона.

Когда Ахия ушел, Соломон долго еще стоял, глядя на крошечного разбитого идола, лежащего у его ног. Наконец он нагнулся и подобрал черепки. Они были шершавыми на ощупь, словно кошачий язык. Очередная невеста из далекой страны, очередной чужеземный бог.

И царство нуждалось в них. Чтобы все шло гладко, чтобы земли и народы, управляемые из Давидова города, процветали. Осколки божка лежали на ладони царя, почти невесомые. «Такой малости достаточно для счастья моих жен, для прочных торговых связей».

«Мой народ благоденствует. Мои священники окружены почетом. Жены довольны. Чего еще можно требовать от меня?»

Тиганих

Она смотрела на небо сквозь мелкий оконный переплет, ожидая. Наконец ее терпеливая рабыня, державшая в руках две нити, взглянула на них и сказала:

– Пора, госпожа.

Зоркие глаза Лашары никогда не пропускали момента, когда в сгустившемся полумраке белая нить уже не отличалась от черной. И все же Тиганих взглянула сама, желая убедиться, что сумерки действительно превратились в просвет между днем и ночью, а Вечерняя Звезда взошла и ярко засияла над восточными холмами.

Затем она осторожно положила зажженную веточку шалфея к кусочкам благовоний в золотую чашу тонкой работы, стоящую перед деревянным изображением Богини Зари. Огонь охватил благовония, и через несколько мгновений дымок ладана закурился в прохладном воздухе. Почтительно прикрыв глаза, Тиганих сложила руки на груди и поклонилась:

– О Звезда Восходящая, я славлю твое величие. Прими от меня благодарность за свою милость. Не отвергни моего подношения за твою любовь.

Она выпрямилась и протянула руку. Лашара положила вечернюю жертву на раскрытую ладонь. Тиганих сжала маленькое тельце совенка и опустила его к посеребренным ногам статуи:

– Вот один из Детей Ночи. Даруй ему свою милость. Прими его в свое

лоно.

Она еще раз поклонилась и снова скрестила руки на груди, с любовью и трепетом взирая на спокойное лицо богини. Статуя принадлежала сестре ее отца. Когда пришлось умиловить ловкого и неутомимого израильского царя, которому каким-то образом удалось овладеть западной частью Шелкового пути, сестра отца одарила этой древней статуей Тиганих. Ее послали в Иерусалим вместе с другой данью – шкурами лис и рысей, соболями, янтарем и выделанными кожами, мягкими и тонкими, словно шелка из далеких восточных стран.

Когда Тиганих стала одной из жен царя Соломона, статуя богини очень изменилась. Древнее дерево, отполированное благоговейными прикосновениями множества рук, позолотили и посеребрили. В глазницы, когда-то просто выкрашенные краской, вставили два лунных камня.

«Теперь Богиня Зари и вправду сияет, словно вечерняя звезда. Я вижу, что ей нравится новое убранство...» Конечно, богиня была довольна, ведь разве не даровала она Тиганих мужа, доброго и веротерпимого, и трех крепких сыновей? «Да, Заря Вечерняя добра ко мне. И царь Соломон добр, ведь он позволил мне не расставаться с ней».

Она из всех сил старалась полюбить и его Бога, ведь одна из обязанностей жены – служить богам, защищающим ее мужа. Когда она узнала, что царь Соломон поклоняется лишь одному Богу, называемому Яхве, она пыталась последовать его примеру, направив на это всю свою волю. Но любить Яхве так, как Вечернюю Зарю, она не могла.

«Может быть, это плохо, но я не могу любить Бога, который не любит меня». Ведь Тиганих вскоре стало ясно, что Яхве отвергает ее. «Не моя в том вина!» Она добивалась расположения Господа богатыми дарами и обещала до конца своих дней служить Ему, если Он явит ей милость. Но, несмотря на все жаркие молитвы, на все сожженные благовония, на роскошные жертвы, которые она посылала через слуг в Великий Храм, Бог ее мужа не явил ей ничего. Не послал ни единого сна или видения. Ни единого знака.

И даже тогда она не оставляла попыток, зная, что обязанность жены – поклоняться богам, которых почитает народ ее мужа. Но все ритуалы она выполняла без любви и веры, а теперь и вовсе воздавала почести холодному Богу своего царя лишь из чувства долга. Это была такая же обязанность, как печь хлеб или расчесывать волосы детям. Всю свою любовь Тиганих изливала на Вечернюю Зарю, Восходящую Звезду, которая не отвергала дары женщины.

Руфь

Завтра праздник Шавуот, и в этом году она тоже принесет из царского дворца гранат и пшеничный снопок на Храмовую гору в дар Господу. «На этом празднестве и я буду ликовать. Теперь я стала Руфью». Отбросив старое имя и старых богов, Руфь теперь преклонялась лишь перед богом Авраама, богом Давида Великого.

«Теперь пелена спала с моих глаз. В этом году я возрадуюсь, озаренная светом Господа». Руфь улыбнулась, продолжая вынимать свои платья из сандалового ларца, рассматривая и сравнивая. Предстояло выбрать самое лучшее для первого приношения даров в Храм Господа.

Как же сильно отличался этот год от предыдущего! Тогда она была Суррафелью, дочерью халдейского царя, новой женой Соломона, прибывшей в подкрепление договора, слишком неловкой и робкой, чтобы произнести что-либо, кроме «как будет угодно моему господину и повелителю».

Но царь Соломон оказался таким ласковым и терпеливым, что победил ее робость, и таким добрым, что она сделала бы для него что угодно, кроме одного: она не могла отказаться от своих богов.

Поэтому она не приближалась к Господу, презирая его. В самом деле, в сравнении с ее защитниками, Он казался жалким. Как можно преклоняться перед Богом, не имеющим лица и тела? Как можно почитать Бога, если его собственный народ отказывает ему в образе, украшенном золотом и драгоценными камнями? Столько долгих месяцев она мысленно глумилась над иудейскими царицами и их ничтожной набожностью, цепляясь за своих богов и служа им по-своему!

«До чего упряма я была, до чего глупа!» Но однажды утром, когда она взглянула на Великий Храм, ее своенравие развеялось. Она и раньше часто смотрела на Храмовую гору, втайне насмехаясь. Но в то утро... О, в то утро все было по-другому. Восходящее солнце залило светом Дом Господа, и на миг показалось, будто храм охвачен огнем, будто это – путеводный маяк, призывающий тех, кто имеет очи, чтобы видеть.

И она увидела. Господний огонь, чистый и прекрасный, горел на вершине холма.

И в ее душе вспыхнул ответный огонь, выжигая все мелкое и незначительное. И в сиянии этого священного пламени ей открылась правда: Господь управлял ее маленькой жизнью так же, как великими судьбами богов и мужчин. Господь требовал отдать все, ничего не обещая

взамен. Кто мог отказаться служить столь великому Богу? И, когда небесный свет погас, а храм снова стал лишь строением из камня и дерева, она упала на колени, произнося свою первую молитву Господу воинств небесных: «О Бог Соломона, сделай меня достойной Тебя!»

В тот день она отказалась от своих богов и обратилась к Богу мужа, терпя насмешки родной сестры и недоверчивое отношение женщин, рожденных под сенью Закона. Но ее поддерживало огненное обещание Господа, и она не сдавалась. Прежде она всегда отказывалась от труда, ставшего обременительным, а теперь не могла смириться с неудачей. И наконец, в отведенную ей ночь, она попросила помощи у Соломона:

– О царь, твоя раба взывает к твоей доброте.

Она встала на колени, словно молельщица.

Соломон улыбнулся и заставил ее подняться и сесть рядом с ним на кровать.

– Нет нужды принижать себя, жена. Проси, и я беспристрастно обдумаю твою просьбу.

– Муж мой и господин, я хочу поклоняться твоему Богу. Я хочу научиться воздавать Ему хвалу, как ты.

– Тебе не обязательно это делать, госпожа моя Суррафель, – ответил царь, внимательно глядя на нее. – Я поклялся, что мои жены будут почитать своих богов, и ты можешь не бояться, что тебя лишат их.

– Я боюсь лишь того, что не воздам почести Господу, как Он желает. – Она подняла голову, молясь, чтобы в ее глазах он увидел огонь новой веры. – Моя душа стремится, чтобы твой Бог стал также моим, о Нем тоскует мое сердце. Молю тебя, не отказывай мне.

И царь Соломон выполнил ее просьбу. Он послал за первосвященником Садоком, и тот наставлял ее в священных для Господа обрядах. Более того, царь призвал к себе тех своих жен, которые родились под сенью Закона, и поручил Суррафель их заботам.

– Вот госпожа Суррафель. Она желает стать доброй дочерью Закона, – объявил он, держа ее за руку.

Жестом он подозвал Пазию – все знали, что она самая благочестивая из его иудейских жен.

– Примете ли вы свою сестру, будете ли наставлять ее?

Под пристальным взглядом Соломона госпоже Пазии ничего не оставалось, кроме как ответить: «Как пожелает царь».

И Соломон соединил руки своих жен.

– Добро пожаловать, Суррафель. Будь мне отныне сестрой.

Хотя голос Пазии звучал холодно, Суррафель улыбнулась, словно ее

сердечно обняли, и поклонилась.

– Не называйте меня Суррафелью, ибо женщина та мертва. Молю вас, дайте мне новое имя, достойное дочери Господа.

На миг Пазия задумалась, а затем крепко сжала обе руки Суррафель:

– Тогда добро пожаловать, Руфь.

И расцеловала свою новую сестру в обе щеки.

– Хорошее имя, – улыбнулся царь Соломон, – пусть оно принесет тебе удачу.

Он любил видеть своих жен довольными.

Новое имя пришлось по ней, как и служение новому Богу. Она изучила Законы Господа и строго их соблюдала. А за свою верность она получила радость и душевный покой.

Чего еще может хотеть женщина от Бога?

Соломон

Царский распорядок определялся обязанностями; царь не имел права попусту тратить время – оно ему не принадлежало. Когда выдавались долгие дни, Соломону случалось задумываться о том, почему вообще людям хочется править. Особенно часто он задавался этим вопросом в дни царского суда, когда приходилось выбирать между несколькими человеческими правдами. После таких дней он с облегчением удалялся на отдых в тихие покои госпожи Нефрет.

Нефрет была хозяйкой дворца, первой среди цариц. Соломон в силу своей непреклонной справедливости наделял всех своих жен этим титулом, а также равными по величине покоем и одинаковыми по ценности нарядами и самоцветами. И каждая имела право провести ночь со своим царственным супругом. Он никого не выделял. Когда-то ему казалось, что такая скрупулезная забота о равенстве сохранит мир в этом огромном доме. Теперь он уже успел понять, что зря надеялся. Хотя это и могло показаться странным, однако жизнь в гареме текла спокойнее, пока не умерла Ависага, безраздельно владевшая его сердцем.

Теперь ближе всех к положению фаворитки – насколько Соломон мог это позволить себе – была Нефрет. Возможно, в силу того что она меньше прочих жен старалась завоевать его сердце. Дочь фараона воспитывалась при скованном изощренными ритуалами дворе древнейшего царства на земле. Чего госпожа Нефрет не знала о хороших манерах, того и знать не следовало. Ее выдержка и самообладание успокаивали Соломона. Она

улыбнулась ему поверх игральной доски:

– Моего господина что-то тревожит?

– Моя госпожа очень наблюдательна, ведь повод для моей тревоги незначителен.

Беседа с его женой-египтянкой всегда напоминала утонченный словесный поединок. Сегодня Соломон с радостью принял этот небольшой вызов.

Она передвинула фигурку охотничьей собаки.

– Ничто, беспокоящее моего господина, не может показаться мне незначительным.

– Моя госпожа к тому же очень добра.

Соломон переставил свою фигурку лиса на две лунки дальше, ограждая его от опасности.

– Не так добра, чтобы уступить своему господину победу, если он ее не заслужит. – Нефрет, взяв еще одну собаку, отправила ее в погоню за лисом. – Позволит ли мой господин своей жене развеять это беспокойство?

– Нефрет, все хорошо, вот только... Случается ли тебе уставать от того, что ты царица?

Нефрет внимательно посмотрела на него своими густо подведенными глазами, спокойными и непроницаемыми, как у ее кошек.

– Нет, господин мой. Но меня ведь прекрасно подготовили и воспитали.

Для этой колкости она подобрала столь изысканные слова, что они вызывали скорее восхищение, чем гнев. Соломон тихо рассмеялся, а Нефрет улыбнулась.

– Болезнь моего господина весьма обычна. Это скука.

От изумления Соломон опустил своего лиса не в ту лунку. «Скука? При всех моих делах, при всем, что я должен завершить, при всем, что требует моего внимания, моя жена говорит о скуке?»

– Собаки выиграли, – объявила Нефрет, смахивая с доски неправильно поставленного лиса одним движением пальца.

– Ты правда считаешь, что мне скучно? – Оставив формальности, Соломон заговорил с ней как с обычной женщиной.

– У моего господина все симптомы этого недуга.

– Нефрет, я не страдаю праздностью.

– Твоя жена не сказала, что ее муж и господин страдает праздностью. Она сказала, что ему скучно.

Нефрет гладила кота, свернувшегося у нее на коленях. Блестели ее позолоченные ногти, лоснилась кошачья шерсть. Кот мурлыкал, его

длинные усы трепетали. Соломону стало не по себе под немигающим взглядом этих желтых глаз.

– Да, мой господин никогда не предастся праздности, но никогда и не проводит время в настоящих удовольствиях. Даже царям нужно отдыхать.

– Возможно. Однако даже царь не может сделать длиннее хотя бы один день.

– Но он может вырвать из своей жизни целые годы, – ответила Нефрет, продолжая гладить златоглазого кота. – Мой господин не должен отказывать себе в удовольствиях и отдыхе, иначе пошатнется его здоровье.

– Пусть моя госпожа не переживает, – улыбнулся Соломон, – здесь я нахожу и отдых, и удовольствия.

– Так сегодня мой господин останется?

Голос Нефрет не выдавал ее эмоций. Насколько Соломон мог судить по ее спокойному лицу и ровному тону, она вообще ничего не чувствовала.

– Увы, он уходит.

Соломон внимательно смотрел на нее, но ее лицо ничего не выражало.

– Хочет ли мой господин сыграть еще раз перед уходом? – только и сказала она.

«Никогда она не возражает, не оспаривает мои решения. Никогда не жалуется. Она заслуживает большего, чем я могу ей дать».

– Хочет, – улыбнулся он, – давай сыграем еще.

Не очень щедрое предложение, но большего Соломон сделать не мог. Следя за дочерью фараона, которая расставляла своими длинными пальцами фигуры на доске, он думал о том, действительно ли она так довольна, как может показаться.

«Наверное, да. В самом деле, ей так же легко угодить, как ее кошкам. Да, думаю, Нефрет счастлива». Улыбаясь, Соломон ждал, пока его египетская царица сделает первый ход в новой игре.

Нефрет

Когда Соломон ушел, Нефрет некоторое время сидела неподвижно, глядя на игральную доску из слоновой кости и ляпис-лазури. Ее царь и господин так старался, а она так мало могла сделать, чтобы утешить его. Она его понимала, но царь Соломон не понял бы дочь фараона, проживи он хоть тысячу лет.

Разве мог он понять ее? Да, он, как и она, родился в семье правителя. Но ее с детства тщательно готовили к тому, чтобы выполнять сложнейшую

роль жены фараона. Прививали ей изощренное искусство власти. Соломон же был младшим сыном царя Давида, далеким от трона, и его не учили править и держать себя. Он добился престола возмутительными с точки зрения Нефрет способами.

Но ее обширная, благословенная богами страна отказалась от законов Маат. От правды и равновесия.

А тем временем управляемое Соломоном царство стало таким богатым и могущественным, что сам фараон начал искать союза, впервые за все время существования Египта предлагая дочь Дельты и Долины в жены в обмен на торговые соглашения. «Как будто я – тюк полотна или кусок слоновой кости. Как будто дочь фараона – товар».

Брак с царем Соломоном стал для нее изгнанием в суровую и неприветливую землю. В страну, не обладавшую искусством, литературой, да и вообще ничем изысканным и утонченным. Местным танцам не хватало ритма, а музыке – очарования.

«У них тут нет истории, откуда же взяться искусству, песням или повествованиям?» Хуже того, местные жители были плохо воспитаны.

Только благодаря Соломону это изгнание не становилось совсем уж невыносимым. Добрый и терпимый, он даже сумел создать иллюзию того, что испытывает должное благоговение перед судьбой, даровавшей ему в жены одну из дочерей фараона. Он действительно гордился своим достижением. Нефрет знала это, ведь он делился с ней своими мыслями.

– Оба мы умны, – сказал он ей в брачную ночь, – а потому оба знаем, что мне выпала великая честь. И знаем также, что хорошие отношения с Израилем нужны фараону. Иначе ты бы здесь не оказалась. Но я постараюсь сделать тебя счастливой, – с улыбкой добавил он.

Он сдержал слово. Для нее выстроили покои со внутренним двором в египетском стиле, чтобы в Иерусалиме она чувствовала себя как дома. Она сохранила всех своих слуг и богов, могла соблюдать все обычаи. В обмен он получил ее безупречную верность и все ее таланты. Но не любовь. С другой стороны, ее любви он и не хотел. Она старалась любить его, как полагается хорошей жене, но оставила свои добросовестные попытки, увидев, что ее новый господин испытывает неловкость от избытка страсти – он слишком ясно видел притворство. Тогда она даровала ему уважение, дружбу и возможность отдохновения – ведь ее супруг нуждался в этом, а она искренне восхищалась им и очень хотела ему угодить.

А царь Соломон отвечал дочери фараона теми же дарами.

Нефрет медленно собрала изящные фигурки из черного дерева и слоновой кости. Аккуратно расставила их в лунки на игровой доске. Лис,

собака, снова лис. И вот все фигурки оказались на своих местах.

Уважение и дружба. У нее даже не было детей. Вспоминая братоубийства в доме Давида, Нефрет приучила себя думать, что отсутствие детей – благословение, а не проклятие.

«Мой царь и господин уважает меня. Я пользуюсь его расположением. У меня есть свои занятия». Нефрет рисовала – искусство, чуждое этой отсталой стране. Ради собственного развлечения она вела дневник наблюдений за повседневной придворной жизнью, изображая ее яркими красками и складывая папирусные свитки в тщательно пронумерованные сосуды. Кроме того, она занималась садоводством – еще одно умение, которым тут почти не владели. Планировать, чем засадить сад во внутреннем дворе, подбирать оттенки и сорта – просвещенное, изысканное удовольствие. Нефрет выращивала лилии.

«Да, в целом можно сказать, что моя жизнь приемлема».

Нефрет поставила в лунку последнего лиса. Теперь доска выглядела так же, как до игры.

Затем царица встала и тихо прошла в свою украшенную на египетский манер спальню. Роспись на стенах изображала заросший густым тростником речной берег и множество птиц – уток, ибисов, гусей. Над рекой раскинулось синее небо, где кружилось еще больше птиц.

Нефрет остановилась перед своим любимым изображением, напоминавшим о прошлом: стайка ласточек вьется высоко над камышами. Она стояла там неподвижно, словно разрисованная статуя, пока ее служанка Тети осторожно снимала с нее светлое льняное платье, расстегивала массивное ожерелье из ляпис-лазури и сердолика, расплетала тугую прическу.

И вот наконец Тети взяла кусочек мягкой ткани, обмакнула его в лимонную воду и начала осторожно смывать с лица Нефрет шафран, малахит и кармин. Тети, столь же безупречно воспитанная и деликатная, как ее хозяйка, ничего не сказала о темных потеках сурьмы под влажными от слез глазами госпожи Нефрет-Меритхотеп.

Веня

«Разве так живут воины? Разве так живут полководцы?» Но он уже не был полководцем, он стал царским военачальником, возглавлял все войска Соломона.

Поэтому почти все утро он слушал, как его писец зачитывает списки

продовольствия и амуниции. Днем он обсуждал, как организовать новые гарнизоны в полудюжине пограничных городов. Пришлось прерваться на час, потому что срочно понадобилось успокоить уязвленное самолюбие царского тысяченачальника: он, как и его двоюродный брат, желал более высокой должности, но повысили брата, а не его. Уже удлинялись тени, а Веная все еще не мог ни на миг оторваться от дел.

«Иногда кажется, что это тюрьма, а не дворец». Ведь что такое тюрьма, как не место, которое нельзя покинуть по собственной воле? «В старые времена, при царе Давиде, все делалось по-другому. Тогда полководец, обнажив меч, шел в битву. А теперь...»

Теперь царский военачальник сидел и слушал отчеты о чужих деяниях. Сидел и слушал, а читали ему мужчины с мягкими голосами и руками. Сидел и гнил.

«Да послушай себя! Ты говоришь, как старик». Веная вздохнул и протер глаза: масляная лампа чадила. «И это тоже нужно исправить. Скажу об этом Авену», – отметил про себя Веная.

Он знал, что ответит его слуга Авен: Венае пора жениться. Но Веная слишком давно обручился со своим мечом, и время более нежных соблазнов прошло. «Да и не пожелает меня молодая женщина». Девушки на выданье мечтали о молодых героях. О таких, каким был когда-то царь Давид, красивый телом, искусный в любовных речах.

«Девушкам в грезах не являются огрубевшие старики со шрамами на руках и седеющими волосами». Веная покачал головой и грустно улыбнулся. Никто бы не поверил, что царского военачальника гнетут подобные мысли. Разве могли такое вообразить о Венае – умном, сильном, бесконечно преданном, правой руке царей? Но время шлифовало людей, как точильный камень – клинки, заостряло их, чтобы лучше служили. И в конце концов стачивало на нет.

– Да, Веная, ты говоришь как старик. Ты мрачен и зол, словно лев, мучимый зубной болью.

Когда он произнес эти слова вслух, стало легче. Угрюмые мысли превратились в обычную невеселую шутку. Веная знал, что на самом деле не стар – пока. Но жизнь в царском дворце заставляла человека ходить странными и трудными путями. Роскошь и праздность... Для воина это не жизнь.

«Да, вот что причиняет мне боль, словно камешек, попавший в сандалию. Я не воин. Уже не воин. Теперь я всего лишь царский военачальник. Человек, раздающий приказы, отправляющий людей в бой, навстречу опасности».

Теперь он жил слишком легко, слишком роскошно. Словно клинок, лишившийся режущей кромки.

Но это и не имело значения, ведь его нынешний господин в таких людях не нуждался. Царь Давид – да, тот брал себе на службу воинов из камня и железа. А царь Соломон ценил мир и хотел по-новому орудовать своим войском – не как хлыстом, принуждающим к повиновению, а как пастушьим посохом, призывающим всех идти в одном направлении.

«Да, со времен царя Давида многое изменилось». При царе Давиде Веная всего лишь командовал дворцовой стражей, новыми подразделениями чужеземцев-наемников. Веная не хотел принимать это назначение – оно означало разлад с Иоавом, царским полководцем и главнокомандующим. А те, кто оказывался не на стороне Иоава, недолго благоденствовали.

И смотреть на иностранных воинов, меряющих шагами залы царского дворца, Венае тоже не нравилось. Но царь Давид улыбнулся ему и мягко убедил: «Ты хороший человек, Веная. Мне нужен хороший человек рядом, человек, которому я могу доверить покой моих жен и детей». Слушая царя, Веная чувствовал, насколько тот нуждается в помощи. До чего же лестно для молодого солдата подняться так высоко, да еще и услышать от самого царя, что тот ему доверяет и не может обойтись без него! Веная поклонился и принял ношу, возложенную на него царем Давидом.

Командующий царской стражей – никогда прежде в Израиле не слыхивали о такой должности. Но после восстания царевича Авессалом и бунта северных племен Веная понял, почему царь Давид боялся за свою семью.

Или думал, что понял. Постепенно он осознал, для чего на самом деле нужна подчиняющаяся ему стража: эту силу создали в противовес необузданной армии.

Армии, возглавляемой царским племянником Иоавом. И, хотя в верности Иоава никто не мог бы усомниться, действовал он жестко и безжалостно. Иоав был готов на все, что, по его мнению, могло послужить царю Давиду. На все, вплоть до убийства.

Авенир, Авессалом, Адония. Три смерти, хотя руки Иоава обагрят кровь и многих других людей. Авенир был военачальником царя Саула, Авессалом – вероломным и непокорным сыном Давида, Адония – чрезмерно честолюбивым братом Соломона. Все они пытались отнять у Давида власть, и всех Иоав умертвил своей рукой.

Но царевич Адония стал его последней жертвой, ведь Адония пытался захватить власть, когда царь Давид лежал при смерти. План царевича

сорвался – отец быстро провозгласил своим преемником Соломона. Адонии не хватило ума с достоинством принять поражение. Вместо этого он пришел к брату и потребовал в утешение за то, что ему не досталась столь желанная корона, отдать ему царскую прислужницу Ависагу.

Главная царская жена Мелхола выбрала Ависагу, чтобы подарить немного тепла одряхлевшему Давиду. Девушка согревала царскую постель все те долгие месяцы, пока царь никак не мог умереть. Уже одно это придавало ей статус царского наследства, которому предстояло перейти к преемнику Давида. К тому же каждый имеющий глаза понимал, что царевич Соломон хочет жениться на Ависаге.

Надменное безумие Адонии принесло ему смерть. Его умиротворил Иоав на глазах у застывшего в ужасе царя Соломона. Иоав пожал плечами и алой накидкой Адонии вытер кровь со своего меча. И тогда выступил вперед Веная. Он тихо приказал своим людям унести тело Адонии. Он приставил к царю Соломону людей из дворцовой стражи. Он провел царицу Мелхолу и мать царя Вирсавию в женские покои. Он позаботился о том, чтобы к возвращению царя в тронный зал ступени отмыли от крови.

Веная сделал все это не для того, чтобы к нему благоволил новый царь, а потому, что обязан был защищать царя и хранить мир в его доме. Но Соломон не забыл этой спокойной поддержки. А после смерти великого Давида имела значение лишь воля Соломона. Новый царь освободил Иоава от бремени командования и отдал его должность Венае.

Зная, какого обращения заслуживают люди такого ранга, Веная лично пошел к Иоаву, чтобы сообщить ему о царском решении до того, как о нем объявили прилюдно. К его удивлению, Иоав спокойно выслушал это известие.

– Я так и думал. Я стар и служил Давиду последние сорок лет.

Казалось, Иоав смотрел сквозь Венаю, куда-то в далекое прошлое, недоступное юноше.

Веная неловко переминался с ноги на ногу. Уже много раз Иоав спокойно принимал плохие новости, а затем уничтожал человека, вставшего у него на пути.

– Я не искал этого назначения, Иоав. Так велел царь Соломон.

– Можешь не объяснять. Я знал тебя еще ребенком. Не ты придумал это ухищрение. Будь покоен, Веная. Адония – последний. Мой меч больше не послужит мне.

– Мне жаль, Иоав. – Веная смотрел на безучастного старого воина. – Кажется, ты не удивлен.

– И тебе не следовало бы удивляться, если ты хоть немного знаешь

царя Соломона. Он никогда не простит, что я умертвил его брата.

– Но Адония притязал на трон – ни больше ни меньше! А то, что он сказал о госпоже Ависаге...

– ...еще не государственная измена, – ответил Иоав, – но все равно Адония должен был умереть, иначе Соломон ни дня не провел бы спокойно на Львином троне. Кому-то следовало избавиться от Адонии. Это оказался я.

Веная задумался.

– Это убийство, – сказал он наконец.

– Так было нужно, – пожал плечами Иоав. – Запомни, царский военачальник: царь должен делать то, что правильно, а его главнокомандующий – то, что нужно. – Иоав сурово смотрел на Венаю, словно они скрестили мечи в поединке. – Веная, тебе придется меня убить. Но не жди, что я упрощу тебе эту задачу.

Веная кожей чувствовал, что Иоав говорит правду, но покачал головой:

– Живи мирно в своем доме. Царь Соломон не мстительный человек.

– Правильно, не мстительный. Поэтому у него есть ты.

– Скажи мне, Иоав, как может человек делать то, что нужно, а потом спокойно спать по ночам?

Иоав улыбнулся. Сверкнули его белые, по-волчьи острые зубы.

– Дело привычки, – ответил он.

Венае было очень тяжело признавать правду, которой поделился с ним Иоав, но честность не позволяла отрицать: Соломон никогда бы не простил военачальника царя Давида. Ведь царь Соломон не питал ненависти к своему брату Адонии, да и к военачальнику тоже. Соломон ни к кому не питал ненависти.

Иногда Веная думал, что в этом главная слабость Соломона. «Мудрость – это не здравый смысл». Иоав оказался прав: в мире царей хорошее не всегда оказывалось мудрым.

Но, как справедливо утверждал Иоав, Венае приходилось понимать разницу и действовать разумно. Соломон полагался на Венаю, как Давид полагался на Иоава.

И еще одно, к ужасу Венаи, старый военачальник подметил верно. Спокойный сон оказался делом привычки.

Часть третья

Кто посеет ветер...

Песнь Ваалит

Моя мать была первой женой отца, нареченной его сердца. Я не знала ее, ведь она умерла, рожая меня, – своего первого и последнего, позднего ребенка. Слишком позднего. Опасно для женщины зачинать, если она уже немолода.

Зато я знала отца. Знала его лучше, чем многие дочери знают своих отцов, ведь после потери возлюбленной жены он перенес всю свою нежность на меня. Он проявил доброту – многие мужчины возненавидели бы ребенка, отнявшего драгоценную жизнь матери, да еще и оказавшегося всего лишь дочерью, а не сыном.

Отец никогда не поступил бы так, недаром его считали справедливым.

И ко времени моего появления на свет у царя Соломона уже родилось множество сыновей. Казалось, что в этом, как и во всем остальном, его благословил Бог: жены рожали ему только мальчиков. Говорили, что это знак милости Господней. А я думаю, что отец мог ждать рождения девочки, чтобы лелеять и баловать ее.

Я была его единственной дочерью, единственной царевной при дворе. Мой добрый отец заслуживал образцовой дочери, идеала женственной красоты и грации. Смиренной, кроткой и послушной девочки, которая месила бы тесто, пекла бы сладкие хлебцы, ткала бы и вышивала. Воплощения женских добродетелей.

А вместо этого получилась я.

Я старалась изо всех сил, ведь я очень хотела угодить отцу, который так меня любил. Но стать этой безупречной девочкой я не могла. Мой отец был прекрасен, словно солнце. Мне рассказывали о красавице-матери, смуглой, словно терновая ягода, статной, с пышными формами. И я тоже должна была стать красавицей – нежной, с послушными блестящими волосами, спокойным взглядом и кожей гладкой, словно жемчуг.

Но от кого-то из неизвестных прародительниц мне достались буйные кудри и быстрый взгляд. Хуже того, я и сама была столь же непокорной, как мои волосы, и столь же пылливой, как мои зоркие глаза.

Нет, я умела ткать и вышивать не хуже многих, а иногда и лучше. Любую работу я делала скорее хорошо, чем плохо. Но еще я хотела играть на киноре, и танцевать, и управлять колесницей, и читать, и писать. Пользоваться свободой, которую так бездумно растрачивали мои братья.

Отец старался ни в чем не отказывать мне. Он обращался со мной почти так, словно я и впрямь была сыном, а не дочерью. Давал мне столько свободы, сколько мог.

«Пусть учится читать. Какая в том беда?»

«Пусть играет на киноре, если хочет. Она унаследовала любовь к песне от своего деда, великого царя Давида».

«Посадите ее ко мне на колесницу, пусть позабавится».

Отцовские жены, хотя никто из них не занял места моей матери, возражали против каждой уступки, говоря, что снисходительность и терпимость лишь портят девочек. И, если давать мне слишком много свободы, я не вырасту послушной и женственной. И меня тяжело будет выдать замуж.

Мой отец в ответ на все это смеялся и говорил, что никакое знание не пропадает даром. «Мудрость ценнее рубинов, – говорил он женам, – что же касается всего прочего, то, когда настанет время ей выходить замуж, она сможет выбрать из всех царей мира. Кто отвергнет дочь Соломона?»

Вот так и вышло, что я училась, чему хотела, стараясь в то же время стать такой, какой желал видеть меня отец, – мягкой, женственной, любящей дочкой. Я и правда очень старалась. И я всей душой любила отца.

Но я не была мягкой и женственной.

И знала, что никогда такой не стану.

Я так много значила для отца, что, хотя я была всего лишь царевной, он отдал мне покои, в которых когда-то жила сама царица Мелхола. В мое тринадцатое лето он преподнес мне этот необычайно щедрый подарок весьма затейливым способом – отец любил загадки и головоломки. Он вызвал меня в большой внутренний двор Женского дворца и вручил мне клубок нитей.

– Иди за этой нитью и владей тем, что найдешь в конце.

Грубая и толстая нить походила скорее на веревочку, а клубочек оказался лишь началом. Принявшись сматывать его, я увидела, что алая нить вьется по земле и ведет прочь со двора. Отец улыбнулся мне, и мое сердце забилося быстрее – я поняла, что меня ожидает особенный подарок. Я рада, что не забыла поблагодарить отца, прежде чем, сматывая нить в клубок, отправилась туда, куда она вела.

Почти до самого обеда я петляла за нитью, пока она не закончилась. Тот, кто придумал для меня этот путь, вложил в него много труда. Дорога вилась между колоннами и по коридорам, вокруг фонтанов и вниз по лестницам; я миновала множество комнат. Игра захватила всех. Меня провожали взглядами улыбающиеся женщины, восторженные ребяташки ступали след в след за мной. Я, кажется, обошла каждую пядь женских покоев, прежде чем алая нить закончилась и я остановилась перед воротами, выходящими в женский внутренний двор.

Инкрустации – пластины из слоновой кости – выделялись на фоне гладких створок черного дерева. Кончик нити был привязан к позолоченной задвижке. У ворот меня ожидал отец.

За время моих поисков клубок стал огромным и тяжелым. Я опустила его к ногам отца, сказав:

– Я пришла.

Отец посмотрел на клубок, затем на меня.

– Теперь я понимаю, почему ты так долго добиралась до своего подарка. Ведь ты могла просто побежать вдоль нити, не задерживаясь, чтобы смотать ее.

– Но ведь клубок – это тоже подарок мне, правда?

Отец рассмеялся, обнял меня и поцеловал в лоб:

– Бережливая моя дочурка! Умница! Теперь я вдвойне рад, что преподношу тебе этот подарок. Больше никто не достоин его.

Отец повернулся и распахнул ворота.

– То, что лежит за этими створками, принадлежало когда-то царице Мелхоло. Теперь оно твое.

Я широко раскрыла глаза. Царица Мелхола, первая жена великого царя Давида, была главной среди всех его женщин. Он заплатил за нее собственной кровью и сохранил для себя силой своего оружия. Моего отца на самом деле вырастила и воспитала царица Мелхола, а не его родная мать. Ни о ком из женщин, кроме моей матери, отец не говорил так, как о царице Мелхоло. А теперь он отдал мне ее покои. Я пыталась подобрать слова, чтобы изящно выразить свою благодарность, но, охваченная восторгом, смогла сказать только:

– Покои царицы Мелхолы? Для меня?

Но отец, казалось, остался доволен моим ответом. Он улыбнулся:

– Покои царицы Мелхолы теперь твои, дочка. Ты уже не ребенок, и тебе не нужны няньки. Ты становишься женщиной. Пора тебе иметь собственные покои и служанок.

Он также добавил, что в этих комнатах, ставших теперь моими, я могу

менять все по собственному усмотрению. Но эти слова он произнес напряженно, и я поняла: он надеется, что в стенах, где прошло его детство, все останется по-старому. Поэтому я поблагодарила его и ответила, что комнаты нравятся мне в нынешнем виде.

– Если они были достаточно хороши для царицы, они, конечно, достойны и царской дочери, – сказала я и почувствовала, что отцу пришлось по сердцу мои слова.

Покои старой царицы и впрямь были чудесны. Стены покрывала роспись – маки и ласточки. В саду внутреннего дворика цвели лилии и пел фонтан, вода струилась по белому камню. Я присела на край фонтана, погрузила руку в бившую ключом воду и улыбнулась. «Теперь я настоящая женщина и не хуже царицы», – так я подумала, гордая и довольная, хотя мне хватило скромности и здравого смысла не сказать это вслух.

И лишь позже я задалась вопросом о том, почему отец отдал мне покои царицы Мелхолы, а не царицы Ависаги. Мне достались комнаты не моей матери, а его. Точнее, его мачехи. Вот о чем я думала.

Но не спрашивала.

Гилада

Царь взял себе новую жену, и что с того? Пусть женится сколько угодно, все равно у каждой будет право и честь провести с ним ночь. И все равно царь Соломон в установленное, не подлежащее отмене время придет к ней. Госпожа Гилада улыбнулась – теперь она почти постоянно улыбалась. Разве не было у нее причин? С трудом верилось, что когда-то она рыдала, боясь той самой жизни, которой сейчас наслаждалась.

Когда ей сказали, что отошлют ее как дань царю Соломону, победившему ее племя, она страшно испугалась и голосила, пока мать не надавала ей пощечин, – если бы она не успокоилась, отец избил бы ее более жестоко. Тогда она была неотесанной застенчивой девочкой с гор, настолько наивной, что думала, будто отправляется в Иерусалим, чтобы заплатить собственной жизнью за поражение своего народа: она боялась, что ее принесут в жертву!

«Какой же дурочкой я была!» Гилада снисходительно смотрела на свои прошлые заблуждения. Ее не только не принесли в жертву, но и возвели в ранг царской наложницы и осыпали милостями: она могла есть сколько угодно вкусной еды и одеваться в чистые новые одежды. Ее одарили золотом и серебром, чтобы украсить шею, запястья и щиколотки. Ей дали

комнаты, ее собственные комнаты, куда никто не мог войти без ее разрешения.

И царь навещал ее в отведенное ей время, как и остальных. Гилада снова улыбнулась. Царь Соломон был очень добр. Никогда прежде она не встречала столь ласкового и щедрого человека. Когда ее, исхудавшую, трепещущую, привели к нему, ее мутило от страха. И, хотя она изо всех старалась скрыть свое отчаяние, Соломон сразу все понял.

– Ты – Гилада, верно?

Царь Соломон спустился со Львиного трона и взял ее за руку, затрепетавшую под его пальцами, словно пойманная птица.

– Ты проявила доброту, приехав ко мне. Благодарю тебя за это, – продолжал он. – Я знаю, твоим родителям было тяжело с тобой расставаться, ведь ты, вне всякого сомнения, величайшее их сокровище.

Она осмелилась поднять глаза и увидела, что он улыбается.

– Не бойся, – шепнул он ей, наклонившись, чтобы поцеловать в щеку.

Затаив дыхание, она смотрела на этого ошеломившего ее героя, которому предстояло стать ее хозяином и повелителем. Он же тем временем обратился к собравшимся придворным:

– Вот госпожа Гилада. Ее отец заключил с нами честный договор. Для вашего царя это радость.

На этом прием закончился – все остальные дары уже успели показать до нее. Царь Соломон кивнул, и дворцовый управитель отпустил собравшихся людей. Соломон сам вывел Гиладу из тронного зала через мужские покои. Они остановились у ворот, ведущих в гарем.

В эти ворота могла бы проехать повозка, а высотой они были в два человеческих роста. Кедровое дерево украшали инкрустации из кораллов, золота и слоновой кости. Возле этих роскошных ворот их приветствовала улыбкой женщина, одетая в наряд из такой тонкой ткани, что он облегал ее тело, словно смоченный водой. В волосы ее были вплетены серебряные цепочки, на лице выделялись ярко накрашенные губы и веки. Гилада заметила кольца в ушах и на пальцах женщины, браслеты на запястьях и щиколотках, а шею незнакомки обвивали полдюжины унизанных бусинами ниток. Девушка подумала, что эта роскошно одетая женщина – великая царица.

Но царь Соломон обратился к ней, словно к простой служанке, приказав отвести Гиладу в гарем и позаботиться о ней. Затем он снова с улыбкой повернулся к Гиладе:

– Я знаю, что все здесь чужое для тебя, что ты растеряна и напугана, что ты очень скучаешь по семье и дому. Но я предлагаю тебе уговор.

Гилада ждала, не осмеливаясь подать голос. За бездумную болтовню отец избивал ее, и она боялась даже представить себе, как накажет ее этот царь, если она его прогневает.

– Ты сделаешь все возможное, чтобы привыкнуть к нашим здешним обычаям, а мы сделаем все возможное, чтобы ты была счастлива. Договорились?

Она застыла в изумлении, глядя на Соломона широко раскрытыми глазами.

– Так что, ты согласна? – терпеливо и ласково спросил он. – Если ты не ответишь, я буду думать, что оскорбил тебя.

– О нет! – выдохнула она. – То есть, да. Я... – Она вдруг вспомнила слова, которые вбил в нее отец; только это ей и разрешили произносить: – Как будет угодно моему господину царю Соломону.

– Хорошо, – ответил тот. – Это госпожа Чадара, гаремная управительница. Она проведет тебя в твоё жильё и назначит тебе кого-нибудь для обучения нашим обычаям. Если ты чего-то захочешь, стоит лишь попросить ее – и ты это получишь.

Царь улыбнулся на прощание и оставил их, а Гилада в сопровождении госпожи Чадары отправилась в женские покои.

– Кажется, ты далеко пойдешь, – сказала госпожа Чадара. – А теперь поспеши. И не бойся. Ничего плохого от царя Соломона ждать не нужно, он сама доброта.

Страх Гилады уже рассеялся, словно туман под лучами солнца. Она едва могла поверить своей удаче.

– А царь... – начала она, когда к ней вернулся голос, – царь не шутил, когда говорил, что я могу получить все, о чем попрошу?

– Не шутил, – ответила госпожа Чадара, искоса взглянув на Гиладу. – Царь к тому же – сама щедрость.

Гилада была достаточно умна, чтобы уловить невысказанное предупреждение: госпожа Чадара предостерегала ее от алчности.

– Сначала я покажу тебе твои комнаты, а потом ты сможешь вымыться... И переодеться во что-нибудь более подобающее царской наложнице, чем эта ветошь. Неужели у них нет приличной одежды в этой... Напомни, откуда ты, девочка?

– Из Киликии, – ответила Гилада, и название родной страны показалось чужим. Казалось, что Киликия и тамошняя жизнь остались не просто где-то далеко, но и в давнем прошлом.

Она послушно следовала за госпожой Чадарой, и вскоре та открыла какую-то дверь и переступила порог.

– Вот твои комнаты, – сказала госпожа Чадара, и Гилада широко раскрыла глаза, восторженно оглядываясь по сторонам.

«Три комнаты! Целых три комнаты для меня одной!»

– Нет смысла просить о более просторных или роскошных покоех, потому что именно так живут все царские наложницы. Не хуже и не лучше.

«Да кто мог бы захотеть более просторных комнат?! И что может быть роскошнее?» Три комнаты, из них одна с окном. И сияющие чистотой свежесмысленные стены.

– Мы не украшали стены росписью, потому что не знали, какие изображения тебе приятно было бы видеть. И мы не знали, какие ты любишь цвета. Поэтому платья и покрывала – и украшения, конечно, – ты сможешь выбрать, когда отдохнешь. А пока подожди здесь, госпожа Гилада, я пришлю служанок, чтобы они искупали тебя.

Царь Соломон ошибся: его наложница госпожа Гилада совсем не скучала по семье и дому. Воспоминания о прошлой жизни развеялись, словно дурной сон. Дни, наполненные приятными занятиями и сплетнями, текли ровно и спокойно. Ночи – кроме тех, что принадлежали ей по праву, – она проводила одна. Не выделяя никого из женщин, царь неукоснительно проявлял справедливость.

И доброту! Она бы никогда не подумала, что мужчина может быть настолько добрым, заботиться о ее удовольствии больше, чем о собственном.

Она получила все, о чем только могла мечтать: прекрасные наряды и украшения, притирания и благовония, служанок, готовых исполнять ее приказы.

Госпожа Гилада взяла зеркальце и улыбнулась, посмотрев на свои гладко причесанные волосы и накрашенное лицо. Она, дочка полудикого вождя, стала царской наложницей и поселилась в чудесном дворце.

Конечно, она была счастлива. Чего еще могла бы пожелать женщина?

Песнь Ваалит

В ту ночь меня начали посещать эти сны. В мою первую ночь в покоях старой царицы, ставших теперь моими.

Я держала в руках алый клубок, и нить вела в темноту. За спиной у меня высилась каменная стена. Сквозь щели между неплотно пригнанными камнями пробивались яркие теплые вспышки света, но меня

звала темнота, лежавшая впереди.

Я медленно пошла туда, куда тянулась алая нить. По дороге я сматывала ее в клубок, который не выпускала из рук. Мой путь медленным танцем тянулся из темноты в полумрак, из полумрака в клубы дыма. Я послушно следовала всем извивам нити.

Тьма рассеялась. Я очутилась на широком дворе. В окружавших его стенах виднелось двенадцать ворот, распахнутых в ожидании моего выбора. Доверяя своему проводнику, я посмотрела на клубок, думая, что нить приведет меня к воротам, в которые я должна пройти. Но оказалось, что единой прочной нити у меня больше нет – из моей руки свисали двенадцать тонких ниточек и тянулись каждая к своим воротам.

Мне предстояло выбрать. Выбрать один путь и увидеть, как все остальные ворота закрываются для меня навсегда.

Я проснулась в слезах и сама удивилась своему горю. В конце концов, не кошмар ведь приснился мне, а просто нить, ворота и выбор. «Не будь дурочкой, – журила я себя. – Ты увидела сон, потому что спишь в незнакомом месте, в новой кровати. К утру ты забудешь этот сон о воротах».

Но я не забыла.

До той ночи мне снились детские сны. Их яркие образы растворялись при свете утра. Никогда прежде мои сны не оставались в памяти, такие живые, будто подлинные воспоминания.

И никогда прежде мои сны не тревожили меня днем и ночью. Может быть, эти беспокойные видения начались потому, что я становилась женщиной. Когда-то я спросила бы об этом бабушек. Искала бы мудрости из их уст. В детстве мне казалось, что они знают ответы на все вопросы, владеют ключами ко всем загадкам. Но теперь их не стало. Мне приходилось искать ответы самой.

Как всегда, при мысли о своей потере я почувствовала, что слезы подступают к глазам. Меня одарили щедрее, чем других, поэтому и потеря казалась больше. Большинство девочек в лучшем случае могут похвастаться двумя бабушками. А мне по-настоящему повезло, ведь, как я уже говорила, обо мне заботились целых три: мать моей матери, мать моего отца, а еще его приемная мать. Они вдохнули жизнь в мои мечты, а значит, определили всю мою судьбу.

Как и моя мать. Хотя я не знала ее, доставшаяся от нее в наследство любовь всегда помогала мне и оказалась ценнее золота и рубинов.

Конечно, мне от нее досталось и многое другое. Все драгоценности, которыми владела царица Ависага, перешли ко мне как будущее приданое,

которое я, в свою очередь, когда-нибудь подарю своей дочери. Массивные золотые цепочки, отрезки тканей, таких тонких, что они могли бы пойти на платья богиням, пригоршни рубинов и жемчужин. Хотя таким владеют все царицы, я оставалась достаточно приземленной, чтобы не отворачиваться от золота, шелков и драгоценных камней. Я любила все красивое.

Но досталось мне от матери и другое наследство, и я ценила его намного выше золота и самоцветов, ведь мать сама выбрала его и передала бабушке, чтобы та вручила его мне, когда я достаточно подрасту, чтобы оценить этот дар. Кому-то мои сокровища показались бы жалкими. Все они уместались в шкатулочке из слоновой кости. Расшитое блестками покрывало. Ожерелье из кораллов и жемчуга. Стекланный флакон, переливавшийся всеми цветами радуги, словно крыло стрекозы. В нем все еще сохранился сладкий аромат розы и резкий запах корицы. Браслет – грубо выполненная медная безделушка, переплетение потемневших цепочек с подвесками из горного хрусталя. Статуэтка богини Астарты. Ее так давно выточили из слоновой кости, что контуры потемнели, приобретая цвет дикого меда.

Не знаю, как там оказалась Астарта. Во всех рассказах мать представляла послушной дочерью нашего Бога. Тем не менее миниатюрная статуэтка богини, завернутая в кусочек алого шелка, перешла от нее мне.

Когда очередной лунный цикл открыл во мне женщину, моя служанка Ривка вручила мне шкатулку, пояснив:

– Мать твоей матери поручила мне хранить этот дар для тебя, когда поняла, что не может здесь оставаться. Она велела мне передать шкатулку тебе и сказать, что это наследство от твоей матери.

Мать моей матери звали Зурлин. И, хотя ее молодость прошла, она осталась очень красивой – или умела выглядеть таковой. Она знала все женские секреты, которые стоило знать. Когда я была маленькой, она проводила со мной много времени. Пела мне запретные песни и рассказывала загадочные сказки. В ее сказках богини и девочки не сидели с прялками у очага – нет! Они искали сокровища и спасали детей, выращивали сады и правили на небесах.

Больше всего она любила рассказывать историю о Светлой Госпоже Инанне, бросившей вызов своей сестре Смерти и отправившейся в Подземное царство за своим покойным возлюбленным.

«Чтобы попасть во дворец Смерти, нужно пройти семь ворот. И возле каждых ворот у Инанны отнимали одно из ее одеяний и драгоценностей, пока не осталась она обнаженной. Лишь распущенные волосы покрывали ее тело, хранили и защищали», – так рассказывала бабушка.

Инанна смело встала лицом к лицу со своей сестрой Эрешкгаль, но та умертвила Инанну и подвесила ее тело на дереве. Три дня висела Инанна мертвая на дереве в землях, откуда нет возврата, пока ее ловкий слуга не пронес обманом живую воду и пищу во дворец Смерти из ляпис-лазури.

«И тогда Инанна вернулась на землю. Она гуляла по полям и прикасалась к лепесткам цветов, чтобы снова дарить миру свою любовь».

Мне нравилось, что Светлая Госпожа вернулась, оживляя улыбкой цветы и плоды. Но нравилась мне и царица Смерть. Она правила собственной страной, и ей не пришлось выменивать свои драгоценности и наряды на возлюбленного. Когда я сказала об этом бабушке, та рассмеялась.

«Ты пока не понимаешь, – сказала она. Так она заканчивала каждую свою сказку. – Но однажды ты поймешь. Помни, маленькая богиня: женщина может получить все, чего пожелает, пока ее, как Светлую Госпожу, защищает покрывало».

После этих слов она всегда смеялась и угощала меня гранатами или медовыми хлебцами.

«Это чтобы ты помнила, что мудрость сладка».

Зурлин была моей веселой бабушкой.

Вирсавия, мать моего отца, была баловавшей меня бабушкой. Она выполняла без возражений все мои детские прихоти. Я помню ее нежные руки и бесконечную доброту. «Тебе нравится мое ожерелье, малышка? Хочешь? Бери, конечно. Голубка, смотри, какая ты в нем красивая!» Никогда не проявляла она строгости или суровости. Даже в детстве я понимала: хотя госпожа Вирсавия и мать царя, но две другие мои бабушки оберегают ее, словно маленькую девочку.

И еще одна женщина заняла для меня место бабушки. Царица Мелхола, первая и самая важная жена царя Давида, единственная, кого называли царицей при его правлении. И хотя моего отца родила Вирсавия, но характер его создала Мелхола, и он воздавал ей почести, словно родной матери и царице.

Царице Мелхоле, спокойной и умной, случалось обходиться с людьми отнюдь не кротко. Даже с другими двумя бабушками – своими лучшими подругами. «Неразумно петь царевне Израиля такие песни», – говорила она порой бабушке Зурлин. «Неразумно приучать девочку к мысли, будто ей достаточно попросить, и она получит что угодно», – так она отчитывала бабушку Вирсавию.

А потом брала меня за ручку и уводила в свой двор. Мы садились у фонтана, и царица Мелхола наставляла меня, словно взрослую и разумную

ровесницу моего отца: «Твои бабушки очень хорошие. Они добрые и любят тебя. Но иногда им не хватает проникательности. Запомни, царевна: самое лучшее – молча ждать. Вот что должна делать женщина. Ждать».

«А чего нужно ждать?» – спрашивала я. Но царица Мелхола никогда не отвечала. А если и отвечала, я не поняла и не запомнила ее слов. Песни моей смешливой бабушки и подарки доброй мне нравились больше, чем хладнокровные предупреждения царицы Мелхолы.

Может показаться, будто я очень долго жила с ними и хорошо их узнала, но на самом деле сейчас я едва могу вспомнить их лица, ведь, когда я была очень маленькой, они уже успели достичь преклонного возраста. Царица Мелхола и госпожа Вирсавия обрели вечный покой в гробнице рядом с царем Давидом. Оставила меня и моя смешливая бабушка Зурлин. Вирсавия и Мелхола умерли в год, когда мне исполнилось семь. А немного спустя, вбежав однажды в покои бабушки Зурлин, я увидела, что служанки складывают в дорожные сундуки все ее наряды и вещи. Когда я поняла, что она уезжает, и разрыдалась, она обняла меня. Я почувствовала аромат лилий и мирры. «Когда-нибудь ты поймешь, – сказала она, и на этот раз не засмеялась. – Ты знаешь, что я люблю тебя, милая. Но я стара. И моих дорогих подруг уже нет. Я устала жить на чужбине». Она положила руки мне на плечи и слегка отстранила меня, вглядываясь в мои мокрые от слез глаза. «Я хочу вернуться домой, Ваалит. К моему народу и моим богам. А еще... Есть и другие причины». Но о них она мне тогда не сказала.

«Но как же я буду жить без тебя?» – запричитала я. Она рассмеялась: «Ты будешь жить очень хорошо, малышка». Я помню прохладное прикосновение ее мягких губ, когда она поцеловала меня в лоб. «Осуши глазки и помни: я отправляюсь не на тот свет, а в Ашкелон. Разлука не вечна, маленькая богиня».

Вот так меня покинули все мои бабушки, не минуло и двух полнолуний. Мне остались только заветные воспоминания об их словах, звучавших теперь лишь во сне.

Но шкатулка слоновой кости хранила для меня зримое свидетельство о прошлом, дар от женщины, которая пришла и ушла до меня. Сокровище, которое передали мне, когда я тоже стала женщиной.

Ривка не говорила, что наследство – тайный дар, но я чувствовала, что отцу неприятно было бы видеть его. Поэтому я хранила шкатулку под кроватью, не пряча ее, но и не выставляя напоказ. Иногда я доставала ее и перебирала скромные мамины сокровища. Держала их в руках, пробовала на вес, пытаясь разгадать их смысл.

В сущности, что я знала о матери? Ничего, за исключением чужих

рассказов. Мне говорил о ней отец, ее муж, очень ее любивший. И жены отца, завидовавшие ей. Нет правды ни в любви, ни в зависти, ведь эти чувства создают собственную явь. Радость и любовь, печаль и ненависть не передают истинного образа. Любая страсть – противница правды.

Постепенно у меня вошло в привычку каждый месяц – когда полная луна поднималась высоко и серебряный свет лился на сад, принадлежавший царице Мелхоло, а теперь ставший моим, – доставать мамин подарок из-под кровати, где он дожидался меня, и выносить во двор, под лунные лучи. Там я перечисляла по порядку переданные мне остатки маминой жизни: покрывало, ожерелье, стеклянный флакон, браслет, зеркало, статуэтку богини. Шесть предметов из прошлого. Я брала каждый в руки, стараясь ощутить воплощенное в них прошлое. Но мне это никогда не удавалось, и в конце концов, когда меня начинал одолевать сон, я бережно складывала свои сокровища обратно в шкатулку.

Была и седьмая памятка – веретено из слоновой кости с янтарным пряслищем. Но веретено в мою шкатулку не попало, я не видела его с семилетнего возраста. Помню, царица Мелхола пряла, наматывая шерсть на эту красивую вещицу. «Веретено помогает мне думать, – говорила она мне. – Когда-нибудь оно станет твоим и поможет тебе».

А потом веретено из слоновой кости куда-то пропало.

Конечно, было у меня и собственное веретено, изящно выточенное из оливкового дерева и гладко отполированное. Царица Мелхола оказалась права: прядение помогало думать. Научившись прядь ровную нить, я почувствовала, что меня успокаивают постоянные наклоны и неумолчное жужжание, когда шерсть превращается в нить. С виду казалось, что я старательна и сосредоточенна, а на самом деле мой разум вольно витал в облаках.

Я не понимала, зачем к этому прибегала царица Мелхола, да и моя мать тоже. Ведь обычаи не сковывали их так сильно, как меня. Я была лишь царской дочерью, а они обе – царицами. Конечно, они не знали иссушавшей меня неутолимой жажды.

В тот день я нуждалась в покое, который могло даровать прядение. Вынеся прялку и шерсть в сад, я остановилась у цветника с лилиями и раскрутила веретено. Что ж, однажды и я стану царицей. Ведь мне придется выйти замуж – я царица, товар для сделок правителей. Ценный товар, ведь отец очень дорожил мной. Я выйду замуж за великого царя и тогда сама стану царицей, как моя мать, бабушка и все в моем роду. Глядя на крутящееся веретено, я пыталась представить себя женой великого царя. Царицей, одетой в багряные одежды, темные, словно грозная туча.

Царицей с драгоценностями и золотыми цепочками. Царицей, которая по мановению своей нежной руки получает все, чего только может пожелать ее душа...

Но этот яркий образ не складывался. Я видела лишь медленно вращающийся комочек шерсти, из которого вытягивалась светлая нить. Слишком беспокойно было у меня на душе, чтобы играть с воображением.

«К тому же царица – это не только наряды и золото». Эти слова сами собой пришли мне на ум. Они казались знакомыми, словно я часто их слышала. «Ты обладаешь женской силой», – нежный голос, в котором звучал смех. Мама? Но я никогда не слышала ее голоса... Я тряхнула головой, и слова стихли.

Потом мне стало жаль, и я снова попыталась услышать этот едва уловимый смеющийся голос. Но я упустила момент. Вслушиваться в прошлое мне удавалось не лучше, чем вызывать видения будущего.

Я со вздохом намотала на веретено еще шерсти и закутила его. Ависага, дочь Зурлин. Царица Ависага, жена царя Соломона. Ависага, мать Ваалит... Я никогда не встречу свою мать, никогда она не заговорит со мной, разве что во сне.

А слышавшийся мне порой тихий голос был лишь шепотом моего сердца, эхом моего стремления к любви, которой я не знала. Все, что осталось мне от матери, лежало здесь, в шкатулке из слоновой кости.

В конце концов, мне предстояло прожить собственную жизнь, а не мамину.

Гелика

Ее отец, Повелитель Коней, властвовал над табунами, кочевавшими по широким долинам, где гулял лишь ветер, а в давние времена царила почившая ныне Троя. Как и все его дети, ездить верхом она научилась раньше, чем ходить. Когда ей исполнилось двенадцать и она впервые заплела волосы по-девичьи, она уже могла покорить самую дикую кобылу и объездить самого буйного жеребца.

«Эта девчонка – настоящий кентавр!» – гордо хвастался отец. В его устах это было лучшей похвалой для всех детей. Его гордость согревала Гелику, словно лучи солнца.

Умение управляться с лошадьми определило ее судьбу. В детстве ее посвятили Гиппоне, богине лошадей. Видя ее способности к верховой езде, отец передал ее на воспитание Доромене, царице племени амазонок,

называемых девами-воительницами.

Вместе с девами Гелика носилась верхом наперегонки с ветром, познавая обычаи детей Гиппоны. Девочка выросла стройной и гибкой, словно молодой кедр. Ее тело выточили ветер, солнце и дни, наполненные долгими тяжелыми упражнениями, – она училась управлять боевыми скакунами и воинами.

В четырнадцать лет она преклонила колени перед девами-воительницами и стала одной из них. Ей предстояло всю жизнь называть домом дикие золотые равнины, никогда не знать мужчины и хранить верность своим сестрам и богине.

«Я забыла, что женщина может приносить лишь те клятвы, которые мужчина позволит ей сдержать».

Ведь где-то в далеких краях одному царю понадобились кони. А ее отец как раз искал мощного союзника. Поэтому в один прекрасный день Повелитель Коней отправил гонца к девам-воительницам и потребовал дочь к себе. Охваченная любопытством, она уехала с гонцом. Она не видела отца десять лет и чувствовала, что хочет снова оказаться рядом с ним и насладиться теплом его гордости.

«Если бы я знала, я бы не поехала». Нет, даже сейчас она понимала, что это ложь. Отец все равно потребовал бы ее возвращения. Он угрожал бы забрать ее силой, если бы по-другому не удалось. Царица амазонок, возможно, бросила бы ему вызов. «И тогда я бы все равно покорилась. Я бы не допустила, чтобы мои сестры погибли, защищая меня». Против Повелителя Коней девы-воительницы не выстояли бы.

В любом случае она послушалась бы отца и вернулась. «По крайней мере, если бы я знала, что никогда больше не увижу своих сестер, я бы попрощалась с ними по-настоящему».

Но она не знала и с легким сердцем оставила дом и свободу. Она шутила и обещала привезти своим сестрам богатые подарки.

Подарки им действительно прислали. Хотя бы это маленькое обещание она смогла сдержать.

В город Повелителя Коней она въехала гордой и достойной женщиной. Женщиной, провожаемой восхищенными и завистливыми взглядами. Девчушки таращились на нее круглыми, словно полная луна, глазами. Они хотели стать такими же, как она. Гелика проехала по широкой царской дороге, ведущей во дворец. У входа ее улыбкой приветствовал Повелитель Коней. Она спешила и склонилась перед ним. Продолжая улыбаться, он поднял ее и поцеловал в щеку.

– Ты выросла красавицей, дочка. Твоя приемная мать хорошо

заботилась о тебе. Я рад.

Затем отец попросил показать ему меч. Она вытащила клинок из ножен оленьей кожи и вложила в протянутую руку.

– Я умело и достойно владею им, отец. И моя царица довольна мной.

– Ты хорошая девушка, Гелика. Из всех моих детей ты всегда лучше всех ездил верхом.

Ее отец снова улыбнулся, и она улыбнулась в ответ, обрадованная похвалой. Для нее это был последний миг неомраченной радости.

– А теперь отправляйся со служанками, Гелика. Они подготовят тебя к смотринам. Посланники царя Соломона хотят взглянуть на тебя, прежде чем признают, что ты достойна их повелителя. Никто не покупает кобылу, не осмотрев! – хохотнул отец.

Она молча глядела на него, пока смех не затих.

– Царь Соломон? – переспросила она, цепляясь за надежду, что не поняла чего-то. – И я?

– Да, ты. А кто же еще? Все твои старшие сестры уже вышли замуж – к лучшему для тебя, как оказалось теперь.

Он отвел глаза, чтобы не встречаться с ней взглядом.

Она не хотела подыгрывать ему, делая вид, что довольна.

– Я не могу. Разве ты забыл, что я посвящена Гиппоне и клялась в верности царице воительниц?

– А ты разве забыла, что ты моя дочь и должна мне подчиняться?

Он был умным человеком, поэтому не стал продолжать спор, а лишь подозвал взмахом руки ожидавших в отдалении женщин. И они окружили ее и потащили с собой, прочь со двора, в свой тесный затхлый мирок.

Отец уже взял ее короткий бронзовый меч, а теперь женщины сняли с нее убранство, которое отличало ее от других и давало всем понять, что она – дева-воительница. Ее обувь на высокой шнуровке, штаны из оленьей кожи. Расшитую бусинами тунику. Широкий пояс с ножнами для меча и кинжала. Колчан и стрелы. И лук, выгнутый, словно молодой месяц.

А вместе с широкой серебряной повязкой, защищавшей шею, исчезла дева-воительница. Осталась лишь худенькая девушка, чье тело закалила верховая езда и охота.

Ее светлые волосы были собраны в косу. И вот одна из служанок развязала кожаную тесьму и высвободила волосы Гелики из туго заплетенной косы. Они хлынули ей на спину, словно поток, смывающий остатки свободы.

Всю свою жизнь она ехала верхом по широкой и ровной дороге. А теперь эту дорогу ей навсегда закрыли.

– Идем, госпожа Гелика, – сказала главная прислужница, – пора готовиться. Скоро ты встретишься с теми, кто отвезет тебя к супругу.

В тот вечер ее вывели к полудюжине мужчин. Отец говорил, что это посланцы Соломона. Ее выставили перед ними, словно племенную кобылу. Повелитель Коней расхваливал ее достоинства – длинные, позолоченные солнцем волосы, гладкую загорелую кожу, ровные белые зубы.

«Судя по тому, что я вижу, она достаточно пригожа, – сказал царский посланник, когда отец закончил перечислять все достоинства ее лица и тела, – а каков ее нрав?»

Отец удивленно уставился на него: если на царевну приятно смотреть, что еще нужно?

«Последние десять лет она жила с девами-воительницами, которые дают обет целомудрия, – наконец ответил он. – Разве есть лучшее свидетельство добродетели?»

«В общем-то, не так уж это и важно, – объяснил ей отец на следующий день. – Ведь царю Соломону так нужны мои кони, что он простил бы тебе и более тяжкие грехи, чем распутство».

Она промолчала, боясь разрыдаться перед ним. Всю ночь она не спала, тщетно пытаясь найти выход.

Подчинившись отцу, она нарушила бы клятвы Белой Кобылице Гиппоне, Артемиде Охотнице и девам-воительницам.

Ослушавшись отца и сбжав, она обрекла бы своих сестер на гнев Повелителя Коней и Соломона.

Оставался лишь третий путь – смерть.

И даже он не сулил избавления. «Если я лишу себя жизни, то останусь верна всем клятвам». Но два одураченных царя все равно могли отомстить девам-воительницам. К тому же она не могла спокойно думать о смерти. Заглянув себе в душу, она увидела страх и поняла, что ей не хватит храбрости вонзить клинок в собственную плоть.

Поэтому она вышла замуж, как ей приказывали. Ее тело послужило печатью, скрепившей мирный союз и торговый договор между Повелителем Коней и царем Израиля и Иудеи.

Когда-то Гелика носилась на своем коне по широким равнинам, простиравшимся до горизонта, словно море трав. Домом ей служил ветер. А теперь ее заперли в каменных и деревянных стенах, связали мягкими одеждами и яркими уборами.

Иногда она жалела, что в ту ночь не нашла в себе смелости пойти

третьим путем. Теперь же...

Теперь было слишком поздно.

Песнь Ваалит

Хотя мои бабушки покинули меня и я очень скучала по ним, не помню, чтобы я гуляла сама по себе, – царевна редко остается одна. И одинокой я тоже не была, хотя одиночество – совсем другое дело. Мне повезло с моими девицами. Их назначили мне в услужение, когда все мы еще лежали в колыбельках. Хоть я была госпожой, а они подчинялись мне, мы выросли вместе, почти как сестрички. И, хотя вряд ли можно найти более несхожих девочек, мы очень любили друг друга.

Нимра была почти на год старше меня. Ее имя означает «леопард», и своим изяществом и грацией она действительно походила на большую кошку. Ее семья прибыла из северной страны, такой далекой, что землю там полгода покрывают снега. «По крайней мере, так говорит мать моего отца», – рассказывала Нимра. Сама она родилась в Иерусалиме и видела за свою жизнь не больше снега, чем я. Но северное происхождение выдавало себя в ее прямых белокурых волосах, в больших светлых глазах. Зимний свет, зимний лед. И даже кожа ее была бледной – гладкой и светлой, словно новая слоновая кость.

Из-за высокого роста и бледности Нимру считали невзрачной. Я любила ее и считала красивой, белой, как лилия. Но я понимала, что из-за светлых, чуждых этим краям красок ее внешности тяжело будет найти для нее хорошего мужа. Я знала, что, когда ей понравится какой-нибудь мужчина, мне придется позаботиться о приданом, достаточно щедром, чтобы в глазах людей Нимра превратилась из уродливой чужестранки в красивую экзотическую невесту.

Кешет, на девять месяцев младше меня, была настолько же пухленькой и темненькой, насколько Нимра – стройной и светлой. Мать Кешет была замужем за одним из братьев моего отца, и, когда тот погиб в битве, она попросила царя Соломона о помощи. Ей дали пристанище в царском доме. Кешет родилась после смерти царевича Шобаба – достаточно скоро, чтобы считаться его дочерью, но и достаточно поздно, чтобы по углам шептались, будто она – дочь царя Соломона.

Лично я думала, что она вполне может быть моей единокровной сестрой, что отец, скорбя после смерти своей жены, мог искать утешения там, где просили помощи у него самого. Но утверждать этого я не могла –

мой отец так и не признал Кешет.

Сама Кешет, казалось, не придавала значения сплетням. «Не важно, дочь я царевича или царя. В любом случае я – внучка Давида, вот что имеет значение!»

Я не мыслила своей жизни без Нимры и Кешет. Думаю, что и они без меня тоже. Если бы не их помощь, я не пользовалась бы такой свободой.

Ведь тяжело жить своей жизнью, когда столько всего запрещено. В таком случае проще отдаваться воспоминаниям и мечтам. В детстве мне редко чего-то не разрешали – так мне казалось. Потому что, в конце концов, чего может попросить ребенок? Желания у него детские: красивый пояс, яркая игрушка, пригоршня стеклянных бусин. Став женщиной, я ощутила на себе оковы и поняла, что даже царевна не свободна. У меня, осыпаемой милостями дочери царя Соломона, оковы были украшены драгоценными камнями и не очень отягощали мою детскую волю, но все равно я утратила свободу.

В тот год я узнала ненавистное слово «нельзя». Ведь очень многое из того, чем мои братья могли наслаждаться сколько угодно, для меня стало запретным. Они могли носиться стрелой, а мне приходилось ступать тихо и скромно. Они могли учиться чему хотели, а меня ограничивали тем, что разрешалось узнать девочке. Некоторым традициям должна подчиняться даже любимая царская дочь. Отец помогал мне, ослаблял невидимые цепи, сковывавшие меня, но даже он не мог изменить мир.

А я хотела именно этого – перекроить мир по своей воле.

– Почему у моих братьев есть выбор, а у меня нет? – спрашивала я Ривку. – Это нечестно! Я не глупее их, я умнее! А еще...

– А еще мир такой, какой есть, и нет смысла с ним бороться.

Таков был спокойный ответ Ривки. Нимру и Кешет традиции сковывали не меньше.

– Зачем тебе кататься вместе с братьями? Вернешься домой вся в пыли, и конец твоему платью. – Кешет, чистоплотная, словно кошечка, не могла представить себе худшего несчастья.

Нимра понимала мои беспокойные стремления лучше, но и она призывала к осторожности:

– Не давай отцовским женам повода жаловаться на тебя, царевна. Ты и так делаешь почти все, что хочешь. Не надо слишком часто напоминать об этом царю.

Я знала, что она права, ведь отец редко отказывал мне в моих прихотях и не мог запретить занятий, о которых не знал.

В тот год я научилась не растрепывать свои непослушные волосы и ходить, опустив свой слишком зоркий взгляд. И молчать о своих неугомонных мыслях. Со стороны я выглядела спокойной. Воплощение кроткой и послушной дочери. Я не хотела причинять боль отцу, который так сильно меня любил и так мало понимал.

Моя истинная природа оставалась скрытой. Скрытой от моего отца, мачех, прислужниц. И даже от меня самой, хотя тогда я еще не понимала этого.

Я тщательно оберегала свои секреты, никому их не доверяя. Нимра и Кешет – и те не знали обо всех моих поступках. Если тайну знают двое, это уже не тайна, даже если жизнь наполнена молчанием.

Из того, на что я отваживалась, меня бы за многое простили. Но не за все. Даже мой отец, любивший постигать новое и разрешавший своим чужеземным женам молиться кому и как угодно, не обрадовался бы, узнав, что его дочь посещает храмы других богов.

Любопытная деталь: эту свободу мне обеспечило женское покрывало, которое я так презирала, которое я с такой неохотой носила, когда приходилось накинуть его, как подобает царской дочери. Я жаловалась, что его складки сковывают и душат меня.

Но я узнала, что, хотя покрывало действительно сковывает женщину и превращает ее в тень, которую никто не замечает, оно также дарует свободу.

Оно превращает женщину из наделенной именем и узнаваемой в незнакомку, чье тело и лицо скрывает материя. Прячась под покрывалом, женщина может стать кем угодно, делать что угодно, оставаясь неузнанной даже родным братом. Женщина, закутанная в покрывало, способна на многое.

Под покрывалом я ускользала из царского дворца. Под покрывалом я становилась всего лишь одной из женщин, сливавшейся с морем других, неузнанных и неузнаваемых. Под покрывалом дочь Соломона могла ходить свободно и беспрепятственно.

Под покрывалом я изучала город. Жизнь людей, которыми правил отец. То, что они любили, на что гневались, что ненавидели и чему радовались.

Под тканью покрывала я изучала себя и свои желания.

Город царя Давида – некогда обитель одного лишь Господа Яхве – теперь вмещал десятки храмов, воздвигнутых во славу чужеземных богов. И богинь. Ваал и Шамаш, Анат и Астарта, Баст и Дагон – все обрели приют

в стенах Иерусалима.

Пророк Ахия восставал против поклонения этим иноземным идолам, но на него почти никто не обращал внимания. В мирное время, когда жизнь протекала легко, когда в должный срок шли дожди, когда всходили обильные урожаи, кто мог поверить, что Господь гневается? И разве Храм Господа, Великий Храм, вмещавший священный Ковчег, не венчал собой самый высокий холм во всем городе? Разве не означало это, что Господь – первый среди всех богов?

Поэтому никто не покушался на иноземные храмы, и боги их процветали. Храмы помогали и в торговле, ведь прибывающим в Иерусалим путешественникам нравилось, что там обитают их боги. Торговцы, пребывающие в веселом расположении духа, легче расстаются с деньгами, нежели те, кто считает дни до возвращения на родину. Иерусалим преуспевал.

Я ходила по городу, словно призрак. Прохожие окидывали взглядом мое непроницаемое покрывало и шагали мимо. Скрытая от чужих глаз, я посещала запретные храмы. Невидимая и неслышимая, я замечала все. Сначала я очень боялась преступить суровый закон и едва осмеливалась войти в храмовые ворота. Какие богомерзкие ужасы предстояло мне там увидеть, какие тайные ритуалы там проводились?

Набравшись наконец храбрости и войдя в дома чужеземных богов, я скорее разочаровалась, ведь почти все, кроме статуй, оказалось для меня знакомым.

Курился дымок ладана, молились жрецы, прихожане просили о милости, служки собирали пожертвования – все происходило одинаково, вне зависимости от того, о каком боге или богине шла речь. А еще в каждом храме была святая святых, столь запретное место, что лишь служитель или служительница высочайшего ранга могли туда входить.

Храмы отличались между собой только лицами богов. Ведь во всех храмах, кроме дома Господа Яхве, стояли идолы из дерева или камня. Я повидала разных богов. Некоторые были красивыми и улыбающимися, некоторые – крылатыми, некоторые – с головами животных.

А многие божества оказались женщинами. Богинями. Я видела богинь, тоненьких, словно полумесяц в их кудрявых волосах. Роскошных и плодовитых, словно спелые гранаты. Свирепых и сильных, словно огромные кошки, ласкающиеся к их ногам. Мне нравилось смотреть на богинь. Они мне напоминали о моей смешливой бабушке.

Именно против богинь больше всего неистовствовал Ахия, исходя ядом. Из всех грехов, в которых он обвинял поклоняющихся им, самым

незначительным был блуд.

Но я не увидела ни единого признака гнусных кровавых преступлений, которые клеймил Ахия. Ни в одном храме не приносили больших жертв, чем те, что принимал Господь: быки, бараны, голуби. В некоторых вовсе не приносили жертв. А Иштар больше всего любила, когда во славу ее выпускали в небо певчих птиц.

Что касается птиц, была там одна хитрость: птицы, оказавшись на воле, возвращались в храм, где их кормили и лелеяли, пока не продавали очередному верующему. Я купила у храмового торговца клетку с птичками и пометила одну из них перед тем, как выпустить в небо. Придя в храм в следующий раз и отдав брусочек серебра за птичку для богини, я получила свою же помеченную птицу. Полоска хны на ее перышках немного выцвела, но все еще виднелась. Я со смехом подбросила птицу в воздух, зная, что она, едва расправив свои крылышки, спокойно вернется домой.

Что же касается блуда, жрицы некоторых храмов предлагали себя как земное воплощение своей богини. Но блудницами они не были, и любой мужчина, попытавшийся обойтись с ними неподобающим образом, не встречал потом хорошего приема уже ни в одном храме. А еще в рощах за городом в особые дни устраивались большие празднества, когда все мужчины становились богами, все женщины – богинями, а любовь – священным даром.

Во всяком случае, так мне рассказывали. Сама я никогда не выходила за городские ворота, разве что во сне. Глубокая пропасть отделяет смелость от безумия. Я знала, что некоторых поступков лучше не совершать.

И точно так же, несмотря на всю мою неугомонность, храбрость и любопытство, мне хватало ума не входить в ворота Храма Господа на высоком холме. Один раз мне пришлось в голову попытаться сделать это, одевшись мальчиком, но эту дикую выдумку вмиг победил здравый смысл. Если бы мой обман раскрылся, я, даже будучи царской дочерью, возможно, не спаслась бы от гнева священников.

Странная вещь: мне не разрешали войти в храм моего родного Бога. Ни одной женщине это не разрешалось. Нам был отведен внешний двор, а дальше пройти мы не могли, не осквернив святилище нашего Бога.

Ничего удивительного, что женщины обращались к богиням, которые принимали их с распростертыми объятиями, обещая любовь, а не гнев. Ничего удивительного, что женщины делали сладости и медовое вино во славу разных облиций Царицы Небесной. А потом Ахия гневался и пустословил, говоря, что женщины греховны сами по себе, раз отворачиваются от Бога, который первый оттолкнул их!

Расскажу я и о моих кровных братьях, сыновьях моего отца, рожденных его чужеземными женами. Многих братьев я любила, к некоторым относилась равнодушно. И был еще мой брат Ровоам. Ровоам, наследник престола. Ровоам, преемник Соломона. И этого своего брата я ненавидела, имея на то веские причины.

Как я уже говорила, у моего отца родилось много сыновей – на его счастье или на беду. Я не знаю, какая игра судьбы даровала моему брату Ровоаму честь стать первенцем. Зато знаю, что из всех моих братьев Ровоам меньше всех заслуживал получить власть. Он не мог управлять даже собой, а что уж говорить о других?

Царевич Ровоам не обладал ни умом, ни добротой, и никто не знал этого лучше меня. Поэтому я всегда держалась настороже, стоило ему оказаться поблизости. Он питал не больше любви ко мне, чем я к нему. Мало того что я была отцовской любимицей, так еще и мешала жестоким проделкам Ровоама, когда могла.

Как в тот раз, когда спасла египетскую кошку госпожи Нефрет.

В тот день я оказалась там, где не имела особого права находиться. Как, впрочем, и кошка. Утром я занималась аккадским языком с учителем моих братьев. Этот евнух, лишенный мужской природы, получил свободный доступ в женский дворец. Эмнехт учил меня священным песнопениям городов Угарит и Ур. Не знаю, правдивы были те древние сюжеты или нет, но язык мне нравился. Да и мой отец всегда считал, что знание ценно само по себе.

Я возвращалась в свои покои и вдруг услышала в боковом коридоре какой-то шум, похожий на тьяканье шакалов. Шакалы по дворцу не бегали, и я поняла, что это мальчишки. Мальчишки, занятые шалостями. Я побежала на шум и сразу поняла, что все намного хуже, чем я думала. Мой брат Ровоам и его дружки загнали в угол кошку.

У кошки была мягкая темная шерстка с черными кончиками, как у кролика. В больших ушах покачивались золотые кольца, а шею украшал ошейник с красными и синими бусинами. Это была египетская кошка, любимица дочери фараона госпожи Нефрет.

Маленькое беззащитное животное загнали на вершину колонны. Размахивая горячей головней перед носом у кошки, Ровоам пытался спугнуть ее, чтобы она спустилась. Остальные свистели и зубоскалили. Я неслышно подошла к брату, встала у него за спиной, вцепилась в его густые кудрявые волосы обеими руками и потянула назад изо всех сил.

Ровоам взвыл и развернулся ко мне, беспорядочно махая руками.

Горящая головня опалила бахрому на моем покрывале. Не желая сдаваться, я потянула еще раз, и Ровоам упал, пытаюсь ослабить мою хватку.

Молотя кулаками, он стукнул меня по ноге, и я потеряла было равновесие, но устояла. Я не выпускала из рук его кудри, и это помогало мне держаться на ногах. Никто из дружков Ровоама не пытался помочь ему или помешать мне. Они потом могли рассказывать, будто тоже участвовали в этой схватке, но на самом деле никто из них по своей воле не вмешался бы в ссору между царскими детьми.

Эта мысль придала мне сил. Отпустив волосы Ровоама, я кинулась к колонне, заслоняя собой кошку. Я ждала, давая брату время отступить. В этот момент умный мальчик отошел бы, но за Ровоамом никогда не замечали здравого смысла или рассудительности.

– Как ты смеешь кидаться на меня, гадюка?

Сверля меня взглядом, он размахивал своим самодельным факелом. Впрочем, брату хватило ума держать его на расстоянии вытянутой руки от меня. Я все еще сжимала в кулаках вырванные пряди его волос.

– А ты как смеешь мучить кошку госпожи Нефрет?

Я думала, не плюнуть ли на него, но у меня могло не получиться – он стоял слишком далеко.

– Это нечистая тварь. Так говорит пророк Ахия. – Ровоам взмахнул своим факелом. – Нужно ее сжечь.

Ахия действительно неистово поносил кошек египетской царицы, но указание пророка лишь послужило поводом. Ровоам просто любил чужие мучения.

– Это подлость. И, если ты причинишь вред кошке госпожи Нефрет, отец тебя накажет.

– Он не узнает.

– Еще как узнает. Я ему скажу.

Ровоам не смог бы этому помешать, даже если бы избил меня. И, хотя я знала, что ему очень хочется меня поколотить, я думала, что он не осмелится. Наш отец ненавидел жестокость. Ровоам зашел слишком далеко, и ему должно было хватить сообразительности, чтобы это понять.

Он замялся. Факел начал чадить. Когда-нибудь сообразительности и осторожности окажется недостаточно, чтобы обуздать истинные темные желания брата, но сегодня эти узы еще сдерживали его. Насупившись, Ровоам отбросил головешку.

– Убирайся, ты! Ты, *девчонка!*

Но ушел сам Ровоам, а за ним потянулись приунывшие подхалимы.

Они рвали и метали, удаляясь по коридору. Я подождала, пока все

стихнет, а потом тихонько заглянула за угол. Мальчишки исчезли из виду.

Я вернулась к колонне и сняла с нее дрожащую кошку. Она зашипела, но позволила взять себя на руки и погладить ее мягкую шерсть. Постепенно она перестала дрожать, и я понесла ее домой, в покои Нефрет. Я отдала кошку одной из египетских служанок царицы. Девушка пришла в ужас, узнав, что любимая питомица госпожи забрела так далеко от своего безопасного дома.

– Царица Нефрет будет очень благодарна. Ведь что угодно могло случиться, если бы ее нашел кто-то другой! – Египтянка вздрогнула, прижимая животное к груди. – Это жестокая страна. На улицах я видела людей, которые бросают в кошек и собак палками и камнями! Варвары!

Я не хотела соглашаться с тем, что мой народ – варвары. С другой стороны, я не считала, что нужно мучить животных, которые не сделали ничего плохого. Поэтому я лишь сказала, что рада вернуть царице Нефрет ее питомицу.

– Госпожа Нефрет захочет тебя отблагодарить, царевна. Подожди немного, я расскажу ей о твоей доброте.

От этого я отмахнулась. Мне тогда не пришло в голову, что никогда не следует отказываться от возможности приобрести союзника. Мне тогда вообще не приходило в голову, что царевне Ваалит, любимому ребенку царя Соломона, могут оказаться нужны союзники.

– Не стоит благодарности.

Царица-египтянка мне казалась холодной и отстраненной, изысканной, словно минойская ваза. Рядом с ее спокойной элегантностью я начинала чувствовать себя неряшливой и неотесанной, даже если выглядела наилучшим образом. Спасла я ее кошку или нет, но с госпожой Нефрет я предпочитала видеться лишь тогда, когда больше походила на царскую дочь, а не на бродяжку.

Поэтому, прежде чем служанка успела меня остановить, я умчалась приводить в порядок себя и свою одежду, пострадавшую от стычки с Ровоамом.

А еще предстояло решить, сказать ли отцу о том, что сегодня произошло между мной и братом. Не важно, что сделал Ровоам. Он оставался старшим сыном моего отца. Официально провозглашенным наследником. Если бы отец узнал, каков Ровоам на самом деле, это лишь растревожило бы его и причинило ему боль.

Поэтому по дороге в свои покои я успела решить, что ничего не расскажу о случившемся. В конце концов, кошка ведь не пострадала...

«...и потом, вдруг Ровоам еще исправится и станет хорошим царем.

Может быть, когда-нибудь мы даже подружиться». Мой юный возраст еще позволял мне питать глупые надежды.

Ровоам

«Вот сучка!» – мысленно ругался Ровоам, уводя дружков прочь от своей бешеной сестры. Не стоит им слышать, как наследник сквернословит, понося любимую царскую дочь. Один из мальчишек непременно сообщит об этом ближайшему угодливому слуге, а тот – отцу. Отец вызовет Ровоама к себе, и начнутся унылые рассказы о том, какое поведение ожидается от царского сына. «Как будто у царевичей нет особых прав, одни обязанности!» Но Ровоам слишком хорошо понимал свое шаткое положение и не произнес бы вслух этих дерзких слов. Мать прожужжала ему все уши, поучая, что нужно вести себя осмотрительно: «Да, ты старший сын. Да, царь поклялся, что ты станешь его наследником. Но не забывай, Ровоам, милый мой мальчик: в этом царстве нет истории и традиций. Царь Соломон может передумать и выбрать другого преемника. Помни об этом, сынок, и проявляй осторожность. Когда станешь царем, можешь делать что хочешь, но до тех пор...»

До тех пор следовало держать себя в руках. Злобная улыбка искривила губы царевича Ровоама. Его мать права, он понимал это. Следовало обуздывать себя. Но, по крайней мере, никто не заставит его радостно принимать такое положение вещей.

Остановившись, он обернулся к своим спутникам – полудюжине мальчишек, сыновей слуг и наложниц. Его дружки надеялись, что верность наследнику окупится для них, когда он станет царем. Они подчинялись ему, терпели его прихоти – и рассказывали о них отцам и матерям. «Никому я не могу доверять», – с раздражением подумал Ровоам. Кроме матери, конечно.

Он внимательно смотрел на спутников, а они вглядывались в него с искренним интересом, пытаясь понять, что может его успокоить, что ему понравится. Но не потому, что они любили его. *Это* Ровоам знал и без поучений матери. Наследник престола не мог иметь друзей, его окружали одни льстецы. «Они меня не любят. Они думают о том, как обеспечить свое будущее, когда я стану царем».

– Поискать для тебя другую кошку, царевич? – спросил Лахад.

Ровоам помотал головой. Другая кошка – это не кошка царицы Нефрет. Наследник хотел причинить боль сопернице своей матери.

– Нет, – ответил он, – хватит на сегодня кошек.

– И сестер хватит на сегодня, – хихикнул Ореб.

Ровоам пообещал себе, что Ореб заплатит за свое ехидство, и заставил себя рассмеяться.

– Кому какое дело до нее? Она всего лишь девчонка. Идемте на конюшню. Царь, мой отец, пообещал мне новую упряжку для колесницы. Мне нужно выбрать лошадей.

Восхищение и зависть на лицах мальчишек понравились Ровоаму.

– Твой отец и наш господин очень щедр, – сказал Фелалия.

– Ведь я же наследник, – напомнил Ровоам.

Он не сказал, что отец обещал новую упряжку лошадей всем своим сыновьям, достаточно подростком, чтобы держать поводья. По крайней мере, царь решил, что Ровоам сможет выбрать первым. «Я ведь его преемник. Он должен обращаться со мной лучше, чем с другими».

Словно бы почувствовав его недовольство, Фелалия сказал:

– Ты выберешь самых лучших коней, царевич. Терпение: придет время, и ты станешь величайшим человеком в мире.

Фелалия всегда находил удачные слова. Ровоам думал, что его учит мать. Но мальчишка был прав.

«Придет время...» У Ровоама заблестели глаза, он вглядывался в сияние будущего. Придет время, и он станет царем. Он будет править всеми.

И тогда... О, тогда его сестре Ваалит придется о многом пожалеть.

Песнь Ваалит

В моих покоях Ривка налетела на меня, расспрашивая, как мне удалось так быстро погубить новое покрывало, украшенное бахромой, и растрепать волосы.

– Ты уже не в том возрасте, чтобы носиться, как мальчишка! Царевна, взгляни на себя! – Ривка сунула серебряное зеркало мне под нос. – Пропал весь мой тяжкий труд. А на платье у тебя что?

– Кошачья шерсть и следы когтей.

Ривка вскипела:

– Кошачья шерсть и следы когтей! А что сказал бы царь, твой отец, попадись ты ему на глаза в таком виде?

– Ривка, ты шипишь, как змея. Оставь свой праведный гнев. Ничего мой отец не сказал бы. Я ему объяснила бы, что спасала кошку царицы Нефрет от Ровоама.

– Ох уж этот мальчишка...

Печальная снисходительность в ее тоне заставила меня нахмуриться. Ривка улыбнулась – к моим недостаткам она тоже относилась снисходительно.

– Царевна, я знаю, что ты его не любишь, но братья и сестры всегда ссорятся. Все это мелочи.

Я хотела было сказать, что не ссорюсь ни со своими единокровными братьями Саулом и Ионафаном, ни с Иоавом и Авениром, ни с Иевосфеем и Элеазаром, и что Иериоф и Самуил ненавидят Ровоама не меньше, чем я.

Но от этой высказанной напрямик правды лучше не стало бы, к тому же она могла принести вред. Поэтому я промолчала.

– Садись, а я распутаю твои волосы.

Ривка не просила, а приказывала. Она служила еще моей матери, а обо мне заботилась с того самого дня, когда я пришла в этот мир и его оставила моя мать. И то, что я знала о матери, рассказала мне Ривка. Она преподносила мне мамину жизнь, как песню, как сказку из тех, под которые легче спорится скучная работа.

– Не вертись, детка, а то мы до вечера не управимся. Никогда не видела, чтобы так путались волосы. У твоей мамы волосы были как шелк. Да и у меня, если на то пошло. Краше нас не было девушек во всем Сунаме.

Я изо всех сил старалась сидеть спокойно, зная, что в награду за покорность услышу хорошо рассказанную историю. Ривка владела даром слова.

– Расскажи мне. Обещаю сидеть тихо.

Ривка провела руками по моим волосам.

– Вот если бы уложить их завитками, а не заплетать в косу! – вздохнула она. – Волосы у тебя крепкие и вились бы хорошо.

– Так сделай мне завивку!

Я никогда не носила такую прическу, хотя Аминтор Критский однажды мне ее посоветовал: «Попытки изменить свою природу не имеют смысла. Пусть твои волосы вьются свободно – клянусь, ты будешь прекрасна, как женщины, изображенные на стенах старых дворцов, построенных в те времена, когда Кносс правил на море». Интересно, как бы я выглядела, если бы мои длинные пряди вились и спадали на спину?

– Это не подобает царской дочери. Нет, волосы нужно пригладить и заплести. Так на чем я остановилась?

– Краше вас не было девушек в Сунаме, – напомнила я, и Ривка тихо рассмеялась.

– Да, но те времена давно прошли. Рассказать тебе, как твоя мать впервые увидела твоего отца?

Я закивала было, но вовремя вспомнила, что мне велели сидеть смирно.

– Прошу, расскажи.

Хотя Ривка рассказывала эту историю уже много раз, она любила вспоминать ее, а я – слушать.

– То был долгий жаркий день, – начала Ривка, и я приготовилась слушать слова, которые могла бы повторить, даже если бы меня разбудили среди ночи. – Мы с Ависагой отправились к колодцу и задержались там. Ведь солнце пекло немилосердно, на дороге курилась пыль, и мы не хотели возвращаться домой – нас там ожидала лишь...

– ...тяжелая работа. Вам наказали повыдергивать сорняки в огороде!

– Ты рассказываешь или я?

Она легонько потянула меня за волосы и продолжила:

– И вот, вместо того чтобы сразу наполнить водой кувшины и вернуться, мы остались у колодца. Пока мы там отдыхали, подошел незнакомец. Он прибыл издалека, изнуренный жарой и дорогой. Его одежда запылилась, но мы сразу заметили, что она сшита из тонких тканей. И его обхождение оказалось таким же хорошим, как одежда: увидев нас у колодца, он поклонился и уже было отвернулся, но Ависага заговорила с ним. Она предложила набрать для него воды в колодце.

– Так Ревекка заговорила со слугой Авраама, – добавила я, – а ты *все еще* не закончила с моими волосами?

– Тебя нужно хорошо причесать. Или не причесывать вообще. А если тебя не причесывать вообще, придется тебя остричь, как ягненка. Будь умницей, и я вплету золотые цветы или серебряные колокольчики тебе в волосы. – Ривка снова и снова проводила по моим волосам гребнем сандалового дерева. – Хотя, конечно, если тебе наскучило слушать...

Я поспешила заверить ее, что это не так, умоляя продолжать. Я знала эту историю наизусть и могла бы повторить слово в слово вместе с Ривкой, но мне нравилось слушать, как она рассказывает. Это меня успокаивало. Я застыла. Ривка укрощала мои непокорные волосы и вспоминала, как моя мать зачерпнула для незнакомца воды, а потом привела его домой к своей матери. Он открыл, что прибыл из Иерусалима – великого города царя Давида – в поисках прекрасной и достойной девицы, которая служила бы Мелхале, жене Давида.

– Кто отказался бы от такой возможности? И вот нашу Ависагу отправили в Иерусалим с таким богатым приданым, словно выдавали

замуж. Я, ее служанка, поехала с ней. Во дворцах даже у рабов есть рабы! Мы ехали так роскошно, что люди могли подумать, будто мы с Ависагой сами царицы! И вот мы прибыли в Иерусалим. Нас поселили в женских покоях дворца. Тогда это был дворец Давида. Здесь жило не так много женщин, как сейчас, – царь Давид женился реже, чем твой отец! Сейчас шутят, что там, где царь Давид кидался в бой, царь Соломон заключает брак. Поэтому женские покои тогда были меньше – с тех пор столько всего понастроили!

– История не об этом! – Я не хотела слушать обо всем, что построил мой отец, ведь он вечно строил что-то новое. – Вас отвели в сад...

– Да, нас отвели в сад. И там нас ожидал юноша. Он был так хорош собой, так богато одет, что я поняла: это не кто иной, как один из сыновей царя Давида...

– И это оказался царевич Соломон! И, когда они с моей матерью посмотрели друг на друга, глаза их засияли, словно звезды. Ривка, был ли мой отец таким же красавцем, как господин Аминтор?

– Если хочешь сама рассказывать, что ж, давай. – Выражая свое недовольство, Ривка с силой запустила гребень мне в волосы. – Так вот, он отвел Ависагу к царице Мелхоло, и они поговорили. И нашу Ависагу назначили ходить за старым царем Давидом, и она спала в его опочивальне. По совести говоря, я очень волновалась за нее. «Ты даже не его наложница. Что с тобой будет, когда царь умрет, а ты останешься с клеймом падшей женщины?» – сказала я ей. А знаешь, что она тогда сделала?

– Рассмеялась, – ответила я.

– Да, она рассмеялась над моими словами и сказала: «Один царь умрет, другой придет!» А потом ушла к царице Мелхоло – та очень ее полюбила. Иногда мне кажется, что Ависага проводила больше времени с царицей Мелхолой, нежели с царем Давидом!

Когда Ривка рассказывала, я словно бы сама оказывалась в прошлом, рядом с моей матерью, близко, будто ее тень. Я ждала продолжения, но Ривка усердно укладывала концы моих кос и словно забыла, что нужно закончить историю.

– А потом, когда царь Давид лежал при смерти... – напомнила я, но Ривка уже укротила мои волосы и сказала лишь:

– Вот теперь хорошо. Смотри не зацепись за что-нибудь прической, а то колокольчики выпадут. Слишком уж ты неаккуратна, Ваалит.

Ривка подняла зеркало, чтобы я могла полюбоваться ее трудами. Я вздохнула, понимая, что сегодня уже не услышу продолжения.

Но я не забыла поблагодарить Ривку за кропотливый труд и похвалить

ее искусственность. В конце концов, я ведь знала наизусть историю маминой жизни.

Иногда мне казалось, что Ривка уже не любит углубляться в следующую часть рассказа, с того времени, когда великий царь Давид лежал при смерти, и до дня, когда царь Соломон встал под свадебным балдахином, чтобы назвать прекрасную Ависагу своей супругой. И, если Ривке теперь все же случалось заговорить о тех событиях, она словно бы одергивала себя, как будто стала осуждать участие Ависаги в вознесении и падении царевичей.

Меня это огорчало, ведь в рассказах Ривки я больше всего любила как раз те жаркие, бурные дни. Но воспоминания о них никогда бы не изгладились из моей памяти. Да, я считала эти образы воспоминаниями, хотя и родилась намного позже того безумного года. Иногда мне казалось, что я и вправду была там, видела и слышала то же, что моя мать...

...слышала, как царевич Адония, встав на колени перед царским ложем, умоляет умирающего Давида прийти на большой пир:

– В твою честь, отец. В честь царя Давида. Каждый сможет прийти в мой дом на пир и воздать тебе хвалу. Все царевичи и самые важные люди царства соберутся там, чтобы славить тебя.

– Славить меня? – Казалось, затянутые пеленой смерти глаза царя блуждают, но на миг они сверкнули, словно клинки. – Самые важные люди?

– Да, отец.

– Авиафар? Первосвященник Авиафар?

– Да, – кивнул царевич Адония, – и...

– И первосвященник Садок? И Веная? И Нафан, пророк Нафан, будет ли он меня ждать на твоём большом пиру?

Адония замялся и отвел взгляд.

– Они не пришли. Пока. Но придут.

– А Иоав? Адония, сын, сидит ли мой военачальник Иоав за твоим столом?

– Да, – Адония поднял голову, улыбаясь, – да, отец, Иоав сидит за моим столом.

Царь Давид улыбнулся ему в ответ:

– Придвинься ближе, Адония.

И, когда царевич подчинился отцу, тот возложил руки на гладко причесанную голову Адонии, молча благословляя его.

Затем царь Давид искоса посмотрел на Ависагу:

– Хороший царь получится из Адонии, правда, девица?

– Как будет угодно моему царю и повелителю, – прошептала мама, склонив голову.

Затем она взяла кувшин и вышла, чтобы наполнить его свежей водой. По дороге она остановилась лишь для того, чтобы перекинуться несколькими словами со слугой Адонии, ожидавшим господина на царском подворье. У слуги она по крупницам собрала новости, а затем бросилась к царице Мелхоло. Выслушав Ависагу, царица Мелхоло поцеловала ее в щеку и отпустила обратно к царю Давиду.

Ависага хорошо изучила дворец. Она могла бы с завязанными глазами пройти по лабиринту его покоев и внутренних двориков. Вернувшись на свое место, к царю, она сидела там, пока царица Мелхоло не появилась в опочивальне. А когда Мелхоло вышла, унося с собой царский перстень, Ависага скользнула обратно на свое место рядом с царем. Весь тот долгий день Ависага сидела и терпеливо ждала, словно никуда и никогда не двигалась. А пока она ждала, Соломон надел на палец перстень, на голову – корону, сел на коня и отправился в путь...

Вот так мой отец оказался на троне. Если бы не предупреждение моей матери и не решимость царицы Мелхоло, Адония, вне всякого сомнения, захватил бы власть.

Я почти достигла возраста, в котором моя мать помогла отцу стать царем. Мне очень хотелось совершить нечто столь же смелое и значительное, как ее поступок. Но я знала, что легче достать звезду с неба: под мудрым правлением моего отца наше объединенное царство наслаждалось миром. И все знали, кто станет следующим царем. Вряд ли мне представилась бы возможность совершить нечто великое.

Да, как и все девушки, я могла только ждать. Ждать, когда отец устроит мое замужество.

А что еще остается девушке, будь она даже царевной?

Македа

Странные браки заключались ради блага страны, а еще более странные – во имя выгодной торговли. Далекое царства Израиль и Иудея жаждали серебра, слоновой кости и звериных шкур, а земля Хуш зависела от поставок железа и кедровой древесины.

И нужны были не только ценные металлы и товары. Еще более важным считалось убедительное свидетельство доброй воли, способное послужить печатью для уверений в дружбе.

– А какая связь прочнее кровной? – спросил дядя Македы, вышагивая по женскому поселку, вглядываясь в лицо каждой жены, дочери и рабыни. Поравнявшись с ней, он остановился. – Ты, Македа. В Иерусалим поедешь ты.

Никому не пришло бы в голову спрашивать, почему в это изгнание отправляли именно ее. В один прием ее дядя получал союзника и уничтожал последнее напоминание о том, что в его жилах не течет кровь царской династии, которую он прервал. Его право на власть подкреплялось только женитьбой на сестре матери Македы, да еще расторопностью. Он не упустил возможность, когда чума умертвила половину царской семьи. Среди тех, кого призвала к себе богиня смерти, оказался и царь, отец Македы. Из всех, в чьих жилах текла змеиная кровь, осталась в живых лишь Македа.

«И то лишь потому, что он боится меня убить, ведь тогда Саа-сет и Джангу-сет проклянут его навеки». Но, хотя умертвить ее он не мог, ничто не мешало ему превратить ее жизнь в пытку. Македа терпела и клялась, что когда-нибудь он оплатит за каждую отнятую у нее почесть, за каждый укол ее гордости. Каждый вечер она молилась Змеиной Владычице и Змею-царю о скорой расплате.

Но и дядя ее молился, и его боги, судя по всему, оказались сильнее. Ведь решение сложного вопроса само собой упало к его ногам – его просили о помощи и союзе. Он мог без малейших усилий избавиться от Македы навсегда.

Кивая собственным мыслям, ее дядя улыбнулся, обнажив подпиленные кончики зубов.

– Да, царевна Македа, я позаботился о хорошем замужестве для тебя! Ты выйдешь за царя Соломона. Так я решил.

От потрясения она растерялась. Мелькнула лишь мысль о том, что дядя, не принадлежа к змеиному роду, не имеет права подпиливать зубы. Она собралась было наотрез отказаться, но растерялась, словно бы испугавшись подать голос.

– Вот и хорошо. – Дядя быстро отвернулся – казалось, он боялся встретиться с ней взглядом. – Люди царя Соломона заберут тебя завтра. Готовься.

«Завтра!» Она смотрела, как он удаляется. Да, слишком быстрые шаги выдавали его страх. «Трус, – с холодной злобой подумала она, – сказал мне только сейчас, чтобы я не успела ничего предпринять».

Когда дядя ушел, вокруг нее собрались все его женщины и заговорили хором. Она гордо выпрямилась во весь рост, чтобы сказать, что не

покорится, даже если царь приказывает.

И снова что-то сковало ей губы, не давая говорить. На этот раз она поняла, что Джангу-сет удерживает ее от слов, которые она не смогла бы взять назад. Македа провела языком по заостренным кончикам собственных змеиных зубов, знаку ее царской крови. Если Джангу-сет что-то хотел сообщить ей, то следовало выслушать его и лишь потом строить собственные планы.

Неглубокая хрустальная чаша принадлежала когда-то ее матери, и матери ее матери, и так через поколения до самой их прародительницы Саа-сет, Змеиной Владычицы. Македа развернула сверток из змеиной кожи и поставила чашу перед собой на леопардовую шкуру, застилавшую пол.

Корзину со змеями она осторожно пристроила рядом, а затем подняла крышку. Кобра принадлежала ей с тех самых пор, как вылупилась из яйца, которое Македа отогревала между своих грудей. Змееныш подрастал в своей жесткой оболочке, а когда пришло время, Македа своими руками осторожно помогла ему вылупиться. Она сама сплела корзину, в которой кобра спала.

Тело смертоносной змеи плавно, словно струйка песка, перелилось через стенку корзины. Кобра мирно обвилась вокруг руки царевны. Македа погладила темные змеиные чешуйки, успокаивая кобру и собственный разум. Когда царевна прижала змеиные зубы к краю хрустальной чаши, безмятежная кобра послушно отдала свой яд. Нацедив достаточно, Македа отпустила змею, а сама наклонилась над чашей пророчеств.

Змеиный яд лужицами собрался на дне. Македа погрузила указательный палец в маслянистую, переливающуюся всеми цветами радуги жидкость, а потом коснулась лба, сердца и губ. И принялась ждать, пока над кожей, смоченной мерцающими капельками яда, не закружились видения.

«Человек. Сияющий золотым светом мужчина. Женщина, черная как ночь. Корона у нее на голове. Корона, которая медленно растворяется...» Македа почувствовала гнев и страх. Ей пришлось заставить себя отогнать их. Чтобы смотреть глазами Змеиной Владычицы, нужно спокойствие. «Ветер надувает паруса кораблей. Путешествие. Ребенок, мальчик. Ребенок с ее гордым лицом и ясными змеиными глазами. Перед ним выются две одинаковых змеи, он протягивает руки, и они, скользнув ему на плечи, обвивают его голову. Мальчик стоит, выпрямившись во весь рост в короне из змей, раскинув руки. Ветер подхватывает его и несет на юг. Змея сбрасывает кожу и летит впереди...»

Веки щипало, Македа моргнула, и видение исчезло, оставив лишь последний образ – змеиную кожу. Опустевшая оболочка мерцала тусклым золотистым светом, постепенно затухая... А потом и она исчезла. Теперь Македа видела лишь маленькую лужицу яда в хрустальной чаше.

Дрожа, она прижала к глазам ладони. Ответ пришел, ясный и однозначный. Она должна принять это изгнание. На время покажется, что ее дядя-узурпатор победил. Но она вверится обещанию Джангу-сета: будущее принадлежит тем, в чьих жилах течет змеиная кровь. Македе и ее сыну.

Змеиная мудрость. Кобра терпеливо ожидает своей добычи, свернувшись на камне.

«Да. Я поеду. Буду ждать. И однажды мой сын вернется и заберет то, что принадлежит нам». Теперь Македа знала, что нужно делать: согласиться на изгнание, пережить все, что ожидает ее в чужой северной стране. Достоинно и с надеждой воспитать сына. Чтобы однажды его чело увенчала змеиная корона.

«Да, Змей-царь, я подожду. И пусть ждать придется долго, я буду верить по воле твоей. – Македа вылила из чаши яд кобры на землю. – По воле твоей и моей».

Но она понимала, что ждать придется годами. Джангу-сет не обещал ни легкого, ни быстрого пути. Македа об этом и не просила. Лишь об одном она не могла не попросить: «Даже если этот путь окажется долгим, моя вера не пошатнется. Змей-царь, молю тебя только о том, чтобы этот царь Соломон стал достойным отцом для моего сына».

Хуш лежал далеко к югу от Израиля и Иудеи, еще дальше, чем страна Дельты и Долины. Когда Македу привезли в Иерусалим, поставили перед царским тронem и сняли с нее покрывало, все замерли: никогда прежде здесь не видели подобной женщины. Она интуитивно поняла, что люди замерли не от восторга, хотя в то время еще не знала здешнего языка.

А затем подошел молодой муж Македы, улыбнулся ей, взял ее за руку и промолвил слова, звучавшие в напряженной тишине, словно песня. Позже, изучив местное наречие, она узнала, что царь Соломон сказал в тот день: «Как же ты красива! Ты черна и прекрасна, как ночь! Ты сияешь, словно луна».

И, поскольку царь Соломон объявил, что она прекрасна, никто не смел утверждать обратного.

Позже, когда Македа научилась говорить на его языке и они могли обмениваться не только ласками, но и словами, она пыталась

поблагодарить его. В ответ он рассмеялся:

– Македа, знаешь, какая молва идет о царе Соломоне? Его считают самым правдивым и мудрым человеком в мире. Так что же, кроме правды, мог я сказать? Ты действительно красавица.

– Так обо мне говорили дома, но здесь все иначе.

– Да, здесь все иначе. Здесь твоя красота удивляет, привлекает внимание. Вот почему другие женщины завидуют тебе. Не позволяй им портить тебе настроение.

Женщины кружили вокруг нее, словно кошки. Шипели, но царапаться не осмеливались. Македа научилась мудрости, пройдя жестокие уроки. Она знала, почему другие жены ее ненавидят: не за ее темную кожу, а за то, что ее защищает царь. Но этого она не сказала, не желая видеть, как погаснет улыбка царя Соломона.

– Они меня не тревожат, – ответила Македа и была вознаграждена: муж улыбнулся еще ласковее.

«Да, они меня не тревожат. А если осмелятся, я сама смогу за себя постоять». Царевна Македа росла с полусотней других царских детей при дворе, полном теней и змеиных шорохов. Яд, безотказное и неприметное средство, впитался в ее кровь.

– Я рад, что ты счастлива здесь.

Царь Соломон гладил тугие завитки ее волос – они так отличались от тщательно причесанных длинных шевелюр других его женщин! Увидев, как ему нравится ее особенная внешность, Македа начала всячески подчеркивать свои отличия от других. Она носила коротко остриженные волосы, вплетая в свои густые пряди крошечные бусинки и ленточки. Натирала кожу маслами, пока все тело не начинало сиять, словно черное дерево. Посыпала золотой пудрой высокие скулы и полные губы.

Когда Соломон приходил к ней, она одевалась как царевна страны Хуш, а не как израильская царица, ведь она знала, что ему нравится ее необычный вид. В молчаливой и жестокой гаремной схватке за сердце царя Македа сражалась уверенно, и оружием ей служила темная экзотическая красота.

«Вот почему меня ненавидят его женщины: я нравлюсь ему больше, чем они», – эта мысль грела ей кровь, а на душе становилось теплее от того, что царь преподнес ей главный подарок.

Сына.

Она знала заранее, что ее мальчик родится под знаком Змеи, дарующей мудрость. И, хотя Соломон уже успел стать отцом дюжины сыновей, их

мальчику он радовался, словно первенцу. Это была еще одна причина, по которой она старалась всегда угождать мужу: он неизменно проявлял доброту. Иногда Македе казалось, что он чересчур добр, но с этим недостатком она могла смириться.

В награду за то, что она родила ему сына, царь Соломон подарил ей ожерелье из сверкающих камней – бледно-желтого кошачьего глаза, а младенцу – колыбельку, вырезанную из кедра и обшитую сандаловым деревом.

– Когда он подрастет, у него будет все то же, что у его братьев, – кони, слуги, земля. А пока... – Царь наклонился, протягивая младшему сыну погремушку. Ребенок энергичным движением ухватился за ее коралловую ручку. – Пока, думаю, такие вещи ему нравятся больше. – Соломон улыбнулся мальчику и посмотрел на Македу. – Как мы его назовем? Может быть, ты для него выбрала какое-то имя твоей родной страны?

– Ты очень добр, царь мой, но я хотела бы назвать его Давидом, в честь твоего отца.

На миг Македа подумала было, что Соломон откажет ей в этой чести: его лицо осталось странно безучастным, а в глазах мелькнуло беспокойство. Потом туча прошла, он кивнул:

– Хорошо, милая моя Македа. Если таково твое желание, мы назовем его Давидом. Возможно, он унаследует музыкальный дар моего отца.

Она поклонилась и поблагодарила его, не раскрывая своих надежд. Она хотела, чтобы внук Давида Великого унаследовал не музыкальный дар, а дар побеждать. «Этот Давид тоже станет царем. Я видела это».

Давным-давно его великую судьбу предсказала хрустальная чаша, наполненная холодным ядом кобры. Ради этой судьбы она позволила, чтобы ее отправили в изгнание на север и выдали за этого мягкосердечного царя. Ради этой судьбы она терпела безотрадную страну и жалких, вечно причитающих женщин.

«Ради него. Ради сына».

Улыбаясь, Македа наклонилась над колыбелью царевича Давида и взяла его на руки. В отличие от многих других царских жен, полагавшихся на кормилиц и нянек, она ухаживала за своим царевичем сама, не прибегая к чужой помощи, и кормила его грудью, чтобы он с молоком матери впитал ее силу и смелость, чтобы вырос мудрым и могучим. Он возмужает здесь, в безопасности, в стране своего отца.

А потом, когда настанет время, он вернется в ее страну и займет трон, ожидающий его там.

Мурлыча колыбельную, которая была старше Лунных гор, Македа

укачивала сына своими сильными руками и прижимала его к груди. «Даже если ты никогда не станешь царем Израиля, милый мой Давид, мир велик. И состоит из множества царств». Когда-нибудь голову ее сына увенчает корона. Это видение явилось ей в испарениях змеиного яда. Ее сын станет правителем. Не здесь, не сейчас. Но где-нибудь, когда-нибудь. Она проявит терпение.

«И если нужно подождать, пока свершится судьба моего сына, это место для меня не хуже любого другого. Здесь, вдали от родины, я смогу растить и защищать моего царевича, пока он не возмужает, чтобы идти за своей судьбой». Она посмотрела на нежное личико Давида и улыбнулась. «Да, сынок, мы подождем».

Разве сложно ждать, если ты – царица во дворце Соломона? Македе иногда казалось, что для полного счастья ей не хватает лишь более теплого климата.

Песнь Ваалит

В саду, окруженном стенами из серебра и кедрового дерева, прохаживалась женщина, беспокойно, словно запертая в клетке пантера. Ее тело окутывали яркие шелка. Волосы, шея и запястья были украшены сверкающими драгоценными камнями. В руках она держала веретено из янтаря и слоновой кости, хорошенькую вещицу, царскую игрушку. Она пряла на ходу, наматывая на веретено черную шерсть, но нить получалась белая.

Я шла к женщине сквозь заросли маков и лилий и наконец остановилась перед ней. Она посмотрела на меня и улыбнулась.

– Спрашивай, – сказала она и замолчала, ожидая.

И мир замер вместе с ней, пока я подбирала слова для вопроса, не зная, хочу ли его задать.

– Как можно тьму перепрясть в свет?

– Тьма – это прошлое, – ответила она, – а свет – будущее. Я сделала все возможное, дочка, теперь твоя очередь.

Она протянула мне прялку, и я увидела, что золотые браслеты на ее запястьях – цепи, приковывающие ее к серебряному саду. Медленно протянув руку, я приняла прялку из слоновой кости. Ноша оказалась тяжелой. Темная шерсть камнем повисла на мне, я упала на колени.

– Я не удержу ее, – сказала я, – слишком тяжело.

– Мне тоже было тяжело, но я держала прялку и шерсть. И пряла.

Теперь твоя очередь.

Закованная в цепи женщина стояла и смотрела, как я поднимаюсь на ноги.

– Кто ты? Моя мать?

– Какая разница? Слушай мой урок, Ваалит: пряди нить или умри.

Я начала прясть, превращая шерсть в нить, тьму в свет. Болели пальцы, шерсть обжигала, словно огонь.

– Долго ли? – спросила я. – Долго ли нужно прясть?

Никто не ответил. Я осталась одна в саду, из которого не было выхода. Я пряла и рыдала, зная, что умру, если прекращу работу...

Я проснулась со слезами на глазах – плач не приснился мне. Не приснилось и страдание. «Пряди нить или умри». Я содрогнулась. Была ли женщина в саду моей матерью? Нет, ведь мне говорили, что мать была смуглой, темноволосой и ласковой, а эта женщина – золотистой, словно львица. «Какая разница?» – спросила она тогда. Я подумала, что это и впрямь не имеет значения. Кем бы ни был этот призрак, он явился, чтобы меня предостеречь. Теперь следовало найти толкование для моего сна, чтобы я знала, в чем заключается опасность.

Я пыталась снова заснуть, но покой бежал от меня. Сев у окна, я смотрела на город несколько долгих часов до рассвета.

Но сны, терзающие нас по ночам, рассеиваются под лучами солнца. К тому же я была слишком юной, чтобы правильно истолковывать сновидения. При свете дня начинало казаться, что сны, после которых я просыпалась темными ночами, дрожащая и обессиленная, вызваны всего лишь стычкой с Ровоамом или встречей с очередной невестой отца. От взгляда госпожи Даксури еще и не такие кошмары могли присниться!

Так убеждала я себя и даже на какое-то время поверила в это. Как я уже говорила, хотя я родилась всего лишь девочкой, отец любил меня больше всех своих детей. С того момента как я сделала первый вдох, а мать перестала дышать, сердце Соломона принадлежало мне. Отец без колебаний исполнял все желания матери. И точно так же все детские просьбы, которые мне случалось произнести, немедленно выполнялись. Все детские сокровища, о которых я мечтала, становились моими, стоило лишь попросить. Царевне Ваалит ни в чем не отказывали.

Однако сейчас я вижу: я хотела, чтобы даже сны подчинялись мне и выполняли мои желания.

К тому времени, когда царица Савская вступила в ворота Иерусалима и в жизнь моего отца, меня избаловали бесконечными уступками. Я и

подумать не могла, что мне могут не дать чего-то, что я захочу.

Что я не смогу получить желаемое.

Ведь до того, как я увидела царицу Савскую и сопровождавших ее женщин, мои желания оставались детскими. У меня даже мысли не возникало, что о своих истинных желаниях я не подозреваю. Не задумывалась я и о том, что мое сердце стремится к тому, чего не сможет для меня сделать ни один мужчина. И ни одна женщина.

Что я должна буду сама бороться за то, чего захочу всей душой.

Часть четвертая

Дороже рубинов

Соломон

– Этому лету конца не видно, правда? – Когда Аминтор не ждал ответа, он спрашивал словно бы шутя.

Соломон улыбнулся, вежливо соглашаясь, и посмотрел на высохшие золотые холмы.

– Лето едва началось. Скоро станет жарче. А потом сменится время года. И все начнут стенать о том, как долго тянется зима.

Сам царь уже не обращал внимания на то, по-зимнему коротки дни или по-летнему длинны. Он следил лишь за тем, чтобы все работы выполнялись надлежащим образом и в отведенный для них срок. «Так создается мирная жизнь. Такова дорога мудрости».

– Опять ты задумался, царь мой и повелитель, и явно о неприятных вещах. Это плохая привычка. Вообще-то человек с четырьмя десятками жен, из которых к тому же одна – пылкая новобрачная, мог бы отыскать для себя одну-две приятные мысли, пока, задумавшись, стоит на крыше.

– Я не думал о женах. Даже о новобрачной.

– А следовало бы, господин мой, иначе они перестанут думать о тебе. Даже новобрачная, – добавил Аминтор. – Чем холоднее климат в этих странах на краю земли, тем горячее прибывшие оттуда девушки.

– Я думаю о женах. Но не сейчас.

Сейчас, когда ярко светило солнце, хотелось просто наслаждаться его лучами и обществом человека, чье самое жестокое и суровое слово было словно пушинка, а самое мрачное настроение – словно летний полдень. Аминтора ничто не тяготило. С ним царь, которому не давали продохнуть мужчины, требовавшие мудрых решений, и женщины, боровшиеся за его благосклонность, находил отдых. К тому же Аминтор был чужеземцем. От этого с ним было еще легче, ведь он никогда не приходил с просьбами и ходатайствами. Критянин хорошо служил царю – с ним он иногда мог побыть просто Соломоном, а не царем Соломоном Премудрым.

– И снова тебя одолевают мысли, царь мой. Что-то случилось в гареме?

На этот раз Соломон улыбнулся от всей души.

– Разве не может у царя быть других бед, кроме женщин?

– Другие не столь занимательны.

Усевшись на парапет, Аминтор подтянул к себе одну ногу и обхватил колено.

– Что ж, тогда тебя тревожит этот твой неумытый провидец?

И, хотя Аминтор снова угадал, Соломон не признал правду. С другой стороны, он и не слукавил. Когда нет покоя в душе, это еще не беда. «Нет у меня никаких бед, кроме собственных тревог».

Несмотря на все зловещие пророчества Ахии про гнев Господень и все причитания жен, колхидская царевна спокойно поселилась в гареме. Ее привезенные из далекой страны обряды оказались не более причудливыми, чем многие другие. Однако в эти долгие летние дни Соломону стало не по себе. Свою тревогу он оставлял у ворот госпожи Даксури. Его беспокоили не ее темные ритуалы или проявляемое перед ним своеволие – ведь ничего подобного не было.

«А другие мои жены боятся ее. И жалуются. Безо всяких причин». Единственная настоящая причина заключалась в том, что для госпожи Даксури, очередной царской жены, еще не определили место в гаремном мире. Соломон старался как мог, но за Женскими воротами начинался столь чуждый ему мир, словно, распахивая богато инкрустированные створки, он каждый раз попадал в далекую страну, где мужские законы не имели ни малейшей силы.

Когда-то все было иначе. Когда-то кедровые ворота открывали ему путь в объятия любимой. Но солнце, освещавшее те дни, давно закатилось.

«Так давно, так много лет назад, что дочь Ависаги уже сама выросла, чтобы выйти замуж». От этой мысли ему всегда становилось грустно. Хотя дочери неизбежно предстояло выйти замуж. Судьба девушки – замужество, судьба царевны – замужество, выгодное для государства.

Иногда Соломон позволял себе помечтать о том, чтобы предложить руку Ваалит своему доброму другу-критянину. Женитьба на царской дочери навсегда привязала бы Аминтора к Израилю. А может быть, и нет, ведь сердце Аминтора любило свободу. Он мог и отказаться взять в жены царскую дочь, что стало бы страшным оскорблением. Или мог жениться, а потом, когда ему наскучат иерусалимские улицы, уехать и увезти Ваалит. Ни один исход Соломону не нравился. К тому же, выдавая Ваалит за Аминтора, он бы ничего не добился для царства. «Лишь для царя. А это еще не основание».

– Что ж, значит, у моего царя ничего не приключилось. А он все равно

хмурится, да еще в такой день.

Соломон снова заставил себя улыбнуться.

– Вынужден признать, что и для меня летние дни тянутся долго. В стране мир, люди живут спокойно...

– ...а царю скучно, – закончил за него Аминтор.

Соломон рассмеялся. Но, даже смеясь, он вспомнил спокойное утверждение Нефрет: она тоже сказала, что он страдает от скуки. Теперь и Аминтор заговорил о том же. «Если жизнь кажется мне скучной, неужели людям это настолько очевидно? Разве могу я сознаться в этом грехе, когда весь мир у моих ног?»

– Все не так плохо. Но от развлечений я бы не отказался.

Словно услышав царские слова, из полумрака выходящей на крышу комнаты показался слуга. Приблизившись к Соломону, он низко склонился.

– Встань, – сказал Соломон, заставляя себя улыбнуться слуге, – встань и говори.

– О царь, дозорные передают, что в город прибыл гонец. Он очень спешит, чтобы передать свою весть царю.

Соломон кивнул:

– Пусть мои советники ожидают меня в тронном зале.

– Как прикажет царь, – ответил слуга и бегом удалился, стараясь ступать тихо.

Соломон наконец позволил себе выдохнуть.

– Слишком ты добр, царь, – покачал головой Аминтор, – тебе следовало приказать гонцу подняться сюда, к тебе, а не идти к нему.

– Может быть, но люди, которые усердно трудятся, заслуживают награды. Им нравится, когда царь принимает их пышно и торжественно. А мудрый царь должен по возможности угождать слугам и подданным.

Когда гонец вбежал в дворцовые ворота, Соломон уже сидел на троне, ожидая его, а советники, не занятые другими делами, выстроились по правую руку. Аминтор стоял слева от царя, и, казалось, из всех его приближенных он один чувствовал себя свободно. «Мои люди все еще не научились жить в империи. Сколько же царей, сколько поколений нужно, чтобы племя превратилось в народ?»

Его виски сдавливал кованый золотой обруч. На коленях лежал скипетр со львиной головой. Гонцу, пробежавшему между колоннами и остановившемуся перед тронном, предстояло увидеть, как царь Соломон во всем блеске своего облачения ожидает вестей.

Царь хорошо рассчитал время. Не успели его приближенные

почувствовать нетерпение – и заворчат, что у них много важной работы! – как послышался топот босых ног по мраморному полу. Гонец прибыл. Выскочив из полумрака деревянных колонн, он промчался через зал, как стрела, и бросился на колени перед Львиным тронном.

– Говори. – Соломон сдержанно улыбнулся, готовясь услышать срочные известия.

– О царь, да продлятся дни твои вечно! Господин Исав, градоначальник Ецион-Гевера, посылает приветствие царю Соломону Премудрому. Тебя приветствует также Годавия, возглавляющий фарсийскую флотилию. Вот что передает тебе флотоводец: «Вернулся фарсийский флот, о царь, и на кораблях...»

– Подожди.

Гонец так запыхался, что Соломону еле удавалось разбирать его слова. Пристально глядя на гонца, он вздохнул:

– Отдышись и выпей вина. Эти вести не могут быть настолько важными, чтобы из-за них умереть.

Сеть гонцов работала хорошо. Единственный недостаток заключался в том, что скороходы трудились чересчур усердно. Они гордились своими быстрыми ногами. Каждое известие, по крайней мере, пока они его не передавали, становилось для них чрезвычайно важным и срочным.

Гонец принял чашу с вином, благодарно и в то же время с раздражением.

– О царь... – начал он снова.

Соломон поднял руку, останавливая его:

– Я ничего не желаю слышать, пока ты не перестанешь хватать ртом воздух, словно выброшенный на берег угорь. Ты еще успеешь передать свои вести. Осуши чашу до дна.

Гонец допил вино и вытер губы. Соломон терпеливо ждал. Потом улыбнулся и заметил:

– Так-то лучше. А теперь я могу выслушать слова флотоводца.

Гонец, которому наконец-то позволили заговорить, оживился:

– О царь, вот известие для царя Соломона от Годавии, возглавляющего фарсийский флот: корабли вернулись из южных земель с грузом слоновой кости, благовоний и золота. Эти и многие другие сокровища прислала в подарок царю Соломону царица Страны Пряностей. Прибыла также и сама царица, чтобы собственными глазами увидеть славу царства Израиль, услышать мудрые речи царя Соломона и принести свидетельство об этом обратно в Савское царство.

Соломон устался на гонца. Редко ему случалось испытывать такое

удивление.

– Царица Савская прибыла сюда? В нашу страну?

– Да, о царь, она приплыла с юга на фарсийском корабле.

Довольный произведенным впечатлением, гонец гордо выпрямился, ожидая дальнейших вопросов.

«Неужели царица Савская проехала полмира, чтобы встретиться со мной? Чего же она хочет?» Соломон отправил своих послов в далекую Саву в надежде заключить еще один договор, выгодный для его стремительно крепнущего царства, но результаты превзошли даже самые смелые его ожидания. Может, царь Савский отправил свою жену в качестве посланницы? Или в качестве подарка? А может, правдивыми оказались небылицы, будто Южной страной правит женщина, колдунья, которой уже тысяча лет? *Этому* Соломон уж точно бы не поверил. Если прибыла царица, ясно, что ее прислал царь. «Ни одна царица не осмелилась бы покинуть свой трон и поехать в такую даль, если бы хотела сохранить власть!»

Эта загадка манила пряным ароматом интриги. Скука, изнурявшая Соломона, рассеялась, словно туман под лучами солнца.

– И где же сейчас царица?

Кроме ладана, Савское царство, известное также как Страна Пряностей, славилось безумными историями, которые рассказывали побывавшие там путешественники. «Теперь я узнаю, правду ли говорят о Южной стране».

– Царица и ее свита ожидают в Ецион-Гевере, о царь.

Портовый город Ецион-Гевер служил царству Соломона воротами, открывавшими путь ко всем странам мира и их богатствам. В порт, расположенный на южной границе страны, в заливе Акаба, приходили корабли, груженные слоновой костью и хлопком из Хуша и Египта, рубинами и корицей из Индии, золотом из каньонов Офира. Неподалеку добывали медь и железо. Ецион-Гевер не только способствовал торговле, но и выплавлял металлы для царства.

«А что если в Савском царстве хотят разведать о наших плавильнях и рудниках? И для чего же это им понадобилось? Возможно, царь Савский пытается выяснить, откуда у нас такие богатства, и присвоить их. Прощупывает почву, изучая нашу оборону. В таком случае, царицу отправили для того, чтобы скрыть истинную цель прибытия чужеземцев. Может быть...»

Может быть, хватит уже терять время? Как я узнаю об их истинных целях, не поговорив с царицей?»

Внезапно почувствовав беспокойство, Соломон поднялся с трона.

– Ты хорошо потрудился, – сказал он гонцу ясным голосом, слышным во всех уголках тронного зала.

Гонец благодарно улыбнулся. Соломон приказал управляющему Ахисару проследить за тем, чтобы усердного слугу хорошо накормили и напоили. Затем царь обернулся к Садоку:

– Что скажешь, первосвященник?

– Очень странная новость, – неспешно и тяжеловесно заговорил тот, – ведь Савское царство расположено далеко на юге. Очень далеко. Но и слава о мудрости Соломона разносится далеко. Возможно, эта царица действительно хочет поучиться у тебя.

«Садок, ты стал настоящим придворным. Умеешь говорить и ничего не сказать», – улыбнулся Соломон.

– Возможно, – сказал он.

«Но вряд ли», – подумал он при этом. Рядом придворные спорили о том, следует ли царю принимать эту непрошеную гостью.

– Нельзя доверять чужеземкам. Вдруг она хочет навредить нашему царю?

– Глупости. Но нет сомнений, что она хочет хитростью склонить его к выгодным для себя условиям. Торговля с ее царством дорого обходится.

– Может быть, она вообще не царица, а шпионка, подосланная, чтобы выведать секреты нашего царя?

– Довольно, – сказал Соломон, взмахом руки прервав их на этом.

Он взглянул на Аминтора.

– «Царица Савская» – это звучит заманчиво, – сказал критянин, подняв брови. – Может быть, твой Бог услышал тебя и ответил наконец на твои молитвы.

– Я ни в чем не могу быть уверен, пока сам не увижу эту женщину и не услышу ее голос собственными ушами, – улыбнулся Соломон. – Я отправлюсь в Ецион-Гевер, чтобы приветствовать царицу на нашей земле.

– Царь мой, нельзя так рисковать. Что если это ловушка? – забеспокоился писец Елихорев.

– Хороша ловушка, – рассмеялся в ответ на эти серьезные слова Соломон. – Прибыть в мое царство и оказаться в моей власти!

– Возможно, это хитрая ловушка, – хмуро глядя на него, сказал Елихорев, – ведь женщины коварны, как змеи.

Соломон серьезно кивнул – не следовало задевать болезненную гордость старшего писца:

– Да, женщины похожи на змей: они такие же прекрасные, мудрые и

утонченные. Вот еще одна причина встретиться лицом к лицу с женщиной, которая к тому же царица далекой страны. Царь благодарит за своевременное предупреждение.

Елихорев поклонился, на время успокоившись. Соломон изо всех сил старался не смотреть налево. «Ведь, если мы с Аминтором встретимся взглядами, я рассмеюсь». А мудрый царь не унижает своих слуг при посторонних.

– Я выслушал ваши речи, – сказал Соломон, – а теперь слушайте мою. Я отправлюсь в Ецион-Гевер, чтобы приветствовать царицу Савскую в моей стране. Она – не простая гостья, а правительница, и мы должны принять ее с почетом.

Садок нахмурился и покачал головой:

– О царь, я вынужден возразить. Неужели ты желаешь поступиться своим величием, отправляясь встречать эту чужеземку?

«Это ты, первосвященник, не желаешь поступиться своим уютом и удалиться от города хотя бы на дюжину шагов!» Но Соломон не стал бранить старика, а лишь улыбнулся:

– Никакие действия царя не могут умалить его величия, Садок, но не волнуйся. Я не требую, чтобы первосвященник сопровождал меня!

– Я в распоряжении царя, – ответил Садок, но дальше спорить ни о чем не стал.

«А если я передумаю и все же прикажу ему ехать со мной?» Соломон боролся с искушением еще немного пошутить над первосвященником. Садок был хорошим, надежным человеком, но слишком старым, слишком привыкшим к своей благоустроенной жизни, чтобы получать удовольствие от чего-либо нового. «Не беспокойся, Садок. Чтобы приветствовать эту царицу-путешественницу, священник мне не понадобится».

Соломон понял, чей совет ему нужен. Он положил свой львиноголовый скипетр на трон, отпуская приближенных. «Не счесть, сколько раз я уже слышал все то, что они могут сказать. Эту весть пора сообщить тому, кто скажет что-то новое, а не будет вспоминать, что и как делалось раньше. Как будто это повод продолжать идти старым путем!»

Веня

Веня не удивился тому, что понадобился царю. Соломон деликатно и терпеливо правил своими несговорчивыми подданными. Излагая им важные дела, он хотел узнать их мнение.

А выслушав драгоценные слова советников, он обращался к своему военачальнику. «В конце концов, все дела вершит клинок». Рано или поздно переговоры или семейные узы следовало подкреплять силой. А значит, рано или поздно царю, чье имя для многих людей стало символом мира, придется дать свободу действий Венае и объявить войну.

Сплетни и слухи носились по царскому дворцу быстрее ласточек. Веная смотрел с высокой стены на вившуюся вокруг крепости дорогу, по которой шел к нему царь. К тому времени он уже не один раз успел услышать весть о прибытии царицы Савской. И с каждым новым пересказом история преображалась, становясь все более похожей на сказку.

Когда царь заговорил, Веная поднял руку, останавливая его:

– Царь мой, правда ли, что царицу Савскую принесли сюда орлы? Что в подарок тебе она привезла сорок шекелей золота, а драгоценных камней – больше, чем звезд на небе? Что она – джинн, заколдовавший твоего флотоводца, колдунья, способная по собственной воле менять свои обличья?

Выслушав невозмутимое изложение самых диких выдумок, Соломон рассмеялся:

– Может быть, она и впрямь такова, не знаю. Я пока не видел ее. Что же касается подарков, ясное дело: она привезла то, чем надеется потешить мое тщеславие и склонить меня к выполнению своих желаний.

– И чего желает эта чужеземная царица?

– Этого я пока не выяснил, – улыбнулся царь. – Может быть, ей и впрямь захотелось испытать мою мудрость. Что скажешь, Веная?

– Что я скажу? Я скажу, что ни одна царица не оставит свою страну и не поедет через полмира, чтобы играть в загадки. Не бывает таких цариц.

– Может быть, эта как раз такова. Может быть, ей скучно и она хочет, чтобы я развлек ее.

– Может быть, – эхом откликнулся Веная на шутку царя, а сам в поисках истины на все лады обдумывал все услышанное.

Конечно, эта чужестранка чего-то хочет от Соломона. Иначе разве отправилась бы она сюда через полмира? Лишь одного Веная не мог понять: что надеется здесь найти царица Савская? Что могло оказаться для нее настолько важным, чтобы рискнуть собой?..

– Я отправляюсь в Ецион-Гевер, чтобы своими глазами взглянуть на эту сказочную царицу. Все мои придворные криком кричали, чтобы я не ехал. Они переживают за мое царское достоинство и свой уют. А что скажешь ты, Веная?

Тот задумался. Соломон его не торопил, терпеливо ожидая, пока Веная

наконец не сказал:

– О царь, я думаю, что это верное решение. Лучше встретиться со змеей в поле, чем в доме.

– Мудрый мой Веная! Я отправлюсь в путь, чтобы встретиться с этой змеей, а ты поможешь мне понять, ядом или медом пропитаны ее зубы.

– Когда ты выезжаешь?

– Немедленно. Я хочу посмотреть на эту безрассудную царицу, пока она еще не освоилась в нашей стране.

– Как прикажет царь.

– Да, как я прикажу, так и будет, – мрачно улыбнулся Соломон, – после того как все до единого приближенные, служившие моему отцу, успели мне объяснить, почему я не должен этого делать и как хорошо царь Давид, ослепляя всех сиянием своего величия, уладил бы это дело... А что если отправиться в Ецион-Гевер под видом царского посланца? Я смогу оценить ее, прежде чем она успеет понять, кто перед ней.

– Такие решения хороши только в сказках.

Веная не особенно старался отговорить царя от этой безумной мысли. Он понимал, что Соломон на самом деле вовсе не рвется ехать один и в чужой личине. «Значит, придворные снова вывели его из себя. Кучка недоумков. Как же им невдомек, что, если злить его, от этого не станет легче его направлять?»

Соломон смотрел на юг, словно пытаясь взглядом преодолеть расстояние, отделявшее Иерусалим от далекого города, где ожидала царица Савская.

– В сказках...

Царь произнес эти слова так тихо, что Венае показалось, будто это вздох жаркого летнего ветра. Потом Соломон снова обернулся к Венае:

– Завтра на рассвете я выезжаю по главной царской дороге на юг, чтобы приветствовать царицу Савскую в Ецион-Гевере. Если придворные и слуги не готовы сопровождать царя, что ж, ему придется отправиться с теми, кто действительно любит его.

– Ты им объявишь или я?

– Пусть объявит Аминтор, – улыбнулся Соломон, – тогда они быстро уступят царскому желанию.

«Да, ты воистину сын Давида Великого. И царица Мелхола учила тебя недаром». Но Венае хватило мудрости не произносить этих слов, хотя они часто приходили ему на ум. Такие похвалы, словно обоюдоострый меч, могли ранить. Царь Соломон не любил, когда его сравнивали с отцом.

И уж тем более не стоило упоминать о его матери – о любой из двух

его матерей.

Песнь Ваалит

Я опустилась на колени перед жерновом. Верхняя половина его была из сверкающего золота, а нижняя из тусклого железа. Браслеты, массивные, словно кандалы, тяжелые, словно камень, защелкнулись на моих запястьях. В жернове перемалывалось время. Каждый час сверкал, как хрусталь, сиял, будто жемчужина. Золотые цепи приковывали меня к золотому жернову, и я вертела его, перемалывая время в песок, который рассеивался, словно туман. Час за часом я перемалывала драгоценные камни времени, час за часом бесконечно крутила жернов...

Когда я проснулась, кровь так сильно билась в жилах, что пульсировала кожа. Сон. Всего лишь сон. К тому же не такой страшный, чтобы обливаться холодным потом. Так я твердила, уговаривая себя дышать медленно и лежать неподвижно, пока сердце не начало биться ровно.

Но спать после этого я не осмеливалась. Я не хотела лежать с открытыми глазами, глядя в темноту, поэтому встала и вышла на балкон, ступая тихо, чтобы не разбудить Нимру и Кешет, – они спали на соседней кровати, мирно, словно котята. Когда мне бывало не по себе, я предпочитала одиночество.

А в последнее время мне часто бывало не по себе. Мои разум и тело не находили покоя. Даже сама я не понимала, что меня тревожит. Я лишь знала, что слишком часто мне снятся беспокойные сны. Тот сон про жернов по-настоящему испугал меня, хотя я не находила этому объяснения.

«Это всего лишь сон, – прошептала я, – он не может навредить мне». Я смотрела на восточные холмы, возвышавшиеся за городом. Там сумрак рассеивался и начинал теплиться рассвет. Солнечный свет прогонял сны, хорошие и плохие. Солнечный свет мог освободить меня от тяжести холодных оков на запястьях.

Обещание рассвета согревало воздух, помогая мне справиться с моими страхами. Измученная, я снова прокралась к своей кровати и покорилась сну.

Я бодрствовала с полуночи до рассвета, поэтому проспала до позднего утра. Меня, любимого царского ребенка, никто не осмеливался будить.

К тому времени, когда я встала, позавтракала, оделась и услышала от слуганок, что отец отправился в южный порт приветствовать гостью из

сказочного Савского царства, я уже не могла умолять его взять меня с собой. Я даже не успела бы догнать его на главной дороге. Мое положение царской дочери позволяло мне повелевать лишь в мелочах. В важных делах я была столь же беспомощна, как любая другая девушка. Ни один служивший нам мужчина не рискнул бы мне подчиниться, если бы я достаточно обезумела, чтобы приказать готовить колесницу и запрягать лошадей.

Как и всем женщинам в отцовском дворце, мне оставалось только ждать.

Ждать, следить за всем происходящим и поражаться мысли, что женщина может быть настоящей царицей, способной ездить куда угодно, свободно, как мужчина.

Соломон

Царский путь начинался под Дамаском и тянулся на юг вдоль Аморейских гор до портового города Ецион-Гевера, где тракт уступал место бездорожью водных просторов. В Идумее, неподалеку от красных стен города Селы, Царский путь и Путь Благовоний пересекались. И там, на самом древнем перекрестке, соединявшем дороги севера и юга, царь Соломон впервые увидел царицу Савскую. И не имело значения, какие сказочные небылицы рассказывали потом об этой встрече двух правителей, какие песни о колдовстве и похоти слагали арфисты. Истинные свидетели того события никогда о нем не говорили. Ведь встреча, состоявшаяся на глазах у стольких людей, не могла таить никаких секретов. Кроме тех, что хранил взгляд царицы.

Или сердце царя.

Соломон выехал из Иерусалима по-царски пышно. Его сопровождало духовенство и стража, старший конюший и казначей. Он приказал снарядить двенадцать возов, груженных изысканными яствами и нарядами. Гранатовое вино, накидки с золотой бахромой, птица, маринованная в медовом соусе, пояса, расшитые жемчугом, – припасы для долгого пути и подарки, чтобы приветствовать царственную гостью.

Он думал, что въедет в ворота Ецион-Гевера и застанет Савскую царицу в доме градоначальника, отдыхающей после долгой дороги из Южной страны. Но на вершине последнего холма перед Селой его колесничий придержал коней – внизу ярким пятном раскинулся лагерь

царицы Утра. Этого Соломон не ожидал.

Ему и раньше случалось видеть шатры и жить в них, когда он посещал племена кочевников на границах империи. Но те шатры были прочными, искусно изготовленными из темных тканей и шкур. В тех поселениях тяжело работали и находили отдых. А стоянка царицы Савской под яркими лучами солнца ослепляла; шатры щеголяли всеми цветами радуги, словно посудыны, в которых маляр смешивает краски.

Яркие конусы выстроились вокруг центральных шатров, защищая их, а те сияли, словно лунный свет. Их ткань белизной могла поспорить с голубиным крылом. Над самым большим шатром возвышался шест. С него тяжелыми складками свисали знамена из леопардовых шкур.

– Цветасто, – сказал Аминтор, и Соломону оставалось лишь согласиться.

– Действо, устроенное царицей для царя, – заметил он.

В ответ на его слова Аминтор засмеялся, а Веная чуть заметно улыбнулся. Остальные пристально смотрели на лагерь царицы, серьезные, словно судьи.

– Что ж, вот царица Савская, – сказал Соломон. – Предстанет ли царь Израиля перед ней сразу или подождет...

– ...дальнейшего развития событий? – подсказал Аминтор.

– ...приглашения, – закончил Соломон. – Или пробраться в лагерь царицы тайком? Может быть, захватить ее врасплох во время купания?

Раздалось покашливание Елихорефа.

– О царь, не думаю, что это мудрое решение. Лучше отправить вперед посланцев, чтобы они объявили о прибытии царя, а затем подождать, что заявит в ответ царица.

– Именно так. – Дафан, снабжавший писца всеми необходимыми для работы материалами, как всегда, соглашался с ним. – Решения следует принимать взвешенно и осмотрительно.

«Взвешенно и осмотрительно! Если ждать решений от Елихорефа и Дафана, то скорее небо упадет на землю, чем что-то удастся сделать».

Соломон поднял руку, останавливая их:

– Не вижу причин, по которым нам не следует приближаться к лагерю царицы. Она проделала очень долгий путь, чтобы встретиться со мной.

– Но царь мой и господин... – начал было Елихореф, и Соломон вдруг почувствовал, что с него довольно.

«Довольно торжественности и чванства. Довольно мужчин, церемонно превозносящих любую мою глупость. Довольно женщин, встречающих улыбкой мои самые грубые ласки...» С этой мыслью Соломон выхватил

поводья у своего остолбеневшего колесничего.

– Твой царь приказывает своим придворным продолжить путь к лагерю царицы Савской. А Соломон едет вперед один.

Он бросил взгляд на колесничего и приказал:

– Сойди на землю.

Тот заколебался было, и тогда Соломон добавил – тоном, резанувшим слух, словно удар хлыста:

– Немедленно.

Колесничий спрыгнул, и Соломон подстегнул норовистых коней. Два жеребца ринулись вперед, обрадовавшись движению.

Когда удалось их смирить до ровного галопа, Соломон решился оглянуться и увидел, что даже этому неслыханному приказу все подчинились. Все, кроме двоих. Аминтор и Веная, отделившись от каравана, следовали за царем, каждый на свой лад. Аминтор мчался на своей кобыле, раздобытой у кочевников пустыни, словно соревнуясь с ветром. А Веная просто пустил своего коня спокойной рысью, неуклонно преодолевая расстояние и зная, что рано или поздно Соломон остановится.

«Я бы различил их, даже будь они в лиге от меня». Соломон снова обернулся к своей упряжке, заставляя ретивых жеребцов замедлить бег, чтобы Веная и Аминтор смогли его догнать.

– Нет, я не сошел с ума, – сказал Соломон, прежде чем Веная успел раскрыть рот.

– Царь может сходить с ума, если это ему по душе, – ответил военачальник, и Аминтор засмеялся.

– Иногда немного сойти с ума – величайшая мудрость, – Аминтор потрепал свою кобылу по лоснящейся от пота шее, – но еще большая мудрость – держать при себе друзей...

– Только не добавляй «о царь», – предостерег Соломон, – я устал от этих слов.

– Ясно.

Аминтор и Веная обменялись взглядами, которые Соломон очень хорошо понял. Их глаза говорили: «Царь дурачится. Наша задача – веселить его и удерживать от беды».

– Не бойтесь, – вздохнул Соломон, – обещаю, что не совершу ничего безрассудного. По крайней мере, ничего более безрассудного, чем уже совершил.

– Не понимаю, чего ты хочешь добиться. – Веная взглядом обшаривал склоны холмов, следя, словно сокол, не шевельнется ли где-то тень.

Аминтор широко улыбнулся, сверкнув белыми зубами:

– Соломон Премудрый под видом скромного колесничего хочет застать царицу Утра врасплох и завоевать ее сердце...

– Тебе бы сочинять песни, критянин. Господин мой, не следует медлить, нужно позаботиться о лошадях. – Веная кивком указал на дорогу, ведущую вниз, в узкую долину, где раскинулся ожидавший их лагерь.

«Вот и вся моя свобода!» Соломон со вздохом подстегнул коней, на этот раз пуская их более спокойным шагом. В сопровождении Аминтора и Венаи он съехал на пыльную дорогу. В том месте, где склон переходил в равнину, дорогу пересекало русло высохшей реки. Веная вдруг бросил своего коня вперед, преграждая Соломону путь: из оврага вылетел какой-то зверь, светлый, словно луна.

Увидев их, он остановился, пристально глядя на них миндалевидными глазами, черными, как терновые ягоды. Затем он обернулся, словно спрашивая кого-то, что делать дальше, и через миг из вади показались трое всадников: одетые в черное люди на тонкокостных, лоснящихся, словно солнце, скакунах пустыни. Увидев Соломона и его спутников, незнакомцы остановились.

Два всадника явно охраняли третьего. И все трое были женщинами.

«Две воительницы и царица». Соломон знал, что слишком пристально смотрит на женщину, которая проделала столь долгий путь, чтобы встретиться с ним. «Да, это царица. Кто еще ехал бы в сопровождении амазонок?» Он слышал об этих женщинах-воительницах, но сам никогда прежде их не видел. Телохранильницы привлекли его внимание, вызывая в этот момент больше любопытства, чем сама царица.

Аминтор беззаботно рассмеялся, прерывая молчание:

– Какая чудесная встреча! Наверное, царица Южной страны так же не любит ждать, как царь Соломон. Обоим не терпелось взглянуть друг на друга.

Аминтор поднял брови, рассматривая цветасто разукрашенных лошадей.

– Такая роскошь. Еще немного – и со стороны могло бы показаться, что царица Савская пытается произвести впечатление на Соломона Премудрого.

– А разве Соломон Премудрый настолько неразумен, что его можно ослепить обычным золотом?

Голос звучал глубоко и мягко, словно теплый мед. За ироничными словами звенел смех. Соломон заглянул в глаза, яркие, будто напоенный солнечным светом янтарь. Все остальное было скрыто. Гладкая черная ткань окутывала грудь и бедра царицы, складками спадая на крестец ее

коня.

Взгляду открывались лишь ее глаза. И руки, выкрашенные розовой хной, легко и уверенно держащие поводья. Ладная южная лошадь склонила голову, покоряясь ее воле. Соломон улыбнулся царице:

– Нет, он не настолько неразумен, о царица Южной страны. И все же он ослеплен.

– Не будь так щедр на комплименты, царь Соломон, ты ведь еще не видел моего лица.

– Я и не видя знаю. Разве не все царицы прекрасны?

– А все ли цари мудры? – парировала она, и Соломон рассмеялся.

– Конечно.

Жеребцы, созданные для быстрой езды, переминались с ноги на ногу. Соломон понимал, что скоро снова придется отправляться в путь.

– Мы должны были встретиться не так.

– ...но ты больше не мог выносить торжественных проповедей и отчаянных предупреждений. Я тоже. И вот я здесь, играю в свободу.

– Великие умы сходятся, – сказал Соломон, и она тихо рассмеялась.

– Дураки тоже редко отличаются друг от друга. – Протянув руку, она щелкнула пальцами, и большая собака подбежала к ее лошади. – Царь Израиля и царица Савская встретятся в присутствии своих придворных, как полагается. А Соломон и Билкис встретились здесь.

Она тронула отделанные золотом поводья. Ее конь развернулся и одним прыжком исчез в овраге высохшего русла реки. Амазонки последовали за ней, и, лишь когда солнце коснулось металлических вставок на их туниках, Соломон понял, что совсем забыл о женщинах-воительницах, стоило ему услышать голос царицы.

– Царям везет по-царски, господин мой. – Аминтор покачал головой. – Вот если я выезжаю покататься, разве мне встречаются красавицы, закутанные в покрывала? Или девы-воительницы? Где там! Моей удачи хватает лишь на то, чтобы встретить старого пастуха и его зловонную отару.

– Если бы ты говорил меньше, то замечал бы больше, – сухо бросил Веная. – Господин мой, нужно возвращаться. Уже поздно.

Казалось, он предупреждает, предостерегает. Соломон взглянул на своего военачальника, но лицо его ничего не выражало. Царь кивнул, а сам ослабил железную хватку, которой держал поводья. Кони бросились вперед. Даже не оглядываясь, он знал, что Веная и Аминтор следуют за ним.

«Что ж, мы с царицей встретились. И что я увидел? Смеющиеся глаза

и окрашенные хной ладони. И все. Я даже не увидел ее лица». Но Соломон знал, что это не имеет значения. Точно так же не имело значения, о чем его предупреждал Веная. Поворачивать назад было поздно.

Билкис

«Что ж, вот мы и встретились с царем Соломоном, львом Израиля и Иудеи». Возвращаясь в свой лагерь, царица обдумывала эту встречу, пытаясь найти в ней предзнаменования будущего. «Оба мы нетерпеливы и спешим навстречу судьбе. Хороший ли это знак?»

Он улыбался ей. Говорил с ней как с равной – это многое значило. И он был молод. Уже не юноша, конечно, ведь у Соломона подрастали свои сыновья. Но он был моложе, чем Билкис. «Я гожусь ему в матери». Она прогнала эту мелькнувшую было мысль. Даже если их разделяют многие годы, Соломон уже не мальчик. «Он мужчина и царь. А я женщина и царица. Я не должна забывать об этом, но и легкомысленно к нему относиться не должна». Следовало помнить, что этого человека называли Премудрым.

«Но и я не глупа. Конечно, я легко смогу иметь с ним дело. – При этой мысли она улыбнулась под черным покрывалом, защищавшим от солнца и пыли. – Кажется, я удивила тебя, Соломон Премудрый. Ты достойно встретил Билкис. Посмотрим теперь, хорошо ли ты приветствуешь царицу Савскую».

Хуррами

– Царь Соломон здесь? Здесь? – Голос Тамрина взвился до пронзительной нотки. Его руки сцепились, словно у влюбленных, которых пытаются разлучить. – Да есть ли у него хоть малейшее понятие о приличиях? Как нам его встречать? Ничего не готово, ничего!

– То, что достаточно хорошо для царицы Савской, вне всякого сомнения, достаточно хорошо и для царя Соломона, – сказала Хуррами, – и конечно, когда он увидит нашу царицу без покрывала, он и думать забудет о том, какую еду ему подают! К тому же ты никогда не подводил нашу царицу, – Хуррами улыбнулась и накрыла рукой нервно переплетенные пальцы старшего евнуха, – и теперь не подведешь.

Она льстила и уговаривала, и, как всегда, Тамрину, несмотря на его

мрачные предчувствия, каким-то образом удалось идеально подготовиться к приему. В большом шатре царицы собрали все для настоящего пира, достойного самих богов, а не то что неожиданно прибывшего гостя, пусть и царя. Жареный ягненок, запеченная рыба, фаршированные пряным сыром хлебцы, сладкие вина, гранаты, виноград и абрикосы – сияющие и безупречные, словно драгоценные камни. А потом пришла сама Билкис. Грациозно, словно пантера, она опустилась в кресло из слоновой кости. Справа лежал ее большой белый пес Лунный Ветер, а слева изящно выгнул худое тело ее любимый охотничий гепард. Широкие ошейники обоих украшали изумруды, и на шее у царицы было изумрудное ожерелье. Больше она не надела никаких драгоценностей. Но Билкис и сама сияла, словно самоцвет.

«И если этому неотесанному царю не хватит ума сообразить, чего она стоит, он дурак или слепец!»

– Почему ты улыбаешься? – Ирция осуждающе смотрела на Хуррами.

Как и Тамрин, ее брат, Ирция руководствовалась обычаями и ритуалами и переживала из-за пустяков.

– Потому что все выглядит просто прекрасно. Именно так, как нужно. А еще потому, что царь Соломон, пожалуй, никогда и близко не видел ничего столь великолепного.

– Надеюсь. Но я думаю, что царице стоило бы надеть корону, и все свои изумруды, и платье, расшитое узорами в виде павлиньего оперения, и...

– А я думаю, что лучше бы царь Соломон увидел ее вовсе без драгоценностей и платья. – Хуррами засмеялась, когда Ирция возмущенно нахмурилась. – Да не волнуйся ты так. Наша царица умеет обращаться с мужчинами. Даже с мужчинами из этой неприветливой страны. Вот увидишь – этот царь дарует ей все, чего она пожелает, за одну ее улыбку!

Соломон

«На пиру нельзя говорить откровенно. Я рад, что впервые мы встретились именно так, – лишь в сопровождении ближайших друзей». Соломон смотрел на раскинувшийся перед ним большой шатер, затейливое сооружение из тканей цвета пурпура и индиго. Он оценил средства и усилия, которые понадобились, чтобы воздвигнуть это великолепное жилище на столь недолгий срок. Но о богатствах Савы и без того все знали. Тамошнюю роскошь ему хвалили и раньше. Дорогие ткани, золото и свита

ни о чем ему не говорили.

«Я хочу увидеть ее лицо».

Ведь именно этого царственная гостья и добивалась, когда умудрилась перехватить его на пути: заинтриговать, вызвать любопытство. И это ей удалось. Даже зная, что его обыграли, Соломон не мог отрицать, что очень хочет увидеть женщину, чьи глаза сияли ярко, словно солнце.

Конечно, может быть, что в ее стране женщины всегда скрывают лицо, – Савское царство с его обычаями находилось очень далеко от Израиля. «Но ведь царь может взглянуть на царицу?..»

А потом он вошел в большой шатер и получил ответ. Царь не обратил внимания на придворных, на амазонок, на чудо изобилия – роскошные яства посреди шатра. Он увидел лишь ее – женщину, сидящую в кресле из слоновой кости и ожидающую его. Женщину, которая смотрела на него взглядом теплым, как солнечный свет.

Женщину, которая улыбалась ему и манила к себе рукой, приглашая подойти:

– Царь хочет меня приветствовать. Для меня это честь.

Соломон шагнул вперед. Приблизившись к царице, он остановился, раздумывая, должен ли коснуться ее протянутой руки. Они не знали обычаев друг друга и легко могли нанести оскорбление. Прежде чем ожидание успело слишком затянуться, она взмахнула рукой, указывая на свободное кресло из слоновой кости, стоявшее рядом:

– Садись, прошу тебя. Ты очень спешил, и это тешит мое тщеславие, позволь же мне потешить твое, обращаясь с тобой как с равным.

Смех искорками вспыхивал в ее глазах и звенел в церемонном приветствии.

Соломон улыбнулся.

– Не равен ли я тебе? – спросил он так же торжественно.

Казалось, царица тщательно обдумала свой ответ.

– О, здесь... Думаю, да, здесь мы равны. А если сравнить наши страны – кто знает?

Она пожала плечами, всем своим видом выражая сомнение. Соломон рассмеялся. Он не знал, как она оценит смех в ответ на свою колкость. К его величайшему удовольствию, она улыбнулась.

«Она умна и держится непринужденно. Высокомерия в ней нет. И она гордится своим остроумием – по праву». Эта женщина стоила того, чтобы узнать ее. Он сел в свое кресло из слоновой кости и лишь тогда вспомнил, что очень хотел увидеть ее без покрывала, чтобы узнать, хороша ли она лицом. Теперь он понял, что не думает об этом. Если ее разум отличался

таким совершенством, красота лица и тела не имела значения.

– Ты приветствовала меня в своем шатре, а теперь я приветствую тебя в моем царстве. Твой визит очень лестен для меня, ведь ты прибыла издалека и проделала долгий путь, чтобы встретиться со мной.

Слишком долгий и далекий путь. Такой визит не мог оказаться простой прихотью. Значит, царицу привела сюда очень веская причина. Нечто не терпящее отлагательств. Теперь Соломону предстояло это выяснить.

– Достаточно увидеть царя Соломона – и все тяготы пути забываются, – улыбнулась Билкис. – Слава о тебе долетела даже до самого дальнего края земли, о великий царь. Я поняла, что должна услышать твои мудрые слова и увидеть твое лицо.

Ее красота была зрелой и яркой. Такова красота розы в пышном цветении или спелого плода. А еще эта женщина лгала ему. «Или, скажем так, открыла не всю правду». Соломон улыбнулся в ответ:

– Значит, царица Савская провела в пути много дней и преодолела огромное расстояние лишь для того, чтобы увидеть царя Соломона во всем блеске его славы?

Она опустила глаза, а потом исподволь взглянула на него сквозь густые ресницы.

– Я слышала, что царь Соломон – воплощение мудрости и справедливости. Когда царица ищет мудрости, это правильно. И вот я пришла к Соломону. Говорят, что он умеет разгадывать самые сложные загадки. Возможно, и моя окажется ему по силам.

Лестные слова. Но слишком сладкие. Эта женщина обращалась с ним так, словно он достаточно глуп, чтобы опьянеть от меда ее речей и аромата ее тела. Но он успел повидать слишком много красивых женщин и услышать слишком много лести.

– Если ты действительно считаешь меня мудрым, почему обращаешься со мной так, словно я глупец? – спросил он. Ему вдруг надоело играть в эту давно знакомую игру. – Никто не отправляется на край света ради того, чтобы тешить себя загадками. Придумай что-нибудь другое.

Хотя царица не пошевелилась, ему показалось, что она выпрямилась и уже не склоняется перед ним. Теперь она, не отводя взгляда, смотрела прямо ему в глаза.

– Ты хочешь торговать с моим царством. Я буду говорить с тобой об условиях. О пряностях. И о выгоде для нас обоих.

– Ни один правитель не оставляет трон без присмотра. Он отправляет послов, чтобы они говорили от его имени, как сделал я. Попытайся снова.

На этот раз она улыбнулась:

– От мудрости царя Соломона ничто не скроется. Ты прав, о царь. Я проделала этот долгий путь, чтобы разгадать одну загадку.

– Не нужно играть со мной, о царица. Проси открыто – и я выполню любую твою просьбу, если она окажется разумной и достойной.

– Твоя доброта и щедрость не уступают твоей мудрости, царь Соломон. Благодарю тебя. Но эту загадку предстоит разгадать мне, а ответ могут даровать лишь боги. Наша богиня Аллат отправила меня на север, в твою страну. Она пообещала мне, что в твоём царстве я обрету то, чего хочу больше всего. – Она серьёзно посмотрела на него, словно оценивая, потом снова улыбнулась. – Как ты уже сказал, это долгий путь. И, если уж я здесь, может быть, мы сможем также поговорить о торговых делах и соглашениях?

– И испытать наш ум загадками?

– Если тебя это позабавит.

– Думаешь, твои загадки неразрешимы?

– Я думаю, что они... сложны. По крайней мере, для мужчин.

– А для женщин?

– Женщинам иногда везет больше.

Царица встала с кресла из слоновой кости, грациозно, словно кошка.

– А сейчас, если великий царь Израиля и Иудеи решится последовать за мной, он получит дары Савского царства из рук царицы.

Царица Страны Пряностей привезла столь роскошные подарки, что Соломону оставалось лишь взирать на них в изумлении, онемев от такой щедрости. Шкатулки, наполненные ладаном, корзинки с жемчужинами, сундуки с чистым золотом из Офира... Даже за один из этих даров можно было бы выкупить попавшего в плен царя. *Или царицу*. Соломон приподнял крышку ближайшей позолоченной корзины. Она оказалась полна редкостных черных жемчужин, темных, словно грозовые тучи или густые тени. «Этот жемчуг такого же цвета, как волосы моей Ависаги...»

Царь молча наклонился и погрузил руку в жемчужины, зачерпнул пригоршню и поднес к лицу, чтобы лучше разглядеть их смуглое сияние. «Никогда не видел ничего подобного». Он медленно разжал руку, и темные сверкающие шарики потекли между пальцев обратно в позолоченную корзину. «Такая роскошь. Такая красота. Что же ей нужно?»

Ведь если Соломон что-то и усвоил за годы правления империей, которую создал его отец, мечом присоединяя к Израилю и Иудее окрестные царства, так это то, что каждый подарок имеет свою цену. Чем богаче

подарок, тем выше цена.

Но немислимо было спрашивать, чего так отчаянно жаждет царица Страны Пряностей, за что она готова заплатить так дорого. Следовало придерживаться обычаев. Поэтому Соломон улыбнулся и сказал:

– Царица оказывает мне чрезмерную честь. Таких даров достоин лишь властелин всего мира.

– Это безделушки, едва достойные того, чтобы мудрый царь окинул их взглядом.

От затаенного смеха ее голос звучал теплее. Она улыбнулась, и ее шелковистую кожу прорезали тонкие морщинки, сеточкой разбегаюсь от уголков глаз и губ.

«Она не боится улыбкой выдать свой возраст».

– Так они не для меня? – улыбнулся в ответ Соломон.

– Для тебя, ведь мне говорили, что Соломон – мудрейший царь на земле.

– Тебя ввели в заблуждение. Вот если бы тебе сказали, что я – мудрейший царь в Израиле...

К его восхищению, она засмеялась.

– Наверное, раз уж я привезла эти пряности и драгоценные камни из своей страны царю Соломону, то теперь должна положить их к его ногам, даже если он самый безумный царь в мире.

– Он и впрямь был бы безумцем, если бы пренебрег такими дарами и такой дарительницей. – Соломон внимательно посмотрел на шкатулки с драгоценными камнями, на позолоченные ящички с благовониями, на сундуки с золотом.

«Да. К тому же с презрением отнестись к таким богатствам мог бы только глупец. Или очень мудрый человек...»

Царица поднялась на ноги, грациозно, словно согретая солнцем кошка.

– Если царь Соломон благосклонно принял дань, принесенную Савой его мудрости, для царицы это радость.

Она протянула руку. По ее коже завитками разбежался узор – розы, нарисованные хной. Лицо выражало спокойное удовольствие.

– Тогда радуйся и прими от царя Соломона благодарность за дары Савского царства.

Соломон улыбнулся, касаясь ее протянутой руки. Щедрость царицы ошеломляла и внушала подозрение. Теперь ему предстояло взамен одарить ее не менее щедро, чтобы не сказали, будто царь Соломон жаден, когда принимает гостей, и скуп на подарки. «Вот только что я могу преподнести царице, которая привезла столько ладана и драгоценных камней? Но она,

конечно, придумает, о чем попросить».

Никаулис

«Что я делаю здесь, в этой стране, где мужчины суровы, а законы и того суровее?» Амазонка знала, почему оказалась здесь: так приказала царица. И, хотя это путешествие, а тем более поведение царицы, казались Никаулис странными, ей следовало не возражать, а подчиняться.

И все же она не могла не удивляться. Любой на ее месте удивлялся бы. Конечно, она не сомневалась, что царица выполняет повеление свыше. Но иногда во время их долгого пути на север амазонка задумывалась о том, правильно ли ее госпожа поняла волю богини. Ответы оракулов часто бывали неоднозначными, а видения поддавались какому угодно толкованию. Могло ли случиться так, что царица сбилась с пути, заблудившись в собственных желаниях? Нет. Билкис царствовала уже двадцать лет. Конечно, она умела понимать свою богиню. К счастью, богиня самой Никаулис не загадывала сложных загадок. Артемида Свободная, Охотница, Воительница, требовала лишь целомудрия и смелости от поклонявшихся ей.

Никаулис смотрела на утоптаный земляной пол ослеплявшего яркостью и богатством шатра, где царица пировала с царем, ради которого они проделали столь долгий путь. Билкис лениво откинулась на шелковые подушки. Хуррами, любимая царская служанка, медленно обмахивала ее веером из павлиньих перьев. От этого легкого дуновения ткань наряда плотнее прилегала к телу царицы. Царица что-то говорила, сопровождая свои слова тщательно выверенными жестами, которые казались непринужденными. Царь с улыбкой отвечал. Никаулис могла лишь гадать, о чем они беседовали. Судя по их улыбкам и нежному смеху Билкис, остроумие царя пришлось ей по вкусу.

Оставаясь начеку даже в этой, казалось бы, дружественной обстановке, Никаулис пристально смотрела по сторонам, изучая каждого незнакомца. Казалось, ничто не предвещало опасности. И вот ее глаза пересеклись с чужими, столь же внимательными. Никаулис поняла, что встретила взглядом с командиром стражи царя Соломона.

Веная – мягкое имя для столь сурового человека. Никаулис умела оценивать воинов. Этот мужчина в свое время сражался во многих битвах. И сражался хорошо. О его участии в рукопашных схватках говорили шрамы на загорелой коже, а их сравнительно малое количество доказывало,

что он искусно владел оружием. Но теперь он постарел. Волосы у него поседели, а тело отяжелело, хотя он сохранил легкость движений. Он не отводил от нее своих темных глаз...

Краска бросилась ей в лицо. Никаулис удивилась: раньше такого с ней не случалось. «Я слишком долго стою на солнце, вот и все», – сказала она себе. Не желая признавать свою слабость, она не опустила глаза, бесстрастно отвечая на проницательный взгляд Венаи и отсчитывая удары сердца. Через полдюжины она перевела взгляд дальше, продолжая наблюдать за царской беседой.

Хотя эти переговоры казались цивилизованными и спокойными, мужчины повсюду приносили с собой опасность, словно заразную болезнь. «Суровые мужчины, суровые законы. Лучше бы царица не приезжала сюда. В этой стране ее может поджидать что угодно. Как и любую женщину».

Никаулис снова поймала себя на том, что уставилась на военачальника царя Соломона. Веная, как и сама она, обшаривал глазами шатер, оценивая собравшихся там мужчин и женщин. На миг их взгляды встретились и скользнули дальше в поисках опасностей, которые могли угрожать их повелителям.

«Царский стражник тоже обрадуется, когда это безумие останется позади. Если нам повезет, мы недолго пробудем в этой суровой стране. Царица найдет то, что ей нужно, и мы вернемся домой, в Саву.

Скоро».

Веная

Веная не командовал бы наемниками при царе Давиде и не дожил бы до поста главнокомандующего при царе Соломоне, если бы проявлял доверчивость и нерешительность. Может быть, эта женщина, именовавшая себя царицей Савской, и впрямь прибыла с того края света, чтобы лицезреть царя Соломона во всем блеске его славы.

А может быть, и нет. Может быть, она даже не имела отношения к Южной стране, а уж тем более не была царицей. Веная держался рядом с Соломоном и не делал поспешных выводов. По правде говоря, царица занимала его лишь постольку, поскольку ее приезд влиял на дела царя и его собственную службу. К другой женщине стремились его мысли и взгляд с того самого момента, когда он увидел, как она, сопровождая чужеземную царицу, выезжает из оврага.

Теперь она, держась настороже, стояла недалеко от царицы. Никогда

прежде он не встречал таких женщин – тонких, словно клинок, гибких, как тетива. Ее косы под лучами солнца отсвечивали бронзой. Амазонка была одета по-скифски, в короткую тунику и штаны, а на поясе ее висел меч. Ее глаза, когда она смотрела на Венаю, вспыхивали серыми отблесками, как наточенный блестящий меч.

Встречаясь с ее металлическим взглядом, он чувствовал нечто странное. Тепло разливалось под кожей, ласковый огонь грел кости. Время замедлялось.

Вот она снова отвела свой зоркий взгляд, отпуская его на свободу. «Кто она? Что она такое?» Веная схватил за руку ближайшего савского слугу и спросил, сам удивляясь, что его слова не вспыхнули пламенем в напоенном пряностями воздухе.

– Это? Это командир царской стражи, воительница Никаулис.

Веная мрачно молчал, и слуга добавил:

– Иногда их называют лунными девами. Амазонками. В вашей стране все так грубы с гостями?

Веная отпустил возмущенного слугу и уставился на амазонку. Ему приходилось слышать о них, женщинах-воительницах, которые когда-то правили в широких степях и служили царям, лишь когда сами того хотели. Но те времена давно прошли, мир успел измениться до основания, и мало кто из ныне живущих видел собственными глазами знаменитых дев-воительниц.

Иногда Веная грезил о таких женщинах. Но грезы исчезали на рассвете. Венае хватало мудрости не строить жизнь, руководствуясь грезами.

Веная, старый солдат, гордился тем, что легко засыпал даже на самом жестком ложе, но в эту ночь сон долго не приходил. Лежа в темноте, Веная смотрел в освещенную лунным светом степь, раскинувшуюся за кострами лагеря. Образ девы-воительницы танцевал в воздухе – призрак, трепещущий в серебряных лунных лучах и в золотом приглушенном пламени костра. «Никаулис. Дева-воительница».

И, когда он все же смог закрыть глаза, ее образ светился перед ним и в темноте. Яркая печать на свитке ночи.

«Амазонка».

На коне, быстром, как ветер, я мчалась по дороге, залитой лунным светом. Я сжимала ногами сильное лошадиное тело. Под кожей коня играли мускулы. Мы спасались от того, что за нами гналось. Да, за нами гнались, неумолимо преследуя весь день, пока светило солнце, и теперь, прохладной серебристой ночью.

Я спасалась от врага, который никогда не останавливался и не уставал. Мы опрометью доскакали до берега реки, и лошадь встала – впереди ярко, словно стекло, блестела вода. Лошадь кинулась в сверкающую воду и выбралась на другой берег. На миг мы оторвались от погони...

...и сразу же мой враг тоже кинулся в воду, настигая меня. Я обернулась, чтобы посмотреть своему страху в лицо.

И ничего не увидела.

Передо мной лежала бескрайняя равнина. Трава переливалась на ветру, словно золотистая вода. Позади сверкала река, горевшая в лунном свете, словно огонь. За мной гнался страх.

И я убежала...

Меня трясло от холода, когда я проснулась. Но, попытавшись рассказать этот сон Кешет и Нимре, я поняла, что не могу. Я по-прежнему не могла вспомнить, кто за мной гнался.

Тревожный сон. Но демоны ночи исчезают при свете дня, а скоро мне стало и вовсе не до мыслей о снах – отец прислал гонцов, чтобы предупредить жен о своем возвращении. И с ним ехала гостья, царица Савская...

– Она прибывает сюда, будет жить здесь, у нас. И куда же мы должны поселить ее вместе со свитой? – спросила госпожа Чадара.

Я подумала, что ее слова не лишены смысла. Но, в конце концов, госпожа Чадара ведала как раз такими вопросами. Казалось, других женщин этот визит не волнует.

– Лишь бы только эта царица не захотела поселиться в моих покоях! – сказала Ешара.

– Больно они ей нужны! – тут же напустилась на нее Наама. – Вот мои покои – дело другое. Я – главная жена, мать старшего царского сына. Но, если эта женщина думает занять мое место, она очень скоро поймет, что зря надеется.

Наама гордо вскинула голову, и стала видна безупречная линия ее шеи и подбородка. Наама сражалась с возрастом не на жизнь, а на смерть, не жалея сил, и ей удавалось держать этого врага на расстоянии вытянутой руки – до поры до времени.

Ее слова вовлекли других в разгорающуюся ссору.

– Мы все знаем, что главной царицы тут нет, – сказала Ксенодика, ахейка, всегда готовая отчаянно спорить по поводу и без, – а если бы кто и мог стать главной царицей, то лишь дочь фараона. Уж она-то – настоящая царица до кончиков ногтей.

На миг Наама поджала свои полные красные губы, но не возразила: ее ответа и не требовалось. Ксенодику окружили ее подпевалы, раззадоренные, словно стая собак.

– Так значит, лишь дочери фараона пристало быть царицей? – переспросила Наоми. Это имя, означавшее «милая», казалось издевкой из-за ее злого языка. – Скорее как раз не пристало. Столько лет замужем – и не родила ни единого ребенка, даже девочки!

Зря она съязвила, ведь это напомнило всем женщинам, собравшимся в саду гарема, о той единственной, которая владела сердцем царя. О женщине, подарившей ему девочку, любимую им больше всех сыновей. Теперь все повернулись ко мне. Я сидела с братиком, сыном Македы, и мы играли в «кошкину люльку».

Чувствуя на себе тяжесть их взглядов, я замерла. Мои пальцы оплетала алая нить, которую я закручивала в разные узоры, чтобы развлечь братика. Ему не понравилось, что нить и мои руки перестали шевелиться, он нахмурился, замахал ручками и задрыгал ножками, требуя, чтобы я продолжала. Когда я не пошевелинулась, он сам схватил за кончик нити и потянул так сильно, что весь узор безнадежно спутался. «Придется начинать заново», – подумала я, глядя на стиснутые кулачки Давида. Что касается отцовских жен, я решила молчать, не подливая масла в огонь их ссоры.

К тому же я знала, что, если молча слушать, можно узнать больше, чем высказываясь и пытаясь заставить всех согласиться с собой. Поэтому я склонила голову и начала медленно распутывать алую нить, чтобы мы могли сыграть снова. Мать Давида, Македа, сидела на скамье неподалеку от нас. Она тоже наблюдала, искоса поглядывая темными как ночь глазами на других жен моего отца.

– Шакалы, грызущиеся из-за косточки, – сказала она и рассмеялась.

Все отвели взгляды от меня и, словно не услышав Македу, продолжили колоть друг дружку злыми словами. Ни одна не смогла бы отступить ни на шаг – это означало даровать сопернице торжество победы. Они сходились только в одном: от прибытия этой царицы ничего хорошего ждать не стоило.

Я не понимала, почему они так уверены в этом. Никто в глаза не видел

эту сказочную царицу Утра. Она могла оказаться старой, невзрачной или скудоумной. Что же касается причины, по которой она отправилась в такой долгий путь...

– Она думает выйти замуж за царя Соломона, ясное дело, – сказала Аришат, – а для чего еще женщине ехать в такую даль? И тогда она станет хозяйкой Женского дворца.

– Конечно! Она думает потихоньку прибрать к рукам здешние сокровища. Ведь Иерусалим теперь – центр всего мира. – Слова Мерры были горьки, как ее имя.

Я распутала нить и начала снова оплетать ею пальцы, создавая орнамент. Маленький Давид засунул кулачок в рот, глядя широко раскрытыми глазами, как у меня в руках вырастает алая паутинка. «Почему они так ненавидят эту царицу? Они ведь даже не знают ее!» Но они уже дрались, словно кошки за теплое место. Или словно шакалы за кость, как сказала госпожа Македа. Я исподволь отметила, кто жалуется и ругается. Наама, конечно же, и Мерра, Ешара и Аришат. Никого не удивляло, что они нашли такую острую тему для обсуждения. Все желающие заклеить воображаемые грехи чужеземной царицы направлялись к ним.

Прочие избегали этой злобной группки. На другом конце внутреннего двора Меласадна катала кожаный позолоченный мяч, забавляя двух своих сыновей и полдюжины крошечных белых собак. Госпожа Лиоренда и персидская царевна Нилуфар сидели под лимонным деревом, погружившись в изучение какого-то свитка. Нефрет, дочь фараона, и вовсе не выходила в тот день в общий сад.

А госпожа Чадара ушла. Рассматривая отцовских жен, я поняла, что Чадары уже нет рядом с группкой ругающихся женщин. «Конечно, ведь, пока они сетуют на визит царицы Савской, Чадаре нужно все подготовить». При этой мысли я улыбнулась. Давид вытащил кулачок изо рта, засмеялся и снова потянул за сеть, которую я так тщательно плела для него заново.

Тогда я тоже рассмеялась и высвободила руку из переплетений алой нити.

– Так тебе стало скучно, царевич? Что ж, давай погуляем и поищем, чем еще тебя развлечь.

Я подхватила Давида с овчины, на которой он лежал, и поцеловала его в пухлую шейку. Он радостно залепетал что-то и вцепился мне в волосы.

– Я возьму его, – сказала Македа, протягивая руки.

Я отдала Давида матери и высвободила свои волосы из его цепких пальчиков. И, когда она унесла его, я тоже выскользнула из общего сада.

Я хотела больше узнать об этой гостье из далекой страны, о

незнакомке, решившейся на такое путешествие. «Как может женщина править самостоятельно? И, если она действительно правит, как ей хватило смелости оставить царство, чтобы уехать надолго в такую даль? И зачем?» Все соглашения и торговые дела обсуждали через посланцев, а трон оставлять ни в коем случае не следовало. Иначе правитель мог, вернувшись, обнаружить, что его место успели занять. То есть *ее* место.

Но я знала, что не найду у отцовских жен ответа на свой вопрос. Следовало подождать прибытия царицы Савской и самостоятельно разгадать ее секреты.

Билкис

Пока они ехали на север из лагеря, разбитого под стенами Ецион-Гевера, Билкис тайком наблюдала за царем Соломоном, изучая его, словно драгоценный камень, за который она торговалась. «Нет, скорее это можно сравнить с выгодным договором, который я должна внимательно прочитать. Понять все условия, чтобы не обмануться улыбками и красивыми словами».

Одну вещь она уже успела заметить: эти мужчины смотрели на нее и на ее женщин восхищенно и в то же время злобно. Гремучая смесь, с которой следовало обращаться осторожно. Царь – тот вел себя достаточно вежливо. По крайней мере, изображал терпимость, но его приближенные проявляли меньше такта. «А командир его стражи не сводит глаз с моих амазонок и никогда не улыбается». Такие мужчины бывают опасны...

– Что сковывает вольный полет мыслей царицы? – Вопрос Соломона вернул ее к реальности.

Она посмотрела на царя и увидела, что он пытается понять, в каком она настроении.

«А это не так просто, ведь на мне покрывало». Под защищавшей ее лицо тканью она улыбнулась.

– Я думаю о стране царя и о его народе. Они очень отличаются от моих. Мне не терпится узнать их.

– А мне – твои. – Поколебавшись, он добавил: – А также истинную причину того, что ты оказалась так далеко от своего царства и трона. Видимо, дело очень серьезное, раз ты так рискуешь собой и короной.

Билкис ответила не сразу. Они ехали бок о бок, не говоря о своих скрытых желаниях, и молчание защищало их. Когда они поднялись на вершину холма, царица увидела в долине внизу широкую реку, которая

неспешно несла свои воды на юг. По цвету воды и скорости течения было ясно, что река неглубокая, но в этой земле золотистой пыли и красных, словно розы, камней поток сиял, как изысканная бирюза.

– Иордан, – сказал царь, – самая полноводная наша река.

Царь иронично описал мелководный поток, и Билкис это оценила. Оценила она и его терпение – ведь он ждал, не повторяя вопроса. Он давал ей возможность самой решить, отвечать ли и когда именно. Пока лошади спускались с холма, она приняла решение открыть царю Соломону правду – пока лишь часть ее. «Я посмотрю, как он воспримет начало, прежде чем преподнести ему все».

– Я прибыла по воле богини.

Соломон взглянул на нее с любопытством:

– Твоя богиня говорит с тобой?

– Иногда. А твой Бог – говорит ли он с тобой?

Теперь настал его черед замолчать. Соломон словно бы взвешивал свои слова и наконец ответил:

– Однажды говорил. А как с тобой говорит богиня? Она посылает сны? Видения?

Билкис пожала плечами. Темное покрывало, окутывавшее ее тело, собралось мягкими складками, словно подхваченное летним ветерком.

– Она делает так, чтобы я поняла ее, если мне хватает разума внимать ей.

– Твоя богиня... – Он осекся.

– Ее зовут Аллат, Солнце наших дней, Мать Савского царства, – ответила она на его невысказанный вопрос.

– Твоя богиня Аллат велела тебе отправиться на север, ко мне?

– Она велела отправиться на поиски на север. И найти тебя. – Она искоса посмотрела на него и снова пожала плечами – и снова тихо зашуршали ее одежды. – Благодарю, что дал нам корабли для этого плавания.

– Щедрость – это добродетель. Какую же награду обещала тебе богиня? Наверное, очень высокую, раз ты проделала этот далекий путь так быстро.

– Награду, которая стоит того, чтобы отправиться на край света и обратно. А тебе, Соломон? Что твой Бог обещал, когда говорил с тобой?

Казалось, он снова задумался, тщательно подбирая слова, и наконец сказал лишь:

– То, о чем я попросил. – Помолчав еще, царь добавил: – Нужно хорошо обдумывать свои просьбы, обращаясь к богам.

«Да, ведь она – или он – могут их выполнить, а боги думают не как люди. Мы стали слишком серьезны», – тихо и мягко рассмеялась она про себя. Складки покрывала приглушали звук.

– Воистину так – и хватит на сегодня истин. – Билкис потрянула головой, и золотые звездочки, вшитые в ее покрывало, засияли и засверкали. – Царь Израиля спрашивал царицу Савскую, и она отвечала, а потом спрашивала его, и он тоже отвечал. А теперь задай мне еще вопрос, какой угодно. Что мужчина Соломон хотел бы узнать о женщине Билкис?

– Почему ты прячешь лицо и тело под украшениями и покрывалами, а едешь на лошади, как...

– Как мужчина? Я еду на лошади, потому что это дает свободу. Можно передвигаться, ни от кого не завися. Что же касается покрывала, – она повернула голову и встретилась с ним взглядом, – я ношу его, чтобы защитить лицо от солнца. Его поцелуи слишком горячие и страстные. Нравится ли тебе мой ответ, царь Соломон?

Не успел он ответить, как она сжала ногами бока Шамса – и жеребец бросился в сторону.

– Я должна пустить его галопом, иначе он не даст мне покоя.

И всадница поспешила вперед, по дороге, ведущей на север.

В Иерусалим.

Песнь Ваалит

В пути мой заботливый и предусмотрительный отец каждый день отправлял гонцов, сообщая своим приближенным о том, где находится. Кроме того, он присылал распоряжения о том, как следует поселить и приветствовать царицу Савскую и ее свиту. Гости отвели Малый дворец. В этом крыле дома когда-то находились царские покои, а теперь там было тихо и безлюдно. Эти помещения, слишком старомодные, чтобы жены Соломона осчастливили их своим присутствием, почти не использовались.

Теперь все изменилось, ведь отец приказал отправить в Малый дворец мастеров, дав им задание обновить отделку стен и оживить роспись, подрисовав ее яркими красками. И Малый дворец родился заново, чтобы стать пристанищем для чужеземной царицы и ее необычной свиты.

Сплетни прибывали в Иерусалим быстрее, чем самые усердные царские скороходы, и все в городе, от дочери фараона до последнего уличного попрошайки, знали, что свита царицы Савской превосходит всякое воображение и нет во всем мире ничего более удивительного.

«Женщины охраняют Савскую царицу. Знаменитые девы-воительницы, ненавидящие мужчин, поклявшиеся хранить целомудрие и служить луне. Ее холят и лелеют евнухи – царевичи, отказавшиеся от своей мужской природы, чтобы прислуживать ей.

Она разговаривает со зверями и птицами. Стоит ей захотеть, и она может превратиться в змею.

У нее самой тело наполовину звериное, и она скрывает его. Плотные покрывала всегда прячут ее от мужских глаз».

С каждым новым пересказом слухи становились все безумнее, пока не оказалось, что царица Савская влиятельнее самых могучих царей, а красота ее превосходит человеческую. Что же касается богатств, которые она везла с собой, – «столько золота, что и не взвесишь, столько драгоценных камней, что не сосчитаешь. Столько ладана и мирры, что можно заполнить весь храм от пола до потолка. Жемчужины величиной с павлиньи яйца, рубины – с женское сердце». Вот какие безумные выдумки передавались из уст в уста.

А сама царица... «Наполовину джинн, наполовину столб пламени. Умна, как сфинкс». Даже ее титулы звучали, словно золотые колокольчики: царица Южной страны, царица Утра, царица Земли Пряностей.

И, хотя в отцовском гареме собрались женщины из всех царств мира, от Мелита и Египта до далекой Колхиды, прибытие царицы Савской и ее свиты обещало затмить всех, кто когда-либо входил в широкие восточные ворота Иерусалима. В день, когда царь Соломон и царица Савская ехали по городу во дворец, на крышах и улицах собралось столько людей, что в этой давке никто не мог сдвинуться ни на шаг, пока процессия не исчезла из виду. И, хотя царицу действительно окутывало плотное покрывало, собравшиеся посмотреть на нее не разочаровались.

– Ведь она была закутана в ткань, золотую, словно солнце. А лицо ее скрывала маска из жемчужин, – рассказывала Нимра, которую я отправила на разведку, когда царица еще не успела скрыться от любопытных глаз в Малом дворце. – Руки ее разрисованы хной, а ногти позолочены.

– А ноги? – спросила я.

Судя по одному из самых безумных слухов, у царицы Савской были не женские ступни, а копытца наподобие козлиных.

– На ней золотое покрывало до земли, – ответила Нимра, – так что придется нам подождать. Если у нее действительно копыта, наверное, она их покрывает позолотой, как ногти.

– Наверное, – ответила я, и мы рассмеялись.

На самом деле я не верила, что у царицы есть копыта, но мало ли что

возможно в землях, где женщины правят мужчинами, а деревья сочатся благовониями для богов...

Билкис

Хотя Билкис и не ожидала этого, Иерусалим с первого взгляда произвел на нее впечатление. Большой город привольно раскинулся на холмах, окруженный высокой и толстой стеной, а венчало его здание, так богато отделанное золотом, что в свете полуденного солнца оно горело, словно костер.

– Это храм, – пояснил царь Соломон.

Он подмечал все, что ее интересовало. Теперь он называл все большие здания, которые привлекали ее внимание.

– Храм царя Соломона... Я слышала, так его называют.

Она улыбнулась, переводя взгляд на царя. «Улыбка у него на губах, но не в глазах. Почему же?» Царица понимала, что ей не следует упускать даже то, что может показаться незначительным.

– Так его называют потому, что я воплотил планы моего отца. Он мечтал о храме.

«Значит, это не твоя мечта?» Она смотрела на храм, сияющий золотом впереди.

– Он великолепен. И город красив.

Это тоже удивило ее. Даже издали и впрямь было видно, что новый и полный надежд город кипит жизнью.

– Да, Иерусалим красив. Большая его часть новая – построена во времена отца. Он завоевал дряхлеющий городок и расширил его, превратив в новую столицу.

– Город Давида. Золотой Иерусалим.

И снова она увидела, что царь Соломон улыбается одними губами.

– Да, Город Давида. Мой отец умел покорять не только города, но и сердца людей.

– Особенно женские – так мне рассказывали.

– Конечно. Как же иначе? Давид был героем, искусным на войне и в любви. – Тон Соломона ничего не выражал.

И тогда ей стало ясно: «Если отец – герой, это тяжелая ноша для мужчины». Настала ее очередь улыбнуться и заговорить весело:

– Да, мы в Савском царстве и то слышали о царе Давиде. А теперь – о царе Соломоне. Твоя страна рождает великих мужчин.

– А твоя – мудрых женщин.

Она склонила голову, принимая комплимент.

– Значит, это храм. А царский дворец, наверное, так же великолепен. Или почти так же?

– Почти так же, – согласился он, и они продолжили путь по широкой дороге, ведущей через долину к холму и распахнутым воротам Города Давида.

Она не пожалела сил и средств, чтобы показать величие Савы при дворе Соломона. Точно так же и царь ничего не пожалел, чтобы хорошо принять свою царственную гостью. Он отдал ей Малый дворец, который она могла считать своим до конца своего визита.

– Который продлится долго – этого хотел бы царь Израиля, – сказал Соломон.

– Желания царя редко остаются неудовлетворенными, правда? – ответила она.

Сама Билкис больше всего волновалась о том, чтобы ее визит *не* *показался* долгим. «Три дня в беспокойном доме тянутся дольше, чем три года, проведенные там, где тебя любят». Ей пришлось признать, что Малый дворец выглядит очаровательно. Его старинные колонны были скорее крепкими, чем изящными, а комнаты – скорее уютными, чем просторными. И даже подновленная стенная роспись повторяла стиль прошлого: лилии, вытянувшиеся по струнке, как часовые, ласточки, летящие стройными рядами над нестигаемыми желтыми цветами.

Дворец успел разрастись и занимал теперь половину вершины холма, а самая старая постройка, Малый дворец, превратилась в отдельный мир, убежище от придворной суматохи. Билкис еще и полдня не провела в массивных стенах Иерусалима, но уже успела понять, что оно ей очень понадобится.

И пусть Иерусалим стал главным рынком для всех стран, а его царь – главным торговцем мира, но город еще не успел впитать изысканность, а дворцовые стены – свежую краску. Израиль, столь юное царство, что самые старые его жители помнили коронацию первого царя, все еще не обрел равновесия. Постоянно вспыхивали споры между старым и новым, и двор царя Соломона, известный далеко за пределами Израиля, кипел от бесконечных стычек, словно загон с петухами.

– ...а этот дворец выстроил их великий Давид, когда покорил город. – Внимание Билкис привлек ироничный тон Хуррами, и она прислушалась. – У них тут считается великой честью, что царицу Савскую поселили в этих

опустевших комнатах, поэтому я надеюсь, что они не так плохи.

Хуррами пристроила зеркало царицы на блестящей крышке сундука из черного дерева, потом, скептически посмотрев на серебряный диск, протянула руку, чтобы переставить его.

– Нет, оставь зеркало там, Хуррами, пусть будет. – Ирция положила рядом алебастровую шкатулку царицы с тенями для век. – Конечно, царь Соломон хотел показать свое уважение к царице Савской. Кто может в этом усомниться?

– Иерусалимские мужчины очень хотели бы в этом усомниться, – сказала Хуррами. – Здесь не любят женщин.

– А у царя Соломона сорок жен, – возразила Ирция.

– Ну, царь Соломон достаточно любит женщин! – рассмеялась Хуррами. – Не существует таких почестей, которые оказались бы чрезмерными для царицы Савской! По крайней мере, не почести этого царя, куда ему!

Хуррами встретилась взглядом с Билкис. Та улыбнулась и поманила ее к себе:

– Ты весь день работала, обустривая мои комнаты. Иди ко мне, присядь и отдохни. И расскажи, что ты успела узнать.

Кроме прочих достоинств, Хуррами могла похвастаться умением добывать разные сведения. Сплетни она собирала так же легко, как цветы в саду.

Хуррами села и пересказала все выдумки, которые успела услышать от дворцовых слуг и рабов. А также оскорбления и жалобы. «Досадно, хотя ожидаемо. После того, что мы повидали, добираясь сюда, это уже не удивляет». Савское царство следовало древним обычаям, шло по старой дороге, которой в мире пользовались все меньше и меньше.

Ирции стало грустно и тревожно от слов Хуррами. Царица бесстрастно слушала пересказ кривотолков, унижающих ее ум, порочащих ее манеру держаться и характер.

– Спасибо, Хуррами, – сказала наконец она, – и хватит уже делать удивленные глаза и качать головой, Ирция. Конечно, Израиль – это не Сава. Мы – венец всего мира. Разве мы можем ожидать, что другие царства сравнятся с нами?

«Бедные мои девочки. Они устали. Нужно отпустить их, пусть отдыхают». Она улыбнулась и поправила завиток, выбившийся из блестящих кос Хуррами. Но, прежде чем Билкис успела заговорить, Хуррами добавила:

– Это еще не все, госпожа моя. Царь Соломон приказал, чтобы в

большом тронном зале – его называют ливанским лесом, столько там колонн из кедрового дерева, – так вот, он приказал, чтобы там, рядом с его тронном, поставили еще один. Этот трон ждет его царственную гостью, несмотря на то что она женщина.

– Неужели? Это правда? – спросила Билкис.

Хороший знак. Во всяком случае, она считала эту новость добрым предзнаменованием. Сказать, что Соломон проявил невиданную широту ума, означало ничего не сказать. Цари очень редко могли похвастаться терпимостью. «Образчик всех человеческих добродетелей. Или хочет казаться таковым».

– Так значит, царь Соломон посадит царицу рядом с собой на троне как равную! В каком же наряде ей принять этот знак уважения?

Ирция и Хуррами радостно ухватились за этот вопрос, обсуждая преимущества каждого платья и покрывала царицы, каждой драгоценности и пояса, каждой диадемы и накидки.

– Золото, – сказала Хуррами, – ничего, кроме золота, для твоей одежды и украшений. Покрась золотой краской веки и ногти. И посыпь волосы золотым порошком. Своим сиянием ты затмишь полуденное солнце.

Но Ирцию этот лучезарный образ не впечатлил, она любила более яркие наряды.

– Тирский пурпур. Это лучший способ показать богатство. Золотая бахрома – да. Но еще – украшения. Самые лучшие драгоценности. И пояс феникса.

– Только не это! – Хуррами так резко отпрянула, словно Ирция бросила к ее ногам гадюку.

«Бедная моя Хуррами. Тяжело ей с таким тонким вкусом!» Впрочем, на этот раз с ее возражением следовало согласиться. Да, пояс феникса был древним. Да, это сокровище не имело цены. Но как часть облачения этот прославленный пояс восторга не вызывал. Он состоял из жемчужин, нанизанных бесчисленными ровными рядами и перемежавшихся золотыми вставками. Пояс мог бы считаться бесценным из-за одного только размера жемчужин – каждая величиной с вишню.

Но сокровищем пояс феникса являлся не из-за размера, а из-за цвета жемчуга – золотистого, как пламя, красноватого, как тлеющие угли костра. В савской легенде говорилось о том, что каждая жемчужина – это осколок яйца феникса, сказочной огненной птицы. Жемчужины цвета угасающего огня, собранные в пояс шириной в две ладони. Сто лет назад пряжку пояса – простую, в виде полумесяца – переделали. Теперь два феникса с золотыми телами и рубиновыми глазами тянули друг к другу лапы, и их

переплетающиеся когти служили застежкой. С нее свисали две нитки жемчуга длиной с женскую руку. То были хвосты фениксов, один из белых жемчужин, другой из черных.

– Традиционная часть облачения, – сказала Ирция.

– Да этот пояс ужасен! – отрезала Хуррами. – И слишком тяжел. Эти придворные церемонии длятся часами. Ты сама хотела бы провести несколько часов в кандалах?

– А что может послужить лучшим доказательством богатства нашей царицы? – возразила Ирция. – Пояс феникса, а еще изумруды Царя-раба, а еще...

– И что может послужить лучшим доказательством плохого вкуса? – перебила Хуррами. – Она – царица Савская, царица Утра. А не глиняный идол в каком-то захудалом придорожном святилище! Тирский пурпур, пояс феникса, да еще изумруды – ты хочешь, чтобы царь Соломон подумал, будто наша царица напялила на себя все, что под руку попало?

Глаза Ирции сверкнули гневом:

– Что ж, если бы она оделась по-твоему, он бы подумал, что она беднее придорожной попрошайки! Она ведь царица Савская, царица Утра, правительница Земли Пряностей. А ты хочешь, чтобы эти лохматые варвары подумали, будто она бедная и слабая?

Царица Савская рассмеялась, и обе служанки обернулись к ней. На лицах у них застыло одинаковое выражение – смесь огорчения и гнева.

– Тише, – сказала Билкис, – как всегда, вы обе правы и обе ошибаетесь.

– В каком наряде царица хотела бы появиться при дворе царя Соломона? – спросила Ирция. – Золото и пояс феникса?

– Царица не наденет этот ужасный пояс, – отрезала Хуррами.

«Сцепились, как кошки... Хоть меня и забавляет их перебранка, нельзя позволять им ссориться». Подавляя желание снова рассмеяться, Билкис лишь улыбнулась.

– И снова обе вы правы – и обе ошибаетесь.

Ей удалось их заинтриговать. Они смотрели на нее, пытаясь разгадать эту загадку. После долгого молчания Ирция умоляюще промолвила:

– Царица ведь наденет хоть что-то?

– Для этого случая – да.

Она улыбнулась Ирции – так легко было ее шокировать. Во взгляде Хуррами нарастало подозрение.

– Не надо испепелять меня глазами, Хуррами. Я веду свои дела и одеваюсь так, как нужно, а не так, как тебе нравится. А ты, Ирция,

постарайся не забывать, что служишь царице. Ты ведь не давшая обет целомудрия девственница, уединившаяся в пещере. И хватит дуться – вы обе помогли мне принять решение. Теперь я точно знаю, в каком наряде предстану перед нашим хозяином.

Она взглянула на недоверчивых служанок и улыбнулась.

– Клянусь очами Аллат, что никто до конца своей жизни не забудет день, когда царица Савская впервые появилась при дворе царя Соломона.

Песнь Ваалит

Царица Савская могла с таким же успехом поселиться на луне – все равно никто не видел ни ее, ни ее диковинной свиты. Следовало придерживаться установленного порядка: царица должна была попросить принять ее, а царь – предложить свое гостеприимство. И до проведения этого строго установленного ритуала царица не выходила из своих покоев в Малом дворце. И мне впервые в жизни не оказали никаких поблажек.

Когда я открыто попросила у отца разрешения навестить царицу, он лишь с улыбкой покачал головой. Я не привыкла к отказам, поэтому попросила снова, на этот раз говоря о том, что приветствовать чужеземную гостью – это обязанность царской дочери.

– Да, но пусть она сначала отдохнет. Дорога из Савского царства долгая, а для женщины она особенно тяжела. Не тревожь ее сейчас.

– Клянусь, я не потревожу ее. Она точно подумает, что я плохо воспитана, если я не поприветствую ее и не вручу подарок!

– Нет, Ваалит, – сказал мой отец тоном, которого я никогда раньше не слышала.

Этот тон ясно давал понять, что спорить не следует.

Склонив голову, я молча ушла, ругая себя, что вообще просила разрешения. Если бы я просто отправилась в Малый дворец, может быть, отец и отчитал бы меня потом, зато я увидела бы царицу Савскую раньше всех. Но теперь я не могла сделать вид, будто не услышала или не поняла отцовских слов.

Значит, следовало искать другой способ. Немного подумав, я нашла его. Даже если мне запретили без приглашения являться в Малый дворец, сама царица Савская могла видаться с кем угодно. В конце концов, к ней ведь приходил мой отец, и управляющий Ахисар, и гаремная надзирательница госпожа Чадара. И друг отца, Аминтор Критский.

Я улыбнулась и велела Нимре попросить Аминтора встретиться со

мной на стене над воротами дворца. Ожидая там, глядя на шумный город, я повторяла про себя приготовленные для Аминтора слова. Я знала, что он придет: все хотели услужить любимому царскому ребенку.

Я так углубилась в свои планы, что не услышала, как он подошел. И, лишь когда на меня упала его тень, я подняла голову и увидела, что он стоит передо мной, гордый и сияющий. В полуденном солнце сверкали его длинные иссиня-черные локоны. За ухом виднелась веточка жасмина – белые звездочки светились в ночи его волос. Аминтор всегда украшал себя цветами.

– Царевна, – он низко поклонился, а когда выпрямился, я увидела танцующие в его глазах искорки смеха, золотые блики в темных янтарных озерах, – ты звала меня, и вот я здесь.

Я улыбнулась, и он добавил:

– Так почему же я здесь, царевна?

– Я хотела поговорить с тобой, – ответила я, откидывая голову и глядя на него с царственным хладнокровием – так мне казалось.

– Для меня это большая честь. И, по крайней мере, тебе хватило здравого смысла выбрать для нашей встречи достаточно людное место. – Аминтор взмахнул рукой, указывая на небо над головой и город внизу. – Это не так подозрительно, как темные закоулки и тенистые сады.

В его тоне звучала насмешка, но я решила, что разумнее счесть эти слова похвалой. Я снова улыбнулась и сказала:

– Спасибо, что откликнулся на мою просьбу, господин Аминтор. Я хочу попросить тебя об услуге.

Я замолчала, но он ничего не сказал, лишь поднял брови, и мне пришлось продолжать, чтобы прервать молчание:

– Ты вхож к царице Савской. Сможешь ли ты передать ей кое-что от меня?

– Смотря что, – ответил Аминтор.

Я изумленно воззрилась на него, а он добавил:

– Что же ты оцетинилась, как рассерженная кошка? Никогда не обещаешь делать что-либо, пока не узнаешь, о чем именно просят, запомни это. – Он улыбнулся, блеснули его белые зубы. – Так что же ты хочешь передать ей, царевна?

Я обуздала свое раздражение, напомнив себе, что прошу Аминтора об услуге, и лишь потом заговорила:

– Я хочу передать царице Савской, что приветствую ее в городе царя Давида. И что я хотела бы, чтобы она пригласила меня к себе, – тогда я смогу вручить ей подарок. – Вторую часть просьбы я произнесла весело и

быстро, словно она мало что значила.

Аминтор засмеялся и покачал головой:

– Прости, царевна. Поищи кого-то другого, чтобы передать эти слова. Или подожди, пока отец разрешит тебе посетить царицу Савскую.

Меня огорчили его слова.

– Как ты узнал, что он запретил мне? – сделав над собой усилие, спросила я.

– Если бы он тебе разрешил, тебе бы не понадобился я в качестве посредника.

И мне не удалось заставить Аминтора изменить решение, несмотря на все мои доводы и лесть, хотя я изо всех сил старалась переубедить его. Если мне сделают эту уступку, какой это принесет вред? Рано или поздно я все равно встречу с царицей. Вежливость требует, чтобы я поприветствовала ее и вручила подарки. Мой отец правильно делает, что заботится о покое своей гостьи, но я бы ни в коем случае не утомила ее...

Аминтор выслушал меня и засмеялся:

– Ты утомила бы кого угодно, царевна. Даже царицу Савскую, а она, как мне кажется, очень терпелива! Прости, но я по-прежнему отказываюсь. Твой отец не так уж много от тебя требует. Поэтому, когда ему все же случается что-либо приказать, с твоей стороны разумно было бы послушаться.

– Он на меня не рассердится! – заверила я Аминтора.

Отец никогда прежде ни в чем не отказывал мне. Поэтому я сказала, что он простил бы меня, узнав о моем непослушании.

– Может быть. Но он не простил бы *меня*. Нет, спасибо, я рисковать не буду. Меня еще не утомил Иерусалим. Кроме того, мне нравится твой отец, и я не хочу ничего делать у него за спиной.

– Он не узнает, что ты помог мне, – возразила я, – никто не будет об этом знать.

– Нет, царевна. Об этом будет знать царица Савская. И ты. И я. А теперь будь хорошей девочкой, беги играть.

– Я не хорошая девочка! – сказала я, не успев задуматься, как прозвучат мои слова.

Аминтор засмеялся:

– Тогда беги играть и будь плохой девочкой.

И пока я, онемев, смотрела на него, он коснулся пальцем кончика моего носа и ушел, оставив меня злиться на него и на себя. К царице Савской я не приблизилась ни на шаг.

Впервые у меня не было ни единого преимущества перед другими

отцовскими женщинами. Как и остальным, мне следовало ждать, когда мой отец решится показать всем свою гостью-царицу.

Я пыталась скрыть свой живой интерес, изображая равнодушие, а сплетни в Женском дворце бесконечно возвращались к госте из Савы. Но на самом деле я ничем не отличалась от остальных: я с ума сходила от любопытства, и мне очень хотелось посмотреть на царицу, которая проехала полмира, чтобы собственными глазами увидеть царя Соломона. Царицу, для которой царь Соломон приказал поставить трон рядом со своим.

И у меня, в отличие от отцовских жен, была выгодная позиция для наблюдений.

Я знала о тайной комнате, скрытой за отцовским тронном. Из этого укромного уголка я могла наблюдать за тронным залом, оставаясь невидимой. Я нашла это укрытие давно, еще в раннем детстве. В тот день я вела себя своенравнее, чем обычно. Я хотела спрятаться от няньки и перебежала из Женского дворца на мужскую половину. Мое непослушание принесло неожиданные плоды – за тяжелым кожаным занавесом, расписанным маками, я нашла маленькое убежище.

Комнатка оказалась тесной и темной – единственным источником света служило решетчатое окошечко. Позже я увидела эту решетку с другой стороны, из тронного зала, и лишь тогда поняла, как хитро устроено это место, ведь из тронного зала виднелась лишь стенка из расписных плиток за царским тронном. Яркие камыши и лотосы обманывали глаз, скрывая тайную комнатку.

Перед решетчатым оконцем кто-то сложил несколько подушек, видимо, очень давно, потому что они успели основательно пропитаться пылью. От ткани исходил слабый аромат корицы. Эта комнатка мне очень понравилась. Там я чувствовала себя в безопасности, словно в маминых объятиях. Я провела час, счастливая, спрятавшись от всего мира, а потом проголодалась и решила, что больше не сержусь на няню.

Зато, конечно, она сердилась на меня. Но никто не смел меня наказывать, боясь разгневать моего отца, поэтому она лишь пригрозила рассказать ему, что я долго пропадала неизвестно где.

– И царю Соломону это не понравилось бы, царевна. С тобой ведь могло случиться что угодно! Куда ты ходила?

– Никуда, – ответила я. Мне не хотелось делиться своей тайной.

Но потом я улыбнулась ей, умоляя не говорить отцу, чтобы не расстраивать его. Няня заставила меня пообещать, что я больше не убегу и не потеряюсь. Это я могла пообещать, не кривя душой, – ведь я не

потерялась. Никто во всем царском дворце не знал его лучше, чем я.

Так я завладела тайной комнатой. Когда я подросла, я отмыла ее от пыли, выбросила грязные, пришедшие в негодность подушки и положила на их место новые. Я не сказала никому, даже отцу, что знаю, как подсматривать и подслушивать, спрятавшись за тронем. Хотя, думаю, он догадывался. В конце концов, в этом не было большого секрета. Возможно, он и сам пользовался этой комнаткой, когда мальчиком наблюдал за своим отцом Давидом Великим, перенимая у него умение править.

И вот теперь, пока все отцовские жены смотрели на царицу Савскую сквозь решетку женской галереи, я сидела в своем укрытии. Оттуда я, глядя мимо царского трона, видела весь зал. Никому, кроме отца, не открывался лучший вид на тех, кто предстал перед тронем.

Думаю, никто из собравшихся в тот день при дворе не забудет момента, когда царица Савская вошла в зал и направилась к трону. Она знала, какие слухи о ней передаются из уст в уста, знала, как жаждут все мужчины увидеть и оценить ее. И поэтому она заставила их ждать того, чего они хотели.

Прежде чем мужчины увидели царицу Юга, она показала им сокровища, которые привезла с собой. Слуги, одетые роскошно, словно царевичи, вошли с носилками, уставленными открытыми корзинами с жемчугом и благовониями. За ними появились другие. Они втащили в тронный зал тележку, доверху набитую самородками. Подарков от царицы оказалось так много, что ее слугам пришлось очень долго показывать их собравшимся в ожидании придворным. Но в конце концов последний дар занял свое место у подножия Львиного трона. Тогда и лишь тогда показалась сама царица.

Сначала вошли две служанки в таких роскошных нарядах и уборах, что величайшие царицы могли им позавидовать. Платья, выкрашенные тирским пурпуром, багряные накидки с бахромой из чистого золота. Шею и руки одной из женщин украшали изумруды, а бедра другой обвивал широкий пояс из жемчужин, сиявших, словно закатное солнце. Один этот пояс стоил целого царства.

Они подошли ближе, и я увидела, что их лица сверкают, словно драгоценные камни. Краска, покрывавшая их веки и губы, лбы и щеки, состояла из раздробленных в порошок драгоценных камней. А еще больше драгоценных камней было нанизано на серебряные цепочки, вплетенные в их затейливо уложенные волосы.

Служанки в богатых уборах подошли к подножию отцовского трона и, низко поклонившись, отступили, а потом изящно опустились на колени по

обе стороны мраморных ступеней. Они застыли неподвижно, словно львы, охранявшие трон. И тогда наконец появилась царица Савская.

Она медленно вышла из тени кедровых колонн в освещенную часть зала. Там она остановилась на миг, и я увидела, что она взглядом ищет моего отца. А потом она снова двинулась к нему, улыбаясь, и, я думаю, ни один мужчина не смог бы отвести от нее глаз и ни одна женщина.

Шелк цвета слоновой кости обволакивал изгибы ее тела, словно густые сливки. Две золотые застежки в виде леопардовых лап скрепляли ее простой наряд на плечах. Два гребня из слоновой кости удерживали ее собранные сзади блестящие тяжелые волосы. Ее лодыжки были обвиты тонкими золотыми цепочками с крошечными золотыми колокольчиками. Она шла босиком.

И, пока она шагала к отцовскому трону, в огромном зале раздавался лишь один звук – легкий и нежный перезвон золотых колокольчиков.

Никогда прежде я не видела такой женщины.

Она ступала прямо и гордо. Остановившись перед тронном отца, она посмотрела ему в глаза и не отвела взгляд. То была настоящая царица, которая властвовала по праву. Я думала, что она может оказаться грубой и мужеподобной. Я ошиблась.

Царица Савская была прекрасна, как летний день, когда он клонится к вечеру и тени становятся длиннее. Прекрасна, как ветер, дождь и звезды, как все зрелое и теплое. Прекрасна, как моя мать, когда она снилась мне.

Я не смогла бы сказать, сколько ей лет, это не имело значения.

– Билкис, царица Савская, приветствует Соломона, царя Израиля и Иудеи.

Ее голос звучал звонко. Как и мой отец, она умела говорить так, чтобы слышали все, собравшиеся в большом зале. Она не поклонилась отцу, ведь она была равной ему.

Встав со Львиного трона, он спустился к ней и протянул руку:

– Соломон, царь Израиля и Иудеи, приветствует Билкис, царицу Савскую. Добро пожаловать. Садись рядом со мной и оставайся при моем дворе, сколько пожелаешь.

Она подала отцу руку, и он повел ее по ступенькам к трону, приготовленному для нее. Львиный трон царя, вырезанный из кедрового дерева, покрывала позолота. Его украшали грозные львы, а ножки были сделаны в виде львиных лап. Для царицы Савской отец приказал изготовить трон из посеребренного дерева, опирающийся на леопардов. И, лишь когда мой отец и царица сели, я заметила женщину, которая держалась позади нее. «Это, конечно, дева-воительница. Амазонка». Но

даже столь необычное зрелище, как вооруженная женщина, не смогло надолго отвлечь меня от царицы.

«Настоящая царица... Настолько же, насколько мой отец – царь». Я ощущала это всем своим существом. Мне и присниться такое никогда не могло, но это была правда. И еще одно я знала так же точно: я должна встретиться с царицей Савской. Чего бы это ни стоило мне.

И, когда эти слова огненными буквами вспыхнули в моем сознании, я удивилась. Почему я подумала, что эта встреча вообще может мне чего-либо стоить?

Гелика

Ее не интересовала царица Савская, но она поднялась вместе со всеми остальными женщинами на галерею над тронным залом. Легче было плыть по течению, чем думать самой. Ей бы и в голову не пришло, что она так горько пожалеет об этом, что гордость и страсть, так давно укрощенные, снова вспыхнут при виде чужеземки.

Но не царицы Савской – это роскошное, обласканное солнцем создание явно поклонялось доброй и улыбчивой богине света. Нет, не царица приковала к себе взгляд Гелики. На шаг позади царицы Савской стояла другая женщина. Высокая, гибкая, одетая в пурпурные кожаные штаны, заправленные в обувь на высокой шнуровке, и кожаную тунику, расшитую бронзовыми вставками. Сильная рука покоилась на рукоятке короткого железного меча. На спину спадали волосы, заплетенные в одну косу. Горло защищала серебряная повязка шириной с ладонь...

«Нет. Нет. Глаза обманули меня». Но она знала, что не ошиблась. За спиной у царицы Савской стояла лунная дева-воительница, чистая и гордая. Упрек, посланный Охотницей метко, словно стрела в сердце.

«Такой я была когда-то. А теперь...» Гелика склонила голову, к ее горлу подступила тошнота отвращения. «Теперь я ничто. Жена мужчины. Его сосуд, который он наполняет по своей воле. Собственность, как скот».

Сзади напирала другая, отталкивая ее в конец галереи. Она не сопротивлялась и не боролась за свое место. «Разве у меня есть свое место? Какая разница, где мне стоять?»

Но, когда воительницу заслонили от нее царские жены, она почувствовала страх. Если Охотница удостоила ее милости, послав знак, *знак после всех этих долгих и холодных месяцев*, как она могла пренебречь им? «Даже если бы это сулило мне смерть, я должна еще раз посмотреть на

свою сестру».

Не слушая возмущенных возгласов тех, кого она отталкивала, Гелика снова пробралась к решетке из кедрового дерева, скрывавшей царских жен от чужих глаз. Она вцепилась в решетку, глядя сквозь ее переплет, не в силах насмотреться на незнакомку, сестру по оружию.

Она не могла определить, к какому клану та принадлежит. Лишь знала, что обе они из лунного народа. Пока этого было достаточно.

И она впервые обрадовалась, что царских жен держат взаперти. Она могла тешить свой изголодавшийся взгляд видом воительницы, а сама оставалась незамеченной. «А если она меня заметит?» Мучительная мысль. От нее стало горько во рту. «Если она меня заметит, что она увидит? Просто живущую во дворце женщину».

Глаза щипало от слез. Гелика отвела взгляд от амазонки и посмотрела на царя Соломона, сидящего на огромном троне из кедрового дерева и золота. «Что она увидит? Одну из жен царя Соломона». Золотой царь и золотой трон сливались в одно пятно, превращались в золотой мираж на фоне яркой мозаики стен. Царица Савская, воплощение блеска и великолепия, двигалась к золотому сиянию царя Соломона. Воительница стояла неподвижно, прямая и гордая, как клинок, в своей багряной, словно кровь, кожаной одежде.

«Нет, она ничего не увидела бы. Пустое место».

Билкис

Ее поселили и приняли по-царски – приветствовали как равную, как правительницу, достойную сидеть рядом с самим царем. Очень щедрый дар в этой стране. Ее служанки уже принесли слухи о том, как возмутило местных жителей то, что женщине оказывают такие почести. «Пусть мужчины и женщины этой страны возражают сколько угодно. Я пробуду здесь недолго, и это не имеет для меня значения».

Значение имело лишь одно: поиски новой царицы, которую обещала богиня и ради которой Билкис проделала этот долгий путь.

«Если девочка действительно здесь. Если она вообще существует». Ведь Билкис уже успела повидать царя Соломона, Город Давида и Великий Храм, но пока не нашла в царской столице дочери, которую сулила Аллат.

«Кто сеет терпение, собирает богатый урожай», – напомнила она себе, но старая пословица не могла успокоить тревогу на сердце. Где-то на середине долгого пути Билкис начала сомневаться. Не только в своей

богине, но и в себе. Может быть, она неправильно истолковала волю Аллат и услышала лишь то, чего сама жаждала? «Неужели я приехала на край света, чтобы потерпеть поражение?»

Эту мысль она заглушила, ведь беспокойство – это слабость. «Если я ошиблась, то нужно исправить ошибку». Богиня привела ее сюда, пообещав даровать дочь для царства. «Теперь я должна разгадать ее загадку и найти девочку».

Хотя, возможно, никакой девочки не было. Пока не было. Ее вдруг пришло в голову еще одно решение: «Мы далеко от Савского царства. Стен Мариба мы не увидим еще год». Среди ее служанок были молодые женщины. Женщины, чьи тела еще могли давать жизнь. «Пусть бы одна из них забеременела от царя, а я объявила бы ребенка своей дочерью, дарованной Аллат. Нужно, чтобы Соломон пришел к одной из них. Ребенок от него – исполнение обещания богини...»

Нет. Это слово прозвучало твердо. Она всем своим существом понимала, что это плохое решение.

«Тогда я должна подождать. Подождать того, что пошлет мне Аллат. Матерь, молю тебя лишь о том, чтобы ждать пришлось недолго!» Пытаясь побороть свои страхи, она встала перед алтарем, глядя в выточенное из слоновой кости лицо богини. Сложив руки на груди, Билкис склонила голову, а потом посмотрела в лазурные глаза Аллат. Она ни о чем не просила, просто стояла и ждала, не соблаговолит ли Матерь послать ей знак. Но она ничего не чувствовала и через некоторое время, снова склонив голову, отошла.

«Боги помогают тем, кто помогает себе сам», – подумала она и услышала тихий смех: к ней шла Хуррами, неся в руках алебастровую миску. На фоне светлого камня сияли безупречные алые гранаты.

– Царь Соломон прислал? – спросила царица.

Хуррами протянула ей миску, покачав головой:

– Нет, дочь царя Соломона.

Казалось, эти слова разнеслись эхом в теплом и ароматном воздухе. Царица стояла, глядя на плоды, а потом протянула руку и взяла один.

– Дочь царя Соломона, – медленно повторила Билкис. – Хуррами, как же я глупа! Передай царю Соломону, что царица Савская хотела бы прогуляться и поговорить с ним сегодня. И пусть Ирция придет и поможет мне одеться для этой встречи.

Хуррами поставила алебастровую миску на резной сундук из кедрового дерева и отправилась выполнять поручения. Билкис покачивала гранат в руках. «Ты знала, что у царя есть дочь, но тебе не пришло в голову,

что она может быть той, которую ты ищешь. Или ты думала, что обещанное богиней подадут тебе на золотом подносе, как другие дары царя?» И почему царь не предложил ей познакомиться с его женами и детьми? Правда, она встречалась с царевичем Ровоамом. Он приветствовал ее с угрюмой вежливостью, которая не обещала ничего хорошего для его будущего правления. Ему следовало серьезно поработать над своими манерами. Видела она и тех царских сыновей, кто уже достаточно подрос, чтобы оставить Женский дворец и поселиться в собственных покоях. «Но Соломон не показал мне своих женщин. Почему?»

Наверное, сама Аллат напомнила ей, что даже царица может проявить глупость. «Неужели я ожидала, что какая-нибудь рабыня или юная жрица встретится мне на улице, а корона с моей головы упадет к ее ногам? – Она сомкнула пальцы на гладкой плотной шкурке граната и тихо засмеялась. – Слишком много сказок и песен я слушала».

Она смотрела на фрукты, светившиеся, словно рубины, в светлой, как луна, миске. Не переставая улыбаться, она положила обратно гранат, который держала в руках, а потом поставила дар царицы к ногам Аллат.

– Спасибо тебе, – сказала Билкис.

Ведь она просила подсказки. Разве могла богиня послать более ясный знак? Скоро ее поиски закончатся и она сможет вернуться домой – вернуться, везя под своим присмотром будущее Савского царства.

Спрашивая царя Соломона, можно ли ей посмотреть на Женский дворец, она говорила как бы шутя:

– Сорок жен, и каждая – царица! Это зрелище стоит того, чтобы его увидеть.

Царица исподволь взглянула на Соломона, прикрыв ресницами дразнящие огоньки в глазах.

– Почему ты прячешь их от меня? Боишься того, что они могут рассказать?

Соломон засмеялся:

– Если мужчина боится своей жены...

– ...или жен, – вставила она.

– ...или жен, то он женился не на той женщине. Или не на тех женщинах. Нет, я лишь боялся, что тебе покажется скучным такой визит.

– Это потому, что я правлю царством, а они нет?

Значит, в этом заключалась единственная причина. И, если бы у нее хватило ума заговорить об этом раньше, она не потеряла бы целую неделю после прибытия в Иерусалим!

Она вскинула голову, и сережки, легкие, словно крылья стрекозы, коснулись ее щек.

– Скажи мне, о царь, разве ты говоришь только с царями и царевичами? Не учишься ли ты у всех людей?

Он не стал тратить время на ответ, который они оба знали, а лишь улыбнулся и протянул руку:

– Что ж, идем, о царица, и посмотрим на мир, в котором живут царские жены. Хотя я и не знаю, чему могла бы научиться царица Юга у женщин, занятых лишь своими нарядами, драгоценностями и детьми.

«Соломон, хоть тебя и называют Премудрым, ты так же слеп, когда смотришь на своих женщин, как и любой другой мужчина». Но она лишь улыбнулась и подала ему руку.

– Конечно, ты не знаешь, ты ведь мужчина. Покажи мне своих женщин, живую сокровищницу своего дворца, о Соломон, ведь я прошу об этом.

– Царица Савская получит все, о чем попросит, – сказал царь.

Билкис улыбнулась. Изгиб ее губ так же мало значил, как и освященная обычаем ритуальная формула обещания.

Когда они шли по дворам и коридорам, Билкис обращала внимание на каждый фрукт и цветок, изображенный на стенах, каждую деталь резьбы по камню. Она запоминала дорогу, чтобы не заблудиться, если когда-нибудь придется пройти здесь одной. Дворец солнца и луны в Марибе возвышался на семь этажей в небо, и его кирпичные строения раскинулись далеко, но кедровый дворец Соломона не уступал ему в размерах и великолепии.

И, как любой дом царя – или царицы, – дворец Соломона обвивался вокруг себя, словно змея. Гость, не обладающий зоркими глазами и быстрым разумом, заблудился бы, едва сделав несколько шагов. Такие дворцы-ловушки называли лабиринтами, когда Кносс еще не пал и Царь-бык вместе со жрицей Лабриса правили всем миром, омываемым Великим морем.

«Да, мне нужны зоркие глаза или клубок алых нитей, как у Ариадны Сияющей, чтобы вернуться домой...»

И, как в любом царском доме, во дворце Соломона было множество тайных помещений для наблюдения за теми, кто интересовал царя. Женские покои с одной стороны обрамляла длинная галерея. Окошечки прикрывала искусно вырезанная в каменной стене мелкая решетка. С этого наблюдательного пункта царь мог смотреть на своих жен, оставаясь незамеченным.

– Украдкой, – сказал царь Соломон.

И она уловила скрытый восторг в его, казалось бы, ровном тоне.

– И часто ли Соломон Премудрый украдкой наблюдает за своими женами?

Ее собственный голос не выдавал омерзения, которое она чувствовала от того, что женщин держат вот так, взаперти. Она прибыла в чужую страну с чужими обычаями. Следовало вести себя осторожно, чтобы никого не оскорбить.

Соломон улыбнулся:

– Царь Соломон слишком мудр, чтобы думать, будто его присутствие здесь может оставаться настоящей тайной. Мои женщины знают о происходящем в Иерусалиме больше, чем мои шпионы!

«Хоть ты и слеп, когда смотришь на своих жен, но, по крайней мере, достаточно мудр, чтобы не презирать женщин, в отличие от многих мужчин в этой стране, где род ведется по отцовской линии, а не по материнской». Она заставила себя понимающе улыбнуться, но в ответ ничего не сказала, а лишь подошла ближе, чтобы посмотреть на раскинувшийся внизу сад.

Этот сад, явно общая территория для всего Женского дворца, простирался далеко. В нем нашлось место для солнца и тени, фруктовых деревьев и фонтанов. А еще для цветов, и ровных дорожек, и скамеек, чтобы отдохнуть под оливами и лимонами. И хотя сад находился в дворцовых стенах, а все гулявшие по нему женщины были царскими женами, Билкис показалось, что это лишь площадь посреди деревни, а большой фонтан – главный колодец.

«Вот сердце его мира. Женщины у фонтана. И дети. Здесь я смогу узнать Соломона по-настоящему. Перед гостями любой мужчина может разыгрывать из себя героя. А вот женщины знают его лучше».

Внизу прогуливалась женщина, а вокруг нее бегали шесть крошечных собачек. Их длинная белая шерсть колыхалась, как волны. Две женщины сидели на краю фонтана, склонив головы, увлеченно беседуя. Маленькие мальчики перебрасывали друг другу позолоченный мяч.

– Твои сыновья? – спросила она, собираясь идти дальше.

«Если я сейчас не увижу его дочь, я спрошу о ней. Всякому терпению есть предел».

– Некоторые из них. – Соломон с улыбкой смотрел на свою семейную жизнь. – А вот моя дочь.

При этих словах его тон изменился: в голосе прозвучали любовь и гордость, смешанные с печалью.

«Наконец-то». Обернувшись, Билкис снова взглянула на гаремный сад, и ее захлестнула волна благодарности, согревая кровь и превращая кости в

мягкий воск.

«Прости меня, Матерь Аллат. Никогда больше я не усомнюсь в тебе».

За позолоченным мячом бежала девочка. Вот она поймала его и перебросила малышам. Те кинулись за ним, а она, смеясь, убрала с лица непослушные пряди волос. Потом, словно зная, что за ней наблюдают, девочка посмотрела вверх, и все колебания и страхи Билкис улетучились при взгляде в эти солнечно-светлые глаза.

«Да. Да, она – дочь, за которой я приехала. Новая царица Савская».

Не просто царица, а великая, настоящее огненное дитя, рожденное под знаком Феникса, который больше всего благоволил к правителям. Созвездие, под которым она родилась, сверкало в ее отсвечивающих рыжим волосах. Пламя, рожденное самим солнцем. «Да. Это она».

– Это она? – Своим тоном Билкис никак не проявила переполнявшего ее восхищения и ликования. – Милая девочка. Как ее зовут?

– Ваалит, – ответил Соломон.

«Ваалит. “Маленькая богиня”». Боль сжала ее сердце, она закрыла глаза, пытаясь отогнать мучительное воспоминание. «Мама, вот новая царица Савская... Ваалит, моя девочка-богиня», – так говорила, умирая, Алит. Этим именем ее дочь назвала ребенка, который в своей жизни успел сделать всего несколько вдохов. «Нет. Я должна думать не о прошлом, а о будущем. Ты была права, доченька. Однажды царицей Утра станет Ваалит».

– Хорошее имя, – сказала она наконец.

– Странное имя для нашего народа, но так захотела ее мать.

Теперь в его голосе явственно звучала боль. Билкис поняла, что он очень любил мать этой девочки. Она накрыла его руку своей:

– Ты хороший человек, царь Соломон. Многие не исполнили бы такое желание. – Не позволив ему ответить, она продолжила: – Давай спустимся в сад, чтобы я познакомилась с твоими женами, сыновьями и дочерью.

– Если хочешь, – улыбаясь, ответил он, и она заставила себя улыбнуться в ответ, словно просила о самой незначительной малости.

– Да, хочу.

– Что ж, идем. Я представлю тебе мою дочь. Но должен тебя предупредить: Ваалит – умная девочка. Она задает так же много вопросов, как...

– ...как ее отец? Не волнуйся, царь Соломон. Я люблю вопросы.

И она рассмеялась легко и весело, не осмеливаясь – до поры до времени – по-настоящему проявить свой интерес.

«Она – та, за кем я была послана. Это она. Я чувствую. Она уже

царица, просто пока не знает об этом».

Эта неугомонная девочка горела тем же страстным огнем, который согревал когда-то кровь самой Билкис. И царица не нуждалась в шепоте Аллат, чтобы знать: именно ради этой девочки она так рисковала, отправляясь в долгий путь. Ваалит была дочерью ее души. Следовало любой ценой завоевать ее для Савского царства.

– Могу ли я представить тебе дочь? – спросил Соломон.

Билкис отвела взгляд от девочки, перебрасывающейся золотым мячом с младшими братьями, и улыбнулась царю.

– Да, если это доставит ей удовольствие.

Долгие годы правления научили ее владеть голосом. Она говорила легко, словно встреча с дочерью Соломона ничего особенного не значила.

– Думаю, что доставит, – снова улыбнулся царь. – У моей дочери тонкий ум и слишком мало возможностей применить его. Идем, спустимся в сад.

Он протянул руку. Хотя Билкис не помнила себя от радости, ее кожа оставалась прохладной, а лицо спокойным. И она ступала шаг в шаг с ним, не желая все разрушить неуместной спешкой, а разум тем временем подсказывал, что делать дальше.

«Я должна проявить осторожность. Нужно убедиться». Она позволила себе негромко засмеяться, словно бы над шуткой, которой развеселил ее царь. Ведь, хотя она и требовала от себя осмотрительности, сердце ее знало, что она уже нашла наследницу. «Мою истинную дочь, дарованную Царицей Небесной. Я должна отблагодарить ее хорошими жертвоприношениями за эту милость». Редко случалось получить столь ясный ответ на молитвы. Билкис испытывала искреннюю благодарность.

– Ты так безмятежна, – сказал царь, останавливаясь перед воротами в сад. – Это редкое качество, и я бы многое отдал за него.

Она заметила неоднозначность этого комплимента и почувствовала удовольствие – приятно было знать, что она все еще может разжигать в мужчинах огонь. «Или просто согревать их – не думаю, что этот мужчина способен пылать по-настоящему».

– Да, истинная безмятежность – редкий дар. Боги нечасто наделяют нас душевным покоем. О, какая искусная резьба украшает ворота! Повезло тебе с мастерами, царь Соломон. Давай же войдем, чтобы я могла познакомиться с самым прекрасным цветком твоего сада.

Когда они с царем вошли, все женщины замолкли и замерли. Они уставились на царицу – словно в соляные столбы обратились от ее взгляда.

Билкис хранила спокойное выражение лица – нельзя было смеяться над женщинами царя Соломона.

– Вот некоторые из моих добрых жен и милых сыновей.

Царь улыбнулся женщинам и повел ее туда, где стояла его дочь, вскинув руки, чтобы поймать позолоченный мяч.

– С ними ты познакомишься чуть позже. Сначала я должен показать тебе главное сокровище царского дворца.

Соломон улыбнулся, и дочь ответила ему улыбкой, смело глядя прямо в глаза.

– О царица Юга, вот сокровище Севера. Моя дочь, царица Ваалит.

Когда царь указал на нее, девочка, сложив руки, встала на колени, почтительно склонив голову.

– Приветствую тебя, отец. Своим присутствием ты оказываешь нам честь. Приветствую тебя, царица Юга, от имени отца и от себя. Добро пожаловать в царство моего отца.

Она поднялась, грациозно, словно волна, и, выпрямившись, встала перед ними, внимательно глядя в лицо Билкис. И та, видя этот ясный взгляд, мысленно вознесла благодарность Аллат: «Да. Это она. Именно за ней я приехала через полмира». Ее кровь кипела от пьянящего ликования. Она заставила себя говорить спокойно:

– Ты сказал правду, о царь, назвав дочь своим величайшим сокровищем. Царица Юга благодарна царице Израиля за ее приветствие. А Билкис благодарна Ваалит.

У Билкис голова кружилась от радости. Улыбнувшись, она с восторгом увидела, что девочка улыбается в ответ.

Да, она была именно такой, какой показалась с первого взгляда, и даже лучше. Нет, она не выглядела необычной или чересчур странной – никто не стал бы показывать на нее пальцем или распускать о ней слухи. Она выглядела именно так, как подобает дочери царя Соломона: уравновешенная, милая, с утонченным умом, украшавшим ее характер, как золото и драгоценные камни на запястьях и шее украшали ее тело. Царь Соломон хорошо воспитал свою дочь. Она выросла гордой, но не заносчивой, щедрой, но не безрассудной.

И в ней пылал огонь, который вкладывают боги в тех, кого очень любят. Ваалит стояла на пороге превращения в женщину. И разгорающиеся язычки пламени вот-вот должны были охватить тщательно сложенный костер, чтобы вспыхнуть ярким светом.

Но этот маленький огонек пока можно было потушить так же легко, как разжечь.

«Я должна открыть ее для этого пламени. Такой дар не может пропасть». Продолжая улыбаться Ваалит, Билкис протянула руку и коснулась запястья Соломона:

– Твои дети – истинное благословение, царь Соломон. Я очень хотела бы насладиться компанией твоей дочери, ты должен мне это разрешить.

– Разрешаю, – сказал он, – если это доставит вам удовольствие.

– Мне доставит, – сказала Билкис и посмотрела на царевну, – а захочет ли царевна порадовать царицу Савскую своим обществом?

Ваалит схватила протянутую руку царицы и склонилась, прижимая пальцы Билкис ко лбу.

– Если мой отец желает этого и если ты желаешь этого, то ничто не доставит мне большего удовольствия.

– Видишь, какое она сокровище, – засмеялся Соломон. – Я не мог бы желать более уважительного и правильного ответа.

Царь улыбнулся дочери. Она выглядела вполне довольной – это указывало на то, что она ценит похвалу; но чрезмерной радости не выказала – значит, он хвалил ее не так уж редко.

– Благодарю тебя, отец. Я готова выполнить волю царицы Савской.

Каждый ответ царевны словно бы подтверждал, что богиня выбрала именно ее. «Спасибо, Матерь, тысячу раз спасибо тебе. До новой луны я поставлю перед тобой полную жемчуга чашу».

Царь Соломон пошел дальше, уводя ее от царевны, чтобы она могла оценить его жен и сыновей. Билкис, улыбаясь, двинулась за ним. Даже не оглядываясь, она знала, что царевна Ваалит смотрит ей вслед. И ждет.

Соломон

Хотя Соломон понимал, что ему искусно и тонко льстят, он испытывал удовольствие от того, что царица похвалила его дочь. «В конце концов, если царица Утра считает нужным льстить мне, значит, я чего-то стою». Но и слепым глупцом он не был и знал достоинства своего ребенка. Дочь Ависаги действительно была сокровищем, заслуживающим похвалы царицы.

Он смотрел, как царица улыбается Ваалит, как наклоняется, плавно, будто волна, чтобы поцеловать гладкий лоб девочки. Зрелая красота, приветствующая расцветающую. Цветок граната и плод...

«Образ, достойный того, чтобы сложить песню. Как жаль, что я всего лишь царь Соломон, а не царь Давид – у того хватило бы искусства, чтобы

воспеть эту красоту».

Внезапно он почувствовал себя одиноким. Между царицей и царевной установилось какое-то взаимопонимание без слов, и он знал, что не может его разделить. Солнце золотило их кожу, огнем переливалось в их волосах. Царица и царевна ослепляли его, яркие, словно небесный огонь...

Он вел Билкис к собравшимся в ожидании женам, мысленно ругая себя. «Я разглагольствую о поэзии, – говорил он себе, насмехаясь над своим хваленным даром слова, – царь Соломон Премудрый, царь Соломон Великий, сочинитель притч...»

Но по сравнению с песнями притчи казались холодными.

А его отец сочинял песни, которые люди все еще пели. «И, несомненно, будут петь еще тысячу лет». Все, к чему прикасался царь Давид, становилось золотом, любой совершенный царем Давидом грех превращался в добродетель.

«Если бы кто угодно другой сделал то, на что осмелились царь Давид и госпожа Вирсавия, их обоих, мужчину и женщину, забили бы до смерти камнями у городской стены». Царица Мелхола не допустила такого исхода – об этом Соломон знал. Также он знал, что это еще не все. Была какая-то темная тайна, еще страшнее слухов о том, что его отец убил мужа Вирсавии. Но Соломон так никогда и не узнал, что это за тайна...

– Вернись к нам, о царь, мы здесь ради твоего удовольствия.

Голос царицы Юга согревала улыбка, смех нежной лаской звучал в ее словах.

Захваченный врасплох среди мыслей о прошлом, Соломон ответил царице ее же словами – эта уловка всегда выручала:

– Нет, это царь здесь ради удовольствия царицы. Чего желает царица Утра?

Он улыбнулся – эта уловка тоже хорошо работала, когда улыбки от него не ждали.

Но царица Утра так же хорошо умела играть в эту игру, как и он сам.

– Царь Соломон витал мыслями где-то вдали. Речи простых женщин навевают на него скуку.

Озорство золотыми искорками танцевало в глубине ее глаз.

Разгорающийся огонь согревал кровь Соломона. Он улыбнулся ей снова, на этот раз не пытаясь оценить, какой эффект это произведет.

– Ни в коем случае, – ответил он, и царица рассмеялась.

– Правильный ответ, о Соломон Премудрый, звучит так: «Царица Савская – не просто женщина!»

– Возможно, это правильный ответ, но Соломон Премудрый – всего

лишь человек, а потому он может говорить лишь то, что является правдой, а не то, что правильно. А правда, о царица, в том, что твои слова никогда бы не навеяли скуку ни на одного мужчину.

Неспешным шагом они приблизились к тем царским женам, которые в тот день оказались в саду. Соломон представил каждую из них царице Савской, внимательно следя за тем, чтобы соблюдать порядок, в котором они выходили за него замуж. Ни одну женщину он не хотел возносить над другими, и такая очередность служила именно этой цели. Даже Нааме, матери наследника, пришлось ждать, пока царице Савской поклонятся женщины, которых выдали за Соломона раньше, чем ее.

Билкис любезно поговорила с царицами и ласково – с мальчиками. Затем, искоса взглянув на женщин, наблюдающих за ней (сбились вместе, словно выводок цыплят, – неужели думают, что Билкис одним прикосновением обратит их в пыль?), царица сказала:

– Теперь, поскольку царица Юга – простая женщина, которая легко начинает испытывать скуку, она просит, чтобы царевна Ваалит немного развлекла ее.

– Как пожелает царица.

Ответить иначе Соломон не мог. «Да и с чего бы мне захотелось ответить иначе?» И все же, когда он увидел, как царица снова пересекла сад и вернулась к Ваалит, как лицо его дочери озарилось восторгом, ему пришлось подавить желание позвать их к себе.

«Не будь глупцом. Какая беда в том, чтобы позволить Ваалит поболтать с Билкис?» Но тревога – хотя он и сам не понимал, чего боится, – не отпускала его. Когда его дочь села бок о бок с царицей Савской на каменную скамью под гранатовым деревом, он заставил себя повернуться к ожидающим его женам и сыновьям и тепло приветствовать их.

– Какое чудесное зрелище! Я самый счастливый мужчина в мире, ведь у меня такой прекрасный цветник жен и такой богатый урожай сыновей. – Раскрыв объятия, он улыбнулся. – Идите ко мне, мальчики мои. Я уверен, что вы все вели себя как подобает маленьким царевичам и не доставляли хлопот своим матерям!

Песнь Ваалит

Когда мой отец вошел в гаремный сад, ведя за руку царицу Юга, я уставилась на нее с единственной мыслью: «Я не готова!» Я сама не

понимала, что имею в виду. К чему не готова? И почему я дрожала так, словно столкнулась с большой опасностью? Я ведь очень хотела познакомиться с правительницей Земли Пряностей с того самого момента, как увидела ее в тронном зале отца. Я безуспешно плела интриги, чтобы встретиться с ней. И теперь мой отец сам привел ее ко мне.

Вблизи она по-прежнему была прекрасна, хотя в ярком солнечном свете стали заметны морщинки у нее под глазами. Она не пыталась их скрыть, и эта смелость вызвала у меня еще большее восхищение. Все мои мачехи изо всех сил старались прятать малейшие следы возраста. Напрасно – ведь время в конце концов всегда выигрывает эту битву.

Мое сердце так билось, что я едва могла думать и с трудом понимала, что она говорит и что я отвечаю, но мои слова понравились и отцу, и ей. Она сказала, что отец не зря называет меня сокровищем.

Я почувствовала, что лицо мне заливают краска.

– Мой отец слишком хвалит меня. Он так меня любит, что в его глазах я совершенна.

– Так ты говоришь, что царь Соломон *Премудрый* заблуждается? – спросила царица.

– Я часто заблуждаюсь, – вмешался он, – но не тогда, когда хвалю свою дочь, которая для меня дороже сорока сыновей.

– Кому же и знать, как не отцу сорока сыновей? – в тон ему ответила царица, и Соломон рассмеялся.

– Ну, у меня их не так много! Идем – я покажу тебе свой выводок, пока они с ума не сошли от ожидания.

Отец повел царицу Савскую к своим сыновьям и женам. Я наблюдала за тем, как она ласково с ними разговаривает. Она даже наклонилась, чтобы погладить резвых веселых собачек госпожи Меласадны. «То-то будет чванства перед теми, кто не встретился с царицей Савской!» Я уже предвидела новую бурю перебранок.

Она улыбнулась, а отец тихонько засмеялся, а потом тоже улыбнулся, ласково глядя на нее. Ревность оказалась болезненным чувством. Раньше только мне удавалось вызывать на лице у отца это выражение нежности и веселого изумления. Затем волна стыда смыла эту недостойную мысль. Как я смела отказывать отцу в удовольствиях? «Если он нашел женщину, с которой по-настоящему счастлив, как я смею перечить?»

И, пока я думала об этом, царица, оставив его, пошла через сад обратно ко мне. Она двигалась легко и плавно и владела своим телом так же хорошо, как кошка. Я смотрела на нее, не зная, что сказать. Разве могла бы я произвести впечатление на женщину, которая правила самым

чудесным царством в мире? Поэтому я молчала и ждала, пока она заговорит.

– Итак, ты – дочь царя Соломона. – Ее хрипловатый голос звучал тихо, словно бы только для моих ушей. – Воистину ты достойна такого отца.

– Ты еще не можешь об этом судить.

Мне и в голову не приходило, что я способна говорить так откровенно, пока эти слова не вырвались у меня. Я в ужасе начала думать, как мне извиниться, но оказалось, что это не нужно. Царица улыбнулась, и я вдруг почувствовала, что знаю ее всю жизнь.

– У тебя острый ум, – сказала царица.

Щеки мне залила краска.

– Я стараюсь его укротить, – ответила я, и она снова улыбнулась.

– Не нужно. Береги свой ум. Иногда он хорошо служит. Но помни, что ум – это оружие.

Она замолчала, словно ожидая, что я закончу эту мысль.

– Оружие может обратиться против своего хозяина, – сказала я.

– Так значит, дочь Соломона не только умна, но и мудра.

– Пока еще нет, но я стараюсь стать мудрой. А для девочки выглядеть слишком умной – не мудро.

– Здесь – да, – вздохнула она, – здесь для девочки не мудро выглядеть слишком умной. Давай присядем и поговорим.

Я села рядом с ней на скамью под гранатовым деревом, быстро оглянувшись на отца и его жен. Я знала, что мачехи подсчитывают каждый миг, проведенный мной наедине с царицей, и что ее внимания больше всего жаждут те, кто громче всех кричал о ее мерзостности.

– О чем желает говорить царица?

– О тебе. – Она улыбнулась мне ласково, словно родной дочери. – А еще я хочу поблагодарить тебя за подарок.

– Это мелочь по сравнению с подарками моего отца, – сказала я, и она засмеялась.

– Эта мелочь прекрасна. Твой отец – самый щедрый царь, но нельзя ведь питаться драгоценными камнями или золотом!

Почувствовав облегчение, я рассмеялась и сложила руки на коленях, чтобы не теребить свой пояс. Я хотела выглядеть хотя бы наполовину такой же спокойной и царственной, как она.

– Я рада, что мой подарок понравился тебе.

Я хотела завоевать ее расположение и думала сначала послать чеканную золотую чашу, наполненную жемчугом. Но что-то остановило меня, и почти против собственной воли я выбрала простую алебастровую

миску и спелые гранаты, чтобы приветствовать царицу Утра.

И она оценила мой подарок.

– Да, я рада твоему подарку, а еще больше рада, что мы наконец встретились. Я всю жизнь ждала встречи с тобой, Ваалит.

В тот день я сочла это обычной вежливой фразой, принятой в Саве, ничего не значащей любезностью. Поэтому я улыбнулась и сказала, что мне тоже очень хотелось встретиться с ней. Я выразила надежду, что не разочаровала ее.

– Ты именно такова, как я думала, и даже лучше. Ты достойная дочь. В твоих глазах я вижу твоего отца и мать.

– Разве это возможно? Мой отец – там, на другом конце сада, а мать умерла много лет назад.

– Тем не менее она тоже создала тебя. Она здесь, царица. Она всегда будет здесь, в тебе.

Могла ли она что-то знать о моих снах? Иногда мне казалось, что эти сны посылает дух матери. «Нет, откуда ей знать?» Если только она не была колдуньей, как считали многие...

– Немного пряностей, чтобы приправить твои мысли, царица, – сказала она.

Она смотрела на меня таким добрым взглядом, что я осмелилась спросить:

– Правда ли, что ты – дочь джинна?

Спохватившись после этих слов, я очень испугалась, но царица лишь засмеялась и покачала головой:

– Нет, я не дочь джинна. И не родилась из пламени. И мое настоящее обличье – не белая змея. Не делай такие удивленные глаза. Я была бы плохой правительницей, если бы не знала, какие сказки обо мне рассказывают. Но все это неправда, я обычная женщина.

– Нет, – сказала я, – ты не обычная. Ты правишь царством.

– Как и твой отец.

– Да, но он мужчина. Мужчины рождены, чтобы править.

– А женщины рождены, чтобы ими правили? – спросила царица.

– А женщины рождены, чтобы ими правили, – только и смогла ответить я. – Так устроена жизнь.

– Так устроена жизнь здесь. Но Израиль – это еще не весь мир, маленькая богиня.

«Маленькая богиня...» Никто не называл меня так с тех пор, как моя веселая бабушка оставила меня и вернулась в Ашкелон.

Я попыталась отогнать внезапно подступившие к глазам слезы.

– Ведь таково значение твоего имени, правда? – спросила она, и я кивнула. – Странное имя для дочери Бога Яхве. Но так захотела твоя мать?

– Да, так захотела моя мать. Не знаю почему.

Даже мой отец не знал. Может быть, чтобы угодить своей матери. Или выполнить предсмертный обет. Этого я никогда не узнала бы. К моему ужасу, я почувствовала, что глаза еще сильнее щиплет от слез. Я опустила голову, но поняла, что не могу ничего скрыть.

Царица взяла меня за подбородок и заставила поднять голову. Мы посмотрели друг другу в глаза.

– Не имеет значения, почему она тебя так назвала. Пока не имеет значения. Важно лишь то, что любовь твоей матери всегда с тобой, у тебя в крови. Не забывай об этом.

Она посмотрела на другой конец сада. Отец повернул голову и улыбнулся нам. Царица коснулась моей щеки мягкими, словно крыло голубки, пальцами.

– Сейчас я должна подойти к твоему отцу, Ваалит. Но я вернусь. Об этом тоже не забывай.

– Не забуду, – сказала я и поднялась на ноги вместе с ней.

Я смотрела ей вслед, пока она шла по усыпанной белыми камнями дорожке к моему отцу. Выходя с ним из сада, царица обернулась, улыбаясь мне. В тот миг я бы сделала для нее что угодно. Я знала, что должна как-то отплатить за то, что она освободила мой разум, – я даже не чувствовала, что он был взаперти.

«Израиль – это еще не весь мир, маленькая богиня...»

Я всегда это знала.

Но теперь я поверила в это. За стенами Иерусалима лежал большой радостный мир. И, хотя я никогда не видела этого яркого мира, теперь я понимала, что он ждет меня.

Билкис

Увидев дар Аллат, выполненное обещание богини, Билкис заставила себя остаться внешне спокойной, как вода в глубоком колодце. Ей следовало скрывать свое ликование, радость, облегчение. «Как спрятать свое сердце? Еще одна сложная задача...» Но нужно было утаивать свои желания – время еще не пришло. Билкис чувствовала, что оно скоро придет. Поворотный момент настал, когда она вошла в женский сад. «Завтра. Завтра я начну игру в загадки. О ней буду знать лишь я. И я

выиграю. Иначе нельзя».

Билкис могла свободно ходить где угодно. На следующее утро она снова прошла по лабиринту комнат, через который провел ее Соломон, и остановилась в царской галерее, глядя вниз, в женский сад. Наблюдая, она вспоминала, что успела узнать об этой стране, в которую ее призвали. Поспешить в этой царской игре означало проявить безумие – слишком высоки были ставки.

«Итак, я здесь. Иногда здесь стоит царь. Думаю, не очень часто. Но иногда». Ее удивило то, насколько не похож царь на своих непокорных узколобых подданных. И, несмотря на спокойное лицо и справедливые суждения, в нем угадывается тревога – ее выдают глаза. Что ж, ничего удивительного. Управлять этим царством – нелегкая задача, а уж тем более для того, кто слишком много думает и слишком глубоко чувствует.

Для нее израильский двор стал открытием, и не самым приятным. Нет, она всегда знала, что Савское царство – особый мир. Мир, в котором женщины и мужчины соединялись в истинных движениях танца жизни. Знала она и о том, что на севере, за песками пустыни, властвуют мужчины, – скорее силой, нежели по праву.

Но она не понимала истинного значения этого, пока не увидела собственными глазами.

Здесь ни одна женщина не могла управлять своей жизнью. Она всегда кому-то подчинялась – отцу, брату, мужу. Сыну, если не оставалось в живых других мужчин, чтобы приказывать ей. Ничто не принадлежало ей одной. Все ее богатства были ей подарены. Нет, даны в пользование. И ей предстояло платить за них бесконечным трудом и послушанием.

И страшнее всего было то, что ей не принадлежали даже собственные дети. Вопреки всякому здравому смыслу и справедливости, в этой стране дети принадлежали мужчинам, а женщины считались имуществом, наподобие рабов или домашнего скота. «Как будто тот, кто посеял семена, имеет больше прав, чем та, что вскормила их, выращивая урожай!»

Но таков был закон в этой стране. Отцовское право почиталось превыше всего. Как будто хоть один мужчина может точно знать, что именно он зачал ребенка! Всегда был повод для сомнений. Всегда. Женщина могла быть неверной или просто ошибиться. Лишь материнство сомнений не вызывало.

Она прислонилась лбом к прохладной, искусно вырезанной каменной решетке и посмотрела вниз, на гаремный сад. Сегодня там сидело всего шесть женщин. Они болтали друг с другом и примеряли безделушки. Одна, более трудолюбивая, пришивала круглые блески к платью. Ткань ярко

вспыхивала, когда на маленькие золотые диски падали лучи солнца.

«Как они могут быть довольны такой жизнью? Они ничего не делают. Их слова ничего не стоят». Здесь, на севере, женщины обладали меньшей свободой, чем закованные в кандалы рабы, ведь их оковы оставались невидимыми.

«И поэтому они уверяют, что никаких оков на них нет. – По спине у нее пробежал холодок. – Я бы предпочла кандалы из железа. Как они могут жить вот так, взвешивая каждое слово, чтобы не вызвать неудовольствия мужчин, не ступить туда, куда не разрешают мужчины?»

И все же эти женщины казались счастливыми, а если они и грустили, то по другим причинам. «Мои желания – не их». Она пристально смотрела на женщин в саду. Вот одна из них наклонилась к соседке и что-то прошептала ей на ухо. Обе рассмеялись. На миг Билкис почувствовала зависть к этим женщинам, таким спокойным и довольным. «У них так мало тревог!»

У этих ворот было две створки. Ни одна женщина здесь не обладала настоящей свободой. Но и мужчин связывали путы – путы обязанностей. Им приходилось заботиться о женщинах, которых они поймали в ловушку. «Можно лишь посочувствовать мужчине, у которого слишком много жен. Не видать ему спокойной жизни, если они сами не даруют ему мир».

Женщины встали и исчезли в полумраке гарема. Осталась только трудолюбивая швея. Она недолго сидела одна. В сад пришла другая женщина. Она несла младенца и вела за руку маленького мальчика. Швея отложила платье и раскрыла объятия. Мальчик кинулся к ней. Билкис вздохнула и отвернулась.

Эта молодая мать никогда не почувствует на своих плечах тяжесть царствования. Никогда ей не придется делать более серьезный выбор, чем между двумя украшениями. Никогда ее не сочтут равной. Но о ней будут заботиться, избавляя от жестокой свободы выбора.

«Может быть, сделка стоила того». Билкис понимала, что такие мысли рождаются от усталости и страха. Она бы не смогла так жить, она бы умерла.

«Да и они в ужасе отшатнулись бы, если бы им велели самим управлять своей жизнью». Она сама управляла своей и поэтому относилась к себе более строго, чем кто-либо. Она сковала и окутала себя законом, долгом, честью. Она никогда не могла заботиться лишь о себе и своих желаниях.

«Эти женщины лишены свободы, потому что они – собственность мужа, а я – потому что я царица». Она положила руки на прохладный

твердый камень решетки, думая о том, что ей предстоит совершить, прежде чем она снова увидит дом. Ей удалось освободиться от этих темных мыслей и гнетущих сомнений. Да, следовало думать о том, что ей нужно сделать и в чем убедить царя Соломона.

«О том, что мы оба должны сделать, хотим мы того или нет».

В конце концов, ни одна женщина не была свободна. И ни один мужчина.

Часть пятая

Гранатовое зернышко

Песнь Ваалит

Позже, когда царица Юга открыла мне свое сердце, я поняла, что она тихо и осторожно подкрадывалась к добыче. Она завлекала и опутывала лестью мой разум. Разве я могу винить ее? Она ведь не поселила в моем сердце или душе ничего такого, чего там не было раньше. Все это и так таилось во мне, словно робкая птица, ожидающая утра, чтобы расправить крылья и взлететь.

Сначала я поняла лишь одно: царица Савская искала моего общества. Мне это льстило. К моей чести следует сказать, что сначала меня удивило ее внимание, но потом я подумала: «Она видит, как меня любит отец, и хочет через меня добиться его расположения». Что ж, в этом была и доля правды.

Первые шаги по дороге, которой хотела повести меня царица, начались с малого. Она приглашала меня к себе. Я приходила в Малый дворец. За его воротами раскинулось Савское царство, ведь все в Малом дворце было устроено как в Рассветной земле. Я смотрела и слушала. Говорила с царицей и ее служанками. Это не составляло труда: даже тогда я искала знания, собирая сведения, как другие девочки собирают цветы.

Наши гости создали свой отдельный мир, загадочный и манящий. В нем женщины вели себя свободно, как мужчины.

– По крайней мере, насколько это возможно, ведь здесь – чужая страна, – объяснила мне Хуррами во время одного из моих первых посещений, когда я ожидала царицу во дворике, принадлежавшем некогда самому Давиду. – Царевна, как тебе удастся выдержать заточение в этих стенах?

Я отвела взгляд. Пока я недостаточно доверяла ей, чтобы открыть, что могу по своему желанию сбрасывать оковы обычаев. Даже мой отец об этом не знал.

– Думаю, я привыкла, – ответила я.

– Да, конечно, – только и сказала Хуррами, но ее глаза смотрели на меня слишком уж зорко...

– А мужчины здесь такие... – Ирция искала подходящее слово, чтобы выразиться мягко. В отличие от Хуррами, яркой и резкой, Ирция была милой и нежной, как ее имя, означавшее «радуга». – Такие грубые и суровые... Неужели их не...

– ...воспитывали? Нет, конечно, – договорила за нее Хуррами.

Ирция взглянула на меня, а Хуррами засмеялась:

– О, с царевной можно говорить откровенно, а правда есть правда.

– Наши манеры и обычаи отличаются от савских. – Я постаралась ответить спокойным тоном. Следовало проявлять уважение к гостям. В то же время мне не нравились их насмешки над моим народом.

– Хороший ответ. – Во дворик вышла царица.

Мы все поклонились ей. Она кивнула Ирции и Хуррами и улыбнулась мне:

– Извини, Ваалит, но я должна дать этим бездельницам кое-какие поручения.

Она отвела их в сторону и о чем-то тихо заговорила. Я ждала возле маленького пруда, глядя, как стрекозы мечутся над водной гладью. Это был теплый день. Тихий голос царицы смешивался с жужжанием насекомых, летавших в поисках солнца и цветов.

Отдавая последние распоряжения, она заговорила громче:

– ...а еще, Ирция, приготовь мои украшения – я ужинаю с царем. Хуррами, Лунному Ветру нужно побегать, выведи его на прогулку.

Улыбаясь, она подошла ко мне:

– Вот и все. Теперь я могу немного отдохнуть и развлечься. Идем, присядем и поговорим.

Я не знала, чем могу развлечь царицу, но села рядом с ней на садовой скамье. Гостья молчала. Она лишь улыбалась и смотрела на меня, и наконец я сказала:

– Надеюсь, твои переговоры с моим отцом проходят успешно?

– Да, конечно. У нас с ним много общего. Я думаю, что в ближайшие годы Израиль и Сава станут добрыми друзьями.

– И торговля в этом поможет, – добавила я.

– Конечно, – тихо рассмеялась она. – Если сейчас у меня все получится, Израиль станет самым лучшим рынком для моего царства.

– Мой отец будет очень рад. А что ты скажешь о нашей стране? Я знаю, что она очень отличается от Савы. Наверное, тебя весьма удивляют наши обычаи.

– Не буду отрицать. Тебя ведь тоже удивляют наши. Но, если бы ты побывала в Саве, ты легко научилась бы жить так, как мы. – Она перевела

взгляд на пруд, над которым золотыми и зелеными вспышками носились стрекозы. – Хотя я вижу не только различия. В наших садах тоже есть такие насекомые. Иерусалим прекрасен, а Великий Храм – одно из чудес света. Когда я поднялась на Елеонскую гору и впервые увидела, как он сияет в солнечном свете, у меня дыхание перехватило. Я и не думала, что где-то в мире есть столько золота. А в полуденном солнце кажется, что весь город озарен огнем храма.

Конечно, храм был чудесен, но я видела его каждый день, с детства, и привыкла к его пламенному величию. Я попыталась представить себе, каково это – увидеть его впервые. «Да, с одной из окрестных вершин храм, сияющий на самом высоком холме, – это, наверное, чудесное зрелище».

– Иерусалим – город храмов, – продолжала царица, наклоняясь и проводя кончиками пальцев по водной глади, – воистину священный город.

– Лишь Храм Господа – истинный, – сказала я, пытаюсь предупредить то ли царицу, то ли себя. – Все остальные храмы полны жриц, идолов и...

Я осеклась. Продолжать не стоило, иначе я показала бы, что слишком хорошо знаю обители чужеземных богов и богинь.

– ...и благовоний, – закончила царица. – Вот почему Саве так повезло. Для богов нет лучшего подношения – даже для вашего Господа Яхве.

Действительно, все боги и богини, о которых я когда-либо слышала, требовали, чтобы их ублажали ароматами ладана и роз, нарда, корицы и мирры. И кровью. Даже Господь принимал кровавые жертвы.

– И это все, что ты знаешь об иерусалимских храмах? Лишь то, что они покупают много ладана?

Царица Билкис перевела свой спокойный взгляд со стрекоз на меня, и я вдруг поняла: отведя служанок в сторону, она расспрашивала их о том, что они успели узнать обо мне. Мне вспомнились умные пронизательные глаза Хуррами.

«Хуррами догадалась, что мне удастся ускользнуть из дворца. Я выдала себя, и она сказала ей».

Я сидела молча. Лгать царице я бы не стала, а говорить правду не осмеливалась. Иерусалим содрогнулся бы до основания, узнав, что дочь царя Соломона ступала на пороги этих храмов. Но царица продолжала смотреть на меня спокойно и настойчиво, и я заговорила, словно ее взгляд вытягивал из меня слова. Немногие мужчины и женщины способны не размыкать уст, когда кто-то ждет от них ответа. Это полезно знать.

– Дочерям Господа запрещено входить в святилища чужих богов.

– Это правда, – согласилась она, – но не вся. А ты, значит, выбрала собственный путь. Ты ищешь мудрости, как твой отец.

– Что в этом хорошего для женщины?

Передо мной раскинулось мое будущее, неотвратимое и незыблемое, словно высеченное в камне. Дочь Соломона была фигуркой на большой игровой доске царей. Мужчины уже сейчас боролись за мое расположение, зная, что царь приблизит к себе того, кто меня завоеует. Ведь и его родной отец женился на царской дочери, когда сам был простым пастухом.

– Во всем есть нечто хорошее, Ваалит.

Она спокойно принимала самые несдержанные мои слова, и это заставляло меня забыть всякую осторожность. Я говорила, а она слушала меня внимательно, словно великую царицу, равную себе. Ее одобрение опьяняло, как вино, и, когда я наконец вышла из Малого дворца, я ступала медленно, словно боясь расплескать бурлящие в голове мысли. А позже, когда расплели мои волосы и сняли с меня украшения, я стояла на балконе и смотрела на город, пытаюсь проникнуть взглядом за горизонт. Там, за воротами дворца, за городскими стенами, за уготованной мне жизнью ждал целый мир.

Может быть, моя судьба и не была высечена в камне...

Билкис

Хотя Билкис и нашла девочку, она понимала, что цель, ради которой она пересекла полмира, еще далека. «Аллат пообещала, что я найду следующую царицу Савскую. Теперь моя задача – завоевать ее». Завоевать будущее Савы. Для этого ей нужно было время.

«А время у меня есть». У нее вызывали отвращение жестокие законы Израиля. К тому же здесь ни во что не ставили женщин. Но царь Соломон ни у кого не мог бы вызвать отвращения. Нельзя было вообразить более доброго и вежливого хозяина, более остроумного и милого собеседника. «Он слишком хорош для царства, которым правит. Я ценю его достоинства, даже если его собственные подданные слепы к ним: “Да, Соломон – добрый и мудрый царь, но очень жаль, что ты не видела Израиля при царе Давиде! Вот это был царь!”»

С самого ее прибытия в Иерусалим, до сих пор именуемый Городом Давида, ее шпионы постоянно слышали эти сетования: «Во времена царя Давида...» Эти слова стали шуткой ее служанок, поговоркой ее рабов. «Во времена царя Давида этот кувшин не разбился бы!» «При царе Давиде виноград был слаще!» «Если бы сейчас правил Давид, это пятно

отстиралось бы!»

Она и сама сначала смеялась. Потом стало не до смеха. «Бедный Соломон! Несмотря на все его достижения, народ продолжает оплакивать царя Давида».

Соломон правил подданными, которые не привыкли к приказам, верховной власти и налогам – обычным повседневным условиям, диктуемым правителями царства.

«Он дарует им мир и строит дороги, а они вздыхают о хаосе прошлого».

Время придавало слабеющим воспоминаниям особые чары, превращая неразбериху и беззаконие в сладкую свободу. Билкис вздохнула, отбрасывая мысли о Соломоне. Следовало соблазнить не царя, а его дочь.

«Думаю, это будет не так сложно. Она уже расправляет крылья. Это царство ее не удержит – но и не позволит ей остаться собой».

Потом она отбросила и мысли о Ваалит. Даже здесь, в тысячах стадий от Савы, царица не могла предаваться праздности. Приведя свой разум в равновесие, она вызвала девушку-писца: утренняя работа означала свободу вечером – для нее и Ваалит.

Покончив с делами, Билкис призвала к себе раба и сказала, что хотела бы встретиться с царевной.

– Нет ничего проще, Солнце наших дней, – улыбнулся евнух, – царевна Ваалит ждет тебя в комнате синих обезьян. Пригласить ее к тебе?

– Нет, я сама приду к ней.

Билкис через вереницу комнат добралась до той, где ожидала Ваалит. На пороге она остановилась, наблюдая, как девочка расхаживает вдоль стены, на которой были изображены синие мартышки, собирающие желтые крокусы. Проходя мимо каждой обезьянки, Ваалит гладила ее хвост.

– Мило, хоть и старомодно, – сказала Билкис.

Ей понравилось, что девочка, остановившись и обернувшись, не покраснела и не начала объяснять свой жест.

– Да. А что, мартышки действительно бывают синими?

– Только на разрисованных стенах.

– Столько всего существует лишь в воображении!

– Да. Но многое действительно существует. Иногда нужно лишь протянуть руку и принять то, что дают боги.

Ваалит снова прикоснулась к стене, проводя пальцами по изгибу поднятого хвоста мартышки.

– Правда? А если они ничего не дают?

«Она начинает понимать, что ожидает ее здесь».

– Ничего? – переспросила Билкис, чувствуя, что сети следует закидывать осторожно. – У тебя есть молодость, здоровье, высокое положение. Это уже немало. И у тебя лучший в мире отец.

– Я знаю, отец любит меня, – пожалала плечами Ваалит, – но иногда мне кажется, что его любовь чрезмерна. А иногда – что он вообще боится меня любить.

Ваалит смотрела на изображения обезьян, а царица молчала, боясь, что необдуманное слово заставит девочку спохватиться и замкнуться в себе.

Немного погодя Ваалит, вздохнув, подошла к Билкис и опустилась на колени рядом с ней.

– Понимаешь, он очень любил мою мать – она была его первой женой, царицей его сердца.

– И она умерла.

– Умерла при родах. Он потерял ее, а взамен получил всего лишь девочку.

– Ты думаешь, он бы меньше горевал о ней, если бы родился мальчик? Дешево же ты ценишь его любовь к жене.

– Мальчик, царевич, по крайней мере, мог бы стать царем. Я знаю, отец поклялся, что царем будет его старший сын, – поколебавшись, добавила Ваалит, – но...

– Но он надеялся, что первого сына родит ему первая жена. А если бы даже ее сын родился не первым – царям и раньше случалось менять свои решения. Да, Ваалит, думаю, родись ты мальчиком, ты вполне могла бы занять трон после отца. Но ты девочка, поэтому править здесь ты никогда не сможешь. – Она погладила Ваалит по туго заплетенным волосам. – Ты – ребенок от первой жены, самый умный ребенок.

«Самая старшая дочь, единственная дочь, хоть здесь это ничего не значит».

– И тебя отец любит больше всех остальных своих детей. И все же...

– И все же наследник – этот гаденыш Ровоам! При нем царство распадется, как прогнившая тряпка. – Глаза Ваалит заволокла дымка. Девочка смотрела куда-то в лишь ей видимое будущее. – А меня... Меня выдадут за какого-нибудь чванливого царедворца, который так обрадуется женитьбе на дочери Соломона, что даже бить меня не станет!

Билкис рассмешило отвращение в голосе девочки.

– Так ты хочешь, чтобы тебя били? Странное желание!

– Нет, не хочу, но...

– Но ты окажешься связана с мужчиной, который будет считать тебя не

женщиной, а трофеем. Только зачем же тебе бояться неравного брака? Ты царевна. Я не сомневаюсь, что Соломон хочет выдать тебя за царя.

– Он не пожелает отпускать меня. К тому же у нас не выдают женщин за необрезанных чужаков. – Ваалит грустно покачала головой. – Если бы меня предназначили в жены царю какой-нибудь другой страны, я бы не горевала, ведь я тогда поселилась бы далеко от Иерусалима, в чужих краях, и...

– И была бы одной женой из многих, а выдали бы тебя за такого старого и усталого мужчину, что он и с одной-то женщиной не справлялся бы.

– О, я понимаю. Но там не было бы тех, кто знает меня с колыбели. К тому же с мужчинами можно иметь дело не только в постели!

– Так значит, ты стала бы царицей и правила бы страной – и своим мужем, – сказала Билкис.

– Я понимаю, что это детские мечты, – засмеялась Ваалит, – забудь!

Девочка вскочила, поправляя браслеты, словно они занимали ее больше всего на свете, но Билкис ей обмануть не удалось: душа царицы горела обжигающим ярким пламенем. Дочь Соломона была не из тех, кому легко навязать свою волю.

Но в Ваалит осталось много детского, как она сама только что сказала. Билкис улыбнулась, обдумывая очередной соблазн. Она держала его про запас, пока не уверилась, что девочка надлежащим образом оценит эту возможность.

– Детские выдумки легко забываются. Идем, дитя, я хочу кое-что тебе показать. Ты сможешь испытать нечто новое, если осмелишься.

Песнь Ваалит

В тот день меня словно бы окутывала мрачная черная туча. Все утро жены моего отца не могли найти себе лучшего занятия, кроме споров о том, где, когда и за кого меня выдадут замуж. Даже Нимру и Кешет это не обошло стороной: они чуть не поссорились, обсуждая, пурпурного цвета у меня будет платье или шафранового и какие драгоценные камни я надену – гиацинты или рубины. В конце концов, не в силах слушать эти разговоры, я сбежала в Малый дворец, собираясь оставаться там до вечера и увидеть царицу Савскую. По крайней мере, она не относилась ко мне так, словно главная моя задача – выйти замуж.

И в тот день царица отворила мне двери к свободе, которая мне даже

не снилась. Я и подумать не могла, что для женщины возможно такое. Сначала она развеселила меня, а потом представила Лунному Ветру.

Именно представила, потому что ее охотничья собака происхождением, а тем более воспитанием могла поспорить со многими царевичами. А еще потому, что Лунный Ветер, наострив свой длинный нос, посмотрел на меня, как царь на чумазую попрошайку.

Да, Лунный Ветер оказался собакой гордой и равнодушной, статуей из белого алебаstra, покрытой шелком. Лунный Ветер не походил на беспризорных псов, которые рылись в уличных отбросах, на трусливых существ, недалеко ушедших от шакалов.

«Собаки нечисты», – так говорили мне все, кроме госпожи Меласадны, которая прибыла в Иерусалим с далекого острова. Ее сердце принадлежало крошечным белым собачкам, которых она лелеяла заботливее, чем своих непоседливых сыновей. Но собаки госпожи Меласадны походили на уличных не больше, чем это изящное создание, которое так недоверчиво смотрело на меня своими темными глазами, словно это я была нечистой.

– Глупости. Лунный Ветер так же чист, как ты или я. И уж точно чище, чем этот пророк, который так на него нападает.

Царица потрепала шелковистые уши пса и взглянула на меня, явно ожидая, что и я коснусь его. Я осторожно протянула руку. Увидев этот жест, собачки госпожи Меласадны непременно покатались бы ко мне, как белые мохнатые клубки.

Но Лунный Ветер оказался еще более недоверчивым, чем я. Он чуть отстранился, и царица засмеялась:

– Его симпатию нужно заслужить, но дело того стоит. Лунный Ветер – искреннее и преданное существо. И полезное.

– Полезное?

– Конечно. Разве вы не охотитесь в лесах с собаками?

– Охотимся ли мы? С собаками? – Смеясь, я покачала головой. – Неужели ты думаешь, что девочкам позволено охотиться? Может быть, в твоей стране это и так, о царица, но здесь, в Израиле, охотятся только мужчины. И они передвигаются пешком, а иногда на колесницах, но я никогда не слышала о том, чтобы охотились с собаками. Как это делается?

Царица улыбнулась и потрепала пса по серебристой голове.

– Сама увидишь. Кто сможет возразить? Ты будешь со мной, а общество царицы Савской достойно дочери царя Соломона!

– Охота для мужчин.

– Охота для охотников. Надевай прочную одежду и приходи учиться.

Я колебалась. Желание боролось с осторожностью. Могла ли я так

далеко зайти, нарушая обычаи?

– Твой отец поклялся, что я могу делать все, что хочу, вести себя, как в родной стране. Сопровождать царицу на охоте – великая честь. Ты ведь не откажешься? – спросила она, подстегивая мое желание.

Она подняла брови, превратив свое лицо в застывшую маску высокомерия и гордости.

Играя в ее игру, я придала собственному лицу выражение безропотной покорности и склонилась перед ней:

– Если царица Савская приказывает, дочь Соломона может лишь подчиниться.

Эта личина слетела с меня, как сдутое ветром покрывало, когда царица засмеялась.

– Ты так послушна! Иди переоденься. Нет, подожди. У тебя ведь нет ничего подходящего. – Она обернулась к ожидающим ее приказаний служанкам. – Хуррами, подбери что-нибудь из одежды командира моей стражи. Я уверена, что наряд Никаулис можно подогнать по тебе, Ваалит.

Я никогда не видела таких собак, как Лунный Ветер. И таких лошадей, как Шамс. Мой отец торговал маленькими буйными лошадками, которых запрягали в боевые колесницы. На них никогда не ездили верхом, а использовали только для таких благородных занятий, как война и охота на диких зверей.

Шамс очень от них отличался: высокий, изящный, ласковый. Увидев царицу, он поднял уши, так что их кончики почти соприкоснулись. Широко раздувая ноздри, он негромко втягивал воздух. Царица рассмеялась, касаясь его ласковой морды.

– Значит, ты скучал по мне? Или по лакомствам, которые я тебе приношу?

Царица достала сушеный абрикос и положила на ладонь. Шамс осторожно взял фрукт и слегка подтолкнул царицу, явно ожидая добавки.

– Нет, все. – Царица потрепала его лоснящуюся шею. – А вон то неспешное существо – это тебе для начала, – сказала царица, обращаясь ко мне. – Она добра и терпелива. Слушайся ее, и многому научишься. Правда, Заря?

Я оторвала взгляд от великолепного царского жеребца и посмотрела на Зарю. Кобыла, ниже ростом, чем Шамс, и не такая изящная, серая, как небо перед рассветом, посмотрела на меня ласковыми темными глазами.

– Так я на ней поеду?

– Конечно. А ты думала начинать с такой лошади, как Шамс? Тогда

твой первый раз стал бы последним и тебе еще повезло бы, если бы ты отделалась лишь переломанными костями.

Она кивком подозвала конюха. Тот встал на колени и сложил перед собой ладони. Царица поставила на них ногу, а потом вскочила на спину лошади. Шамс нетерпеливо гарцевал, пока она устраивалась и принимала поводья из алой кожи.

– Царевна, – взглянула она на меня, – может быть, ты хочешь остаться дома?

Я никогда в жизни не сидела на лошади и даже на колеснице редко ездила. Но я поклялась сделать то, что удалось царице. Поэтому я глубоко вздохнула, подошла к Заре и, подражая Билкис, положила руки на массивную шею кобылы.

– Я поеду на тебе, – сказала я, не чувствуя ни малейшей неловкости от того, что говорю с бессловесным животным, – прояви доброту и прости мое невежество.

Стиснув зубы, я кивнула конюху. И, как и для царицы, он сложил руки, чтобы я могла опереться на них ногой.

«Последняя возможность вернуться». Я не обратила внимания на свой страх и его трусливое предупреждение, заставила себя забыть, что на мне кожаные штаны, выставяющие напоказ мои ноги. Пытаясь выглядеть так, словно знаю, что делаю, я обеими руками ухватилась за гриву Зари и уперлась левой ногой в подставленные ладони конюха. Через миг я сидела на лошади, едва осмеливаясь дышать.

– Устроилась? – спросила царица. – Тогда следуй за мной, медленно и спокойно. Чтобы хорошо ездить, нужно научиться понимать коня и держать равновесие.

Шамс двинулся вперед, повинаясь сигналу, который остался незамеченным для моего неопытного глаза.

Заря медленно последовала за ним. Я обеими руками вцепилась в ее гриву, а ногами так сильно сжимала бока лошади, что мышцы болели после этого три дня. Но боль и усилия ничего не значили по сравнению с радостью от того, что я сидела высоко над землей и направляла по своей воле могучее животное.

И, когда царица научила меня правильно сидеть, не напрягаясь во время рыси, и переводить Зарю с этой тряской неторопливой поступи на ровный легкий галоп, все мое тело охватила радость, теплая и сладкая, как мед.

Сидя на лошади, я могла смотреть далеко, как сокол. Сидя на лошади, я могла бросить вызов ветру. Девушка на лошади становилась равной

мужчине.

Наслаждение, пьянящее, как вино. Нет, не просто наслаждение. Остановив Зарю на вершине холма на дороге, ведущей прочь от Иерусалима, я нашла название для чувства, которое меня переполняло.

Радость победы.

Песнь Ваалит

Легче сделать, а потом получить прощение, чем заранее просить разрешения. Я ни у кого не спрашивала, можно ли мне кататься верхом вместе с царицей Савской. И никому не говорила о том, где пропадаю. Царский дворец – лабиринт комнат и коридоров – занимал бóльшую территорию, чем Великий Храм. Даже если бы меня бросились искать, я легко могла придумать, где пропадала.

Но, когда я вернулась с первой прогулки с царицей Савской, оказалось, что Нимра и Кешет не помнят себя от гнева и тревоги. Меня искал мой брат Халев, который хотел, чтобы я с ним поиграла.

– А ты ведь знаешь, на что способен царевич Халев, когда что-то идет не так, как он желает, – сказала Нимра. – Он заревел, как наемный плакальщик, когда тебя здесь не оказалось. И завыл, как стая взбесившихся шакалов, когда мы не смогли тебя найти. – Нимра внимательно смотрела на меня своими светлыми холодными глазами. – Конечно, ты наша госпожа и наши жизни в твоей власти, но вслепую мы тебе служить не можем.

– Да. Подумай, что было бы, если бы тебя захотел видеть не царевич Халев, а царь! – Кешет, в отличие от Нимры, давала волю своему гневу. – И вот тебя нигде невозможно найти, а мы лишь говорим, что не знаем, где ты. Из-за тебя мы чувствовали себя дурами, как...

– Как царевич Ровоам? – Я попыталась развеселить их шуткой, но зря.

– Даже у царевича Ровоама больше ума! – топнула ногой Кешет. – Где ты была, Ваалит?

– И с кем? – В резком голосе Нимры звучало непонятное мне презрение.

Хотя Нимре и Кешет следовало повиноваться мне, я понимала, что у них есть повод для гнева. За все мои выходки отвечать приходилось им. И все же я была царевной, а они нет. Я подняла голову и сказала:

– Если уж вам так хочется знать, я была с царицей Юга. Я училась ездить на лошади, как она.

– С царицей Юга. Понятно. – Почувствовав облегчение, Нимра

смягчилась.

Лишь теперь, когда она немного выдохнула, я поняла, как сильно она боялась.

– А что? – спросила я, обняв ее рукой за талию. – С кем, по-твоему, я была?

– Может, с мужчиной, – сказала она, обернувшись и глядя мне прямо в глаза.

У меня пропал дар речи.

– С каким мужчиной? – беспомощно спросила я наконец.

– Не знаю, с каким-нибудь, – улыбнулась Нимра. – Но, вижу, я ошиблась.

– Конечно ошиблась, она еще не думает о таких вещах, хотя пора бы, – отрезала Кешет тоном, от которого я почувствовала себя завернутым в пеленки младенцем.

Потом она напустилась на меня, чтобы я не думала, будто она забыла о моих проступках:

– Так ты каталась на лошади? С ума сошла? Да лучше бы ты с мужчиной была! Он мог бы потом жениться на тебе, а на что способна лошадь, кроме как сбросить тебя и раздавить копытами? Как твой отец мог разрешить такую глупость? Думаю, ты ему житья не давала своим нытьем, вот он и согласился.

Я почувствовала, как Нимра тихо вздохнула в моих объятиях. Мне стало ясно, что она угадала правду. Поэтому, прежде чем кто-либо из них снова начал меня бранить, я сказала:

– Я не надоедала ему просьбами. Я... Я просто не спрашивала его.

– О, Ваалит, ну почему? – простонала Кешет.

– Я была с царицей Савской, – попыталась я объяснить, – а еще с нами ехали несколько ее слуг.

– А если бы ты шею сломала? – не отступалась Кешет.

– Не сломала ведь. Да и вообще, это моя шея, а не твоя!

– Конечно. Вот только, если ты сломаешь шею, ты умрешь, а мы останемся в живых и на нас падет гнев царя.

Кешет сверлила меня взглядом, и в ее глазах, как и в моих, полыхал огонь.

Нимра выскользнула из моих объятий и положила свою белую руку на плечо Кешет:

– Спокойно, Кешет. Царевна Ваалит вернулась к нам целая и невредимая. – Нимра искоса посмотрела на меня. – Но мы больше не отпустим тебя кататься, пока царь не позволит.

– Наверное, мне еще и вашего разрешения нужно попросить?!

«Настанет время, – поклялась я себе, – настанет время, когда мне будут служить люди, которые не знают меня с тех пор, как я плакала в колыбельке! Они думают, что я по саду и то пройтись не могу без их указаний!»

– Ну что ты, царица, мы же всего лишь твои служанки. Кто мы такие, чтобы говорить нашей госпоже «да» или «нет»? – Голос Нимры звучал сладко и мягко: ни дать ни взять сливки, охлажденные в глубоком колодце.

Кешет хихикнула.

Смягчившись, Нимра улыбнулась и сказала:

– Если царь, твой отец, позволит тебе кататься с царицей Юга, что ж, тогда, что бы ни случилось, – это уже будет не наша вина.

Вот так мне, чтобы успокоить служанок, пришлось просить отцовского разрешения. Добиться этого оказалось сложнее, чем я думала. Оказалось, что отец, подобно моей Кешет, думает лишь о том, что всадники часто падают с лошадей. Он сам бросал вызов традициям и ездил верхом, когда хотел, поэтому я считала, что его возражения не имеют смысла. Но он упорствовал перед моими горячими просьбами.

– Я буду осторожна, – клялась я, но он продолжал качать головой. – Пожалуйста, отец, позволь мне.

Он тяжело вздохнул:

– Дитя мое, не думай, что я испытываю удовольствие, отказывая тебе, но это слишком опасно. Лошади чересчур сильные и непредсказуемые. Они не предназначены для того, чтобы ими управляли женщины. Тебе не хватает сил удерживать упряжку колесницы. Как ты справишься с лошастью, окажись ты на ней верхом?

Мне очень хотелось умолять его дальше, но хватило ума прекратить. Это лишь опечалило бы отца – он действительно не любил мне ни в чем отказывать, – но не убедило бы. Вместо этого я ответила на его возражения с помощью логики и рассудка – лишь такие доводы он уважал:

– Я знаю, что не могу управлять упряжкой, отец, но для этого, как ты и говоришь, нужна большая сила. А для езды верхом достаточно умения. Я могу научиться. – Затем я использовала самое сильное оружие против его страха: – Лошади не могут быть настолько опасны. Разве савские женщины не ездят верхом? Разве мы не видели, как сама царица Савская ездит верхом? Ты сам часто садишься на лошадь, – торжествуя закончила я, – и тебя не волнуют слухи и страхи.

Я знала, что с этим отец не поспорит, – он всегда признавал правду.

Признал и теперь.

– Все это так, но... – Он замолчал, а я ждала, внимательно глядя на него. – Что ж, – наконец сказал он со вздохом, – хорошо. Можешь попытаться, но осторожно и под присмотром Семорна.

– Старший царский конюший очень обрадуется этой новой почетной обязанности.

Как я и надеялась, отец рассмеялся.

– Но помни, Ваалит: ты должна быть очень осторожна, – добавил он.

– Да, отец, я буду осторожна, – ответила я, покорно склонив голову.

Потом я обняла его, и поцеловала в щеку, и поблагодарила десять раз, после чего побежала к царице Савской сказать ей, что теперь могу ездить на лошади, как она.

Сначала я лишь хотела испробовать новый чужеземный обычай, просто чтобы развлечься и позлить братьев. Но верховая езда начала приносить мне настоящее удовольствие.

Раньше я только во сне могла чувствовать такую свободу. Сидеть верхом на лошади, покорять большое животное своей воле, пуская его вскачь по равнине. Мои волосы, выбиваясь из кос, развевались у меня за спиной, как знамя. Да, это была радость. Я наслаждалась силой лошади, словно своей собственной. В какой-то мере эта сила действительно мне принадлежала. Я могла ею повелевать, если хватало мастерства.

А мастерством верховой езды я овладевала быстро. Савский конюший внимательно посмотрел на меня, когда я впервые села на смирную кобылу, и сказал, что я прирожденная всадница. Он оказался прав – я быстро училась и всегда хорошо чувствовала себя верхом. Да, поначалу я нередко падала, но меня это не останавливало. У меня ведь обнаружилась еще и способность по-кошачьи легко вскакивать на ноги, чтобы попытаться снова.

Убедившись в моих способностях к верховой езде, царица преподнесла мне роскошный подарок, мою собственную лошадь – поджарого жеребца, сына ее любимца Шамса. Я назвала его Ури – за огненную масть и отчаянную смелость. Казалось, Ури ничего не боялся. Катаясь на нем, я чувствовала себя быстрой и свободной, как ветер.

Конечно, из-за моих поездок верхом поднялось много шума, не говоря уже о моих прогулках за городские ворота. Наш народ использовал лошадей лишь для того, чтобы запрягать в повозки и колесницы. Езда верхом казалась неоправданным риском даже для мужчины. А уж когда царская дочь каталась на лошади, смело, словно мальчик, это и вовсе могло

породить какие угодно сплетни и возмущение. Но отец мне разрешил, хотя и неохотно, а больше ничье одобрение меня не интересовало.

В этом мне повезло, потому что больше никто и не одобрил бы мои занятия. Даже мои нежно любимые служанки не понимали, почему я рискую свернуть себе шею ради того, чтобы носиться на огромном звере, который в любой момент может выкинуть что угодно.

– Лошади – тупые своевольные животные. На них нельзя полагаться. – От этого убеждения Кешет не отступала.

А Нимра не понимала, зачем выезжать за стены Иерусалима:

– Ты же не в другой город отправляешься, а лишь катаешься кругами.

– Я учусь управлять этим огромным созданием, – говорила я, – и, когда ветер треплет мне волосы, я чувствую себя свободной.

Но это лишь напоминало Кешет, что я возвращаюсь с этих прогулок со спутанными волосами и в покрытой пылью одежде. А Нимра, если и понимала мои слова о свободе, ничего не говорила. То, что я искала, я искала одна.

Никаулис

«Ближе узнав, можно понять и полюбить», – так гласила старая пословица. До приезда в Иерусалим Никаулис никогда не сомневалась в этой мудрости. Но теперь она осознала, что это сладкая ложь, ведь, сколько бы времени она ни провела в этом городе, любви и понимания у нее вряд ли прибавится. «В Иерусалиме становится все хуже и хуже. Я ненавижу его с каждым днем все больше. А сегодня...»

В тот день она узнала, каково быть ничтожнее праха. Каково быть беспомощной перед силой мужской похоти.

Она шла по улице и увидела собравшуюся толпу. Толпу мужчин, шумных и возбужденных, словно мальчишки, поймавшие ящерицу. И она допустила ошибку, не пойдя другой дорогой. Она не захотела сворачивать из-за них и начала проталкиваться вперед.

Мужчины подгоняли свою жертву к Мусорным воротам, кидая в нее черепками и камнями. Через эти ворота из города вывозили нечистоты на свалку, расположенную под стенами. Сначала Никаулис подумала, что эта женщина стара, но в тот же миг поняла: так показалось лишь потому, что ее волосы покрывала грязь, а тело съежилось, ведь она пыталась защититься от летящих в нее камешков и посудных черепков.

Одна против озверевшей толпы... Никаулис схватила за руку женщину,

стоявшую в дверях ближайшего дома, заставив ее отвернуться от несущей смерть своры:

– Позови царскую стражу. Я задержу их.

Женщина уставилась на Никаулис и рассмеялась:

– Позвать царскую стражу? Ради блудницы? А ты их задержишь? Вижу, ты не местная. Подарю тебе совет: убирайся, не то станешь следующей.

Она вырвалась из рук Никаулис и вернулась в дом. Над порогом опустилась тяжелая кожаная завеса.

Разговор длился всего несколько мгновений, но, когда Никаулис снова посмотрела на толпу, чтобы решить, как спасти женщину, она увидела лишь спины орущих мужчин. Жертва добежала до внутренних ворот. Большинство ее мучителей остановились там, давая ей возможность уйти. Они топтались и беспокойно кружили на месте в поисках нового развлечения. Никаулис поняла, что, если ее заметят, она станет их следующей забавой.

А это принесло бы беду царице. Главный долг заключался в служении ей. Никаулис осторожно отступила, двигаясь тихо и сдержанно, чтобы не привлекать внимания. Повернув за угол, она пошла быстрее – теперь ей не грозили чужие взгляды. И она хотела как можно скорее вернуться в Малый дворец. Лишь там она могла успокоиться – насколько вообще можно было успокоиться среди каменной ненависти этого города.

На его узких, душных и пыльных улочках Никаулис чувствовала себя, словно в ловушке. Хуже того, она чувствовала себя чужой и нечистой. Женщины и те таращились на нее или быстро отводили глаза, словно от чего-то грязного. «Да, особенно женщины». Иерусалимские женщины презирали ее. Даже храмовые блудницы провожали ее недоверчивыми взглядами.

Но больше всего Никаулис тревожили мужчины. Женщины могли только пялиться на нее, плевать и что-то бормотать, но не больше. Их сковывали обычаи, призывая к покорности. А мужчины могли действовать. И чувство самосохранения предостерегало Никаулис именно против израильских мужчин.

Многие мужчины смотрели на нее похотливо и виновато. Вождеделение и злость сплавлялись в ненасытное желание. Никаулис чувствовала на себе их взгляды, словно склизкую грязь на коже. Они видели ее свободу и думали, что и своим телом она распоряжается так же свободно. Их злили ее отказы, а способность настоять на своем с помощью меча и силы пугала. Страх и злоба – опасная смесь, порождающая ненависть.

«Итак, женщины презирают меня, а мужчины ненавидят. Что ж, я недолго буду тревожить их маленький мирок. И до тех пор, пока моя царица не вернется на родину, я буду вести себя осторожно», – так говорила она себе, зная, что одной лишь осторожности не хватит. Рано или поздно какой-нибудь мужчина попытается взять ее силой. Силой, на которую останется лишь один ответ – кровь. «Рано или поздно мне придется убить мужчину – или очень старательно избегать ловушек».

Но как, если сам этот город, вся эта страна были ловушками? «Родиться женщиной в Израиле означает навсегда остаться игрушкой. Вещью». В этой стране даже царицы оказались всего лишь царскими женами.

Она не представляла для себя такой жизни. «Как они мирятся с подобным существованием?»

С этими мыслями она вошла в ворота Женского дворца, попутно обратив внимание на то, как плохо организована охрана. У ворот стояли женоподобные мужчины, евнухи, не имеющие других забот, кроме собственного будущего. Никаулис прошла мимо, а они продолжили сплетничать, едва удостоив ее мимолетным презрительным взглядом. Она подавила соблазн встряхнуть их и заставить внимательнее относиться к своему делу, лишь посмотрела с холодным пренебрежением. Лучше уж совсем без слуг, чем с нерадивыми.

Свернув за угол, в проход между колоннами, и скрывшись с глаз евнухов, она услышала, как один из них сказал:

– А еще говорят, будто мы идем против природы!

Затем послышалось визгливое хихиканье. «Так значит, они все же заметили меня. Вот бы предупредил их кто-то, что высокие голоса разлетаются далеко, как стрелы...»

Но Никаулис этого делать не стала бы. Она не хотела навлекать на себя еще бóльшую враждебность. Пересекая тенистую галерею, она раздумывала, сказать ли царице о том, что увидела в городе.

«Наверное, не нужно. Она ведь тоже знает, каково это царство... Нет, так может рассуждать лишь трус. Она рассчитывает на нас. Мы должны служить ей глазами и ушами. Я должна сказать ей, а она пусть сама решает, что делать». Но что могла сделать царица? Все уже закончилось. Несчастную женщину выбросили за ворота в чем была. «Ей еще повезло, что ее не забили камнями до смерти. Что же это за царь, если он допускает такое? Ни суда, ни судей, лишь ненависть».

И снова Никаулис спросила себя, что она делает здесь, в стране жестоких мужчин и не менее жестоких законов. Она сама знала, что ответ

остался прежним. «Царица приказывает мне, я повинуюсь». Таков был ее закон. Слишком поздно раздумывать, к добру или нет сделан этот выбор. Ее связывала клятва. Жить означало исполнять долг, а долг означал честь.

Никаулис, царская телохранительница, знала в своей жизни лишь это.

Веная

Она не увидела его, когда прошла мимо, – проскользнула, вкрадчиво и грациозно, как пантера. Веная не окликнул ее. Что он мог бы ей сказать? Пока что он довольствовался наблюдением. Всегда благоразумнее сначала изучить противника, а уж потом вступать в схватку.

Веная смотрел на нее, подмечая, как легко она ступает по людной улице. «Она двигается как волчица, как сама смерть. Как ей удалось превратить себя в такое существо?»

Даже царицу Савскую, женщину, правившую целой страной, легче было понять, чем командира ее стражи. Цариц он видел и раньше, и все знали, что в царствах на юге странные обычаи. Но Никаулис ускользала от его понимания, ведь подобных ей никто не встречал ни в одной стране. Женщина, острая и яркая, словно клинок меча.

Сильная и жестокая, словно тяжелая битва.

Воительница.

Подобных ей Веная никогда не видел. Без сомнения, пророк Ахия пришел бы в ярость и назвал ее блудницей. Но у Венаи кипела кровь и плавилась кость при мысли о ней.

Воин и в то же время женщина. *Невеста войны.*

Впервые за много лет Веная позволил себе мечтать. Позволил себе думать не о том, чтобы к старости иссохнуть и найти покой в солдатской могиле, а о другом будущем.

Веная знал, что он хороший командир, честный и справедливый. Он также знал, что ему не хватает величия. В нем не горел этот небесный огонь. Но Веная хорошо служил. Хоть он и не сиял, словно звезда, зато приводил своих людей к легким победам. Ему не нравилось проигрывать сражения и терять людей. Он осмотрительно планировал битвы, но и слишком осторожным не был – умудренный опытом Веная считал, что это губит еще больше солдат, чем чрезмерная храбрость.

Венаю уважали. Солдаты верили ему, зная, что он не растратит их жизни впустую. Но что могла подумать о нем женщина, командир царской стражи?

Что женщина Никаулис могла подумать о мужчине Венае?
Могла ли она вообще о нем думать?

Песнь Ваалит

Во дворце моего отца многие занимались рукоделием. Царица Мелхола давным-давно ввела эту традицию. Хотя каждая царица владела служанками и рабынями, мало кто довольствовался надзором над чужой работой. Во дворце Соломона даже царицы пряли, ткали и шили одежду для себя и своих детей.

Эта традиция была очень важна, ведь она сводила вместе женщин, которые не имели ничего общего, кроме своего мужа. В хорошую погоду группки женщин выбирали себе места в саду или на крыше, в ненастье усаживались на женской галерее или между колонн большого портика. Все приносили свое рукоделие, садились там, пряли и шили – и обменивались сплетнями. Злоба создавала узы настоящей дружбы.

В то лето единственной темой разговоров у собравшихся женщин была царица Савская. Больше ничего и никого не обсуждали. Царица Юга привлекала слишком много внимания.

И в тот раз все шло как всегда, за исключением того, что никто не сказал ни единого доброго слова о царице, ее стране, богах, товарах, пряностях и слугах. Все савское ругали. Что ж, это легко было понять: с тех пор как украшенные драгоценностями ноги царицы Билкис ступили на землю царя Соломона, он не обращал внимания на других женщин.

Впервые на моей памяти отец отступил от своего нерушимого правила – не выделять ни одну женщину из числа прочих. Царица Утра сидела рядом с Соломоном в дни царского суда, выезжала с ним посмотреть на строительство новых дорог и крепостей. Билкис и Соломон гуляли по дворцовым садам. Не отходя друг от друга, словно любовники, они прохаживались среди роз и лилий. Они сидели рядом на пирах, и она соревновалась с ним в остроумии. В моду вошли загадки.

А еще он посещал ее в Малом дворце, и никто не знал, что там происходило. Савские слуги не разносили сплетен – по крайней мере, о своей царице и нашем царе. А жены Соломона давали волю языкам.

– Царь видит лишь ее, слышит лишь ее, – сетовала Двора, – это нечестно и неправильно. Она ведь не жена ему!

– Она не годится ему в жены – слишком стара, – заметила Иехолия, – и детей ему не сможет родить.

Она посмотрела на свое веретено и вздохнула, отвлекшись от рукоделия. Нить у нее пошла толстая и неровная.

Ешара так резко потянула за нить, что та затрещала.

– Какая там царица! Да кто из нас хотя бы *слышал* про это Савское царство? Она просто блудница! Красуется и выставляет нашего царя дураком! Ее нужно побить камнями и выгнать из Иерусалима вместе с ее нечистой свитой.

– Я слышала, они детей в жертву солнцу приносят. Или луне? – нахмурилась Раав, пытаясь припомнить. – Поэтому она здесь – там, у себя, они уже всех детей перерезали.

– Она с собаками спит!

– Собаки лучше некоторых мужчин.

– Ты сказала, что царь Соломон хуже собаки?

Долгий опыт помогал мне спокойно вышивать багряной шелковой нитью по белому, как сливки, полотну, чтобы добавить еще один плод граната к своему орнаменту. Я не вскочила и не бросилась на защиту царицы или хотя бы моего отца. Пока я молчала и занималась делом, я могла оставаться незамеченной. И тогда женщины говорили свободно, не обдумывая своих слов, тогда как я всегда инстинктивно понимала, что такая откровенность опасна и на этот риск можно идти лишь по необходимости.

– Я такого не говорила! Но хорошо ли для нашего царя якшаться с этой женщиной? Она испортит его своими чужеземными обычаями.

«Как будто половина женщин в этом дворе – не чужеземки со своими обычаями!» Но никто не смог бы прочитать эту мысль у меня на лице. Я даже не подняла взгляда от своего кроваво-красного граната, выращавшего на полотне.

– Интересно, чем они занимаются наедине?

– Я слышала, в любви она такое умеет, о чем жрицы Астарты и те не слыхивали.

– Ее вырастили духи пустыни. И сама она наполовину джинн. Поэтому на ногах у нее ослиные копыта. Моя служанка слышала это от рабыни-банщицы, которая прислуживает савским гостям.

– Ты такая дура, что чему угодно поверишь. Мы сами видели ее ноги. А *еще* мы видели, что ты ей подражаешь. У тебя такие же сандалии! Украшаешь свои ноги жемчугом, как будто кто-то захочет на них смотреть!

– Она скрывает свои копыта с помощью чар! – Халит упорствовала, не желая сдаваться.

«Конечно! Стой на своем, не позволяй, чтобы правда сбила тебя с

толку!» Я сжала губы и завязала на шелковой нитке узелок – я потянула слишком сильно, и она разорвалась. «Вот что случается, если слишком злиться и спешить». Вздохнув, я вдела в иглу другую нитку, золотистую, и начала обшивать контуры граната.

– Наверное, она колдунья, – сказала Руфь. – Ни один мужчина не проводит столько времени с женщиной ради одних бесед, какой бы умной она себя ни считала.

– Он попался в ловушку ее быстрого язычка, – сказала Раав.

Многие женщины засмеялись, другие покраснели. Двора осуждающе покачала головой, но на губах у нее мелькнула улыбка.

Я надеялась на свое самообладание, стараясь, чтобы мое лицо не выдавало моих мыслей и чтобы никто не мог догадаться, что на самом деле меня обуревало такое же любопытство, как всех женщин Соломона. Ведь я тоже думала о том, чем занимаются мой отец и царица, когда часами остаются наедине.

Мы все думали, что знаем, – но все мы ошибались.

Билкис

Ни один мужчина не поверил бы в это, и мало кто из женщин, но царь Соломон и царица Савская до сих пор прикасались друг к другу лишь кончиками пальцев. Да, между ними звенел от напряжения воздух, огонь вспыхивал в коротких прикосновениях руки к руке. Но ничего не происходило и не могло происходить. Хотя Соломон был хорош собой, Билкис знала, что он годится ей в сыновья. Для нее это ничего не значило, но она боялась, что разделявшие их годы много значат для него. Она знала, что это тщеславие, но все равно не желала, посмотрев ему в глаза, понять, что он видит перед собой старую женщину.

Или, хуже того, проявляет сыновнее почтение к ее возрасту. «Если я и хотела бы кем-то быть для тебя, Соломон, то уж точно не матерью!»

Вот так и продолжались их встречи, вспыхивая яркими, словно сияние хрусталя, искрами. Но они укрощали все теплившиеся в них желания, будто норовистых коней. Предстояло довольствоваться лишь дружбой. Хотя ей казалось, что и это ложь, ведь она прибыла для того, чтобы похитить у Соломона самое ценное его сокровище.

«Но об этом я подумаю позже». Пока дружба все еще сияла ровным золотым светом, как летнее солнце над Иерусалимом. Она улыбнулась, направляясь через покои царя на балкон, с которого открывался вид на дома

внизу. Выйдя на воздух, она замерла: над крышами лилась музыка, задумчивая и мелодичная. Белые голуби кружились и бросались вниз, словно танцую. Ступив на теплые от солнца камни балкона, она увидела, что это Соломон играет на киноре.

Она подошла к нему и села рядом, подогнув под себя ноги, как когда-то в юности. Соломон ее удивил.

– Так ты играешь на киноре? И, несомненно, поешь, причем так же хорошо, как делаешь все остальное, о царь.

Соломон улыбнулся и покачал головой:

– Мой отец Давид – тот слагал песни. Я – нет.

Он собрался было отложить кинор, но она своей рукой накрыла гладкое позолоченное дерево.

– Твои песни намного приятнее.

Лесть, сладкая, как мед. «Интересно, достаточно ли тщеславен мудрый Соломон, чтобы проглотить голословную похвалу?»

– Откуда царица Юга может знать об этом? – Соломон улыбнулся ей, в свою очередь наблюдая. – Ведь если ты когда-либо и слышала, как поет Давид Великий, то, наверное, лишь во сне, о царица. Или, может быть, ты вызвала из праха его призрак, как Саул некогда вызвал пророка Самуила?

«Что ж, справедливо». Настал ее черед улыбнуться, исподволь глядя на него, изучая этого человека, такого уверенного в своих достоинствах, что он не искал и не принимал пустой похвалы.

– Именно так, о царь. Призраки поют мне во сне, чтобы я могла сравнить их песни с твоими.

– Тогда ты должна была понять, что у мертвых песни всегда слаще, чем у живых.

Она не упускала деталей, и теперь от нее не ускользнула тень горечи в его беспечных словах. «Так значит, под этой спокойной водной гладью что-то бурлит». Хорошо. Теперь предстояло лишь узнать, какие джинны терзали этого мужчину, и превратить их в орудия для своих целей.

Но пока она просто пыталась приручить его и склонить к своей воле, даже если речь шла о такой мелочи, как песня. Она рассмеялась и положила свою нежную руку ему на бедро. Его мускулы напряглись, но он не отодвинулся и не изменился в лице, а продолжал улыбаться ей спокойно и вежливо.

– Царица Юга искушает царя Израиля? Он польщен.

– Конечно, – ответила она, – твой кинор слишком красив, чтобы лежать без дела.

Он долго смотрел на нее, внимательно изучая, как она изучала его, и

наконец рассмеялся:

– Низжайше благодарю тебя, о царица. Можем ли мы говорить откровенно?

– Откровенный разговор между мужчиной и женщиной?

– Я знаю, это редкость, но я уже не мальчик и устал бесконечно играть.

«Да, ты устал, а еще ты одинок». Она раскрыла ему навстречу все свои чувства, пытаясь его понять, но пока слишком плохо знала его. «Ждать осталось недолго». А пока она могла немного успокоить его:

– Мне не нужны песни твоего отца. Я хочу услышать твои. Спой мне, Соломон.

– Приказ царицы?

– Просьба Билкис.

– Тогда Соломон не может отказать.

Он поднял позолоченный кинор, пристроил его на коленях, коснулся туго натянутых струн и начал:

– Где она, любовь души моей? Куда пошла прекраснейшая из женщин, возлюбленная моя? Есть у меня шестьдесят цариц, и восемьдесят наложниц, и девиц без числа, но я ищу ее, прекраснейшую, мою невесту. Где она, сияющая, как луна, ясная, словно солнечный свет? – печально лился горький мед его слов. – Ушла возлюбленная моя, ушла в сад, в цветник ароматный, пастись меж лилиями. Ты печать на сердце моем, ибо сильна, как смерть, любовь. Возлюбленная моя, прекраснейшая из женщин...

Он замолчал, глядя в прошлое. Царица знала, что он вспоминает былое, Ависагу.

– Спой мне еще.

– Нет, – покачал головой Соломон, – эта песня слишком бесформенна и беспорядочна. Я пою ее лишь для себя.

– И для нее, – добавила царица.

– И для нее.

Соломон опустил кинор на колени. Зная, что больше ничего не добьется, Билкис просто сказала:

– Мне очень нравится. Ты явно унаследовал способности своего отца.

К ее удивлению, он рассмеялся:

– Не все. Но я действительно хотел бы петь так, как Давид Великий. Я неплохо владею словом. Но, если ты ищешь того, кто действительно унаследовал дар Давида, послушай, как поет моя дочь.

– А царевна хорошо поет?

– Да. У нее дар. – Он помолчал, словно бы осторожно подбирая, что

сказать дальше. – Если бы она родилась мальчиком...

Его слова объяснялись не тем, что он нуждался в сыновьях, – она знала, что у него их и так много. И не тем, что он ценил ребенка от настоящего любимой жены превыше всех своих сыновей. «Он думает об этом потому, что мудр и понимает: его дочь рождена править, а сыновья – нет».

– Да, – сказала она, – мой племянник Рахбарин, сын сестры, – хороший, добрый, смелый. Если бы он был девочкой!

– Вижу, мы понимаем друг друга.

Соломон тряхнул головой, солнце блеснуло на его волосах.

– Конечно. Ведь мы родились для того, чтобы узнать друг друга. Наши звезды пели друг другу при нашем рождении.

– Надеюсь, звезды поют лучше, чем я, – сказал Соломон, откладывая кинор.

«Когда-нибудь я заставлю тебя снова спеть, Соломон». Она знала, что сегодня он петь больше не станет. Но она обладала терпением и могла подождать.

Соломон

«Не обезумел ли я?» Лишь обезумев, можно было открыться так, как он перед царицей Савской. Никто, кроме Ависаги, никогда не слышал эту неоконченную песню. Никто, пока царица Утра не улыбнулась, разогревая его прохладную кровь, словно солнце. Сияние, дающее жизнь.

«Она – лишь правительница чужой страны. Она приехала вести переговоры, защищая собственную выгоду», – напоминал себе Соломон, успокаивая себя этой ложью и не веря ей. Царица Земли Пряностей проделала долгий и тяжелый путь, чтобы добраться до царя Соломона, значит, ее привело сюда по-настоящему важное дело.

«Она чего-то хочет. Чего-то, что лишь я могу ей дать». Он читал это в ее ярких, словно солнце, глазах, слышал в ее глубоком низком голосе. Видом, голосом и жестами она давала понять, что вожделеет его. Этому Соломон тоже не верил – слишком хорошо он разбирался в женщинах. Может быть, он и заслужил благосклонность царицы Юга, но не ради этого она преодолела полмира. «Я не настолько тщеславен, чтобы проглотить эту сладкую ложь».

Но он был и не настолько холоден, чтобы сохранять твердость. Когда они встречались глазами, их взгляды вспыхивали. Разгорался огонь, когда

их пальцы соприкасались. «Что-то связывает нас, какая-то невидимая цепь». Лишь со временем могло открыться, была ли та связь средством спасения или кандалами.

А пока...

«Я должен проявлять еще бóльшую осторожность», – сказал себе Соломон. У царей разум должен всегда властвовать над сердцем. Но, даже ругая себя за свое безумие, он продолжал чувствовать прикосновение царицы Савской к своей руке, слышал ее теплый хрипловатый смех. И, к своему изумлению, он поймал себя на том, что шепотом повторяет слова, которых не произносил много лет. Вновь начинала слагаться давно заброшенная песня.

Аминтор

«Пора отправляться дальше». Аминтор всегда повиновался этому внутреннему голосу. Он уже задержался в Иерусалиме дольше, чем где-либо еще. И теперь наконец его сердце приказывало ему ехать дальше. «Как раз когда начинается самое интересное. Что ж, так выпали кости, брошенные богами».

И все же Аминтор не мог не жалеть: ловушки, расставляемые кокетством загнанной в угол царицы Савской против скорбных принципов царя Соломона, обещали увлекательную забаву. Впрочем, увлекательной она могла бы быть, если бы Аминтор не успел проникнуться симпатией к обоим участникам игры. «Подружиться с представителем какого-либо лагеря – всегда ошибка».

А смысла откладывать неизбежное не было. Аминтор вздохнул и отправился искать Соломона, заранее зная, что скажет царь и что нужно ответить.

Его, как близкого друга царя, свободно допускали в царские покои. Когда он вошел на этот раз, своенравный сквозняк принес ароматы ладана и амбры. Запах царицы Савской. Аминтор с наслаждением вдохнул этот насыщенный аромат и улыбнулся, продолжая путь.

Соломона он нашел на балконе, выходящем на желтые, словно позолоченные крыши города. Казалось, царь увлеченно наблюдал за стаей голубей, которые то кружились, то устремлялись вниз. На ближайшей скамье лежал кинор, молчаливо ожидая, когда его струн коснется рука, чтобы извлечь из них музыку. Аминтор какое-то время наблюдал за своим

другом, не решаясь нарушить его покой, пусть даже такой призрачный. Но, пока он колебался, царь обернулся и поднял руку, приветствуя его:

– Аминтор!

– Я не помешаю, царь мой и господин? – спросил тот.

– Нет, – тихо засмеялся царь, – сейчас я не занят. Добро пожаловать, проходи.

Соломон посмотрел на друга внимательнее, и улыбка исчезла с царского лица, а на плечи словно бы легла тяжесть усталости.

– Что ты хочешь мне сказать? – спросил он.

«Он не трус и не глупец. Бедный мой царь, будь он таким, ему бы счастливее жилось». Аминтор не старался подсластить свои слова – Соломон не поблагодарил бы его за ложную доброту. Он подошел ближе и встал рядом с царем.

– Я надолго задержался в твоём доме и благодарю тебя за гостеприимство, но мне пора в путь.

Соломон молчал.

– Почему? – спросил он через несколько мгновений.

Аминтор пожал плечами:

– Потому что за городскими воротами лежит дорога. Потому что манит закатное солнце. Потому что я должен, – Аминтор улыбнулся, – а еще потому, что в последнее время в Иерусалиме как-то много народу.

Он увидел, как блеснули глаза царя, – Соломон понял намек, но не захотел признавать этого.

– Царь не может позволить себе лишиться такого хорошего друга, как ты, Аминтор.

– Ты не лишишься друга. Я навсегда останусь им, царь Соломон. Но мы, дети Морских царей, – бродяги. Может быть, когда-нибудь я вернусь в Иерусалим. А сейчас я должен отправляться в путь, туда, куда поведет дорога.

– Остайся. Ты нужен мне здесь.

– Нет, не нужен. Уже не нужен.

– Не понимаю.

В голосе царя звучала безнадежность. Отчаяние человека, не осмеливающегося смотреть в завтрашний день.

Аминтор положил руку Соломону на плечо:

– Ты просто не хочешь понимать, друг мой. Позволь мне одарить тебя последним советом: прости себя.

– Простить себя? За какое злодеяние?

– За то, что ты человек, – ответил Аминтор. – Помни, о царь, ты всего

лишь человек.

Но Аминтор почти не надеялся, что царь примет этот дар. «Что ж, может быть, царица Юга сделает для тебя то, чего я не могу: освободит тебя от себя самого».

На рассвете следующего дня Аминтор выехал из Иерусалима в сопровождении дюжины рабов и с поклажей серебра и золота. Аминтор учтиво принял царские подарки. Долго держать при себе рабов или золото он не думал. В далекие края лучше всего ехать одному и налегке. «Но лишь глупцы презирают богатство – оно так помогает!»

На вершине холма над Кедронской долиной всадник остановился. Царевна Ваалит, одетая в тунику цвета неба с вышитыми золотой нитью солнцами и в кожаные штаны цвета светлого меда, сидела на коне – подарке царицы Савской – легко, словно прирожденная наездница.

Аминтор улыбнулся и махнул рукой своим рабам.

– Продолжайте путь, я догоню вас! – крикнул он.

Он остановил свою кобылу перед Ваалит.

– Хочешь сбежать со мной, царевна? Я польщен, но разумно ли это?

– А ты хочешь, чтобы я сбежала с тобой? – В ее ответе звучал вызов, открытый и страстный. – Простит ли тебя мой отец?

Аминтор засмеялся, и тогда ее взгляд смягчился. Она тоже засмеялась.

– Я мог бы рискнуть. Ты ведь пропадаешь здесь.

– Да, – ответила Ваалит, – я знаю.

Ее губ коснулась улыбка, нежная и неуловимая – такие рисуют на выточенных из слоновой кости ликах богинь. Глаза сверкали, как два клинка.

«Какая девушка!» Во времена Миноса она владела бы своим кораблем и направляла бы его к неведомым землям или танцевала бы танец смерти во славу быков на арене. «Понятно, почему ее выбрала царица Савская. Огненная невеста для Земли Пряностей. Она достигнет величия».

Но он не стал бы испытывать терпение богов, произнося эти слова вслух. Вместо этого он снова засмеялся:

– Это так скромно и по-девичьи. Зачем ты здесь, царевна? Хочешь переубедить меня?

– Разве мне это под силу?

– Возможно.

– Вряд ли. Можно переубедить мужчину, но не его сердце. Нет, я приехала попрощаться.

Ваалит серьезно смотрела на него. Аминтор улыбнулся:

– Не нужно такой торжественности, царевна. Я ведь еду по Царскому пути к морю, а не по мрачной дороге в царство Гадеса.

Она засмеялась и протянула ему руку:

– Моему отцу будет не хватать тебя, господин мой. Возвращайся к нам, если сможешь.

– Если смогу, вернусь. – И он коснулся ее руки кончиками пальцев. – Счастливого тебе пути, царевна.

– И тебе. Может быть, когда-нибудь ты доберешься и до Савы, – добавила она после секундного колебания.

– Если будет на то воля богов, когда-нибудь я приплыву в Саву, чтобы отдать дань уважения царице.

– Что ж, прощай, господин мой Аминтор. И помни – Ваалит всегда встретит тебя улыбкой.

– Буду помнить. Я никогда не забываю красивых девушек!

Подмигнув ей, он сжал ногами бока своей лошади.

Спустившись с холма, он оглянулся. Ваалит провожала его взглядом с вершины. В косых лучах восходящего солнца конь и всадница сверкали, будто облитые пламенем. В утреннем свете казалось, что языки пламени стремятся вверх, словно яркие крылья.

«Да, маленькая огненная богиня, здесь ты пропадаешь. Но, я надеюсь, Билкис понимает, с кем связалась!»

Он подумал, что когда-нибудь обязательно приедет в воспетое сказками Савское царство, чтобы увидеть, чем закончилась игра, затеянная царицей.

Билкис

Хотя Соломона превозносили за его мудрость, пока что он проявил лишь здравый смысл и щедрость. Конечно, и это хорошо для любого мужчины – и, если уж на то пошло, для любого царя. Сидя рядом с ним в дни царского суда, Билкис смотрела на Соломона и восхищалась, но пока не увидела ни единого доказательства чего-то большего, чем простая житейская мудрость. И от суда в тот день она не ожидала ничего особенного. Она сидела рядом с царем лишь потому, что следила за ним, как кошка, крадущаяся за птицей, неотступно и с бесконечным терпением.

Каждый месяц наступал день, когда любой житель или жительница страны мог обратиться прямо к царю и попросить его решения по любому вопросу, великому или малому. Царь уже выслушал больше дюжины дел. К

каждому он подходил внимательно и, казалось, с искренним интересом. Но Билкис чувствовала, что он устал, что бесконечные доказательства тупоумия подданных утомляют его.

«Любого здравомыслящего мужчину или женщину это утомило бы. Но он проявляет с ними больше терпения, чем смогла бы я». Ее вдруг захлестнула глубокая горячая волна нежности к нему. Она пошевелинулась, поднесла руку к щеке, чтобы привлечь его взгляд. Когда он посмотрел на нее, она улыбнулась, вкладывая в свою улыбку обещание.

– Скоро конец, – шепнул он так тихо, что даже она, сидя рядом, едва уловила его слова.

Он повернулся к глашатаю:

– Пусть следующее дело будет представлено в суде.

Под нестройный перезвон медных безделушек вошли две женщины. Броские полосатые покрывала и ярко накрашенные веки и губы выдавали в них блудниц. За ними следовали двое стражников, неся двух запеленатых младенцев. Детей положили у подножия трона. Когда свертки развернули, стало видно, что один ребенок бойко брыкается, а другой лежит неподвижно, холодный и мертвый. Оба были мальчиками.

Соломон посмотрел на лежавших перед ним детей, а потом поднял глаза на женщин:

– О чем ваш спор?

Царский глашатай, явно осуждающе взглянув на просительниц, пояснил:

– О великий царь, эти женщины – блудницы, которые в один и тот же день родили сыновей.

Соломон поднял палец. Билкис наклонилась к нему.

– Весьма неосмотрительные блудницы, – прошептал он, едва шевеля губами.

Она крепко сжала губы и серьезно кивнула.

Дождавшись, пока царь снова приготовится слушать, глашатай продолжил:

– Через три дня они, проснувшись утром, обнаружили, что один из мальчиков мертв.

– Это, конечно, большое горе, – сказал Соломон, – но что может сделать царский суд?

– Каждая говорит, что живой ребенок – ее, о великий царь.

– И никто, кроме царя, не может распутать этот клубок? Никто не может сказать, где чей ребенок?

– Нет, о великий царь, они жили вместе и помогали друг другу

разрешиться от бремени. Никто, кроме них, еще не видел младенцев.

– И вы пришли к царю в поисках его правосудия... Расскажи мне, что случилось, – велел Соломон, указывая на одну из женщин.

Та низко поклонилась:

– О царь, эта женщина, которую я считала своей подругой, ночью легла на своего ребенка и задушила его. Потом проснулась, увидела, что натворила, и подменила мне младенца, пока я спала! А когда я проснулась, то рядом лежал ее мертвый сын, а она кормила грудью моего!

– Ложь! Это она задушила своего сына и украла моего!

– Лгунья! Это ты...

– Довольно.

Голос царя перекрыл пронзительные крики женщин, и они застыли, испепеляя друг друга взглядами.

«Столько ненависти и так мало любви. На детей они даже не смотрят». С трудом верилось, что какая-либо из этих женщин вообще могла быть матерью. Билкис не знала, как царь Соломон сделает выбор. «Живого ребенка я не отдала бы никому из них, потому что им обеим, кажется, нет до него ни малейшего дела».

– Дайте каждой из женщин по очереди подержать ребенка, – приказал Соломон.

Но ничего понять не удалось. Младенца подняли с пола, и он захныкал. Ни одна из женщин не смогла унять его плач. В конце концов, когда они начали вырывать ребенка друг у друга, Соломон встал с трона и спустился к ним.

– Дайте его мне.

К удивлению Билкис, ему удалось за несколько мгновений, укачивая, утихомирить растревоженное дитя.

«Что ж, он ведь спокоен, а они кипят от гнева. Но как он это распутает?» Ребенка следовало поскорее покормить, не говоря уже обо всем прочем.

Соломон взглянул на младенца, а затем пристально посмотрел на женщин.

– Подойдите ближе, – сказал он немного погодя.

Они повиновались. Царь стоял, внимательно и сурово вглядываясь в их размалеванные лица.

– Откажется ли кто-либо из вас от притязаний на этого ребенка? – спросил он наконец.

– Это мой ребенок!

– Я не откажусь от своего сына!

– И договориться вы не сможете? Да, вижу, что не сможете. Что ж, хорошо. Веная, подойди.

Военачальник вышел вперед. Выглядел он слегка удивленным. Соломон сунул ему в руки ребенка. Веная неловко подхватил младенца, тот снова расплакался.

Соломон обернулся, возвышая голос, чтобы слышно было по всему залу:

– Обе женщины притязают на живого ребенка и отказываются от мертвого. Обе не желают уступить. Они пришли к царю, чтобы просить о правосудии. – Он взглянул на женщин. Те пожирали его взглядами, жадные и злые, как две воробьихи. – Слушайте же решение царя: каждой из вас достанется половина ребенка. – Он повернулся к женщинам. – Считаете ли вы слова царя справедливыми, а его решение правильным?

Блудницы уставились на него. Затем одна выпрямилась и кивнула. Другая тяжело вздохнула.

«Чего он добивается?..» Разгадав план царя, Билкис улыбнулась, ожидая.

– Хорошо. Веная, возьми свой меч, разруби дитя пополам и отдай каждой из них половину.

Все присутствующие затаили дыхание. Веная недоверчиво посмотрел на Соломона, а затем безумный крик заглушил плач младенца и поднимающийся гомон:

– *Нет!*

Вторая женщина бросилась вперед, вцепившись в младенца, которого держал Веная.

– Пожалуйста, нет! Не убивайте его!

Мальчик извивался и кричал. Веная честно пытался его удержать, но быстро сдался. Женщина схватила ребенка и прижала к груди. Веная медленно коснулся рукояти меча.

Соломон поднял руку, и Веная отошел, явно чувствуя облегчение. Царь возвысил голос, чтобы заглушить отчаянный плач младенца:

– Так ты готова уступить ребенка этой женщине?

– Да, царь мой. Только не убивай его.

Соломон обернулся к другой женщине, злобно сжавшейся:

– А ты? Готова ли ты сказать то же самое?

Она тряхнула головой. По яркому покрывалу пошли складки.

– Он мой, а не ее! Лучше мне видеть его мертвым, чем у ее груди!

Все собравшиеся смотрели и ждали, пока царь что-то тихо говорил рыдающей блуднице, которая укачивала ребенка. Она кивнула и прижала

ребенка к себе. Складки ее пестрой одежды заглушили детский плач.

– Вот царское решение этого дела: мертвого мальчика унесешь отсюда ты, – Соломон указал на тело и на ожидавшую блудницу, – а живое дитя я отдаю его матери. Той, которая держит его на руках.

Бросив на него сердитый взгляд, проигравшая отвернулась и пошла прочь. Веная преградил ей путь своим мечом. Она злобно посмотрела на военачальника, а тот указал ей на тельце, лежащее у трона. Она неохотно взяла мертвое дитя, а потом стражники вытолкали ее из зала. На блудницу, которой отдали живого ребенка, почти никто не обратил внимания, когда она выбежала со своей драгоценной ношей.

Загудели голоса – мужчины обсуждали и пересказывали друг другу только что увиденный суд. Соломон тем временем поднялся по мраморным ступеням и снова сел на Львиный трон.

– Что скажешь, царица? Не осуждаешь ли ты мой суд?

– Я подумала было, что ты сошел с ума, – прошептала она, – но потом поняла, какой это красивый план. И очень разумно было заставить Венаю держать ребенка – бедняга не знал, выполнять ли твой приказ и как, пока у него в руках извивался орущий младенец!

Она удивленно и восхищенно взглянула на него и легонько прикоснулась к его руке:

– Могу ли я вознести хвалу мудрости великого царя? – Затем, тихим голосом, которого никто внизу не мог услышать, она добавила: – Ты ведь знаешь не больше, чем я, о том, которая из женщин родила этого мальчика.

– Я точно знаю, – ответил Соломон таким же полупшепотом, выработанным долгими годами опыта, – что настоящая мать – та, кто больше заботится о ребенке, чем о своей гордости.

Билкис улыбнулась:

– А что сказал великий царь Соломон, когда шептался с блудницей?

– Я сказал ей, чтобы она во имя милосердия утихомирила это дитя!

Песнь Ваалит

Такой день! В тот раз я не дала себе труда притаиться за троном и поэтому не увидела собственными глазами самый прославленный суд царя Соломона. Но не прошло и часа после вынесения решения, как я уже слышала о нем, а потом его пересказывал каждый встречный. Царский суд заполонил умы людей. Никто не мог говорить ни о чем другом.

«Так разумно. Так мудро. Ни один человек не смог бы так хорошо

рассудить. Ни одному царю не под силу так ясно различать правду и ложь». Весь тот день я не слышала ничего, кроме похвал моему отцу и его решению. Никто не говорил о двух женщинах и об отчаянии, которое заставило их искать царского суда.

Их привел к моему отцу пронизывающий до костей страх за будущее. Какое будущее ожидало блудниц? Слишком состарившись для того, чтобы продавать свое тело, они умирали с голоду, если не успевали ничего отложить на черный день.

Или если не было сына, который мог о них позаботиться.

Позже я спросила отца о том, как он выбирал из двух женщин.

– Что натолкнуло тебя на этот план?

– Необходимость, – улыбнулся он. – Если бы я не смог придумать хоть что-нибудь, они бы проклинали друг дружку до заката.

Да, именно это делало моего отца великим: необходимость всегда заставляла его находить правильный выход.

– Отец, разве не любая женщина воспротивилась бы убийству младенца? Я понимаю, что настоящая мать скорее отказалась бы от него, чем позволила его убить, но откуда ты знал, что лгунья не скажет то же самое?

Отец грустно покачал головой:

– В этот раз мне повезло. У одной женщины сердце оказалось каменное, а у другой живое. Но, если бы обе умоляли не убивать ребенка, пришлось бы мне придумать что-то иное. Только не спрашивай меня, что именно, дочка, потому что я понятия не имею! Спасибо Господу за Его милость – ведь мне больше ничего не пришлось выдумывать!

Конечно, я сказала, что он слишком скромн. А мой отец, конечно, ответил, что он просто честен. Потом я спросила, что он сделал бы, если бы ни одна из женщин не возразила против того, чтобы разделить живого ребенка на две мертвые половинки.

– Дочка, по правде говоря, я не знаю, – улыбнулся он, – думаю, тогда пришлось бы забрать ребенка себе!

* * *

Я гордилась добротой и мудростью отца. Мне и в голову не приходило усомниться в правильности его выбора. Царица Савская увидела другую сторону вопроса.

– Да, Ваалит, признаю, это было хорошо придумано. И ребенок

остался с великодушной матерью.

Что-то в ее тоне заставило меня присмотреться к ней внимательнее, и я увидела, что она почти смеется над этим решением.

«Но почему?» Я задумалась, перебирая в мыслях каждый момент суда в поисках слабого места в отцовском приговоре. Казалось, царица его увидела. Две женщины, одно дитя. Одна из женщин умоляет не убивать его...

– Его мать, несомненно, спасла бы ему жизнь, даже если бы это означало уступить его другой.

– Я и забыла, какая ты юная, – улыбнулась царица. – Дитя мое, бывают матери, готовые собственными руками умертвить ребенка, лишь бы не видеть, как он мирно спит на чужой груди.

– Так ты хочешь сказать, что женщина, которой отец отдал ребенка, – не его настоящая мать?

– Нет, она его настоящая мать. Не важно, родила она его или нет. Ведь она достаточно любила его, чтобы заботиться о его благе, а не о собственном.

Я изумленно уставилась на нее.

– Ты говоришь, – смогла наконец вымолвить я, – что не знаешь, чей это ребенок? Что мой отец рассудил неправильно?

Немного помолчав, она ответила вопросом на вопрос:

– А ты сама думаешь, что он рассудил неправильно, Ваалит?

Каким-то образом я поняла, что мой ответ очень важен для нее. Поэтому я долго размышляла, прежде чем заговорить.

– Мне кажется, он мог ошибиться, определяя его прошлую мать, – сказала я наконец, – но он правильно выбрал будущую.

Царица коснулась рукой моей щеки. Я почувствовала запах меда и роз.

– Ты истинная дочь Соломона Премудрого. Благословенна земля, которой ты будешь править.

Мне это показалось шуткой, но потом я увидела, что она говорит искренне. Что ж, в ее стране женщины действительно могли править. Но я жила в Израиле, а не в Саве.

– Царица Юга очень добра, – сказала я, – но я никогда не буду править. Власть – это для мужчин. У нас тут женщины не царствуют.

– «Никогда» – очень долгий срок. А некоторые женщины – истинные царицы, и не важно, где они живут. Если будешь властвовать над собой, Ваалит, то сможешь властвовать над всеми.

Она сделала вдох, словно собираясь сказать что-то еще. Я ждала, но она лишь рассмеялась и покачала головой:

– Я стала слишком серьезной. Идем в сад. Прогуляемся, и ты расскажешь мне, какие цветы у вас выращивают. Может быть, некоторые я смогу забрать с собой в Саву. Думаю, они бы там хорошо росли.

Я мало интересовалась цветами, однако вышла с царицей в сад и показала ей розы, лилии и сирень.

– Но, если ты хочешь поговорить о цветах и садах, лучше спрашивать не меня. Госпожа Нефрет любит цветы. У нее чудесный сад. А госпожа Лиоренда выращивает целебные травы и может рассказать об их свойствах.

– Ты угадала, – рассмеялась царица, – я хочу поговорить с тобой не о розах и лилиях. Впрочем, их аромат чудесен.

– Да.

Я ждала и ни о чем не спрашивала, зная, что она сама заговорит, когда сочтет нужным.

Мы молча шли по садовой дорожке, и наконец она промолвила:

– Ты считаешь необычной страну, в которой правят женщины, а не мужчины.

Она утверждала, а не спрашивала, поэтому я ничего не ответила.

«Да, ты знаешь, что для меня это необычно – и чудесно. Что же ты хочешь сказать?»

– Тысячу лет Савой правили царицы. Корона переходила от матери к дочери, от тетки к племяннице, от сестры к сестре. И вот эту ношу возложили на меня. Я думала, что хорошо выполняю свой долг. Лишь одно не удалось мне. Смотри, какие чудесные цветы! Как они называются?

– Гиацинты, – ответила я, – их привезли сюда из Ахеи. В этом году они цвели дольше обычного, наверное, чтобы приветствовать царицу Савскую.

– И они ждали, пока я приду полюбоваться ими? – Улыбнувшись, царица наклонилась к цветам, обнимая ладонями пышные цветки. – Такой сладкий запах. Может даже показаться чересчур сладким. Так вот. Насколько я могу судить, я правлю хорошо, но... – Она остановилась и посмотрела мне в лицо, открыто, как равной. – Но у меня нет наследницы, Ваалит. Нет царицы, которая займет после меня трон и увенчает голову короной, когда я вернусь во прах. Моя дочка умерла в родах, а моя внучка не прожила и нескольких мгновений. Мой ближайший родственник, дитя сестры, не может править.

– Почему не может править? – Я на миг задумалась. – Дитя твоей сестры – не дочь.

– Да, это сын, мой племянник. И, даже будь он девочкой, я не хотела бы видеть его на престоле.

– Он был бы плохим правителем?

– Увы, да, – вздохнула царица, – ведь Рахбарин чист, как дождевая вода, и добр, как родник в пустыне. А для царицы – или царя – нет худших пороков. Но как царская правая рука он незаменим. Он хранит для меня трон в мое отсутствие. Поэтому я уверена, что, вернувшись, найду все в целости и сохранности.

– Ты настолько ему доверяешь?

– Он дал слово. Поэтому я знаю, что на трон никто не посягнет. А если посягнет, он отдаст жизнь, защищая его.

– Значит, ты действительно очень доверяешь ему, – заметила я.

Мы продолжали гулять по саду, и я ждала, но царица больше не говорила ни о своей стране, ни о короне, ни о сыне своей сестры. Если она чего-то и хотела от меня, то пока молчала об этом.

Вернувшись после этого в свою комнату, я вынула из шкатулки слоновой кости серебряное зеркальце. Глядя в него, я перебирала в памяти слова царицы Савской. Я не сомневалась, что у нее есть причины хвалить передо мной племянника. И, тщательно обдумав все сказанное, я решила, что разгадала, в чем тут дело.

Она создавала у меня хорошее впечатление о царевиче Рахбарине, потому что хотела, чтобы я вышла за него замуж. И, прежде чем попросить у отца моей руки, она намеревалась заручиться моей готовностью. Я смотрела в отражение своих глаз в серебряном диске и видела лишь сияние.

Выдать дочь царя Соломона за сына сестры царицы Савской... Они стали бы достойными родителями для девочки, которую провозгласили бы наследницей Савского трона. Да, возможно, царица планировала именно это.

Или она придумала нечто другое? Ведь она не была глупа, и даже глупец мог бы заметить, что в роду моего отца появлялись на свет лишь сыновья. У царя Давида, отца моего отца, родилось много сыновей и мало дочерей. У моего отца, царя Соломона, больше дюжины сыновей и лишь одна дочь. Или царица Юга рассчитывала, что ее собственная династия, порождающая девочек, окажется сильнее, чем кровь Давида?

«И она думает, что я спокойно выйду замуж в той стране, где прикажут, пусть даже приказ исходит от нее?» Что ж, я, дочь своего отца, почти не имела выбора. Могла ли царица Савская предложить мне нечто большее? И что из добродетелей этого царевича, воспеваемых царицей Билкис, было правдой без прикрас, а что – позолотой, прикрывавшей менее достойные черты?

Я была не так глупа, чтобы поверить всем рассказам об этом мужчине,

услышанным от попавшей в отчаянное положение царицы, к тому же от ослепленной любовью тетушки. Но поступки содержали больше правды, чем слова. Каким бы ни был сын ее сестры, именно его оставили охранять трон на время отсутствия царицы.

Сам по себе этот факт говорил о нем больше, чем все преувеличенные похвалы. Устав вглядываться в собственные глаза, я отложила серебряное зеркальце и встала у окна, опершись о подоконник. Мой взгляд, скользнув по крышам Иерусалима, устремился мимо домов и храмов, мимо толстых стен, на юг. Конечно, я ничего не увидела, кроме огней на вышках дозорных и тени, отбрасываемой городскими стенами. Даже в ясный день Сава лежала далеко за горизонтом.

В южном небе горело созвездие Кесиль. «Рахбарин», – произнесла я, пытаюсь распробовать это чужеземное имя, испытать его вкус на своем языке. Я не могла представить себе лицо человека, соответствующее этой веренице звуков, но почему-то это и не имело значения...

Я смотрела на Кесиль, пока не замерзли ноги, – мне показалось, что это знак, и я отправилась спать.

Я надеялась, что ко мне придут сны. Они нашептывают истину в уши спящих людей. Я надеялась, что мне будет дарована уверенность. Но, сколько я ни призывала сон, он не приходил, и я долго лежала, глядя, как поднимается луна в открытом окне. В конце концов, когда она поднялась высоко и удлинились тени под крышами, отсвечивающими перламутром, я оставила свои попытки. Раз сон не приходил, я решила не тратить время, гоняясь за его иллюзиями. К тому же луна звала меня.

Я встала, разгоряченная, и выскользнула из кровати, стянула с нее мокрую от пота простыню и расстелила ее на полу. Как и много раз до этого, я подняла руки к своим непослушным волосам и расплела косу, которую мне заплетали на ночь. Обнаженная, я вышла на балкон царицы Мелхолы.

Там я стояла в холодном лунном свете и смотрела на Иерусалим. Передо мной высоко-высоко поднялась луна, белая, как жемчужина, заливая светом город. Днем Иерусалим сиял золотом в лучах солнца. Ночью блестел, как серебро, в бледном лунном свете.

Я смотрела на крыши домов – скопление плоских темных пятен, между которыми вились городские улицы, черные, как дно колодца. Стояла глубокая ночь, но кое-где виднелись огоньки светильников. У дальних городских ворот пылали факелы.

Иерусалим. Сокровище царя Соломона.

Город Господа, богатый и могущественный. Лев, спящий в лунном

сиянии.

Пока я стояла там, тени удлиннились. Прохладный ночной ветерок нежно обвевал мою кожу. Один за другим гасли маленькие яркие светильники.

Один за другим гасли огоньки, везде затухало пламя, пока не осталась лишь темнота, черная и холодная, как дно колодца. Холодная безлунная ночь. Я стояла одна в этой полной опасностей темноте. Исчезли даже звезды. Я осталась одна против холода и темноты, и не было передо мной тропки, на которую могли ступить мои беспокойные ноги.

Темно, и нет пути. И все же мне следовало набраться смелости и шагнуть в эту ночь или навсегда застыть в тени. Я сделала шаг, и темнота окутала мою кожу, как вода. Темнота захлестывала меня, я пыталась бороться с течением, холодным как лед, чтобы добраться до более глубоких темных вод. И, когда я шла сквозь эту черную толщу, упрямо и осторожно делая шаг за шагом, медленно начал разгораться серебристый свет. Тепло окутало мое тело, словно материнская ласка.

Я пыталась найти источник серебряного света, но не было ни солнца, ни луны. Наконец я посмотрела на себя и увидела, что нежное сияние исходит от моей собственной кожи, освещая безбрежную ночь, сомкнувшуюся вокруг меня, помогая мне идти вперед и согревая...

Лишь проснувшись, я поняла, что это был сон. Лунный свет навеял мне сны, и я задремала, опираясь о каменную стену балкона. У меня затекло тело, стало холодно, глаза после сна болели, словно в них попал песок. Я выпрямилась и потянулась, снова взглянув на Иерусалим, и увидела, что ночь закончилась, а из-за восточных холмов поднимается золотое солнце. Крыши внизу сияли, как жемчужины в мягком утреннем свете. От ночи остались лишь голубые тени на улицах города и тьма, рассеивающаяся на востоке.

Я посмотрела на большие, окованные медью ворота в городской стене. Там угасало пламя факелов, растворяясь в рассвете, – словно старик, жмурающийся от света, закрывал глаза.

Песнь Ваалит

Эта ночь что-то перевернула во мне, изменила мой взгляд на мир. С моих глаз словно бы соскользнул какой-то покров, и я уже не смотрела на жизнь по-детски.

Я всегда была любимым ребенком отца и принимала этот статус как

свой законный. Ведь я же была его единственной дочерью и единственной ниточкой, связывавшей его с возлюбленной, моей матерью Ависагой, разве не так? Теперь я начала внимательнее присматриваться к этой ниточке и увидела, что для неосторожных людей царская милость становится ловушкой. Ведь Соломон был не только моим отцом, но и моим царем, а у царей даже мимолетный взгляд тяжелее камня.

И, лишь когда он отвел от меня свой взгляд, лишь когда он устремил его на царицу Савскую, я поняла, как изнемогала под этой ношей.

Конечно, я знала, что мой брат Ровоам ненавидит меня. Но он родился алчным. Весь мир лежал у его ног, а ему все равно было мало. Другим моим братьям я была забавой или головной болью – в зависимости от их возраста и характера. Младшим братикам я служила товаркой по играм. По крайней мере, могу сказать в свою пользу, что никогда не пренебрегала своим долгом перед младшими братьями.

Однако даже те из моих братьев, которые благосклонно смотрели на меня, завидовали тому, что львиная доля отцовской любви достается мне. Теперь я ясно увидела их негодование, но ничего не могла поделать, да и не считала себя виноватой. И это негодование, словно присыпанные золой тлеющие угли, ожидало лишь трута, чтобы вспыхнуть пламенем вражды. Случись что, мои братья не вступятся за меня, я не найду среди них союзника.

И никто из многочисленных отцовских жен меня не поддержит. Мои мачехи тоже считали меня избалованной куклой, любимой царской дочерью. Мне доставалась благосклонность, которой они хотели для собственных детей. Будь у меня сестры, возможно, они бы разделили со мной тяжесть, под которой я изнемогала в одиночестве. Но жены царя Соломона рожали сыновей. Многие назвали бы его самым удачливым в мире человеком. Конечно, царю нужны сыновья, но слишком много сыновей – это беда в доме и за его пределами. Хотя Ровоама провозгласили наследником еще при рождении, хотя он с самого первого своего вздоха был предназначен для того, чтобы стать царем, его единокровные братья смотрели на него холодно и оценивающе. Наблюдали за ним и мачехи, завистливо и жадно. Они беспокоились за будущее собственных сыновей. Один неверный шаг – и эта стая, набросившись на царевича, разорвет его.

Мысль об этом не давала покоя царице Нааме. Ей предстояло прожить еще много лет, прежде чем ее сына увенчает корона Израиля и Иудеи. Ее изо дня в день часами изводила тревога о том, не оступится ли царевич Ровоам, идя по лезвию ножа к обещанному трону.

Теперь я осознала правду, которую давно чувствовало мое сердце:

нельзя призвать покой в чертоги из слоновой кости, нельзя удержать любовь цепями из золота, украшенными самоцветами.

А от честолюбия мир и покой ускользают так же быстро, как ласточки, улетающие от урагана.

Я поделилась этим с царицей Савской, когда мы однажды катались верхом на равнине за иерусалимскими холмами.

– Боюсь, я слишком честолюбива, чтобы быть счастливой. Я стала... – я пожала плечами, ища подходящего слова, – беспокойной. Я знаю, другие девушки хотят лишь выйти замуж и родить детей, но мне нужно большее.

– Что же?

– Я не знаю. Что я могу? Я хотела бы... Я хотела бы родиться мальчиком. Из меня получился бы лучший царь, чем из Ровоама!

Я не сдержалась, хотя и не собиралась так далеко заходить в своих речах.

– Да, из тебя получился бы хороший правитель, дитя, – засмеялась царица, – и не стыдись своих слов. Для тебя глупо было бы не знать себе цену. И даже для честолюбия приходит срок. Что же касается твоего беспокойства – твое детство уже позади. Скоро ты станешь настоящей женщиной. Мы, женщины, все словно фениксы. – Увидев, что я не поняла, она спросила: – Ты что, не знаешь о фениксе, огненной птице?

Я покачала головой, и царица улыбнулась.

– Огненная птица – чудесное существо из солнечного света и облаков. Ее хрустальные глаза могут видеть прошлое и будущее. Феникс живет тысячу лет, а когда стареет, делает себе ложе из благовоний, погребальный костер из ладана, сандалового дерева и кедра. А потом она сгорает и возрождается из пепла. И живет еще тысячу лет.

– Она?

– Конечно. А разве может огненная птица быть самцом? Нет, она сама себе мать и дочь, вечно одинаковая и всегда меняющаяся.

– Как луна.

– Да, хотя феникс – солнечное создание. Слышишь? Собаки подняли дичь. Скорей!

И она пустила своего коня галопом, оставляя за мной выбор – догонять ее или нет.

Сказка царицы Савской об огненной птице захватила мой разум и душу, хотя я тогда и не поняла почему. В ту ночь мне снилась огненная птица.

Я стояла на песке, горячем и светлом, словно стекло. Надо мной возвышалось ночное небо. По нему текла река звезд, сверкавших, как драгоценные камни, озаренные пламенем. Падающие звезды влекли меня за собой, словно еще одну светящуюся звезду. Мы плыли по ночному небу, туда, где разгоралась заря. Звезды все падали и падали, сбиваясь в огромный огненный шар, и наконец я поняла, что этот пылающий магнит – восходящее солнце. А еще я боялась поддаться его притяжению и упасть, как звезда.

Что-то пронеслось мимо меня. Птица. В ее огненном оперении мерцали звезды. Пролетая мимо меня, она повернула голову, и я заглянула в ее хрустальные глаза. Я протянула руку, и птица, замедлив свой полет, опустилась мне на запястье.

Чешуйки на ее лапах были золотыми, а когти серебряными. Птица обхватила мою руку. Я чувствовала ее боль и понимала, что эта боль может меня уничтожить. А еще я понимала, что птица призывает меня, требует, чтобы я осмелилась войти в огонь.

Пока я раздумывала, птица взмахнула своими огненными крыльями и кинулась в водопад звезд. Я видела, как она летит, падает и растворяется в пылающем шаре восходящего солнца.

Звезд почти не осталось, истекало время, отведенное мне на раздумья. Я сделала глубокий вдох и кинулась вслед за последними звездами в солнечный огонь.

Я горела. Боль требовала, чтобы я сдалась и исчезла в бесконечном пламени. Сдаться было легко, но, выстояв, я получила бы награду превыше всех царств. Я боролась с темной силой боли, пытаясь разгадать за мучениями истинное сердце огня.

Там ясным светом сиял покой. Вечность, воплощенная в языках пламени. Там я могла найти отдых и остаться навсегда, не меняясь. Но ярко горел еще один погребальный костер, и я поняла, что должна в последний раз сделать выбор. Теперь я не колебалась.

В этом тайном пламени я умирала и возрождалась, приобретая новую форму для будущего. Во всем своем великолении я расправила крылья и полетела к утреннему свету...

Когда я проснулась, казалось, моя кожа пылает, словно все еще охваченная маленькими язычками пламени. Но жар сновидения быстро остыл. Феникс улетел. Огненную птицу прогнал неумолимый день. Я закрыла глаза, чтобы сдержать горькие слезы, и сказала себе, что не должна оплакивать птицу, которую видела лишь во сне.

Но я не забыла ни птицу, ни ее хрустальные глаза. Этот огненный

образ чем-то манил меня, и я не могла от него отказаться. Следовало верить в феникса, пусть даже он мне лишь снился.

И, чтобы не забывать об этом обете, который я дала себе, я решила заказать перстень с печаткой, талисман, изготовленный по моему вкусу. Я знала, кто сможет вырезать для меня камень: Ялом, вдова мастера, делавшего перстни-печатки для дворца. Теперь Ялом зарабатывала на жизнь ремеслом, которому научил ее муж. Она вырезала печатки для тех, кому хорошая цена и искусная резьба были важнее, чем то, что работу выполнила женщина.

Я могла бы пойти к ней в лавку и заказать печатку там. В конце концов, я часто ходила на рынок. Но, немного подумав, я решила поиграть в царевну и послала за Ялом. Когда она пришла в мой сад и поклонилась, я с улыбкой поблагодарила ее за то, что она смогла меня навестить.

– Мне это было несложно, царевна.

Я знала, что она сказала бы то же самое, даже если бы ей пришлось босиком пройти по углям, чтобы добраться до меня.

Улыбнувшись, я пригласила ее сесть.

– Я рада тебе. Думаю, твоей торговле не повредит, если узнают, что тебя позвали во дворец, чтобы сделать заказ.

Она ответила мне улыбкой.

– Чего изволит царевна? Я могу изготовить для тебя все, что пожелаешь...

– Мне нужен перстень с печаткой. Ты ведь сама вырезаешь камни?

– Да, и я искусна в этом. Мало кто знает об этом, но еще до смерти мужа руки у него окостенели и плохо слушались его. В то время его заказы выполняла я.

Ялом развязала свой узелок. Она расстелила ткань у моих ног и принялась раскладывать на ней драгоценные камни.

– И никто не догадался? – спросила я.

– Напротив, – покачала она головой, – многие говорили, что он стал искуснее.

Она разложила все принесенные с собой камешки и посмотрела на меня.

– Ты говоришь, тебе нужна печать? Какой камень тебе по душе? Может быть, есть камень, который приносит тебе удачу или счастье в любовных делах?

Покачав головой, я взглянула на драгоценные камни, разложенные ровными рядами на темной ткани, сверкавшие на солнце. Ялом принесла в

царский дворец все самое ценное из своих запасов. Я опустилась на колени, чтобы лучше присмотреться. Вот бирюза, яркая, как небо, хрусталь, прозрачный, как дождевая вода. Кошачий глаз и яшма, оникс и нефрит. И один кроваво-красный рубин.

Ни один камень меня не привлекал, кроме рубина, а его я бы не выбрала. Я не хотела пачкать свою эмблему кровью.

– Тяжело решить, правда? – негромко сказала Ялом. – Может быть, поищешь свой любимый цвет? Я вижу, тебя привлекают огненные камни. Посмотри на этот поближе, царевна, поддержи его в руках и оцени красоту оттенка.

Она придвинула ко мне один из камней, и я взяла его в руки. Сердолик теплого золотистого цвета, словно мед, освещенный солнцем.

– Очень хороший камень, без единого изъяна. Я могу вырезать из него, что прикажешь.

Сердолик, камень мира и согласия. Да, я нашла то, что нужно.

– Я возьму этот камень, – кивнула я, – он мне подходит.

– А сама печать? Царевна уже знает, что нужно изобразить?

– Да, – ответила я, – на печати будет феникс, взлетающий из костра.

Песнь Ваалит

Теперь я видела ясно, словно в погожий зимний день, каков окружающий меня мир, как будто перстень с фениксом, который я носила, обладал магической силой, исцелял от слепоты. И у меня вызывало гнев то, что я видела. Как мне удавалось терпеть это рабство? Как я могла ценить и любить эти оковы?

Ведь то, что я считала своим богатством и защитой, на самом деле оказалось цепями из бросового железа. Каждая диадема, которую отец возлагал мне на голову, превращалась в дополнительное бремя. Каждая стена, которую он воздвигал между мной и миром, лишь отгораживала меня от настоящей жизни.

Дворец на самом деле оказался тюрьмой, а все мои роскошные наряды и украшения – путами, которые связывали меня. Как я могла столько времени жить в такой слепоте?

Освободившись от своих сладких иллюзий, я не понимала, как другие женщины во дворце выдерживают жизнь в этой золотой клетке. «Может быть, они и не выдерживают, может быть, они тоже сгорают», – говорила я себе.

Но, если другие страдали, как и я, ни единого признака этого я не замечала. Пока еще не замечала.

Не находя себе места, я бродила по гарему, молча наблюдая и оценивая, словно кошка. Как я могла когда-то спокойно и счастливо жить в этой разукрашенной тюрьме? Как могли жены моего отца терпеть эту жизнь, запертые в четырех стенах, скованные обычаями и страхом?

Я остановилась у ворот в ближайший сад. Там отдыхала госпожа Меласадна, улыбаясь десятку крошечных собачек, облепивших ее, как хлопья белой пены. Сверкая черными, словно обсидиан, глазками, они лизали своей хозяйке руки, а та смеялась. Их язычки мелькали, будто розовые змейки. Один из сыновей Меласадны подполз к собакам и потянулся к позолоченному кожаному мячику, лежавшему у ног матери. Он изо всех сил хлопнул по мячу, который покатился по вымощенному гладким камнем двору. Все собачки бросились за игрушкой, заливаясь звонким лаем. Следом пополз мой братишка, тоже пронзительно гавкая, словно и он превратился в собаку.

Меласадна, смеясь, подняла мячик. Собачки метались у ее ног и танцевали на задних лапках. Сын сел и замахал руками. Меласадна уже хотела бросить им мяч, но обернулась и увидела меня у ворот.

– Входи, царевна! Поиграй с нами, – с улыбкой позвала она.

Но я не хотела ни с кем делить свое одиночество. Покачав головой, я отступила в отбрасываемую крышей тень. За спиной у меня восторженные детские крики смешивались со звонким лаем и женским смехом. Веселый шум эхом отлетал от нагретых солнцем каменных стен сада госпожи Меласадны.

«Собачки и дети. Как ей удастся этим довольствоваться?»

Весь этот долгий день я исподтишка наблюдала за отцовскими женами. Я говорила себе, что ищу знания, пытаюсь понять, как женщине удастся провести всю жизнь в оковах, никогда не осмеливаясь даже признать, что она заперта в своем мире, словно в клетке.

Но моя истинная цель была не столь благородна. В моих поисках меня вел гнев. Я злилась на этих женщин. Их радость выглядела издевкой над моим несчастьем. А еще я злилась на себя за то, что так долго жила спокойно в этом раю, созданном для глупцов.

И вот я бродила по коридорам и дворикам в поисках признаков безумия отцовских жен, чтобы доказать себе, как я проницательна и насколько превосхожу их.

Много лет спустя, перебирая воспоминания тех бурных юных дней, я увидела, что нашла лишь доказательства спокойной силы человеческого сердца. А безумной была только я сама, воображавшая, будто все женщины мечтают о том же, что и я. Большинство женщин, как и большинство мужчин, строили свою стену жизни из самых обычных камней. Муж, дети, подруги. Какой-нибудь труд, пусть даже самый простой. Обычные камни, которые легко найти, особенно если человек не очень привередлив. Так я думала тогда и в глубине души презирала этих женщин. Ведь я жаждала самоцветов и мечтала о великих свершениях.

Лишь с возрастом мы приобретаем умение ценить простые удовольствия, любоваться обычными камешками, которым любовь придает блеск, затмевающий золото. И все же я думаю, что была в четырнадцать лет не более глупа, чем любая другая девчонка. В конце концов, самые строгие судьи для себя – мы сами.

Но мне повезло с учителями. И я могу честно сказать, что прислушивалась к их урокам. Когда говорили те, кем я восхищалась, мне хватало ума не упускать ни слова. Когда они действовали, я наблюдала, как они поступают и почему.

Так было и в тот день, когда Хуррами поймала заблудившегося щенка и приобрела для своей госпожи новую союзницу.

Меня удостоили чести сопровождать Лунного Ветра на прогулках. Хуррами во всей красе шла рядом с изящным псом. Когда мы проходили по дворцовым садам, все взоры устремлялись на нее. Может быть, на царицу Савскую злились, но привезенная ею мода всех привлекала. Женщины внимательно изучали и копировали прическу Хуррами – уложенные короной косы, – ее манеру носить покрывало и даже то, как она подводила глаза.

Мне вспомнилась госпожа Халит, которая подсмотрела у царицы Савской фасон сандалий, а сама при этом очерняла ее. Я тихонько засмеялась. Хуррами взглянула на меня, но ни о чем не спросила. И, прежде чем я успела решить, поделиться ли своим наблюдением, Лунный Ветер услышал, как кто-то скребется неподалеку. Обернувшись и наострив уши, пес смотрел, как к нему катится белый пушистый мячик. Увидев своего огромного сородича, щенок остановился и залился пронзительным визгливым лаем. Лунный Ветер напрягся, словно завидев добычу. Я схватила его за кожаный, расшитый золотом ошейник.

– Это всего лишь одна из собачек госпожи Меласадны, – пояснила я.

– Правда? – засмеялась Хуррами. – А мне показалось, что это клочок шерсти, гонимый ветром.

Хуррами присела на корточки и протянула руку. Щенок подпрыгнул и лизнул ее надушенные пальцы. Она со смехом подхватила его на руки.

– Такой маленький и такой отважный. Наверное, он заблудился.

– Да, дай его мне. Я отнесу его домой к госпоже Меласадне.

Я погладила большого пса по голове. Лунный Ветер пришел в ужас от вертлявого и шумного щенка. Наверное, так же возмутилась бы царица Наама, увидев грязное пятно на своем платье. Но я не засмеялась, не желая задевать его гордость.

– Хуррами, отведи его к царице Савской, ему не нравится, когда на него лают.

Она обеими руками держала щенка перед собой, а он смотрел на нее блестящими глазками и пытался лизнуть ее в нос.

– Нет, щенка понесу я. Мы все вместе пойдем возвращать этого маленького бродягу домой. Ты, царица, можешь показать мне дорогу к госпоже Меласадне. Что же касается Лунного Ветра – он пойдет с нами. Не помешает ему научиться терпимости.

Служанки госпожи Меласадны встретили нас радостными криками. Услышав их, выбежала сама хозяйка, а впереди нее мчались собачки.

– О, вы нашли мою пропажу! Благодарю вас, от всей души благодарю вас!

Она распахнула объятия, и Хуррами, улыбаясь, вручила ей щенка. Меласадна прижала его к щеке, и он начал грызть ее жемчужную сережку.

– Ты ведь служишь царице Савской? Тебя зовут Хуррами? Прими мою искреннюю благодарность. Как я могу отплатить за твою доброту?

– О, благодарить следует не меня, а мою госпожу, царицу Юга.

Хуррами не стала больше ничего говорить. Позже она объяснила мне, что излишек выдуманных подробностей часто становится ловушкой для самого же обманщика. «Полуправда обманывает, подобно тому как наполовину закутанное покрывалом лицо возбуждает любопытство, а фигура под складками одежды манит и соблазняет. Для чего впустую тратить силы на выдумки, от которых все равно никакой пользы?»

Она улыбнулась и сказала:

– Моя госпожа очень заботится о своих собаках и уважает тех, кто поступает так же. Но, кажется, этому гордому псу не очень нравятся его маленькие сородичи.

Мы посмотрели на стайку белых собачек, которые вертелись у наших ног, как подхваченные волнами хлопья пены. Они крутились между лапами Лунного Ветра, а тот надменно стоял, опустив свою длинную морду с

явным презрением.

– У него такой же неодобрительный вид, как у самого пророка Ахии, – засмеялась я, и остальные засмеялись со мной.

– Да, в самом деле.

Меласадна защебетала что-то своим собачкам, пытаясь призвать их к порядку, но они беззаботно игнорировали ее, увлеченно изучая огромного незнакомца, который стоял среди них, как алебастровое изваяние.

– Ну что ж, они его оставят в покое, когда наиграются, – вздохнула Меласадна и улыбнулась Хуррами. – Скажи своей хозяйке, царице Юга, что госпожа Меласадна благодарит ее за доброту.

Меласадна расстегнула ожерелье из океанического жемчуга, лежавшее у нее на шее, словно облако.

– Передай ей этот маленький знак моей дружбы. Я дала бы ей одного из щенков Мири, но, боюсь, этот большой пес плохо отнесется к сопернику.

Хуррами изящно склонилась, с улыбкой принимая ожерелье.

– Моя госпожа будет рада твоей дружбе. Это бесценное сокровище.

Держа большого пса за ошейник, я смотрела, как Хуррами наклонилась, чтобы погладить маленьких собачек, суетившихся у наших ног. А когда один из щенков запустил зубы в подол ее платья и потянул его на себя, оставляя в темно-синей ткани мелкие дырочки, Хуррами лишь негромко рассмеялась и сказала, что щенок очень милый, а платье – изношенное и старое.

– Твое платье совсем новое, оно еще не выцвело, – сказала я ей по пути назад, – а ты, кажется, не придаешь значения тому, что оно погублено.

– Я могу залатать прорехи и прикрыть их вышивкой. Расположение и дружба госпожи Меласадны того стоят, пусть даже платье и новое.

Хуррами медленно перебирала пальцами нитку жемчуга, словно подсчитывая и оценивая каждую жемчужину.

– Моя царица любит со всеми быть в хороших отношениях, и это мудро, царевна.

– Да, это хорошо, – ответила я.

Идя рядом с Хуррами, глядя шелковистую шерсть Лунного Ветра, я раздумывала о том, почему такой сильной женщине, как царица Савская, важно, что о ней думают жены царя Соломона, тем более если эта жена – даже не мать наследника.

Приведя пса обратно к царице, я спросила, могу ли поговорить с ней.

– Конечно, – ответила она, лаская изящную голову Лунного Ветра. – О чем, Ваалит?

Я рассказала ей, как Хуррами приписала заслугу спасения щенка ей, а

не себе, и призналась, что не могу понять, зачем такой великой и могущественной царице тратить столько сил на то, чтобы понравиться отцовским женам.

– Для чего тебе это? Разве они не твои соперницы?

– А почему нет? Разве не все мы – сестры под луной? И разве не лучше заводить друзей, а не врагов?

«Да, простая рабыня и та может довести до беды, если зла или обижена», – подумала я, а царица продолжала:

– Я им не соперница, хотя, думаю, никто в целом Иерусалиме не верит в это. – Она со вздохом пожала плечами. – Ну, я не отвечаю за то, что у людей на уме или на языке. Нет, я им не соперница, но они рады думать, что это так. Я – женщина, с которой они наконец могут бороться.

Я не поняла ее, и что-то в ее тоне и взгляде удержало меня от дальнейших вопросов. Я не боялась, что она оставит меня без ответа. Если бы я прямо спросила, она объяснила бы. Но я почему-то боялась услышать ее ответ.

– Так ты добра ко всем из благоразумия?

– Частично – да, – снова улыбнулась царица, – а частично потому, что мирно жить действительно лучше. И еще потому, что мне жаль этих женщин. Очень многие из них несчастны.

Я удивленно уставилась на нее:

– Да что ты говоришь? Как они могут быть несчастны здесь?

Она долго смотрела на меня, положив руки на голову пса, словно благословляя его.

– Действительно, как? – спросила наконец она. – Иди и узнай, Ваалит. И возвращайся просветленной. На чаше весов твое собственное счастье.

И больше она ничего не сказала. Я ушла, уязвленная и заинтригованная, распутывать эту новую загадку, которую она мне задала.

Мне бы никогда не пришло в голову, что кто-либо из моих мачех может быть недоволен таким мужем, как мой отец. Все знали, что царь Соломон мудр и справедлив. Все во дворце знали к тому же, что он добр и щедр. Ко всем женам и наложницам он относился одинаково хорошо. Ни одна из его женщин не могла бы пожаловаться, что другой достался подарок, а ей нет. И никто не мог бы утверждать, что Соломон пренебрегал чьим-то ложем или сыном ради прочих.

Так о чем же могли плакать жены моего отца?

Так я подумала, по-детски беззаботная. Кто в детстве размышляет о печалих и тревогах старших? Но теперь я стояла на пороге, отделявшем девочку от женщины. Раньше я была слепа к тому, что не касалось меня

лично. Теперь царица Юга словно сорвала повязку с моих глаз, и я многое начала видеть.

И теперь, глядя своими новыми глазами, я видела лишь горе и тоску в стенах женского дворца. Каждая ссора, каждое злое слово превращались для меня в доказательства разбитого сердца. Но, когда я рассказала об этом царице Савской, она засмеялась:

– Уже лучше, но ты по-прежнему видишь лишь одним глазом. Приходи снова, когда сможешь видеть обоими.

Сначала я ее не поняла. Не поняла я и того, как женщина, известная мне своей добротой, может так спокойно относиться к страданиям, которые я описывала. Но царица Савская до сих пор давала мне лишь мудрые уроки – если мне хватало разума их усвоить.

Поэтому я продолжила изучать Женский дворец так же внимательно, как если бы это был целый мир, пытаюсь отыскать пороки и добродетели, которые до сих пор оставались от меня скрытыми. И я начала понимать, что все поступки мужчин и женщин затрагивают меня.

Песнь Ваалит

– Что бы ты делала, если бы не вышла замуж за моего отца?

Простой вопрос, но оказалось, что ответы на него вовсе не просты.

Некоторые из отцовских жен сначала просто молча смотрели на меня. Некоторые смеялись. Когда они в конце концов начинали говорить, ответы редко разнились между собой. «О, я вышла бы за другого царя». «Я вышла бы за царевича, за прославленного воина, за богатого торговца». Одна-две ответили по-другому: «Я стала бы жрицей».

Но когда я спросила, счастливы ли они, то даже те жены, которые признались, что могли стать верховными жрицами богатых храмов, посмотрели на меня с опаской и отделались общими фразами: «Счастье женщины в ее детях». «Счастье женщины – это счастье ее мужа».

Большинство отцовских жен не признавали, что их судьба могла сложиться по-другому. По крайней мере, они отказывались признать это в разговоре со мной. Почти все они отвечали так, словно учились у одного и того же благонравного и строгого учителя.

Но были еще и такие, как госпожа Читрайоти.

Ее прислали моему отцу из далекой восточной страны, еще более далекой, чем Сава. С собой она привезла приданое: сапфиры, морской жемчуг и право для отцовских кораблей причаливать и торговать в порту на

Инде. Она была маленькой, как дитя, и смуглой, как темный янтарь, а ее длинные волосы ниспадали до самых щиколоток, украшенных браслетами из золота и драгоценных камней.

Меня впустили в покои госпожи Читрайоти. Она стояла у окна, а на ее запястье сидел яркий зеленый попугай. Как и многие жены царя Соломона, она сохранила обычаи своей родины. На ней были только штаны из тонкой и прозрачной, словно вода, ткани. Грудь ей прикрывало лишь ожерелье из лунного камня – каждый камешек величиной с голубиное яйцо.

Они с попугаем одинаково вскинули головы, внимательно глядя на меня яркими непроницаемыми глазами.

– Царевна Ваалит, – сказала она, склоняя голову, – я тебе, конечно же, рада.

Я сразу же почувствовала, что это не так. Но и неудовольствия от моего прихода она не испытывала, а просто спокойно ждала, пока я объясню, что мне нужно.

Я посмотрела на попугая у нее на руке.

– Ты привезла его из своей страны?

– Из моей страны, да.

Госпожа Читрайоти говорила медленно, подбирая слова. Наш язык тяжело ей давался. Она погладила грудку попугая. Ее кожа от сустава до подушечки пальца была выкрашена хной в розово-красный, словно закат, цвет.

– Царевна хочет?..

– Спросить.

Мне вдруг показалось, что моя жажда знаний – грубое любопытство. Но царица дала задание, и я знала, что должна его выполнить, иначе не пройду негласное испытание.

– Счастлива ли ты здесь? Нравится ли тебе здесь?

Госпожа Читрайоти и ее птица уставились на меня одинаково непонимающе. Она продолжала поглаживать яркие изумрудно-зеленые перышки.

– Нравится. Да, – ответила наконец она. Затем, словно почувствовав, что вложила в ответ мало тепла, добавила: – Царь Соломон – он добрый.

Перестав гладить зеленого попугая, она взмахнула рукой, словно указывая на свои комнаты и дворик в доказательство своих слов.

– Добрый, – повторила она и больше ничего не сказала.

Я поблагодарила ее и ушла. На душе у меня было беспокойно.

Хотела ли Читрайоти смутить меня, оскорбить мою стыдливость? Нет, ведь она не знала, что я к ней собираюсь. Она оделась так, как все знатные

женщины у нее на родине. И все чужеземные жены и наложницы моего отца могли придерживаться каких угодно обычаев своей родины и носить свои наряды, если хотели. И, если они желали поклоняться богам или богиням своих стран, мой отец разрешал и это. Его благословляли за эту терпимость.

И в то же время гневно осуждали. В хоре бранивших его Ахия кричал громче всех, но его голос был не единственным.

Перед моими раскрывшимися глазами вырисовывался узор, которого я раньше не замечала. Теперь я увидела, что в общем гаремном саду женщины из Израиля и Иудеи держались отстраненно, создав свой собственный мир, похожие на стайку домашней птицы, окруженную соколами. Они отворачивались от чужеземок, будто те одним своим видом нагоняли чуму. Их презрение висело в тяжелом воздухе, почти осязаемое. Шепот отвращения не смолкал, словно жужжание насекомых.

А чужеземки, со своей стороны, выставляли себя напоказ, прихорашиваясь перед целомудренными дочерьми Закона, упоминая своих идолов через каждое слово. Ни одна не упускала шанса уколоть иудейскую женщину.

Мне начало казаться, что иудейки и израильтянки в царском доме демонстрировали бóльшую стыдливость, чем если бы собрались где-нибудь в городе у колодца. А еще я подозревала, что чужеземки здесь вели себя более вызывающе, чем им позволили бы в их родных странах.

Я шпионила (только так и можно было назвать мои занятия, хотя я всегда приходила, не прячась и не скрывая своего интереса) не только среди чужеземок. Мой отец заключил много выгодных браков и с дочерьми своего народа. Каждое колено дало царю невесту. Как я уже говорила, иудейские жены держались вместе, создав собственное племя в стенах Женского дворца.

В детстве я просто думала, что они слишком ценят кровные связи и поэтому не хотят дружить с теми, кто не принадлежит к их народу. А еще именно они громче всех возмущались свободой, которой меня всегда баловал отец. Поэтому я не искала их общества.

Теперь же, говоря с ними, я понимала их по-новому. Ведь теперь я знала, что эти женщины сражались в битве, которую проиграли еще до того, как ступили на прохладные гладкие полы Женского дворца. Из них воспитывали бережливых хозяек, строгих матерей и благочестивых женщин, таких, как их собственные матери и матери матерей. Но они вышли замуж не за пастухов или земледельцев, а за царя, и жили не в

простом добротном доме и не в степном шатре, а в огромном дворце.

Мало того что других жен воспитывали не так строго и осмотрительно, оказалось, что они и вовсе чужеземки, живущие по непонятым обычаям, одевающиеся в странные наряды и поклоняющиеся далеким богам.

Женщины яркие и опасные, словно змеи.

Иудейки боялись чужеземок и завидовали им – живому воплощению перемен, происходивших в царстве. И они не могли изгнать их ни из Женского дворца, ни из объятий царя Соломона.

Некоторые поддавались соблазну и перенимали понравившиеся обычаи и наряды. Такие женщины очень многословно рассказывали о том, что по-прежнему соблюдают Закон. «Закон не говорит о том, что женщина не может одеваться в черное, по-колхидски, если ей это нравится. И, в конце концов, кто это видит? Я же на рынок так не хожу!» Это говорилось с неловким смешком. Они пытались убедить не только меня, но и себя.

Некоторые иудейки старались жить в гареме так, словно он был населен мужчинами, а других жен не существовало. Такие говорили мало, но их слова ранили, словно острые ножи: «От них лучше держаться подальше. Я даже никогда не перехожу на их сторону сада. А им хватает ума не прикасаться к моим воротам своими нечистыми руками».

А одна дочь Закона не поддавалась ни соблазнам, ни ненависти. Госпоже Дворе каким-то образом удавалось держаться середины.

Хотя у нее было ровно столько же нарядов, сколько у остальных, все они кроєм и цветом соответствовали тому, что полагается носить скромной замужней женщине. В ее покоях тщательно соблюдался Закон, а Господу воздавались все почести. Но это благочестие не мешало госпоже Дворе сплетничать с женщинами, которые одевались и молились не так, как она.

– Конечно, я соблюдаю законы Господа, – сказала она мне, – но не могу же я их соблюдать за других, к тому же они и не принадлежат к Его Завету. Попробуй, что я испекла. Это мой собственный рецепт, я заменила инжир абрикосами.

Я попробовала сладкий пирожок, которым она меня угощала, и похвалила его. Признаю, что была у меня и тайная причина зайти в полдень к госпоже Дворе: она славилась своим умением готовить.

– Так ты не считаешь чужеземных жен моего отца нечистыми?

– Конечно считаю. Они едят нечистую пищу и поклоняются идолам. Но вместе с тем я могу спокойно говорить с ними, когда мы встречаемся в саду. Тебе нравится это вино? Только честно. Я настаивала его на гвоздике и корице, но, может быть, следовало добавить больше меда?

Я снова заверила ее, что вкус потрясающий.

– А ты не считаешь их бесстыдными? – Затем, словно только что вспомнив, я сказала: – Госпожа Читрайоти расхаживает в таком виде... На мне ночью в постели и то больше надето!

– Ой, иногда мне кажется, что она так ходит лишь потому, что Пазия, Лия и другие при виде нее превращаются в соляные столбы, – как будто мы все в баню не ходим! Когда дует зимний ветер, она полуголая не красуется. Еще пирожок, детка?

Она угощала, и я взяла еще один маленький сладкий пирожок.

– А как же их идолы?

– Это же чужеземки! Что с них взять? – пожала плечами госпожа Двора. – Они ведь не заставляют меня поклоняться их идолам. А если бы и попытались, я бы не стала. Впрочем, им хватает ума не пробовать.

«Да, ведь, если они тебя оскорбят, ты перестанешь угощать их вином с корицей и пирожками с абрикосами!» Эта недостойная мысль заставила меня рассмеяться. Мне удалось придать смеху подобие кашля, и я поспешила спросить, можно ли взять несколько пирожков, чтобы угостить служанок.

– Конечно можно, а потом обязательно передай мне, понравилось ли им.

Польщенная госпожа Двора позвала одну из своих служанок и приказала наполнить миску пирожками. Отхлебнув вина из своего кубка, она спросила:

– Почему ты интересуешься всем этим, детка?

Я заранее придумала объяснение своему любопытству, но вопрос госпожи Дворы меня удивил: до нее никто ничего не спрашивал.

Улыбнувшись, я ответила:

– Дело в том, что мне придется когда-нибудь покинуть дом моего отца и отправиться в чужую страну. Мне нужно понять, как жить там мирно и быть счастливой.

– Ты мудрая, вся в отца, – сказала Двора, одобрительно кивая. – Что ж, я скажу тебе, чему научилась сама: пусть в твоём доме будут твои порядки, и другим позволяй делать, что они захотят, пока это не мешает тебе.

Я поблагодарила ее и сказала, что это звучит мудро.

– И все? – спросила я.

Подумав еще, она сказала наконец:

– Всегда улыбайся мужу и подавай его любимую еду. И позаботься о том, чтобы придумать свои собственные блюда, чтобы другая женщина не могла приготовить ничего подобного. У тебя кубок опустел, давай я тебе

налью еще.

И, пока Двора подливала мне вина с пряностями, я обдумывала ее слова. Потом я спросила, что для нее тяжелее всего в этой жизни среди стольких чужеземок.

Она вздохнула.

– Если честно, я больше всего жалею о том, что не могу есть их еду и узнавать их секреты.

– А разве ты не можешь попросить рецепт и изменить его, чтобы он соответствовал Закону?

К моему удивлению, она рассмеялась:

– Ох, детка, ты так наивна! Ни одна повариха не раскрывает всех своих секретов! Нет, – покачала она головой, – чтобы по-настоящему узнать новое блюдо, мне нужно увидеть, как его готовят, и попробовать. Этого удовольствия я лишена... Съешь еще пирожок, милая. Ты слишком худенькая. Мужчинам нравятся пухленькие девочки.

Отправляя меня изучать мужчин и женщин, царица Савская смеялась. Когда я вернулась и рассказала ей, что я сделала в меру своего разума и что мне удалось узнать, она снова засмеялась и сказала только, что для начала я неплохо справилась.

– Ведь, если тебе придется управлять женщинами и мужчинами, тебе нужно знать, каковы они на самом деле.

– Но я и так знаю.

– И что же ты знаешь, милая Ваалит? – улыбнулась она.

– Я знаю, что все женщины и все мужчины разные. И все одинаковы. Некоторые счастливы везде, а некоторые нигде не могут быть счастливы. И все без исключения – цари и царицы в своем мире.

Я ожидала, что она снова засмеется, но ошиблась. Вместо этого она улыбнулась и провела по моей щеке прохладной рукой.

– Да, у себя в душе все мы – цари и царицы. Ты знаешь в четырнадцать лет то, чего многие не узнают никогда.

А потом она произнесла слова, которые, словно горячее вино, согрели мою кровь:

– Маленькая богиня, когда-нибудь ты станешь такой же мудрой, как твой отец. Ты создана для того, чтобы править, ты рождена быть царицей.

Несколько ударов сердца я грелась в солнечном свете ее похвалы, а потом сдержала свои мечты, словно гарцующих коней.

– Ты очень добра. Но здесь это все не имеет значения. В конце концов, я ведь всего лишь царская дочь.

На это царица Савская ничего не сказала. Что она могла сказать, если мы обе знали, что я говорю жестокую правду?

Соломон

Он не мог запретить себе смотреть на свою гостью и любоваться ее роскошной зрелой красотой, естественной и свободной, как будто красота была покрывалом, которое она изящно и легко носила. А еще теперь он стал замечать, что и дочь его часто видится с царицей. Сегодня он стоял в длинной галерее над садом Женского дворца и снова смотрел на них обеих – Билкис и Ваалит. «Они стали близкими, как сестры. Нет, не сестры, между ними другая связь». Но он пока не мог подобрать названия тому, что их связывало.

Внизу, в женском саду, его Ваалит и царица Юга сидели рядом, совсем близко, словно дочь и мать. Царица говорила, а девочка смеялась. Вот Билкис протянула руку и коснулась волос Ваалит, накручивая на палец огненно-рыжую прядь. Потом царица сказала что-то. Девочка улыбнулась, а после с лица ее исчезло всякое выражение. Обе сидели неподвижно. В медовом солнечном свете они казались застывшими в янтаре.

Затем Ваалит пожала плечами и засмеялась. Соломон вдруг почувствовал усталость. Он закрыл глаза, чтобы не видеть восторженного лица дочери. «Я рад, что она счастлива. Конечно, я рад, но...»

«Но что, о великий царь? – с издевкой спросил внутренний голос. – Но для твоей дочери эта чужая женщина теперь значит больше, чем ты? Ты для нее уже не самый желанный собеседник?»

А потом явилась еще одна мысль, ясная, безжалостная, как смерть, острая, словно только что закаленный клинок: «А ты хотел всегда держать ее при себе?»

Он отшатнулся от темного соблазна. Нет, конечно, этого он не хотел! Он хотел, чтобы его обожаемая дочь получила все то, чего желали другие женщины: дом, мужа, детей. Нельзя душить дочь в объятиях своей отцовской любви. «Но Ваалит еще такая юная...»

«Ей почти четырнадцать. Ее мать вышла за тебя замуж, когда была немногим старше, чем Ваалит сейчас». Соломона приучили смотреть правде в лицо. Теперь он заставил себя снова взглянуть на то, что происходило в саду внизу. Освободив свой разум от лишних мыслей, он внимательно рассматривал Ваалит, словно видел ее впервые.

И он не узнавал свою дочь: она выросла высокой, гибкой и стройной,

как пальма. Ее когда-то непослушные волосы были укрощены и заплетены в косы, уложенные короной. Тонкое льняное платье обрисовывало изгибы бедер и округляющуюся грудь.

«Она уже не ребенок. – Соломон впустил в свое сердце эту правду. – Она все еще моя дочь, но скоро станет чьей-то женой».

В саду внизу Билкис продолжала что-то говорить. Она излучала страстную настойчивость, царь видел это, хотя и не слышал слов. Дочь, словно зачарованная, не сводила глаз с чужеземной царицы. Взгляд девочки сиял, словно лунный свет...

«О Билкис, ты пленила мое сердце. Неужели ты завоюешь и мою дочь?» Ведь царице Юга предстояло рано или поздно вернуться в свою страну и оставить на память лишь тоску.

«А нужно ли ей возвращаться? – спросил внутренний голос. – Ты царь Израиля, Иудеи и многих других земель. Разве ты не можешь удержать одну-единственную женщину, если желаешь ее?»

Нет. Нет, об этом даже думать нельзя». Никогда раньше Соломон не понимал по-настоящему, как человек может действовать против собственного здравого смысла. В своем ослеплении он кичился тем, что всегда все решает с помощью холодного рассудка, всегда делает то, что правильно, справедливо и обдуманно, и в ход его мыслей не вмешиваются прихоти и страсти.

«Ведь я не знал, что такое соблазн. Теперь же... Теперь я расплачиваюсь за свою заносчивость». Ибо соблазн слушаться лишь собственных желаний терзал его, словно леопард, поймавший добычу.

«Ты – царь. Поступай как пожелаешь, – нашептывал ему соблазн, словно змей, свернувшийся под сердцем. – Поступай как пожелаешь. Твой отец, Давид Великий, ни в чем себе не отказывал. А ты разве не такой же царь, как он?»

«Нет, – прошипел злой змей. – Нет, ты не такой и сам об этом знаешь. Великий царь поступил бы так, как ему захотелось бы. Разве что-то имеет значение, кроме твоих желаний?»

Внизу в женском саду царица и царевна спокойно сидели рядом у фонтана. Их не затрагивали его темные желания. Ваалит что-то говорила, честно и открыто. Билкис слушала и кивала, перебирая пальцами горсть алых бутонов роз, которые лежали у нее на коленях.

«Ты желаешь ее, и ты царь. Возьми то, чего желаешь. Кто смеет противиться желаниям царя?»

– Я. – Это произнесенное шепотом слово отразилось эхом от прохладных каменных стен. – Я, – повторил Соломон.

Он закрыл глаза, спасаясь от яркого сияния соблазна. А когда осмелился снова взглянуть вниз, на сад, дочь и царица уже ушли. Остались лишь солнечные блики на воде фонтана и аромат роз, витавший в воздухе.

Билкис

Позже, когда стало невозможно взять свои слова назад, Билкис поняла, что стремилась вперед чересчур быстро и слишком надеялась на обещание богини. «Матерь сказала мне, что я найду наследницу. Привела меня к ней. Но я сама должна ее заполучить. Неужели я надеялась, что Аллат на крыльях ветра перенесет девочку из Иерусалима в Саву?»

Она слишком радовалась и повела себя самонадеянно. «Да, но, если бы не это, если бы я была так мудра, как думала о себе, никогда бы мне не лежать в объятиях царя Соломона».

Билкис успела увидеть Иерусалим издали и осмотреть его улицы; она оценила все богатства, которые показывал ей царь. Ей даже разрешили полюбоваться Великим Храмом, венчавшим собой высокий холм, войти во внешний двор, где огромная медная чаша покоилась на спинах двенадцати волов, и лицезреть две колонны у входа в сам храм.

Но из всех сокровищ Иерусалима величайшим оказалось найденное в стенах дворца, столь бесценная жемчужина, что Билкис позволила алчности возобладать над здравым смыслом. В будущем, когда ей хотелось поспешить, она всегда нашептывала себе эту историю как тихое предостережение.

Она считала, что терпелива, как само время, и может проникать всюду, как мелкий песок пустыни. Ведь с тех пор, как царица увидела Ваалит, она ждала, безмятежно улыбаясь, как будто девочка вызывала у нее не больше интереса, чем этот величественный дворец, или золотой храм, или огромный рынок, где купцы предлагали сокровища из всех мыслимых стран мира.

Но в какой-то момент ей показалось, что царь уже бросил к ее ногам все, что было в Иерусалиме, и сам дал ей возможность, которую она искала. В тот день они поехали верхом в долину, лежавшую к северу от города, – Соломон хотел показать царице свои знаменитые конюшни. Ей очень понравилось хозяйство и лошади, которых там разводили. Скакунов царя Соломона ценили военачальники и цари.

По дороге домой они говорили о лошадях и заспорили, что следует выше ценить, размер и силу или быстроту и легкость.

– А что если вывести лошадь, обладающую всеми этими достоинствами? – спросила наконец Билкис. – Когда я вернусь в Саву, я выберу трех молодых жеребцов, сыновей Шамса, и пришлю тебе. Сведи их со своими самыми большими и сильными кобылами...

– И через некоторое время мы увидим, удастся ли таким образом создать идеального коня. Я с благодарностью приму такой подарок. – Соломон наклонился, чтобы погладить Шамса по гибкой шее. – С того самого момента, как я впервые увидел твоего коня, я не мог отвести от него глаз. И теперь я получу такого же!

Царица засмеялась. В Иерусалим они ехали весьма довольные друг другом.

Когда они вернулись в город, Соломон провел ее в Малый дворец. У ворот он сказал:

– Вот ты и увидела все мои сокровища, о величайшая из цариц. – Соломон улыбнулся. – Скажи мне, что ты думаешь? Может ли величие моего царства сравниться с твоим?

Она улыбнулась в ответ, согретая смехом, звучавшим в его голосе.

– У тебя действительно великое царство. Но настоящее сокровище – это достойный собеседник.

– Да, ведь я уже устал смеяться над собственными шутками.

– Неужели твои придворные не смеются, стоит тебе улыбнуться?

– Слишком часто. Разве ты не знаешь, что я мудр и наделен умением остроумно шутить?

– И поэтому они хохочут над каждым словом, слетающим с твоего языка. – Она с иронией покачала головой. – Как жаль, что из-за идущей о тебе славы все над тобой смеются!

– Но ты не такова, – сказал Соломон, взяв ее за руку. – Ты смеешься или хмуришься лишь тогда, когда мои слова действительно трогают тебя. Ты права: ты сама – главное сокровище своего царства. – Помолчав немного, он добавил: – Я хотел бы, чтобы сокровище твоего царства стало моим.

– Ты льстишь мне, о царь, я так стара, что гожусь тебе в матери.

– Какая разница? Твой ум достоин моего. Чего еще я могу желать?

– Большая, – засмеялась она. – Впрочем, ты прав, наши умы сходятся, ведь ты хочешь сокровищ моего царства, а я твоего.

Она продолжала говорить как бы шутя, не желая, чтобы он взял свои слова назад, ведь она так долго и ласково подводила его к этому моменту.

– Чем владеет царь Соломон, чего могла бы желать царица Савская? – Он тоже говорил весело, тень сомнения исчезла из его голоса. – Проси чего

хочешь – оно твое.

– Разве ты не хочешь сначала узнать, чего я хочу попросить?

– Тебе чужда алчность, – снова улыбнулся Соломон, – проси.

Да, момент настал, она почувствовала это всем своим существом.

– Царь Соломон поклялся дать мне все, чего я захочу, но из всех его сокровищ мне нужно лишь одно.

– Царица Билкис получит любое сокровище, которое назовет, хотя для меня загадка, что есть в Израиле такого, чем не владеет Сава.

Соломон говорил терпеливо и весело, словно думал, что ее внимание привлекла какая-то безделушка.

– Израиль может даровать Саве то, чего она уже не в силах породить. Разгадка – царевна Ваалит.

Он молчал. Дружба, звеневшая золотыми колокольчиками, рассыпалась в прах, между ними словно бы выросла стена и воздух стал прохладным. Она поняла, что допустила ошибку. «Слишком рано. Я попросила слишком рано».

– Не понимаю, – сказал наконец он, явно давая ей возможность попросить чего-нибудь другого.

Но она не могла. Не могла обойтись без Ваалит. Савское царство не могло обойтись без Ваалит.

– Ты знаешь, ради чего я проделала этот долгий путь и кого я искала. Теперь я нашла ее. Мне нужна всего лишь одна девочка...

– Я не Иеффай, чтобы жертвовать единственной дочерью.

– Жертвовать? Она всего лишь девочка для тебя и твоего народа. Какая жизнь ожидает ее здесь? В Саве она станет царицей, Соломон, она будет править после меня.

Он молчал, не позволяя жестоким словам сорваться с языка. Но, когда он заговорил, его голос ничего не выражал, и это спокойствие показалось Билкис хуже гнева.

– Нет, не будет, о царица. Она – моя единственная дочь. Единственная царевна этих земель. И я не отошлю ее в страну, до которой полгода пути.

– Тебе придется когда-нибудь отпустить ее, о царь. – Она говорила так же ровно и спокойно. – Она уйдет к мужу или в храм. Ты не можешь заставить ее остаться ребенком навечно. Даже Соломону Премудрому не под силу остановить ход времени.

– Это случится когда-нибудь, но не сейчас. Как ты и сказала, она всего лишь девочка. Это не Земля Пряностей, а страна Господнего Закона. Здесь девочек не учат повелевать мужчинами.

– Да, но даже девочек из этой страны можно научить. Ведь именно они

воспитывают мужчин, которые управляют этим царством.

Но эти слова не убедили царя, Билкис чувствовала его сопротивление. И, когда он сказал, что его ждут срочные дела, она поняла, что пока следует сдаться.

– Да, конечно, – ответила она и улыбнулась.

И, входя в ворота Малого дворца, она протянула ему руку, словно их беседа состояла из одних только ласковых слов и смеха.

И все же он впервые ушел от нее, не дожидаясь, пока она завершит их встречу, и это само по себе говорило о том, как смутила его просьба царицы. «До такой степени, что он взял назад свое царское слово – даровать мне все, чего я пожелаю...» Внезапно почувствовав усталость, она прислонилась к стене у окна. Камень охлаждал щеку. Все, чего она пожелает... «Мужчины легко раздают подобные обещания, а цари и того легче».

Исполнение ее желания дорого бы обошлось царю Соломону, этого она не отрицала даже наедине с собой. «И все же эта девочка обещана мне. Если царь Соломон не сдастся, его отказ обойдется ему еще дороже».

Значит, он не должен отказать. Должен дать ей то, чего она желает. «Я должна склонить его к моей воле. Но как?..»

Она вдруг засмеялась, весело, словно девчонка. Могла ли она забыть? «Разве царь – не мужчина, а царица – не женщина?» Мужчины повинуются своему телу – и женскому. И даже Соломон Премудрый не был исключением, хоть и считал себя холодным и бесстрастным. Ведь он жил во власти воспоминаний о женском теле, во власти призрака своей возлюбленной, своей Ависаги.

«Чтобы завоевать царское сердце, я должна изгнать оттуда призрака». С живой соперницей бороться намного легче. Собравшись с мыслями, Билкис встала перед серебряным зеркалом, изучая свое отражение в гладкой поверхности.

Каким образом лучше всего привлечь его? «Подстроить так, чтобы он застал меня купающейся при свете солнца, как случилось с его отцом и матерью?»

Нет, эта уловка помогла бы лишь молодой женщине. Билкис все еще сохраняла свою красоту, но ее молодость прошла. Солнечный свет уже не ласкал ее, показывая все достоинства и обещая огненную страсть тем, кто на нее смотрел. К тому же богиня солнца и так помогла ей, выполнив свое обещание, приведя сюда, в эту землю, где правила мужчины.

«Значит, я должна обратиться за помощью к лунному божеству». Тени, лунный свет и ее подкрепленная опытом страсть – все это могло привлечь к

ней Соломона. Тут ничего сложного нет. А вот добиться, чтобы он отдал ей дочь, ребенка своей Ависаги... Это было сложно.

«Но возможно. Это не может оказаться невозможным. Мать привела меня сюда, показала мне девочку. Она не стала бы обещать мне того, чего я не могу получить».

Для победы в этой схватке ей требовалось оружие, а выковать его она могла, лишь узнав свою соперницу так же хорошо, как себя. Билкис разослала своих служанок и евнухов выпытать истории о прошлом у женщин в гареме и у дворцовых рабов. Она просеивала старые слухи и сплетни, ища правды, которую могла бы обратить против холодной обороны Соломона.

«Ависага? Симпатичная девушка, но слишком тихая».

«Почти что чужеземка. Я уверена, что в ее жилах текла не наша кровь».

«Добрая, с нежным голосом».

«Она его околдовала. Был десяток более миловидных, чем она!»

«Она много смеялась».

«Ни одна порядочная девушка так не ходит – будто кошка, разнежившаяся на солнце. А еще она носила на ногах браслеты с колокольчиками – вряд ли ее научила этому благонравная женщина!»

«Ависага? Я помню ее. От нее пахло корицей. Корицей и розами».

Соломон

Целую неделю он не видел ее. Царица Савская не выходила из Малого дворца, словно их ничто не связывало. Сначала он посылал к ней слуг с цветами и фруктами, задабривая ее. Затем отправил посланцев, спрашивая, что случилось. Точнее, умоляя об ответе. «Как вышло так, что она стала настолько нужна мне? – Беспкойно ворочаясь на своем ложе, Соломон улыбался в темноте летней ночи. – Ты знаешь, как это вышло. Ее ум достоин твоего. Она – та, с кем ты можешь говорить и быть понятым».

Даже его друг Аминтор не мог до конца осознать, какой груз придавливает царя к земле. А теперь у Соломона не осталось и той дружбы, ведь критянин покинул его. Царь всегда знал, что его друг здесь ненадолго, как перелетная птица, которая отдыхает, прежде чем снова пуститься в путь, не имеющий конца. «И все-таки мне его не хватает. А теперь и царица скрывается от меня. Она гневается, потому что я отказал

ей. Но, если Аминтор просил у меня слишком мало, Билкис хотела слишком много».

Стояла глубокая ночь, горячая, как черный огонь. Мог ли он спать, если сам воздух обжигал его кожу? Не мог. Соломон оставил свои добросовестные попытки заснуть. Он встал и подошел к окну, а потом сел на широкий подоконник, опираясь о камни, разогретые дневной жарой. Сегодня снова не удастся поспать, а завтра он едва ли сможет вершить дела.

Соломон вздохнул и потерял свои виски. Этим летом дул сильный жаркий ветер, жестокий и безжалостный, словно Закон. Именно в такое лето его отец увидел, как его мать купается на своей крыше, и с первого взгляда влюбился в нее...

Это если верить сюжету красивой песни, которую исполняли придворные певцы. Рассказывали и другие истории, не столь красивые, о страсти, измене и убийстве. Но об этом не говорили открыто, а лишь шептались тайком, по углам.

«Говорят, что мой дворец – средоточие правосудия. На самом деле это средоточие тайн».

Царь, его отец, призвал к себе женщину лишь потому, что захотел ее. «Я тоже царь. Я могу поступить так же. Я могу приказать, чтобы ее привели ко мне, потому что я желаю этого. Потому что я желаю ее».

Даже если она не желает его? «Чего стоит похоть без любви? Хотя бы даже без страсти?»

За спиной послышался шелест. Шорох разгоняемого воздуха, словно в жаркой ночи ползла змея. Соломон не двигался, зная, что, если обернется, попадет во власть соблазна и случится беда.

– Я не звал тебя.

– Если бы ты не звал меня, я бы не пришла. – В ее голосе трепетал смех. – Как ты узнал, что это я?

– По запаху. Ты пахнешь, как целая россыпь пряностей.

Воздух шевельнулся – она подошла ближе.

– Слова твои благоуханны, словно ладан, и мед у тебя под языком.

Она стояла прямо у него за спиной. Он чувствовал, что она совсем близко.

– Слова легко подсластить.

– И тяжелые ночи тоже легко подсластить.

На него давил горячий ночной воздух, темный насыщенный аромат щекотал его чувства. «Я должен ее отослать. Я отошлю ее. Это безумие. Такое же безумие, которое охватило моего отца, когда он увидел мою

мать».

Он осторожно обернулся, стараясь не коснуться ее тела. Теперь их разделял лишь один вздох.

– Царица моя...

– Да, твоя – на эту ночь, – улыбнулась она. – Давай же этой ночью править вместе, Соломон.

В эту жару одежда прилипала к ее роскошному телу. От ее кожи исходил аромат – акация, корица и нежная нотка розы. Аромат любви.

«Безумие». Но противиться этому безумию он больше не мог.

Часть шестая

Благовонное ложе, цветник ароматный

Рахбарин

Тысячелетняя традиция позволяла людям каждое полнолуние и новолуние приходить в царский дворец в поисках милости и правосудия. В отсутствие царицы Билкис ее племянник сидел на Солнечном троне, принимая прошения и верша суд. И отвечая на вопросы. Или, по крайней мере, пытаясь. За полгода, минувшие со дня отъезда царицы, отвечать на вопросы о ней стало не только тяжело, но и скучно.

«Почему людям вообще хочется носить корону?» На этот вопрос Рахбарин тоже не мог ответить. Заменяя царицу, он чуть не сошел с ума. Он больше не мог распоряжаться своим временем. Следовало тщательно взвешивать каждое слово. Все женщины и мужчины, обращавшиеся к нему, нуждались в справедливом решении.

И вот он в очередной раз пытался вынести справедливое решение, внимательно слушая двух женщин: они спорили о том, кому должен достаться белый верблюжонок.

– Верблюдица моя, значит, и верблюжонок от нее мой.

– Да, Куррат, но кто дважды одалживал тебе золото? Разве не благодаря моей помощи удалось тебе вырастить самую быстроногую верблюдицу в Саве? И что я получила за свою помощь?

– Довольно. – Рахбарин поднял свой скипетр, украшенный золотой головой леопарда. Блеснули зеленые глаза, сделанные из изумрудов. – Это второй верблюжонок после второй случки этой верблюдицы? Отвечай только «да» или «нет».

Женщины смотрели друг на друга. От его резкого тона в их глазах побавилось жадности и недоверия.

– Да, царевич, – сказала наконец одна из них.

– А был ли выплачен долг?

– Наполовину, царевич, – признала другая.

– Тогда Куррат, хозяйка верблюдицы, может не возвращать оставшуюся часть долга, но отдаст тебе верблюжонка. Запиши это решение, писец.

«А ты, о Мать, избавь меня от споров, которые в состоянии уладить даже сельский дурачок!»

Отпустив обеих спорщиц, частично удовлетворенных его решением, Рахбарин кивнул, и глашатай позволил следующему просителю приблизиться к Солнечному трону. Это оказалась полная, опрятно одетая женщина, по виду – торговка тканями. Она вышла вперед и встала перед Рахбарином.

– Я – Хавлия из сословия торговцев тканями.

– Зачем Хавлия из сословия торговцев тканями пришла к Солнечному трону?

В начале разговора и просительница, и правитель придерживались выученной наизусть формулы, заданной много поколений назад.

– Чтобы задать вопрос.

– Это твое право.

Глядя на лицо женщины, Рахбарин подавил вздох. Ее тяжелая нижняя челюсть не предвещала ничего хорошего. И Рахбарин уже догадывался, о чем его спросят.

– О царевич, наша царица оставила нас много полнолуний назад. Это тринадцатый суд при дворе без царицы. Когда она вернется к нам?

«Я так и знал, – мрачно подумал Рахбарин. Последние царские приемы не обходились без этого вопроса. – Разве ее можно винить? Царица уехала много месяцев назад, и с тех пор о ее возвращении не слышно ни слова». Нет, он не упрекал подданных своей тети, ведь они задавали вопрос, на который он сам хотел бы узнать ответ. «Но я устал это слышать!»

Еще больше он устал давать уклончивые ответы. А не ответить он не мог – этого не допускал обычай.

– Солнечный трон благодарит Хавлию за ее вопрос. – Это было несложно: начало ответа подсказывала традиция.

Самое сложное ожидалось впереди, ведь он припас лишь успокаивающие отговорки. Женщина и все пришедшие в этот день на суд ждали слов Рахбарина. А у него уже закончились все объяснения.

И он сказал правду:

– Я не знаю. Наша царица каждое новолуние присылает известия о том, что у нее все хорошо и что она вернется тогда, когда будет на то воля Матери Аллат.

– И когда же?

– Я уже сказал, что не знаю. Неужели я, сидя на Солнечном троне, сказал бы тебе неправду? Наша царица исполняет повеление самой Аллат. И она вернется к нам, когда исполнит его.

– Какое повеление? – спросила торговка.

Рахбарин колебался, обдумывая дальнейшие слова. Тетя не открыла истинную причину своего путешествия никому, кроме ближайших советников. Теперь царевич сомневался, что она поступила правильно. Билкис надеялась вернуться, привезя в Саву свой дар – наследницу. Может быть, для ее подданных настало время узнать, на что она решилась ради них?

«Обратись к Аллат и поступай, как она прикажет и как ты сам сочтешь нужным», – так говорила сама царица. Сейчас предстояло решить, что он считает нужным. «Выиграть время». Эти слова вползли в его разум, тихо, как змеи. Матерь ли направляла его или джинн пытался свести с ума? Или это он сам не желал произносить очередную утешительную полуправду? И как он мог различить?

«Нужно что-то сказать».

– Наша царица вернется, – начал Рахбарин.

– Когда? Сколько еще ждать? – послышались голоса.

Рахбарин поднял скипетр. Золотой леопард сверкнул ярко, словно огонь. Все смолкли, и Рахбарин продолжил:

– Наша царица вернется, привезя нам наследницу престола. Сама Аллат обещала нам этот дар. Я не знаю, когда это случится. Я поведал вам то, что Аллат Светлоокая открыла Солнцу наших дней, и, если вам не нравятся мои слова, вы можете пойти во Внутреннее Святилище и спросить сами. Если Аллат ответит вам, приходите на следующий царский суд и расскажите нам, что она ответила.

Все молчали. Наконец Хавлия произнесла:

– Прошу тебя, царевич, отправь на север весть. Скажи нашей царице, что нас тревожит ее долгое отсутствие.

«Поторопить ее, чтобы возвращалась? Неужели вы думаете, что я сам не боролся с этим желанием долгие месяцы?»

– Разве мы глупцы, что нас нельзя оставить одних даже на малый срок? Разве мы дети, с плачем зовущие мать, едва она ступила за порог? Нет, я не пошлю ей такую весть.

Это в любом случае не имело смысла. Рахбарин не сомневался, что царица вернется только с наследницей. Или совсем не вернется.

– Я подчиняюсь Матери Аллат и царице, а не своим страхам – или вашим.

Когда суд закончился, Рахбарин сел на лошадь и выехал за стены Мариба, надеясь обрести покой в тишине, вдали от большого города, где от

него бесконечно чего-то требовали. Но вид раскинувшихся вдоль дороги зеленых плодородных полей не мог унять тревогу на его сердце. Он направил свою кобылу между холмами, и она легким галопом взлетела на одну из вершин. Там Рахбарин остановил ее и спешился. Положив руку на ее гладкую теплую шею, он смотрел на север.

Внизу простирался один из знаменитых савских лесов – ряды благовонных деревьев, более ценных, чем золото. Дальше виднелись очертания большой Марибской плотины, чуда, которое даровало Саве воду для столицы и садов. А дальше...

За большой плотиной раскинулись дикие каменные и песчаные пустыни, охранявшие Саву.

Где-то за этой пустыней, несущей смерть, лежало царство Соломона. «И там держат нашу царицу».

Холодок пробежал у него по спине, легонько царапая кожу, словно струйка песка. Когда он неожиданно напрягся, кобыла заволновалась. Она вскинула голову, и большие кисточки, украшавшие ее оголовник, задели его щеку.

– Тише, милая, тише, – сказал он ей, схватив поводья и лаская кончиками пальцев горячую бархатистую кожу ее морды. – Ты права: я зря волнуюсь. Царь Соломон не станет удерживать нашу царицу против ее воли. Она вернется к нам.

Кобыла, наострив уши, коснулась губами его руки. Рахбарин улыбнулся и еще раз погладил ее морду. Царица вернется. Конечно вернется. Но когда?

Ее не было уже полгода. «Означает ли такое долгое отсутствие успех или неудачу?» Рахбарин не мог себе представить, чтобы его тетя потерпела неудачу в чем бы то ни было, будь то выполнение божественной воли или любое другое дело. Билкис всегда царствовала как победительница.

Тени начали удлиняться. Солнце почти коснулось горизонта на западе. Он смотрел на розово-золотое пламя заката и пытался убедить себя, что новая царица, может быть, прямо в этот момент движется в Саву Путем Пряностей. Но в пылающем небе он ничего не видел, лишь тучи, раскинувшиеся над горизонтом, словно крылья огненной птицы.

Возможно, этот феникс предвещал хорошее будущее. А может, просто переливался гаснущий свет. Царевич решил считать это добрым знаком. Аллат не отправила бы царицу в такую даль, если бы этот путь не имел смысла.

Но в ту ночь он не мог лечь спать со спокойным сердцем, и сон

отказывал ему в своих темных ласках. В конце концов он сдался, встал и вышел на стену, чтобы мерить шагами старые камни, беспокойно, словно запертый в клетку леопард.

«Уже столько времени прошло после ее отъезда!» При дворе он мог проявлять почтение и благочестие, но здесь, на стене, следовало сказать правду хотя бы себе. «Полгода – и ни единой весточки, кроме приказаний ждать».

Под ногами он чувствовал камни стены, все еще хранившие тепло дня. Над головой возвышался небесный свод. Созвездие Короны пылало в ночи белым огнем. Рахбарин нашел взглядом самые яркие звезды, но их холодное сияние ничего ему не открыло.

«Прошу тебя, Пресветлая Богиня, скажи, что мне делать». Он молился и приносил все необходимые жертвы, но все еще не получил ни единого знака. Почему Аллат не хотела с ним говорить?

«Потому что ты и так знаешь, что нужно делать». Рахбарин смущенно опустил голову. «Неужели я стал настолько слабым, что прошу помощи Богини в том, что должен делать сам?» Он знал, что ответила бы его тетя на такие глупые просьбы: «Богиня даровала тебе разум и тело. Она надеется, что ты сумеешь ими воспользоваться».

И разве последний приказ царицы не заключался в том, чтобы он поступал, как сочтет нужным? Чтобы делал то, что посчитает наилучшим для Савы, для царства, а не для себя. Ведь, если бы он делал то, чего хотел сам, он поскакал бы на север и вернулся с царицей. Но это ничего не решило бы.

Нет, ему следовало выполнять свой долг здесь, охраняя Саву и трон до возвращения царицы.

«А если наша царица никогда не вернется?»

Рахбарин смотрел на звезды, пылавшие белым огнем. «Если она не вернется, она пришлет вместо себя наследницу. А я буду хранить для нее трон. И, когда новая царица въедет в ворота Мариба, я буду ждать, готовый служить ей».

Песнь Ваалит

Теперь, когда мне случается думать о тех днях, я чувствую жар. Меня заливают горячая волна стыда за мои поступки. В то время я не находила себе места, словно голодная пантера. Я не впускала в железные стены, которые воздвигла вокруг себя, даже Нимру и Кешет, а ведь я любила их

как сестер. Я сама себя сделала одинокой безо всяких причин и позволила гневу уничтожить мой покой. Впрочем, я ведь была очень молода, а в молодости мы часто жестоки даже к себе самим. И мой разум не находил покоя. Гуляла ли я по саду царицы Мелхолы, каталась ли на Ури, пряла, училась или играла в мяч с младшими братьями, слова царицы Билкис неслышно пели у меня в крови: «Ты создана для того, чтобы править, ты рождена быть царицей».

Эти слова открыли мне двери к мыслям, которые я давно себе запретила даже во сне. Теперь я вспомнила, почему нельзя слушать пение сладкоголосых сирен: оно приносит лишь печаль.

«Создана для того, чтобы править», – да, с этим я могла согласиться без ложной скромности. Я знала с тех самых пор, как научилась ходить, что смогла бы править лучше, чем мой брат Ровоам. Там, где он упрямялся, я проявляла твердость, он был жестоким там, где я была добра, и вспыхивал, словно сухой трут. А еще он не умел правильно судить о людях. Тем более о женщинах. Мой брат презирал женщин, считая их слабыми. Я подозревала, что он втайне презирает и нашего отца. Ровоам путал терпимость со слабостью, терпение со страхом, уступку с поражением. Его главный порок заключался в надменном отношении к другим.

«Создана для того, чтобы править». Да, теперь я поняла, что всю свою жизнь училась этому. Я хваталась за любую возможность, которую отбрасывал мой высокомерный брат. Я принимала к сведению все слова учителей и внимательно слушала отца, изучая его двор так же прилежно, как свои задания. А еще я слушала все, что говорили мои мачехи, даже самые глупые. Я прожила четырнадцать лет в отцовском дворце, и теперь я понимала, что не потратила впустую ни единого дня из этого времени. Каждый день я искала знаний и училась. Я подготовила себя к тому, чтобы царствовать, сама не зная об этом.

«Рождена быть царицей...»

Но царица Билкис ошиблась. Все мои годы безотчетных поисков прошли впустую. Ничего не значили мои умения, таланты и разум. Да и я сама ничего не значила в сравнении с тем, что Ровоам родился царским сыном, а я – всего лишь царской дочерью.

Никогда я не смогла бы стать такой царицей, как она. В лучшем случае мне предстояло стать царской женой.

Лишь на это я могла надеяться. И этого мне было мало.

– Что-то не так.

Нимра мерила шагами сад. Дойдя до конца дорожки, она повернула и пошла вдоль клумбы лилий. Длинная коса билась о ее спину.

– Что, по-твоему, не так? Иди сюда, сядь рядом со мной.

Кешет похлопала по краю фонтана, но Нимра не позволила себя уговорить.

– Не знаю. Царевна неспокойна.

– Что может ее тревожить?

– Не знаю, – повторила Нимра, – но, что бы это ни было, с нами она не поделится. Ты ведь заметила, что она подолгу где-то пропадает?

– Она и раньше убегала из дворца, – улыбнулась Кешет, – как и все мы.

– Да, но вместе. А теперь – не знаю, чем она занимается, но нас с собой не берет. Это меня тревожит.

Перебрав в памяти дни, прошедшие с последнего новолуния, Кешет поняла, что Нимра права. Слишком часто Ваалит попросту не удавалось найти. Она больше не делилась с ними своими тайнами.

– Да, – согласилась Кешет, – она совсем забросила нас, и меня тоже это беспокоит. Думаешь, она встречается с возлюбленным?

Нимра покачала головой:

– С кем? К тому же об этом она нам сказала бы. Наверное, дело в другом. Это что-то опасное. Все началось с того, что сюда приехала царица Савская, – нахмурилась Нимра.

– Кажется, ты права, – согласилась Кешет, обдумав эти слова, – но она проводит время не с царицей. По крайней мере, не все свое время. Так где же она пропадает?

– И почему не доверяет нам?

– Не знаю, – еще раз повторила Кешет. – Почему бы нам не спросить ее?

Нимра задумалась.

– Да, – сказала наконец она, – так и сделаем.

Но это решение не принесло им покоя, ведь, когда они, раздевая царевну перед сном и расчесывая ей волосы, попросили уделить им немного времени, Ваалит в ответ на их беспокойные расспросы сказала:

– Я гуляю, чтобы привести в порядок свои мысли, вот и все.

«Она избегает наших взглядов, она врет нам». Сама мысль о том, что царевна может их обманывать, расстроила Кешет. А то, что царевна считала их способными проглотить такое бестолковое объяснение, разозлило ее.

– Это не все, – резко сказала Кешет. – Ваалит, мы знаем тебя как себя,

так что, если уж решила нам солгать, придумай, по крайней мере, что-то получше!

Кешет надеялась, что от этих язвительных слов Ваалит потеряет осторожность и выдаст себя, – ее гнев пылал так же ярко, как любовь. Но царица лишь посмотрела на Кешет, затем на Нимру и ответила:

– Не могу. Поэтому, вместо того чтобы вас обманывать, я лучше вообще ничего не скажу.

И в дальнейшем никакими словами Кешет и Нимра не смогли добиться от нее другого ответа. В конце концов они оставили свои попытки – по крайней мере, на тот вечер.

– Но мы разгадаем ее секрет, – прошептала Кешет Нимре, когда они легли в свою постель, бодрствуя и прислушиваясь, не донесется ли с кровати Ваалит какой-нибудь шорох. – Мы должны. Можем ли мы защищать ее, ничего не зная?

– Не можем. Засыпай, Кешет.

Но, хотя сама Нимра лежала спокойно, ее дыхание выдавало, что она не спит. Позже Кешет раздумывала о том, спал ли вообще кто-либо из них той ночью. Если сама она и заснула, ей снилось, что она бодрствует и слышит тихие шаги Ваалит, уходящей и оставляющей их в темноте.

Веня

Когда его спрашивали, что он думает о визите царицы Савской, Веня чаще всего просто пожимал плечами. А если собеседник упорствовал в своих вопросах – хотя мало кто осмеливался упорствовать, беседуя с царским главнокомандующим, – и если Веня в тот день чувствовал прилив красноречия, он мог произнести несколько слов:

– Великая царица, достойная нашего великого царя. Хотя войско у них так себе.

А однажды, когда сам царь Соломон спросил, что Веня думает о гостях, тот ответил:

– Царица чего-то хочет от тебя. Наверное, со временем ты это выяснишь. Женщины глупы в военных делах, но коварны в интригах.

Царь засмеялся и сказал, что Веня слишком подозрителен и недоверчив.

– Для царского главнокомандующего это не так уж плохо, – ответил тот. – Прошу тебя, господин мой, будь осторожен, имея дело с женщинами.

Если бы он сам помнил эти слова и следовал собственному совету,

теперь он не страдал бы от неизвестности и сомнений. Но, едва он увидел ту девушку, к ней устремилось его сердце.

«А разум последовал за ним», – сказал себе Веная. Со своим противником он не мог бороться ни силой, ни хитростью. Ведя эту войну, Веная боялся проиграть. Он боялся, что есть лишь один исход: плохой.

«Лучше бы мне ее не видеть! Если бы я не увидел ее, я был бы избавлен от этих мук. Лучше бы...» Но Веная оборвал мысли о том, что не желал бы ее видеть. Да, это спасло бы его. И в то же время уничтожило бы. «Чистое безумие – полюбить в моем возрасте, да еще и такую девушку».

Чужеземку, язычницу, к тому же годившуюся ему в дочери! «Нет, старик, скажи правду хотя бы самому себе: она годится тебе во внучки».

Но этот противник поверг великого полководца Венаю. Он оказался бессилён перед неистовым взглядом чужеземки. Поэтому теперь он стоял у ее ворот, нетерпеливый и не находящий слов, как юнец-пастух, ожидающий благосклонности своей возлюбленной.

Никаулис

– Он снова здесь, – объявила Хуррами, – спрашивает тебя. Сказать ему, чтобы уходил?

– Царский главнокомандующий? Не глупи, девица, я поговорю с ним.

Хотя Никаулис пыталась овладеть собой, у нее колотилось сердце, а по телу пробегала дрожь. Она встала и прошла к двери. Хуррами кинулась следом и преградила ей путь:

– Ты что, так и выйдешь к нему? И так быстро, словно тебе не терпелось броситься на его зов? Пусть подождет, пока ты переоденешься и заплетешь волосы. А еще можно подкрасить тебе лицо...

Качая головой, Никаулис попыталась обойти Хуррами.

– Веная прекрасно знает, как я выгляжу и одеваюсь. Я не буду играть в глупые игры. Либо я выхожу, либо нет. А теперь отойди. Я не хочу заставлять хорошего человека ждать.

Хуррами со вздохом отошла:

– Хорошо. Но жаль, что ты не позволяешь мне раскрыть твою истинную красоту. Никто не захочет жениться на воительнице.

– Пожалуй. Но и я не хочу ни за кого выходить замуж.

Никаулис быстро вышла, надеясь побороть собственное смущение из-за этих слов, наполовину правдивых и наполовину лживых. Ведь она знала, что Веная хочет жениться на ней, несмотря на то что она воительница. Он

ничего ей не говорил, он даже руки ее не коснулся, но она знала, что он, несмотря на доводы рассудка и здравого смысла, желает ее. А ее, несмотря на принесенные клятвы, не оставляло равнодушной такое сильное желание.

«Но я не поддамся». Ее девственное тело могло не подчиняться, но воля все еще принадлежала ей. Лунные девы не выходили замуж, не отдавали себя во власть мужчин. Но ни один закон и ни один обет не запрещал ей говорить с Венаей, прогуливаться с ним или мериться силой и ловкостью.

«И ничего большего я не допущу. Между нами не может быть ничего, кроме дружбы. Нельзя позволять ему просить о большем». Если он никогда не произнесет этих слов, то не придется отказывать. А отказать пришлось бы. Она посвятила свое целомудрие богине, а свою верность – царице Савской, и не могла принести еще и третий обет, не разорвав узы чести первых двух.

Поэтому не следовало позволять Венае просить о том, чего он никогда не сможет получить. Не следовало позволять ему произносить эти слова, ведь Никаулис чувствовала предательское желание их услышать.

Веная

«Я не должен приближаться к ней». Но, когда Веная увидел, что Никаулис идет к нему, двигаясь изящно, словно дикая кошка на охоте, он понял, что не сможет следовать этому решению. Впервые желание одержало верх над здравым смыслом и железной волей. «И не будь ее воля столь же сильна, мы бы уже много раз позволили себе это безумие».

Никаулис остановилась перед ним. Она была с ним одного роста и смотрела прямо ему в глаза.

– Ты хотел видеть меня. Я пришла.

– Я рад.

Веная хотел сказать больше, но он не был Давидом Великим, чтобы от его песен женские сердца таяли, словно сладкий мед. Не был он и Соломоном, чтобы завоевать ее сердце мудрыми словами и остроумием. «Я простой воин и говорю просто».

Но казалось, что госпожу его сердца это не смущает, ведь так говорила и она сама. «Никто из нас не бросается словами, но за сказанное мы отвечаем».

– Ты улыбаешься, – заметила она.

– Я думаю о том, что сказал бы другой мужчина при виде женщины,

затянутой в кожу, с мечом на поясе.

– Я слышала, что обо мне говорят другие мужчины. Они недооценивают противника – извечная ошибка глупцов.

– Ты права. Но ни одна женщина не выстоит против мужчины в бою.

Никаулис улыбнулась как воин:

– Думаешь, не выстоит?

Она вскинула голову. Серебряная полоска, защищавшая шею, блеснула ярко, словно гордый взгляд воительницы.

– Я не думаю, я знаю. Нет, я признаю, что женщины могут хорошо сражаться. Я не слепец и видел, как ты упражняешься со своим мечом и луком. Но, если поставить против тебя мужчину, столь же искусного в бою, придется тебе уступить его силе.

– Ты говоришь, что сила всегда побеждает искусство? – Никаулис твердо посмотрела на него своими ясными глазами. – И на что же ты готов поспорить, царский главнокомандующий?

Его вдруг захлестнуло странное желание – скрестить меч с этой девушкой, встать против нее и не сдаваться до победы одного из них.

– Или ты боишься бросить мне вызов, зная, что я могу тебя превзойти?

– Я не боюсь ничьего вызова. Что же касается ставки, пусть это будет поцелуй. – Слова сорвались с его языка прежде, чем он успел спохватиться.

Она молча смотрела на Венаю, а он – на нее. Главнокомандующий не желал покоряться буре чувств или брать свои слова назад.

– Ты молчишь, воительница. Боишься, что ставка слишком высока?

Та же самая гордость, что внушила ему эти слова, придавала ей твердости.

– Я не боюсь мужчин. Ставка принята.

Бок о бок они прошли на площадку для воинских упражнений, которую Веная когда-то приказал разбить за оружейным складом. В это время суток там никого не было – именно по этой причине Веная выбрал такое время и место. Никаулис одобрительно кивнула. Никто из них не хотел, чтобы на них смотрели.

В центре плотно утоптанной площадки Веная остановился.

– Хочешь ли ты сдать?

– Мы еще даже не обнажили мечи. Нет. Я буду честно сражаться.

– Хорошо. Я тоже. И не буду делать тебе уступок, хоть ты и женщина.

– И я не буду делать тебе уступок, хоть ты и мужчина.

Глаза Никаулис сверкнули в солнечном свете. Веная улыбнулся и достал меч.

- Сражаемся, пока не сдашься, – сказал он.
– Пока ты не сдашься, – засмеялась Никаулис, обнажая свой меч.
И они начали.

Металл звенел о металл. Выпад – отступление. После первых нескольких выпадов Веная понял, что легко добыть победу не удастся. И осознание этого ударило в голову, словно горячее вино. Очень давно он не встречал противника, по-настоящему способного помериться с ним искусством. Никаулис отвечала на каждый его выпад, на каждый взмах меча. Она двигалась быстро, проворная, как пантера, гибкая, как змея. Он двигался медленнее и походил скорее на быка.

Разворот, блокировка удара, снова разворот, выпад, разворот. Танец с мечами, неизменный и всегда разный. Сначала он думал, что его сила окажется более стойкой, чем ее проворство. Но во время поединка Веная постепенно начал осознавать, что она не уступит.

Она была хороша. Так же хороша, как он.

Выпад, отступление, шаг вперед, разворот. Под лязг железа о железо, все с той же силой. Ни один боец не давал другому ни мгновения передышки. Веная знал, что заплатит за это ссадинами и тупой болью в мышцах, но до этого было еще далеко.

«Последний достойный бой. По-настоящему равный мне противник». Многие ли мужчины могли этим похвастаться? Имело ли значение, что соперник, равный ему в мастерстве, оказался женщиной? «Если бы это могло длиться вечно...»

Но его бойцовский опыт подсказывал, что поединок скоро закончится.

Пот блестел на лбу и на руках его девы-воительницы. Она дышала быстро и тяжело. Веная понимал, что она так же измучена, как и он сам. Но сдаваться она не собиралась. Никаулис сражалась бы, пока от напряжения не начали бы дрожать не только мышцы, но даже сами кости, и пока ее тело не предало бы ее, отказавшись подчиняться.

«И я тоже не сдамся». Веная знал, что не сможет уступить, пока все еще способен дышать. Однако поединок следовало заканчивать как можно скорее, пока от усталости кто-то из них не потерял осторожность и не ранил другого...

Никаулис развернулась и высоко вскинула меч. Он тоже поднял меч, чтобы защититься, а потом опустил его одновременно с Никаулис. Клинки с лязгом скрестились. Веная смотрел в ее глаза. Они сверкали, распаленные битвой. Она улыбнулась, и белые зубы блеснули, словно звериные.

– Никаулис, – Веная старался говорить тихо и спокойно, не хватая воздух ртом, – Никаулис, мы должны это прекратить. Опусть свой меч.

– Нет. Я не сдамся.

– Я не прошу тебя сдаться. Никаулис, никто из нас не победит в этом поединке. Опустим меч, а я опущу свой.

Несколько долгих мгновений Вена боялась, что она не услышала его или не поняла. Потом жестокий блеск в ее глазах погас.

– Я опущу свой меч после тебя, – сказала она.

Ее мускулы дрожали от долгого напряжения, меч трясся в ее руках, с легким звоном упираясь в закаленный клинок Вена. Военачальник уже не смог бы сказать, дрожь ли это ее измученного тела или его собственного.

– Вместе, – сказал он, – мы вместе опустим мечи. – Она колебалась, и он добавил: – По твоей команде, воительница.

Она кивнула и произнесла:

– Сейчас.

Вена разжал пальцы, и меч упал на горячий песок. Ее меч упал рядом, железо звякнуло о железо. Они стояли над клинками и смотрели друг на друга.

– Ты не победил, царский военачальник.

– Ты тоже.

Амазонка ничего не ответила. Они молча ушли с арены, молча вытерли клинки кусками полотна.

– Хорошего тебе дня, Вена, – промолвила Никаулис и ушла.

Вена смотрел ей вслед, пока она не исчезла в переулке, ведущем к воротам Малого дворца. Он оглянулся на площадку, где они сражались. От их шагов светлый песок покрылся ямками и рытвинами и был весь истоптан. «Нужно его разровнять».

Военачальник спрятал меч в ножны и отправился искать ничем не занятого солдата. Этому беззаботному бедняге предстояло узнать: если шатаешься без дела, тебе его найдут. Хорошие солдаты всегда выглядят занятыми.

Билкис

– О царица! – Хуррами проскользнула в комнату, где Билкис диктовала послания в Саву. Позолоченная кожаная завеса опустилась за служанкой. – О царица, к тебе пришли поговорить царские женщины. Примешь ли ты их, Солнце наших дней?

Билкис и девушка-писец уставились на Хуррами.

– Царские женщины пришли сюда?

Это означало лишь неприятности.

– А кто из них пришел?

– Царица Меласадна. Она принесла с собой всего одну собачку, завернула ее в шаль, как ребенка. И госпожа Гилада. И царица Улбану. И госпожа Двора. И госпожа Лиоренда.

«Целое посольство из гарема».

Билкис подняла руку, отпуская девушку-писца:

– Я выйду к ним. Проводи их в сад и распорядись, чтобы принесли крепкого вина.

– Как прикажет царица. – Хуррами быстро оглядела госпожу. – Прежде чем царица выйдет к этим женщинам, не хочет ли она одеться более...

– ...по-царски? Ты уже начинаешь говорить, словно Ирция. Нет, если уж они пришли, у них явно что-то срочное. Я выйду к ним так.

Проходя через покои Малого дворца в старый сад, она пыталась угадать, что могло привести полдюжины царских женщин на поклон к их главной сопернице. Несомненно, что-то очень серьезное, если забеспокоилась даже безмятежная госпожа Лиоренда. Но египтянка и хушитка не пришли. Дочь фараона, конечно, не обращала внимания ни на какие неприятности, что же касается Македы... «Даже слабоумный не посмел бы задеть змеиную невесту».

Не пришла и Наама, и колхидская молодая жена Соломона. «Что ж, они разделились на два лагеря, это ясно. А я должна помирить эти воюющие группы и царя».

Когда царица вышла в сад, уже подали вино, как она и приказывала. Она улыбнулась незваным гостям.

– Ваш визит – большая честь для меня. Прошу вас, угощайтесь и расскажите мне, чем я могу вам услужить.

«И давайте сделаем вид, что все мы тут – сестры и равны между собой». Когда рабыня наполнила кубок царицы вином, та поднесла его к губам, делая вид, что пьет. Другие, осмелев, тоже начали пить. Это могло помочь им говорить свободнее. Они очень спешили к ней, и привела их какая-то беда. Расплетенные косы госпожи Гилады свисали прядями. Госпожа Улбану пришла босиком. На щеках Меласадны виднелись потеки сурьмы – она только что плакала. Шаль, в которую она кутала щенка, была порвана. Собачка выглядывала из складок, белая, как жемчужина, а ее носик и глазки блестели, словно агаты.

– Пейте, – снова сказала Билкис, делая вид, что пьет сама.

Затем она отставила кубок и улыбнулась. Наклонившись, она погладила щенка по голове, а тот облизал ей пальцы. Она взяла каждую

женщину за руку и поцеловала в щеку.

– А сейчас, сестры, поделитесь со мной своими тревогами и расскажите, как я могу помочь вам.

Все посмотрели на Меласадну. Она, сдерживая всхлипы, заговорила:

– Все началось с того, что Пирип, щенок, побежал за царевичем Халевом. Это сын госпожи Дворы, хороший мальчик, добрый к собакам...

Билкис мягко задавала вопросы, придавая смелости рассказчице, хотя уже успела понять, что произошло: помогли долгие годы правления и множество дел, разобранных на царских судах. Царевич Халев и щенок стали играть. Они попались на глаза Ровоаму, а тот поймал щенка и решил отдать его царице Даксури.

– Она поклоняется божеству, которое требует, чтобы ему каждое новолуние приносили в жертву собак!

Конечно, царевич Халев бросился к матери, которая, в свою очередь, поспешила к Меласадне, а та смело отправилась к госпоже Даксури, чтобы вырвать Пирипа из ее рук. В результате вспыхнувшей ссоры Меласадна и ее подруги выступили против матери наследника и ее союзниц. Вскоре дело зашло так далеко, что в Женском дворце разгорелась самая настоящая война, которую никто не мог остановить, и казалось, что дальше будет только хуже.

– Никто не может навести порядок. Если бы только царица Мелхола была жива!

«Судя по тому, что я успела узнать, царица Мелхола скорее приказала бы защитить вас всех в мешки и сбросить с городской стены, чем позволила бы тревожить Соломона!» Она мрачно улыбнулась этой мысли, но сказала лишь одно:

– Это очень печально, сестры мои. Чего бы вы хотели от меня?

Все женщины заулыбались, радуясь, что она приняла на себя руководство. Царица Меласадна прижала к груди щенка и попросила:

– Поговори с царем. Он ценит мир превыше всего. Он положит всему этому конец.

«И каким же образом, сестра?» Впрочем, этого она вслух не произнесла, лишь улыбнулась и заверила, что сделает все возможное. Услышав это ничего не значащее обещание, царица Меласадна и госпожа Гилада заулыбались. Билкис вздохнула. Вмешательство чужака часто приносило больше раздора, чем покоя. Но она дала слово. Она действительно собиралась поговорить с царем и надеялась не слишком его опечалить.

Билкис рассказала об этом деле так мягко, как только смогла, но не имела возможности подсластить суть своих слов. И, как она и боялась, царь счел виновным не Ровоама, и не колхидскую царевну, и не кого-либо из женщин, которым не хватало ума жить спокойно и не подливать масла в тлеющий огонь, вызывая пожар. Нет, царь обвинил во всем себя:

– У меня ничего не получилось, Билкис. Я не знаю, что сделал не так. Я справедлив ко всем женщинам, никого не выделяю перед другими и одинаково отношусь ко всем своим сыновьям. Почему же тогда в моем доме не больше мира, чем было в отцовском?

– О Соломон, милый мой... – Она проглотила вертевшееся на языке слово «мальчик», не желая напоминать ему, как он молод по сравнению с ней.

– Билкис, ты женщина и царица. Просвети же меня. Что я делаю не так? Разве я не отношусь ко всем своим домочадцам справедливо?

– Скорее я бы сказала, что я царица и женщина. – Она погладила его плечо, снимая напряжение. – Что ты делаешь не так? Наверное, ты слишком справедлив с ними.

– Очередная загадка, о царица Утра?

– Нет, будь это загадка, Соломон Премудрый непременно знал бы ответ.

– Возможно, Соломон не так мудр, как о нем говорят.

Он накрыл ее руку своей. Ее кожа была прохладной, как воздух на рассвете.

– Разве можно вести себя слишком справедливо?

– Истинная моя любовь, мудрый мой царь, ты ведешь себя так, что им не за что бороться. Хотя нет, они видят перед собой награду, которую никто не может завоевать.

– И что же это за награда?

– Царское расположение.

– Я не буду возвышать одну женщину, принижая остальных.

– Когда-то ты возвышал одну женщину больше всех.

– Это было много лет назад. Я тогда был моложе.

– И ты был влюблен.

– Да, я был влюблен.

«Ависага», – подумал он, пытаясь воскресить в памяти ее лицо. Напрасные попытки. Соломон закрыл глаза, уткнувшись лицом в волосы Билкис. Ее гладкие волосы пахли корицей. Корицей и розой.

И от этого аромата воспоминания нахлынули, как весеннее половодье. Вот Ависага ждет его в солнечном саду, сладкая, словно мед. Вот она

рискует всем, чтобы предупредить его, когда вероломный Адония посягает на корону. Ависага стоит на царском балконе в их первую брачную ночь, и тело ее окутывает лишь свет звезд и распущенные волосы. Ависага сияет, как золотой плод граната: ее тело наконец готово дать жизнь ребенку, их ребенку, который убьет ее...

Ависага.

– Теперь ты понял? – прошептала ему на ухо Билкис, тихо, будто ночной ветерок. – Они борются с призраком, Соломон. А мертвые всегда побеждают.

Билкис

Но через несколько дней Билкис подумала, что могла ошибиться. Может быть, живая душа наконец победила. Утро выдалось ясным, и, когда к полудню все во дворце затихло, Соломон пришел к ней, страстный, словно юноша.

– Хороший день, – сказала она, угадав его настроение и стараясь вести себя так же. – С самого моего приезда сюда я не видела такого голубого неба.

– Да. – В его глазах словно пылал огонь. – День для...

– Для царя и царицы? – игриво спросила она, испытывая его.

– День для влюбленных. – Он улыбнулся, явно не обращая внимания на то, что она снова подшучивает над ним. – День для Соломона и Билкис.

Да, его испытали, и он прошел испытание. И все же она оставалась настороже, ведь этот мужчина казался слишком совершенным, превосходящим обычных людей.

«Или не заслуживающим именоваться человеком». Но он стоял перед ней, ожидая, протянув к ней руки, молчаливо умоляя этим терпеливым жестом. И она вдруг почувствовала, что устала от настороженности и осмотрительности. Ей надоело взвешивать каждое свое слово. Надоела вечная невидимая битва. «Я целыми днями и ночами рассматриваю со всех сторон чужие жизни, я думаю о чужом счастье и благе. А сегодня...»

– Билкис идет со мной? – спросил Соломон, словно увидев, что ей нужна помощь, чтобы переступить последний порог.

И от беззаботной бурной радости кровь, спокойно бежавшая по жилам, закипела, превратившись в горячее пьянящее вино.

«Сегодня царица Утра снимет оковы с Билкис. На один день царица выпустит женщину на свободу».

Она медленно подала ему руки, и он сомкнул на них пальцы в безмолвной ласке.

– Да, Соломон, сегодня Билкис идет с тобой.

Она не знала, что задумал Соломон. Он и сам не знал. По крайней мере, так он сказал, хотя она не поверила: ведь у царей даже порывы должны быть упорядочены и тщательно продуманы. «Впрочем, я не стану портить этот день вопросами. Сегодня мы не будем испытывать его мудрость и мою проницательность».

То был день свободы. И она лишь улыбнулась и последовала за ним.

Соломон в очередной раз удивил ее. Она думала, что он выведет ее за стены Иерусалима, в какое-нибудь укромное место, но вместо этого они, петляя по тесным дворцовым коридорам, дошли до вьющейся вверх лестницы.

– Сюда, – указал он и повел ее по узким ступеням.

Они поднялись на башню, залитую чистым солнечным светом, и Билкис остановилась, пораженная открывшимся видом.

«Да это же крыша мира!» Но она всего лишь поднялась на крышу царского дворца. На самую высокую его крышу. Отсюда открывался вид на весь Иерусалим, дремавший в золотой летней дымке. За городскими стенами раскинулись холмы, посеребренные рядами оливковых деревьев, а дальше на север и на восток простирались горы. На западе зелено-желтая равнина спускалась к беспокойному морю. А на юге... На юге ждала Сава.

«Нет, я не богиня и не могу заглянуть за край мира. Я царица и должна заботиться лишь о том, что вижу перед собой. Но не сегодня. Сегодня...»

– Красиво, правда?

Соломон отпустил ее руку и обвил рукой ее стан, так непринужденно, словно они и впрямь были свободными молодыми любовниками.

– Да. – Она обернулась к нему, оставляя за спиной Саву и ожидавшие ее там обязанности. – Ты снова удивил меня, царь Соломон. Наверное, такие укромные места находит для свидания пылкий влюбленный где-нибудь в горах?

– Поверь мне, в горах нет укромных мест. Не для нас. Если бы я приказал запрячь лошадей, половина людей во дворце узнала бы, куда я еду и зачем. И сообщили бы всем остальным еще до того, как я взялся бы за поводья. А уж если бы я уезжал с красивой женщиной... – он засмеялся, продолжая обнимать ее и проводя рукой по ее щеке, – то мы с таким же успехом могли бы выступить под знаменами, словно войско.

– И ты привел меня сюда.

Теперь она заметила, как хорошо все устроено на этой крыше. Половину ее затенял навес, а под его пурпурными и золотыми полосами на твердых камнях раскинулись ковры, на которых были вытканы оазисы. На коврах лежали подушки, обещающая еще больший уют, когда придет время. Рядом стоял накрытый столик с вином и фруктами, хлебом и сыром. И повсюду – цветы в ярких кувшинах. «Он долго трудился, чтобы создать для нас этот сад. Как ему удалось сохранить все в секрете?»

– И я привел тебя сюда. Каждый мужчина может привести свою возлюбленную на крышу.

– И каждая женщина может подняться на крышу со своим возлюбленным. Я принадлежу своему возлюбленному, а он мне – на это время. Ведь очень многие любят тебя, царь моего сердца.

Соломон улыбнулся. Она и не думала, что он может выглядеть таким измученным.

– Да, меня любят, Билкис, но по обязанности. Меня любят потому, что я справедливый человек и милостивый царь, а еще потому, что я не тревожу людей вещами, которых они не желают понимать. Но меня не любят по-настоящему, так, как любили моего отца Давида, несмотря на все его грехи, несмотря на всю тяжесть, которую он взваливал людям на плечи. Они его любили безо всяких причин. Просто любили.

Она взяла его за руку, и их пальцы сплелись.

– Забудь о людях, Соломон, их любовь не имеет значения. Благоденствие, счастье и свободу ты даешь им и так, потому что ты их царь, земной посредник между ними и их Богом.

– Да. Но приятно было бы, если бы меня любили, несмотря на мои недостатки.

– Или за них?

– И за них тоже.

Она засмеялась, пытаясь снова пробудить в нем веселость.

– В таком случае тяжело тебе придется, любимый мой, ведь у тебя нет недостатков.

– Тогда я хотел бы ими обладать.

– Нет, я ошиблась, один недостаток у тебя есть.

– И какой же?

– Ты слишком мрачен, сердце мое. Иди ко мне, забудь на время о своих неблагодарных подданных.

– Они достаточно благодарны. Они даруют мне свое уважение и послушание.

– И даровали бы своих дочерей, если бы ты их принимал. Твоя

умеренность чрезмерна, Соломон. Менее великий царь завел бы себе гарем из тысячи красавиц, чтобы они скрашивали его ночи.

– Разве умеренность – это недостаток? Может, и так, – пожал плечами он. – Я умеренный и терпимый, и меня называют Соломоном Премудрым. Соломоном Справедливым. – Он смотрел на город внизу. – Но Иерусалим они продолжают называть городом царя Давида.

– Все изменится.

Он покачал головой и отвернулся от города:

– Нет, не изменится. Даже через тысячу лет они будут называть Иерусалим городом царя Давида.

Ей стало страшно от усталости и безнадежности, звучавших в его голосе. Он словно бы отказался от давней надежды. Она не стала ждать его поцелуя, а обняла и прижала к себе, словно больного ребенка.

– Не думай об этом, любовь моя, – прошептала она ему, – это не имеет значения. Говорю тебе, через тысячу лет о царе Давиде будут помнить лишь то, что он породил Соломона Премудрого.

Соломон отстранился и обхватил ладонями ее лицо:

– Любимая, мудрость твоя – словно хмельное вино, и лжешь ты по-царски. – И, прежде чем она успела возразить, он поцеловал ее. – А поцелуи твои, как мед. Иди ко мне, прекрасная моя, единственная моя возлюбленная...

– Единственная? А сколько женщин до меня поднималось по этим ступеням вместе с тобой? Видя, как хорошо здесь все подготовлено, любая женщина спросила бы об этом своего возлюбленного.

– И сколько же, по-твоему?

– Я думаю, до меня – лишь одна.

На миг ей показалось, что она зря это сказала. «Пусть даже сегодня день свободы, все равно мне не следовало так опрометчиво напоминать ему об ушедшей любви!»

Но он не отстранился и не замкнулся в себе. Напротив, его взгляд смягчился и засиял, словно хрусталь.

– Лишь одна, а после нее – никто. – Он провел рукой по мягким завиткам ее волос. – До тебя – никто.

Соломон нащупал одну из украшенных драгоценными камнями заколок из слоновой кости, удерживающих ее тяжелые волосы. Он вытащил заколку так осторожно, что Билкис поняла это лишь тогда, когда драгоценный камешек звякнул о каменную плиту под ее ногами.

– Ни одна женщина.

Когда царица снова накинула на себя свои наряды – она позволила ему застегнуть яшмовые пряжки у себя на плечах и собрать заколками из слоновой кости мягкие завитки своих волос, – когда царица ушла, оставив после себя легкий аромат роз и корицы, Соломон еще долго оставался на крыше, в своем убежище, которое так давно создал. Здесь он мог отдыхать, и никто его не тревожил. Здесь он мог обнимать свою возлюбленную.

Здесь он мог насладиться покоем и одиночеством.

Конечно, покой и одиночество он лишь воображал себе. Царь может владеть чем угодно, кроме собственной жизни. Но убежище хотя бы создавало видимость этой доступной всем остальным роскоши.

И даже оно тяжело ему досталось. Вообще-то ему помог слуга Товия. Самому царю было бы трудно, да что там, невозможно достать все необходимое и в одиночку пронести на башню. Но Товия никогда не выдал бы секрет, об этом Соломон не беспокоился. И было бы заносчивым безумием исчезнуть по-настоящему. Хотя бы одному человеку следовало знать, где можно найти царя при необходимости.

А все остальное Соломон сделал сам.

Ничьи руки не касались подушек, на которых отдыхали они с Билкис. И он сам принес вино и фрукты и расставил на низком мозаичном столике.

Больше всего нравились ему цветы, ведь они потребовали от него особой ловкости и усилий. По всей крыше стояли ярко раскрашенные глиняные кувшины, а в них – ирисы, гиацинты, розы и лилии. Сладкий сильный аромат разносился в горячем воздухе. Маленький садик, зато принадлежащий лишь ему.

«Подумать только – я создал это убежище только сейчас. Только сейчас я снова обрел этот покой – лишь потому, что хотел уединиться со своей возлюбленной царицей...»

Еще один дар, за который следовало поблагодарить Билкис. Ведь здесь, на этой вершине, предназначенной для влюбленных, Соломон мог отдыхать и наслаждаться, зная, что его не отвлекут незначительные мелочи. Лишь важное и неотложное дело могло заставить Товию подняться по узкой извилистой лестнице сюда, в тайный царский сад.

«Здесь я могу поступать, как мне нравится, не заботясь о том, мудро ли это, справедливо ли, осмотрительно ли». Соломон, улыбаясь, раскрошил горбушку хлеба на согретые солнцем камни. Сразу же слетелись воробьи, ожесточенно ссорясь за царскую милость.

«Совсем как мои подданные. Хотя птицы честнее. А люди были честны, когда поставили над собой царя, чтобы он взвалил себе на плечи их тяготы и грехи?»

Что если сто лет назад, еще до появления богатой страны и царства, все шло куда лучше? Тогда в Израиле и Иудее не было царя, двора, подданных, чиновников. Лишь гордый свободный народ, державшийся в стороне от соседей. Земледельцы, пастухи и торговцы.

«Не было города царя Давида. И храма».

Произошло столько перемен, к тому же так быстро. В течение срока всего лишь одной долгой человеческой жизни эта земля изменилась до неузнаваемости.

«Когда царица Мелхола была девочкой, нашей страной правили только судьи. Все немногочисленные законы тех времен установлены ими». Тогда каждый делал то, что сам считал правильным, – так до сих пор говорят о тех диких временах. «А это путь к хаосу». Но Мелхола успела увидеть, как ее отец покорил этих гордых диких людей. Он стал их первым царем, а ее муж – вторым, и сама она вырастила третьего. Теперь Соломон правил не только Израилем и Иудеей, но и Моавом, Идумеей и полудюжиной других царств. Под его влиянием принимали свои решения правители повсюду, от Египта и Тира до Вавилона.

«Саул правил одним царством, а Давид двумя. Я правлю империей. А что ожидает моего сына?»

Задав себе этот вопрос, царь помрачнел. Даже взгляд любящего отца не мог отыскать в Ровоаме качеств, нужных царю. Впрочем, он был еще юн. «Я должен дать ему время. И учить его.

Но я не стану об этом думать. Не здесь и не сейчас. Я не стану думать о будущем или прошлом. О чем-либо, кроме этого момента. Момента, когда я снова могу лежать в этом саду, смотреть в глаза женщины и видеть светящуюся в них любовь».

Над головой сияло небо, синее, как фаянсовая чаша. Повсюду разносился аромат принесенных Соломоном цветов. На такую высоту не долетали звуки города. Вид отсюда открывался далеко за городские стены, до самой серебристой дымки, окутывавшей край света. Красота, тишина и – наконец-то – свобода. И все это невольно подарила ему Билкис и ее любящее сердце.

«Даже без нее все это приносило удовольствие. А с ней...» С ней этот сад на крыше превращался в настоящий рай.

Билкис

Они встречались в своем тайном саду днем, в то время, когда тот, кому случилось бы их искать, мог подумать, что они в другом месте и заняты чем-то целомудренным и благоразумным. Но в тот день она получила от царя знак – жемчужину, чистую и безупречную, как полная луна. Присланный подарок был завернут в черную ткань, расшитую серебряными блестками. И она поняла, что в этот раз – возможно, единственный – они придут в сад наслаждений ночью.

И, когда царь поднялся по лестнице и вышел на крышу, Билкис уже ждала его. Весь долгий вечер она принимала ванну с розовым маслом. Служанки умащивали ей кожу притираниями с ее запахами – ладана и амбры – и расчесывали ее длинные волосы гребнями из сандалового дерева, пока все блестящие пряди не пропитались ароматом.

Но в ответ на мольбы Ирции позволить накрасить ей глаза малахитом и сурьмой и подвести губы царица только покачала головой. Она лишь разрешила Хуррами сбрызнуть ароматом Ависаги – розой и корицей – свои ладони, шею, грудь, колени и живот.

Отказалась она и от массивных золотых украшений, на которых настаивала Ирция, и от цепочек с редкостными драгоценными камнями, которые Хуррами предлагала вплести ей в волосы. А когда Ирция и Хуррами начали возражать ей, она просто ответила:

– Нет. Сегодня Соломон увидит женщину, которая любит его, а не царицу Юга.

Это заставило их замолчать. Она спокойно ждала, пока Ирция опустится на колени и застегнет у нее на щиколотках тонкие цепочки с золотыми колокольчиками, пока Хуррами закутает ее в черную накидку. И вот они закончили, глядя на нее с гордостью, словно две бабушки, готовившие внучку к замужеству. Глаза их блестели, они не скрывали слез.

Она прижала их к себе и поцеловала – сначала Ирцию, затем Хуррами, – без слов благодаря их. Хуррами накинула на нее расшитое покрывало и скрепила его застежкой, пряча ее лицо. Ирция поставила перед ней простые туфли. И она тихо вышла из своих покоев и Малого дворца, пробираясь через паутину садов и коридоров к башне. Накидка и покрывало защищали ее. Она шла по ночному дворцу, словно тень или призрак.

Поднявшись по лестнице в сад, Билкис открыла лицо. Накидка соскользнула вниз. Окутанная лишь темнотой, она с наслаждением

вдохнула аромат, поднимавшийся от ее тела. На востоке взошла полная луна, круглая, словно присланная Соломоном жемчужина. В бескрайней ночи сияли звезды. А под ними...

Она медленно подошла к краю стены, окружавшей башню и хранившей их уединение. От каждого ее шага золотые колокольчики на ногах звенели тихо и нежно в прохладном воздухе. Внизу Иерусалим свернулся, словно огромный рыжевато-желтый зверь, припавший к земле, а факелы и очаги горели, как злые глаза. «Эта земля не любит меня. Я буду рада оставить ее наедине с ее гневом. Но я буду скучать по царю. Нет, по Соломону, моей самой драгоценной любви, моей последней любви».

Она закрыла глаза, борясь с болью, а потом открыла их и обернулась. Он стоял у входа в сад, тень среди других теней.

Когда луна поднялась высоко, они лежали, обнимая друг друга и защищая от полуночной прохлады. Она баюкала его, словно сына, и слушала.

Ведь той ночью, словно чувствуя, что их время на исходе, Соломон говорил о том, что привело его сюда, на эту крышу и в ее объятия. Он говорил о своей матери и о женщине, вырастившей из него царя. И о чувстве вины, оставшемся после давнего горя.

– Билкис, ты знаешь, что я не должен был стать царем? У меня был брат. Хороший, отважный человек. Даже царица Мелхола хвалила его и отзывалась о нем с нежностью. Его звали Амнон. Это был старший сын царя Давида. Амнон родился, чтобы царствовать. А еще у меня была сестра Фамарь...

Билкис слышала историю об Амноне и Фамари в том виде, в котором ее рассказывали теперь: изнасилование, убийство и война.

– И был еще один брат, – вставила она.

Соломон замолчал. Он долго не произносил ни слова, и она уже испугалась, что он не станет продолжать.

– Да, – промолвил наконец он, – Авессалом. Любимец нашего отца, одному лишь Господу ведомо почему.

Он взял ее руку и поднес к своему лицу. Она знала, что он вдыхает аромат корицы и роз, окутывающий ее влажную от любви кожу.

– У Авессалома и Фамари была общая мать, Мааха. Амнон же родился от Ахиноамы. Амнон любил Фамарь, а она любила его. Они хотели пожениться.

– Они стали бы хорошей парой.

Храбрый царевич нравился бы тем, кто считал, что лишь мужчины

что-то значат в этом меняющемся мире. А царская дочь хранила бы наследие матери и прошлого.

– Наверное, – пожал плечами Соломон. – Царица Мелхола собиралась им помочь. Она обещала поговорить с Давидом, чтобы он согласился на этот брак. Я любил Фамарь, и Амнона тоже. Амнон всегда был добр ко мне, а Фамарь подарила мне игрушечную лошадку с хвостом и гривой из алой шерсти. Не знаю, почему мне это запомнилось.

– Потому что игрушку подарила тебе сестра, которую ты любил.

Она погладила его по плечу и почувствовала, что мускулы под его кожей напряжены.

– Но Авессалом – тот ненавидел Амнона и возненавидел Фамарь, когда она выбрала Амнона себе в возлюбленные. Он зарезал их.

– Да, любимый, я знаю. Эта история – не тайна.

– Авессалом солгал, что Амнон силой овладел Фамарью.

– Ложь долго живет, Соломон. Правда же обитает лишь в сердце. – Она погладила его по голове. – Это еще не все. Расскажи мне.

И он поведал ей конец истории. Каждое слово давалось ему с трудом.

– Царица Мелхола пообещала помочь Амнону и Фамари, и Авессалом тоже был там. Он ударил Фамарь, и Амнон поклялся жестоко избить его. Я слышал, как царица Мелхола и моя мать Вирсавия говорили о случившемся и о том, как они хотят помочь Амнону и Фамари против Авессалома, которого ненавидели. А потом в тот день я насмеялся над Авессаломом, радуясь, что мой брат Амнон станет царем, моя сестра Фамарь – царицей, а Авессалом останется никем. Авессалом ответил, что наш отец никогда не разрешит им пожениться. И тогда... Тогда я сказал, что они должны пожениться, потому что уже лежали вместе, как муж и жена. В ту ночь Авессалом пошел в дом Амнона и зарезал их обоих. Мои слова направили его туда. Мои слова убили Амнона и Фамарь. Амнон должен был стать царем, а не я. Фамарь же...

– ...могла умереть еще двадцать лет назад, рожая их первое дитя. – Она погладила Соломона по голове, нежно, словно успокаивая больного ребенка. – Любимый мой, неужели ты думаешь, что кровь их не на руках Авессалома? Да половина Иерусалима знала, что Фамарь ходит в дом своего брата! И ты думаешь, что все эти люди держали язык за зубами? Достаточно одного неосторожного слова слуги – и новость разлетается из уст в уста. Соломон, ты слишком много на себя берешь. Помни: ты всего лишь человек.

– Нет. Я царь, а царь не должен допускать таких ошибок.

Она положила руку ему на щеку.

– Царь – или царица – не обычные люди. Поэтому им случается допускать более страшные ошибки, чем обычным людям. Мы просто делаем то, что можем. Делать все возможное, а еще молить наших богов о помощи – большее не под силу никому.

– Да, я так и поступал. Видишь, как хорошо были вознаграждены мои усилия.

Он повернул голову, ее рука соскользнула с его щеки.

– С детства я знал – *знал*, Билкис, – что стану царем после Давида. Я знал, что этого хочет царица Мелхола, а у нее воля была сильнее, чем у кого-либо из известных мне людей. В конце концов она оказалась сильнее царя Давида – иначе я бы не оплакивал тут свои пороки.

– То, что ты называешь пороками, многие считают добродетелями. Ты справедливый и терпимый, и я никогда не встречала никого – ни женщин, ни мужчин, – кто так заботился бы о том, чтобы поступать правильно.

Она почувствовала, что его до сих пор что-то тревожит, что-то, уже давно грызущее его сердце, а еще почувствовала, что сейчас сумеет разрушить последнюю стену, разделяющую их.

Она посмотрела в сверкающее звездами небо и хотела было попросить помощи у Аллат, но затем, устыдившись, подумала: «Неужели ты ничего не можешь сделать сама, Билкис? Ты знаешь свое сердце и тяжелый груз, лежащий на нем, ведь ты должна оберегать свой народ. В этом ты – как сестра для Соломона. Ты страдала так же, как он. Будь разумной сегодня. Нет, будь любящей и познай наконец его душу».

– Ты молчишь, царица моего сердца, – сказал он.

Она отвела взгляд от звезд и посмотрела ему в глаза. Он улыбнулся и убрал пряди волос, спадавшие ей на грудь.

– О чем ты думаешь, Билкис, глядя на звезды, освещающие город царя Давида?

«Сейчас или никогда».

– О тебе, Соломон. Что на самом деле терзает тебя? Ты слишком мудр, чтобы мучить себя за прошлое, зная, что не виноват в нем. Скажи мне, любимый. Скажи и освободись.

Лежа в его объятиях, она считала удары сердца и успела досчитать до сорока, прежде чем он заговорил:

– Если ты спрашиваешь, я расскажу тебе, и тогда ты поймешь, какой я глупец. Хочешь узнать, что терзает меня? Сон, Билкис. Сон, приснившийся много лет назад, когда я только что стал царем.

«И когда с тобой была твоя Ависага, и жизнь расстилалась перед тобой, как златотканый ковер».

– Сон, который все еще терзает тебя? Может быть, я смогу растолковать его? Я умею толковать сны, это одна из обязанностей Матери Савы.

Он улыбнулся, касаясь непослушного локона, упавшего ей на грудь.

– Кажется, у тебя много обязанностей, Билкис. Есть ли у тебя удовольствия?

В его голосе звучал смех, и она ответила в тон:

– С тобой, любовь моя, обязанность – это удовольствие.

– Главное, чтобы удовольствие не стало обязанностью.

Настала ее очередь смеяться. Она провела кончиками пальцев по нежной коже возле его губ.

– Расскажи мне свой сон. Царица приказывает.

– А царь должен повиноваться? – Затем, отбросив веселость, он отодвинулся, глядя в высокое небо. – Стояла такая же ночь, как эта. Темная и красивая. Луна и звезды светили так, что, казалось, вот-вот упадут и сожгут мир в своем огне. Мы с Ависагой пришли сюда. Ради сна и отдыха, чтобы сбежать от всего. Мой отец умер, я правил один и...

Он замолчал.

– И корона не давала тебе поднять голову. И не смолкали крики тех, кто хотел, чтобы ты решил то и приказал это.

– А потом они же спорили с моими решениями. Да, так все и было. И вот мы с женой поднялись на башню, и я положил голову ей на колени, и наконец мы оказались одни, в тишине.

Он говорил, а она видела перед собой ту ночь, словно исчезла завеса времени, обнажая прошлое. Соломон, который не находил себе места, такой измученный заботами, что едва мог уснуть. Ависага, которая смотрела не на великолепие пылающих звезд, а в тревожные глаза возлюбленного, лаская своими прохладными руками его изболевшую голову...

Билкис придвинулась к нему и обняла. «Я позабочусь о нем, Ависага. Я сделаю все возможное, клянусь». И при этой безмолвной клятве Соломон успокоился в ее объятиях, положив голову ей на плечо.

– И ты заснул, – продолжала она, глядя его по волосам, – и тебе приснился сон.

Он помолчал, затем пожал плечами, словно его слова мало что значили:

– Да. Во сне мне явился Господь и спросил, чем меня одарить – богатством, славой, долгой жизнью, победой над врагами? Он обещал дать мне все, о чем я попрошу. И из всего этого, из всех даров на земле под

небесами я выбрал мудрость. – Он снова замолчал, словно слова давались ему с трудом. – Господь сказал, что доволен мной. – Соломон посмотрел на реку звезд, струившуюся в полуночном небе. – А я иногда думаю, Билкис, Господь ли хвалил меня или мое собственное тщеславие?

Он нащупал ее руку и сплел свои горячие пальцы с ее прохладными.

– Вот что приснилось Соломону. Как ты растолкуешь этот сон? Вправду ли я так мудр? Когда-то я считал себя мудрым. Но одно на земле недоступно царям – они не могут правильно судить о своих добродетелях и пороках.

«Тщательно подбирай слова, сестра». Билкис поняла, что этот голос принадлежит Ависаге. Сегодня ее дух сидел рядом, желая еще раз прикоснуться к своему возлюбленному.

– Ты попросил мудрости у своего Бога? А помнишь ли ты, с какими словами обратился к Нему?

– Так ясно, словно видел этот сон час назад: «Даруй мне сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло».

– И твой Бог?..

– Сказал, что даровал мне мудрое и разумное сердце.

– Твой Бог сказал тебе правду, Соломон, ведь именно таково твое сердце. Никогда я не встречала столь доброго человека.

Она даже без шепота Ависаги чувствовала, что это еще не все.

– Как закончился твой сон, любовь моя?

Он долго не отвечал. Она терпеливо ждала, считая звезды.

– Господь дал мне то, о чем я просил, – вымолвил наконец Соломон. – А потом Он сказал, что дарует мне еще и то, о чем я не просил, – все, чего может пожелать великий царь: богатство, славу и долгую жизнь. Но когда Он говорил, то сверкал, словно гладкое серебряное зеркало, стоящее передо мной. И мне показалось, что я смотрю...

– ...на твоего Бога?

– ...на себя самого. – Соломон закрыл глаза и устало склонил голову на грудь Билкис. – Я был там один.

«И поэтому ты подумал, что твой сон – ложь и твой Бог оставил тебя. Любовь моя, сколько раз я думала то же самое о своей богине, но всегда ошибалась». Она прижалась губами к его лбу и погладила по волосам, которых уже успела коснуться ночная прохлада.

– Ты воистину благословен, Соломон. Немногие получают столь явное доказательство милости своего Бога.

– О чем ты?

– Наконец-то загадка, разгадать которую Соломон Премудрый не

может. – Она позволила себе говорить весело. – Что ж, настала моя очередь открыть тебе истину, о великий и мудрый царь.

– И в чем же истина?

– В том, что ты можешь сам воплотить все свои желания. Какой знак может яснее говорить об этом?

– Какой угодно, – мрачно ответил Соломон.

– Если бы я не знала, что в моих объятиях лежит Соломон Премудрый, я подумала бы, что это какой-то глупец.

Улыбаясь, она отстранила его и обхватила его лицо своими надушенными пальцами. От них исходил аромат корицы и розы.

– Скажи мне снова, о чем ты попросил своего Бога, любовь моя.

– О разумном сердце и способности правильно судить.

– Хорошая просьба для молодого царя. Конечно, такие слова очень понравились твоему Богу.

– Чего же еще я мог просить? Разве я не владел и так золотом и драгоценными камнями без счета?

– Ты мог бы попросить громкой славы или смерти врагов. Ты мог бы молить о том, чтобы твое имя стало великим.

– Зачем? Если нет мудрости, чтобы хорошо править и справедливо судить, царь – лишь глупец. Глупец, даже обладая богатствами и славой, лишится их.

Щеки его горели под ее пальцами, словно она своими прикосновениями разжигала огонь.

– Ты мог попросить счастья, Соломон. – Она скользнула пальцами к уголкам его рта, провела по изгибу губ. – Ты мог попросить любви.

Он со вздохом взял ее за руки.

– Мужчина должен сам завоевать себе славу и выковать счастье. Что же касается любви – боюсь, даже Господь не может ее даровать.

Она снова привлекла его к себе, и некоторое время они лежали молча. Звезды в вышине горели белым огнем. За стенами дворца слышались звуки ночи, словно песня призраков или шепот.

– И, зная все, что ты рассказал мне, ты продолжаешь сомневаться в милости своего Бога? – спросила она наконец.

– В какой милости? Несмотря на Его обещание, мне, как и любому человеку, пришлось бороться, чтобы различать добро и зло и чтобы судить справедливо.

– В этом и заключается смысл твоего сна, Соломон. Когда ты смотрел на свое отражение, это твой Бог послал тебе знак, что ты уже и так наделен тем, о чем просил. Что тебе не нужно искать мудрости, ведь ты и без того

одарен ею вдоволь.

– Таково твое толкование этого сна? – Соломон смотрел в бескрайнее ночное небо. – Ты очень добра, царица моего сердца.

– Это не доброта, любимый, это правда.

Она прикоснулась кончиком пальца к его лбу, к точке между бровями, где скрывался третий глаз, око, способное заглядывать за пределы этого мира в прошлое и будущее.

– Ты видишь ясно. Может быть, слишком ясно, Соломон, любовь моя, единственный мой! Ты и впрямь думаешь, что о мудрости просят глупцы и негодяи? Если так, то ты еще больший глупец, чем они!

Он наконец-то улыбнулся, на миг возвращаясь от своих призраков к ней.

– Величайшие цари – всегда величайшие глупцы, Билкис. И нет худшей глупости, чем говорить, когда следует молчать.

И, зная, чего он желает, она раскрылась перед ним, защищая собой от страхов, которые преследовали его во сне и омрачали его дни наяву. Она молча боролась с этим демоном, даруя Соломону единственный щит, способный укрыть от сомнений. «Возьми мою любовь. Возьми дары любви. И верь в себя так же, как верит в тебя твой Бог. И, когда я покину тебя, вспоминай меня, возвращаясь сюда. Пусть мой призрак гуляет по этому саду вместе с Ависагой. Мы обе будем ждать среди вечных звезд, когда ты наконец придешь к нам».

Песнь Ваалит

Вина за случившееся частично лежит на мне. Я недооценила Ровоама. Считая его тупоумным и жестоким, я не понимала, насколько ярко пылает в нем ревность, как отчаянно он желает заполучить то, что принадлежит мне, – отцовскую любовь.

Не знала я и о том, что он завидует моей близости к царице Савской. Я никогда не думала одновременно о царице и брате. Царица занимала все мои мысли и душу, а о Ровоаме я вспоминала лишь при необходимости.

Я всегда знала, что Ровоаму не хватает ума, но даже я не считала его глупым настолько, чтобы осмелиться украсть моего коня. Брат считал, что все решает сила, но как ему пришло в голову, будто он сможет ездить на Ури, наделенном не меньшей гордостью, чем он, и намного бóльшим благородством?

Я всегда слушалась отцовских наставлений, когда он говорил, что со

слугами и рабами нужно обращаться как с равными. Сначала я поступала так, желая угодить отцу. Подрастая и начиная понимать больше, я увидела другие причины проявлять доброту. Сначала я заметила, что люди в этом случае стараются завоевать еще большее расположение и лучше мне служат. И лишь потом, когда я стала женщиной, мои глаза открылись и я поняла, что, обращаясь уважительно с другими, я заботилась о том, чтобы самой уважать себя.

Теперь я жалею, что не применила этот совет к своему брату Ровоаму. Может, это помогло бы. Но я ведь была всего лишь девчонкой, что бы я ни думала о себе и своей мудрости. А Ровоам... Даже повзрослев, он остался глупцом. Спросите любого из тех, кто служил ему.

Мы с Нимрой играли в кости с моими братьями Эльякимом, Ионафаном и Мезахом. Мне как раз выпало самое счастливое число – семь, как вдруг в мой сад вбежала Кешет. Одно это заставило нас недоуменно уставиться на нее, ведь Кешет всегда прохаживалась степенно, словно голубка, и была по-кошачьи опрятной. Когда мы хотели поддразнить ее, то растрепывали ей волосы или дергали ее за накидку, а потом смотрели, как она в мгновение ока приводит себя в порядок.

– Царевна, поторопись! – окликнула меня Кешет.

Я с сожалением посмотрела на свое счастливое число, но вскочила, сказав Ионафану, что он может доиграть за меня, и подошла к Кешет.

– В чем дело? – спросила я, и вдруг вся кровь словно бы отхлынула от моего сердца, так что я пошатнулась. – Отец? Что с ним?

– Нет! Нет. – Кешет схватила меня за руку. – Царевич Ровоам. Идем со мной.

Она повела меня к воротам, где ждала какая-то незнакомая девушка-рабыня.

– Это Мири. Мири, расскажи царевне то, что рассказала мне.

Мири склонила голову. Девушка явно смущалась, оказавшись в царских покоях, а не на кухне, и поэтому едва могла говорить, но все же ей удалось объяснить, в чем дело.

– Рувим, который работает на конюшне, велел мне передать тебе – передать царевне, – что царевич Ровоам пришел на конюшню и приказал, чтобы для него взнуздали коня царевны. Рувим просил сказать тебе, что он пока тянет время, но долго не продержится, поэтому нужно спешить.

Я до сих пор рада, что поблагодарила Мири, прежде чем кинуться на конюшню. Позже я одарила ее достаточно щедро, чтобы она могла найти себе хорошего мужа, отслужив положенные семь лет. Отблагодарила я и

Рувима – его сообразительность спасла всех нас от страшного несчастья. Если бы Ровоаму удалось сесть на моего коня, не знаю, что случилось бы: разорвал бы он ему рот уздечкой, навсегда сломив его характер, или Ури сбросил бы Ровоама на землю и убил. При любом исходе я потеряла бы Ури навсегда.

Я прибежала на конюшню как раз тогда, когда Ровоам лишился даже тех крох терпения, которыми обладал, и начал хлестать Рувима своей плетью. К его величайшей чести, Рувим спокойно переносил удары, зная, что это тоже способ потянуть время. И все-таки он обрадовался мне. Увидев меня, он перехватил плеть, прекратив попытки брата ударами добиться повиновения.

– Царевич Ровоам, пришла царица. Спроси ее сам.

Ровоам повернулся рывком, словно ожидая какой-то злой шутки. Я вдохнула поглубже, чтобы говорить спокойно.

– Брат, – начала я, – зачем ты бьешь Рувима? Ты знаешь, что наш отец не любит...

– Я не люблю слуг, которые не умеют подчиняться! Я наследник, и, когда я приказываю, чтобы мне подали лошадь, ее должны подать!

Ровоам задыхался, словно он, а не я, пробежал почти через весь дворец.

– Нет, не должны, – ответила я, – если лошадь не принадлежит тебе.

Сейчас я понимаю, что не следовало этого говорить. Лучше бы я изобразила наивность и позволила Ровоаму сохранить лицо. И тогда он, конечно, не узнал бы, что слуги могут делать для меня то, на что не готовы ради него: помогать, не думая о награде.

– Я наследник. Мое желание – это приказ. А ты... Ты...

– Лишь девчонка, я знаю. Но девчонка я или нет, а Ури принадлежит мне и только мне. Это подарок царицы Савской, и я запрещаю тебе прикасаться к нему.

– Запрещаешь? Ты запрещаешь мне?

– Да, запрещаю. А еще я запрещаю бить слуг. И если ты не подчинишься мне – потому что я *всего лишь девчонка*, – тогда давай пойдем к царю, нашему отцу, и попросим нас рассудить. И он тебе запретит, как я, и ты знаешь это, Ровоам!

Мы испепеляли друг друга взглядами, словно два петуха, готовых подраться. Рувим потом сказал, что не удивился бы, если бы мы зарычали и вцепились друг другу в горло, как две собаки. Ровоам был старше и сильнее меня, но я бы ни за что не отвела глаза и не отступила бы ни на шаг. Я знала, что отец поддержит меня. Это знал и Ровоам. В сущности,

именно это растравляло его сердце.

Ровоам поднял руку, словно собираясь ударить меня, потом, опустив глаза, увидел, что плетки уже нет.

– Отдай! – скомандовал он, повернувшись к Рувиму.

Выхватив плетку, он, сдавший было позиции, снова пустился в бахвальство и угрозы. Рувима высекут и вышвырнут из конюшни, Ури заставят вращать жернов...

– Как Самсона? Уходи, Ровоам. Уходи и не приближайся больше никогда к моему коню, а не то...

– А не то что? Что ты можешь сделать? Я наследник.

Я посмотрела в его красивое злое лицо и поняла, что он прав. Ему предстояло стать следующим царем, и мало что можно было сделать против него. И вдруг я поняла, как девушка может поступить. словно бы тихий юный голос нашептал мне эти слова, вкладывая в мои руки безотказное оружие. Слова падали тяжело, словно камни, и я едва узнавала собственный голос:

– Я могу солгать, брат. Я могу разорвать на себе платье, растрепать волосы и пойти к нашему отцу. И сказать ему, что мою одежду разорвал ты. Что ты пытался силой овладеть мной. Он тебе этого не простит, Ровоам.

Он стоял передо мной, вертя в руках свою плетку и поглядывая через мое плечо в стойло Ури.

– Не прикасайся к моей лошади. И никогда не бей слуг за то, что они хорошо выполняют свою работу. Никогда. Чтобы мне не пришлось произносить эту ложь. А теперь уходи.

И, к моему облегчению, он повиновался. Спотыкаясь, он вышел из конюшни, так крепко сжимая плетку, что побелели костяшки пальцев. И тогда сила, помогавшая мне выстоять против него, схлынула, как вода. Я пошатнулась, и Рувим, схватив меня за плечи, прислонил к стене.

– Не садись, царевна, ты испортишь свое платье. Пстой здесь, я принесу тебе воды. Ты как?

Я кивнула, успокаивая его.

– А Ури?

Рувим улыбнулся:

– С ним все в порядке, Сиф повел его купать. Мне пришлось это придумать, чтобы выиграть время до твоего прихода. Подожди меня здесь.

Он отвернулся от меня, но я удержала его за руку и сказала:

– Ровоама очень разозлило это поражение, да еще от девушки. Если он попытается что-то сделать тебе или Мири, немедленно дай мне знать.

– Не волнуйся, царевна. А теперь я принесу тебе воды. Не могу же я

отпустить тебя к твоим служанкам бледной как смерть. Ведь у госпожи Кешет язык острее, чем у тебя.

Рувим пошел за водой, а я прислонилась к стене, закрыв глаза, и поблагодарила тихий приятный голос, подсказавший мне правильные слова, чтобы остановить Ровоама. Я попыталась было подумать о том, куда пошел мой брат и кто теперь расплатится за его гнев, но почувствовала, что не могу.

В тот момент у меня осталось слишком мало сил, чтобы думать – даже о Ровоаме.

Наама

Когда сын ворвался в ее комнату, не приказав доложить о себе, Нааме хватило одного взгляда на его потемневшее от ярости лицо. Она отложила в сторону фиал с благовониями и косметическую палочку из слоновой кости.

– Оставьте нас, – приказала она трем усердным служанкам, которые помогли ей накрасить лицо и умастить тело.

Не обращая внимания на служанок, словно они были всего лишь настенными изображениями, Ровоам сразу заговорил.

– Я ненавижу Ваалит. *Ненавижу*, – выпалил он. – Ей достается все, а мне ничего. Это нечестно.

Ровоам кинулся на ковер, и Нааме на миг показалось, что он сейчас начнет дрыгать ногами и махать кулаками, как в детстве, когда ему не давали сладостей. Это воспоминание вызвало у нее улыбку. Наклонившись, она погладила его по голове:

– Что нечестно, сынок? Расскажи своей маме...

«И она все исправит», – хотела добавить Наама. Но долгие годы осмотрительной жизни помогли сдержать эти слова. Следовало узнать, что потревожило ее сына, прежде чем бросаться необдуманными обещаниями. Она всегда следила за тем, чтобы не обманывать Ровоама, поэтому сохранила его доверие и не стала бы этим рисковать ради легкомысленного слова.

Ровоам сжал губы, покачал головой и начал молча выщипывать нити из ее дамасского ковра. Значит, следовало сначала успокоить его, но это было просто. Настроение у Ровоама менялось, как погода.

– Хочешь, я угадаю, что тебя растревожило? Тебя дразнил кто-то из братьев? Или – дай подумать – ты потерял свой кинжал? Нет? Тогда...

Ровоам посмотрел на нее мутными от гнева глазами:

– Мама, ты ничего не понимаешь! Зачем мне заботиться о словах своих братьев или о кинжале? Я наследник! Братья просто завидуют мне, потому что я стану царем, а они останутся никем!

– Так и будет, – улыбнулась она, – ты станешь великим царем, мой дорогой мальчик.

– Более великим, чем отец, – добавил Ровоам. – И чем его отец. Люди всегда будут помнить мое имя!

Наама поспешила мысленно пообещать Мелькарту в жертву самого лучшего быка, чтобы бог простил безудержное хвастовство ее сына.

– Тише, сынок, искушать богов – не к добру.

– О, ты их успокоишь.

При всем своем неразумии Ровоам не сомневался в ней. От его безграничного доверия у Наамы стало теплее на душе.

– Ты знаешь: я сделаю для тебя все, что в моих силах.

Она снова с улыбкой погладила его по голове, и Ровоам прижался щекой к ее колену.

– А теперь расскажи мне, зачем ты пришел и как тебе помочь, милый мой мальчик.

Придя в лучшее расположение духа, Ровоам был готов рассказать ей свою беду.

– Если ты не проклянешь мою сестру, я не знаю, чем еще ты мне поможешь. Отец всегда на ее стороне. Это нечестно. Я – будущий царь, а она всего лишь девчонка!

Что ж, извечное сетование Ровоама! Жаль, что ей не хватало смелости отравить Ваалит, но это означало слишком большой, к тому же ненужный риск.

– Милый мой Ровоам, как ты и говоришь, Ваалит – всего лишь девчонка. Ее скоро отошлют в далекую страну и выдадут замуж, и она больше никогда тебя не потревожит.

– Нет. Отец хочет выдать ее замуж здесь. Здесь, в Иерусалиме. Она останется во дворце, занимая в сердце отца место, которое должно принадлежать мне.

– Глупости, Ровоам. Это говорит твоя уязвленная гордость.

Царевны обладали ценностью лишь как фигурки на игральной доске властителей. Их выдавали замуж ради выгоды государства – за царей. Даже Соломон не сохранил бы единственную дочь при себе, выдав ее за какого-то ничтожного вельможу! Какую это сулило выгоду?

Ровоам поднял голову с ее колена и злобно уставился на нее:

– Не называй меня глупцом, ты, женщина!

На миг у Наамы сжалось сердце. Она не могла позволить себе потерять Ровоама! «И я не могу позволить, чтобы он увидел мой страх». Она выпрямилась и холодно посмотрела на него:

– Я твоя мать, Ровоам. Не говори со мной так. Лучше приходи позже, когда овладеешь собой.

Его лицо смягчилось, а в глазах промелькнула тень страха.

– Нет. Нет, мама, прости. Дело лишь в том...

– ...что ты очень расстроен.

Наама распахнула объятия, и Ровоам кинулся к ней. Она баюкала его, словно младенца, а не почти взрослого мужчину. «Что если он говорит правду, если Соломон действительно хочет оставить дочь при себе? Тогда...»

И вдруг ее осенило. Она придумала, как помочь сыну. Решение пришло, ясное и безупречное.

– Не тревожься, – прошептала она ему на ухо. – Помни, твоя мать всегда заботится о твоём благе. Обещаешь ли ты быть покорным сыном и делать все, что скажет тебе мать?

Ровоам отстранился, подозрительно глядя на нее:

– Мама, что ты задумала?

– То, что сделает тебя счастливым, сынок. Это все, что тебе нужно знать. – Она положила руку ему на щеку. – Пообещай мне, что будешь делать то, что я скажу и когда скажу, и ты станешь любимцем своего отца.

– Правда? Он полюбит меня больше всех?

– Да.

Наама заставила себя говорить уверенно – ее сын не согласился бы на меньшее.

– Больше, чем мою сестру?

Наама улыбнулась, наслаждаясь картинами прекрасного будущего.

– Сынок, он будет любить тебя по меньшей мере так же. – Наклонившись, она поцеловала его в лоб. – А теперь иди развлекаться, чтобы улучшить свое настроение. Ты должен излучать радость, когда попадешься на глаза царю.

Несмотря на свое недовольство, Ровоам послушался и выскользнул из ее покоев, мрачный, словно упустивший добычу леопард. Но его мать в кои-то веки радовалась, что он ушел, так ничего и не узнав. Когда-то он полагался на нее в борьбе со своими детскими невзгодами. Теперь следовало научить его доверять ей в более важных делах. На чаше весов лежало ее собственное будущее.

Потому что, когда он займет трон, она станет царицей-матерью.

Наконец-то она станет самой важной женщиной в жизни царя.

Ведь царь может иметь столько жен, сколько звезд в небе, но даже у царя мать всего одна.

Соломон

Когда Соломону сказали, что царица Наама просит о встрече, он подавил вздох – это время он хотел провести с Билкис. Но он улыбнулся и приказал слуге пригласить царицу. Наама как его жена имела право на его уважение и время.

И, когда она показалась в дверях и приблизилась к нему, улыбка далась ему легко, ведь Наама была очень красива и явно хорошо подготовилась к этой встрече. Она всегда тщательно выбирала свои наряды, а на этот раз выглядела еще более безупречно, чем обычно. Соломон протянул руку, приветствуя ее:

– Наама, ты воистину прекрасна, как произведение искусства.

От этого комплимента ее щеки залил легкий румянец. Соломон старался хвалить каждую из своих жен за то, что сами они больше всего любили в себе.

– Если я нравлюсь своему царю и господину, я рада. – Наама склонилась перед ним, изящно, как цветок под дуновением ветерка. – Позволит ли мой господин обратиться к нему?

«Я знал, что она чего-то хочет. Чего же?» Соломон с улыбкой указал на скамейку возле своего кресла.

– Разве я не всегда готов тебя выслушать? Говори, Наама.

Он любовался ею, пока она садилась, укладывая подол изящными складками. Потом она взглянула на него сквозь густые темные ресницы. На миг Соломон вспомнил, как впервые увидел ее в день свадьбы. Тогда она смотрела на него с таким же интересом и вниманием. Уже в юности Наама была совершенной, безупречной, опытной во всех женских искусствах...

«Да, и она пытается пробудить в тебе эти воспоминания». Значит, Наама сочла свою просьбу очень важной, достойной того, чтобы использовать все свои силы. «Что ж, не буду ее томить. Посмотрим, чего она желает столь сильно».

– Мы слишком давно женаты, чтобы играть друг с другом. – Соломон говорил весело, чтобы Наама не подумала, будто он гневается, и не сочла себя чересчур бесцеремонной. – Не бойся говорить прямо. Если я смогу выполнить твою просьбу, я тебе не откажу.

Она опустила ресницы, скрывая на миг свой взгляд, а потом подняла глаза и улыбнулась:

– Спасибо, господин мой, ты всегда так добр! Но я пришла просить о милости не для себя, а для другого. Или, скорее, для других.

– Это хорошо с твоей стороны. Но разве я так грозен, что ко мне посылают посредницей тебя, царицу? Кто же боится приблизиться ко мне?

– Я пришла не как посредница, господин мой, а как мать, говорящая от имени сына, – тихо засмеялась Наама.

«Что Ровоам натворил на сей раз?»

– Что ж, говори как мать, я слушаю, – вздохнул Соломон.

Она снова взглянула на него, словно не зная, с чего начать, а затем сказала:

– Не буду подбирать слова, а просто открою, что у меня на сердце. Господин мой, кажется, что мы совсем недавно провели первую ночь вместе, но прошло много лет, и наш сын – уже почти мужчина. Настало время ему жениться, и я пришла к тебе, его отцу, поговорить от его имени.

Не ожидавший таких слов Соломон посмотрел на нее с интересом.

– Ровоам хочет жениться? Что ж, это хорошая новость. Может быть, мальчик в конце концов остепенится.

– Ничто не вразумляет юношу лучше, чем женитьба, – с улыбкой согласилась Наама.

– Выбрал ли он невесту?

Тяжело было видеть в Ровоаме кого-то, кроме безрассудного мальчишки, но Соломон знал, что годы летят очень быстро. Конечно, Ровоам уже достаточно повзрослел, чтобы думать о любви. «Но женить его явно планирует Наама!» Что ж, для нее, женщины, естественно желать, чтобы сын нашел хорошую жену.

– Или это Наама выбрала себе невестку? – улыбнулся Соломон.

– Да, – ответила она, вертя на запястье широкий золотой браслет. На ее пальцах играли отблески изумрудов. – Я думаю, мой господин согласится с тем, что это хороший выбор. Но мудрость моего господина, несомненно, уже подсказала ему, кто эта девушка.

– Несомненно, моя мудрость ничего не подсказала, – парировал Соломон. – Не нужно игр, скажи прямо, кто эта девушка?

Царица отпустила браслет и простодушно посмотрела на него:

– Царевна Ваалит. Нет, господин мой, не говори ничего, прежде выслушай меня. Ты обещал, что позволишь мне сказать.

«Ваалит? Его сестра?» Но, хотя он отшатнулся от этой мысли, память о давно минувших годах вернулась, отнимая покой. Его сестра Фамарь и

брат Амнон. Любовники в саду. Любовники, зарезанные еще одним братом, который использовал имя Господа, чтобы оправдать собственное уязвленное самолюбие.

И голос, звучавший из этого мертвого прошлого, нашептывал, что его отец благословил бы этот брак, ведь матери у них были разные...

– Правда ли это? Ровоам желает свою сестру?

– Единокровную сестру, – поправила его Наама. – Разные лона вынашивали их, разные женщины выкормили. Ничто не мешает им пожениться. Подумай только, царь мой и господин, если поженятся твой наследник и твоя единственная дочь, разве это не идеальный брак?

Ее слова искушали, соблазняли. Соломон попытался бесстрастно оценить их. «Оставить Ваалит в своем доме, всегда видеть ее рядом, и чтобы здесь играли ее дети...» Да, соблазн был велик. Но не означал ли соблазн вместе с тем и западню?

Зная, что нужно тщательно все взвесить, Соломон сказал:

– Ты говоришь о важных вещах, Наама. Правда ли мальчик этого хочет? А моя дочь? Мне кажется, им не очень хорошо вместе.

– Это лишь детские ссоры, – с улыбкой сказала Наама, – но они уже не дети. Их сердца теперь чувствуют другое.

– Неужели?

Если Ваалит и Ровоам действительно выросли и полюбили друг друга, как Фамарь и Амнон... Если это правда... Ему тяжело было бы отказать им. «И для меня стало бы отрадой, если бы дочь Ависаги навсегда осталась при мне...»

– Возможно ли это?

Наама улыбнулась и похлопала его по руке. Ему показалось, что этот жест, в отличие от других, не подготовлен заранее.

– Дорогой мой супруг, мать видит такие вещи, и, хотя я не знаю, что на сердце у царевны Ваалит, я вижу, как она смотрит на моего сына. Они оба пылают, царь мой и господин.

Соломон молчал, потому что не мог найти ответ в своих беспорядочных мыслях.

– Я обдумаю твои слова, – наконец сказал он.

– Лишь об этом я прошу. И о счастье моего сына.

– Все мы этого хотим – счастья для наших детей.

Наама встала, еще раз поклонилась и тихо вышла. Соломон сидел и смотрел ей вслед. Она говорила правильно. Такой брак решал многие проблемы. В некоторых странах цари только так и женили детей.

И однажды в стенах этого дома уже хотели пожениться брат и сестра,

царевич и царевна. Их любовь принесли в жертву чужому честолюбию.

Амнон и Фамарь давно погибли. Иногда Соломону казалось, что никто, кроме него, не помнит о них. Об Амноне, овеянном славой герое, который высоко подбрасывал его и всегда ловил. О Фамари, девушке с огненными волосами, которая угощала его сладостями. От нее пахло розами и солнцем, и она подарила ему раскрашенную деревянную лошадку...

«Я не позволю, чтобы прошлое повторилось». Ровоам и Ваалит... «Если они действительно хотят пожениться, я разрешу им. Я не подтолкну влюбленных к отчаянию и гибели».

А еще, может быть, этот брак воздаст должное брату и сестре Соломона, искупив их сломанные судьбы и оклеветанную любовь.

Ровоам

– Чтобы я женился на Ваалит? – Ровоам не мог поверить своим ушам. – Она моя сестра!

– Единокровная сестра, – поправила его Наама, – у вас только отец общий. Препятствий для брака нет.

– Она заносчивая и своевольная стерва. Я ненавижу ее!

– Это тоже не препятствие, чтобы царевич женился на царевне. – Его мать улыбнулась. – Сынок, не забывай, что со своей женой мужчина может делать все, что заблагорассудится.

Осознав, что мать права, Ровоам замолчал. Эта мысль опьяняла, как горячее вино. Да, жена принадлежала мужу, как лошадь или овца. Жена должна была слушаться мужа. Выйдя за него замуж, Ваалит превратится в его собственность, покорится его воле.

«Мое слово станет для нее законом. А за непослушание я буду ее бить». Или ее будут бить слуги – это безопаснее...

– Да, сынок, улыбнись. – Мать коснулась ладонью его щеки. – И обязательно продолжай улыбаться. Мы еще не завоевали царевну. Ты должен убедить отца, что она очень нужна тебе, что без нее твоя жизнь ничего не стоит.

Видение Ваалит, рыдающей у его ног, рассеялось. Ровоам мрачно уставился на мать.

– Он не поверит мне. Ваалит ненавидит меня так же сильно, как я ее.

– Милый мой мальчик, – засмеялась мать, – все девочки так относятся к братьям. Это детские ссоры, не больше. Но теперь уже нельзя вести себя

по-детски, сынок. Ты должен завоевать сердце Ваалит...

– У нее нет сердца, – пробормотал Ровоам.

Наама резко потянула его за волосы, заставив поднять голову.

– Слушай меня, Ровоам. Не перебивай и делай, что я говорю, если не хочешь потерять все. Ты хочешь быть царем или нет?

– Я буду царем. Так сказал мой отец.

– Твой отец еще не умер, и ты еще не стал царем. Что если он передумает? Если кто-то другой завоюет его расположение? Он ведь царь и может поступать как заблагорассудится.

Потерять трон? По спине Ровоама пробежал холодок. «Мой отец может передумать и выбрать себе в наследники другого сына, а я не получу ничего...»

– Ты ведь об этом не думал, правда? – Мать обняла его, Ровоам прижался к ней. – Ничего, сынок, я уже давно поразмыслила об этом и все это время искала способ заставить царя Соломона сдержать свое слово. И вот я нашла его.

Ровоам положил голову матери на плечо. Сладкий шипровый аромат исходил от ее кожи. «Мать любит меня больше всего на свете, я могу доверять ей».

Она снова погладила его по голове:

– А теперь слушай, сынок. Ты должен жениться на своей единокровной сестре Ваалит. Как только она выйдет за тебя, на место царского наследника уже никто не сможет притязать. Мы знаем, что он безумно любит ее. Женившись на ней, ты станешь любимым сыном Соломона.

Ровоам не знал, что ей возразить, но и не знал, как ухватить эту яркую игрушку, которой мать его соблазняла.

– Ваалит за меня не выйдет, – ответил он. – Говорю тебе, она ненавидит меня.

– Значит, ты должен сделать так, чтобы она тебя полюбила. Соломон очень боится ее потерять. Он ухватится за любую возможность удержать ее при себе, а разве можно придумать что-то лучше, чем выдать ее за следующего царя? Соломон легко согласится, поверь мне. – Мать положила ему руку на плечо и отстранила от себя, чтобы заглянуть в глаза. – Но помни, Ровоам: если Ваалит выскажется против тебя, если она не захочет, он откажет нам. Значит, ты должен расположить ее к себе.

– И как мне это сделать?

– Сдержав свое обещание поступать так, как я скажу и когда скажу. Начать можешь с того, чтобы ласково говорить с сестрой и улыбаться ей.

Не забывай, она лишь девушка, а ты – будущий царь. Какая девушка не мечтает выйти за царя?

Все это звучало очень хорошо, но Ровоам сомневался, что его сестру так легко удастся обвести вокруг пальца.

– А если она меня не послушает? Как ты заставишь ее подчиниться тебе?

– Не нужно заставлять ее подчиняться мне. Она подчинится своему отцу. Он не хочет ее терять и будет рад выдать за тебя. Но ты должен держать себя в руках, Ровоам, и улыбаться, когда отец тебя спросит об этом деле. Он любит, когда его дети улыбаются.

Песнь Ваалит

Отец часто звал меня к себе, но на этот раз, увидев у него Ровоама, я удивилась. Я склонилась перед отцом, и он попросил меня встать. Я искоса посмотрела на брата. Он был мрачен и явно знал не больше моего о том, почему отец потребовал нас к себе. Я заглянула в свою душу – нет, я не совершила против Ровоама ничего, на что он мог бы пожаловаться.

– Дети, я позвал вас к себе, потому что хочу узнать, что у вас на сердце. – Отец улыбнулся, излучая доброту. – Не бойтесь говорить правду.

Это насторожило меня. Я никогда раньше не боялась говорить правду отцу. О чем он мог спросить на этот раз?

– Хоть мне и нелегко признавать это, вы оба уже почти взрослые. – Он внимательно посмотрел на нас, словно видя впервые, и вздохнул. – Не знаю, куда утекли годы. Сын мой, ты почти стал мужчиной, а ты, дочка, почти женщина. Всему свое время. Время расти, время учиться – и время любить.

Казалось, он смотрел мимо нас, в какое-то далекое, невидимое нам прошлое. Мы с братом молчали, но по разным причинам. Я не хотела прогонять из отцовских глаз мечтательное и задумчивое выражение, а Ровоам явно не находил себе места от скуки. Ему не было дела до чужих воспоминаний. Я взглянула на брата, и он поспешил улыбнуться. Мне стало не по себе. Какую подлость задумал Ровоам на этот раз? «Что бы это ни было, я не позволю ему издеваться надо мной, или над Иевосфеем, или Авениром, или собаками Меласадны, или кошками Нефрет...»

– И время жениться.

Голос отца прервал мои размышления. Он улыбнулся мне и взял за руку.

– Дети мои, мне сказали, что вы думаете о браке.

Я недоуменно уставилась на него, а он взял за руку Ровоама.

– Скажите мне, правда ли это? Хотите ли вы быть друг для друга не просто братом и сестрой?

Ровоам смело посмотрел в глаза отцу:

– Да, все именно так, как сказала тебе моя мать.

– А что ответишь ты, Ваалит? – спросил отец.

– Ровоам ведь мой брат! – воскликнула я, когда ко мне вернулся голос.

– Единокровный, – быстро поправил меня Ровоам.

– Такие союзы возможны. Говори не стесняясь. Правда ли, что ты хочешь выйти замуж...

– ...за *Ровоама*? Да я лучше умру!

По взгляду брата я поняла, что он тоже предпочел бы мою смерть. Когда спустя много лет я сложила песню об этом разговоре, мои слушатели всегда смеялись. Но в тот момент, стоя перед отцом и видя, как радость исчезает с его лица, я чуть не разрыдалась. Я почти пожалела, что не могу назвать Ровоама своей величайшей любовью или хотя бы просто согласиться выйти за него.

Отец отпустил наши руки:

– Вижу, я заблуждался. Не думайте об этом, дети мои.

– Это предложила моя мать, и я сразу сказал ей, что это дурацкая мысль.

– Нельзя так говорить о своей матери, Ровоам. Она просто хотела для тебя удачной женитьбы. А теперь забудем обо всем этом. Бегите и не дразните друг друга.

Может, отец и забыл об этом, но мы с Ровоамом не могли. Мы никогда не ладили, но теперь он меня ненавидел, а мне хватало ума бояться его. Ровоам был подлым и опасным, из тех, кто способен подложить скорпиона в кровать.

Выйдя от отца, я помчалась в Малый дворец. Мне бы никогда не пришло в голову утаить случившееся от царицы Билкис. И я совсем не удивилась тому, что она сразу меня приняла, – она стала мне как мать, а материнские объятия всегда раскрыты для дочери. Она улыбнулась, поцеловала меня в лоб и сказала, что у меня встревоженный вид. Я поспешила рассказать ей все, что случилось в тот день. Когда я закончила, я дрожала всем телом, словно только что спаслась от страшной опасности. Думаю, так оно и было. Вряд ли я бы долго прожила, выйдя замуж за Ровоама.

– А потом отец сказал нам «бегите», как малым детям! И чтобы мы об этом забыли! Он и впрямь думает, что Ровоам сможет забыть?

И тут, к своему ужасу, я разрыдалась. Царица обняла меня, укачивая и успокаивая.

– Он не забудет, а ты можешь, Ваалит. Поплачь и забудь, а потом выслушай меня. Я кое-что хочу сказать. Я должна задать тебе вопрос.

Я осушила глаза. Она села рядом со мной, взяв меня за обе руки. Я смогла улыбнуться, с любопытством ожидая ее слов. И впервые за все время нашего знакомства я увидела, что царица Юга не решается говорить, боясь то ли собственных слов, то ли того, что могло за ними последовать.

– Что же ты хочешь сказать? – спросила я наконец. – Ты знаешь, что я выполню любую твою просьбу.

– Не торопись обещать. Послушай, подумай и лишь тогда отвечай.

А потом, медленно, словно с трудом подбирая слова, она поведала мне истинную причину, по которой отправилась к Соломону Премудрому.

Я узнала, что она пережила смерть матери и сестер, затем дочери и внучки.

– Осталась лишь я. Одна. И я слишком стара, чтобы родить еще одну дочь. Я старалась, видит богиня, я старалась.

А потом, совсем отчаявшись, она пошла в главный храм Савы и там получила обещание.

– Богиня обещала мне наследницу, дочь для Савского царства. Правительницу, которая придет с севера. Царицу, которая сядет на Леопардовый трон и будет править Рассветными землями, когда меня не станет.

Я уставилась на нее.

– Так ты приезжала не для того, чтобы говорить с отцом о торговле пряностями? – только и смогла вымолвить я.

– Любой мой советник мог бы уладить эти дела. Я приехала на север в поисках большего, чем торговые соглашения. Я приехала за царицей. За тобой, Ваалит.

Огонь вспыхнул у меня в крови, ликование переполняло меня, и я почувствовала, что могу расправить крылья и взлететь. «Ты рождена быть царицей...»

– Так ты действительно думаешь, что я могу стать царицей и править?

– Да, дочка. Я знаю это. Ты царица, которую обещала нашей стране богиня Аллат.

– Ты же не сомневалась, что я соглашусь? Конечно, я поеду с тобой!

В Савское царство, к свободе и прекрасному будущему!

Царица подняла руку:

– Подожди, Ваалит, это еще не все. Неужели ты думаешь, что все эти полгода я присматривалась к тебе? Огненное мое дитя, я знала, что ты – та самая, с того дня, когда впервые увидела тебя.

– Тогда почему ты раньше меня не спросила?

– Потому что я недостаточно мудра и терпелива. Я не Аллат, а лишь ее земное отражение. Поэтому я допустила ошибку.

И она очень осторожно рассказала, как просила отца отдать меня ей. И как он отказал.

– Доченька, я не скрою от тебя ничего: когда он отказал мне в моей просьбе, я решила завоевать его сердце, чтобы он подарил тебя мне. Но...

– Я знаю, – улыбнулась я. – Весь город знает. Как ты могла не полюбить его или он тебя?

Она словно бы смотрела на что-то невидимое мне.

– Действительно, как? Но завертелось это веретено, и лишь боги могут выпрясть ровную нить. И вот теперь...

«Теперь ты боишься снова спрашивать обо мне, иначе потеряешь его». Я схватила ее за руки:

– Теперь я все знаю. Я отправлюсь с тобой в Саву и научусь всему, чем ты со мной поделишься. И когда-нибудь...

Когда-нибудь Билкис умрет и Ваалит станет царицей вместо нее. Впрочем, в тот день думать об этом не стоило. «Сегодня нужно радоваться солнцу, а не скорбеть о ночи».

Я поцеловала ее руки:

– Клянусь тебе, я приеду в Саву. Мой отец меня не остановит.

Царица уже не витала в своих мыслях, она внимательно посмотрела на меня, и печаль исчезла из ее глаз.

– Сава покажется тебе необычной, Ваалит. Но твоя судьба на юге. Думаю, ты будешь там счастлива. А твой отец действительно мудр, насколько мудрость вообще подвластна людям. Рано или поздно он увидит истину и отпустит тебя.

Часть седьмая

В поисках огня

Песнь Ваалит

В том, что за этим последовало, виновата я сама. Царица Юга разожгла во мне пламя. Пламя гордости и нового стремления, в котором сгорели дотла все более мелкие страсти. Да, я сияла, словно солнце, я светилась от гордости и, несмотря на все, сказанное царицей Савской, не сомневалась, что и отец почувствует гордость за то, что его дочери преподносят такой дар. В свое оправдание могу лишь сказать, что была совсем юной, а в юности мы часто видим лишь собственные цели и желания, словно других людей не существует.

Не понимала я тогда и того, как любовь, подобная той, что испытывал мой отец к царице Савской, могла превращать людей в противников, а сама любовь превращаться в поле битвы, на котором не оставалось победителей, а лишь проигравшие.

Поэтому, выйдя от царицы, я побежала на поиски отца, чтобы сразу же рассказать ему о своих желаниях. Первой моей ошибкой стала именно эта спешка. Следовало подождать и прийти к нему в более благоприятный момент, когда он сам был бы готов выслушать меня. Но отец никогда раньше не мог долго упорствовать, отказывая мне. Разве не получила я даже разрешение ездить верхом? Мне бы и в голову не пришло, что он может отказать мне теперь в моем истинном желании.

Вооружившись своей непоколебимой уверенностью, я отправилась искать его по всему дворцу. Мне сказали, что он вместе с моими братьями Ровоамом, Иериофом и Самуилом поехал в большие царские конюшни, раскинувшиеся среди зеленых равнин и холмов к северу от города.

Узнав об этом, я не стала возвращаться в свои покои, чтобы ожидать отца и готовиться его встретить. Вместо этого я велела взнудать Ури и выехала следом. Прежде чем смеяться над этой глупостью, вспомните, что мне едва исполнилось четырнадцать и меня очень баловали. Да, я была умной, но в этом нет никакой заслуги. Человек или рождается умным, или нет. А вот мудрость приобретается лишь тяжелыми уроками и терпением, на которые в юности просто не хватает времени.

Большие конюшни царя Соломона вмещали двенадцать тысяч лошадей – так теперь рассказывают путешественники. Количество преувеличивалось, передаваясь из уст в уста. Я помню, что конюшни, о которых слава шла по всему миру, были обширными и там держали много лошадей, но не думаю, что больше тысячи. И все-таки тысяча лошадей – достаточно крупное хозяйство, чтобы пришлось застроить половину долины. У многих царей дворцы были меньше, чем конюшни царя Соломона.

Выбеленные каменные стены сияли на солнце, уже не таком ослепительном, как в разгар лета. За крышами конюшен виднелись шатры, в которых жили конюхи и их подручные. Синие и желтые пологи издали казались яркими цветами, растущими в пустыне. Весной по плодородной равнине ходили кобылы с жеребятами. Теперь подросших жеребят держали отдельно, и кобылы бродили по выжженному солнцем пастбищу одни.

Ури ржанием приветствовал кобыл. Мало кто откликнулся. Почти все по-прежнему щипали траву.

– Ничего, – сказала я, с улыбкой потрепав его по золотистой шее, – они будут рады тебя видеть, когда придет время!

Въехав на главный двор, я увидела отцовскую колесницу. Лошадей выпрягли и увели поить и чистить. Это означало, что отец приехал надолго.

Когда я остановила Ури, конюхи бросились ко мне. Я спешила и отдала поводья ближайшему из них.

– Я ищу царя, моего отца. Где он? – спросила я.

Наверное, мои слова прозвучали властно, как будто я приехала с чем-то важным, и конюхи поспешили спроводить меня, чтобы не взваливать на себя лишнюю заботу. Полднюжины человек откликнулись и сказали, что царь Соломон и трое царевичей отправились на площадку для выездки. Там царю должны были показать жеребят-отъемышей, чтобы он решил, кого из них продать, а кого оставить.

Оставив Ури на попечение конюхов, я бросилась к отцу. Решив срезать путь, я свернула в загон для жеребцов.

– Помедленнее, – строго сказал мне старший конюх, хватая за локоть и останавливая. – Здесь бегать нельзя. Жеребцов легко потревожить, и тогда они ведут себя как малые дети. Хоть ты и царевна, ходи медленно и говори спокойно, если оказалась рядом с ними.

Я знала, что нет смысла жаловаться на Гамлиэля отцу, ведь он был прав, а я нет. Поэтому я поспешно извинилась и сказала, что просто ищу своего отца.

– И ты, пытаясь выгадать несколько мгновений, решила срезать путь через загон для жеребцов? – Гамлиэль покачал головой. Человеческая глупость явно вызывала у него отвращение. – И сколько же времени ты выиграла своей спешкой? Нисколько, ведь тебе пришлось выслушать мое поучение.

– Знаю, мне жаль.

– Ты хочешь сказать, тебе жаль, что я задержал тебя.

Гамлиэль отпустил мою руку и отошел. Под его суровым взглядом я тихо и медленно дошла до конца загона. Покинув царство старшего конюха, я зашагала быстрее, но бежать не стала. Гамлиэль был прав – носиться по конюшням неразумно. Я только надеялась, что он не пожалуется на меня отцу.

Добравшись до площадки для выездов, я увидела отца и братьев. Мальчик водил перед ними гнедого жеребенка, а они внимательно наблюдали. Никто не замечал меня, пока жеребенок не застыл на месте, уставившись на меня так, словно я была джинном, появившимся из воздуха. Отец обернулся посмотреть, что напугало жеребенка, а потом быстрыми шагами направился ко мне.

– Ваалит, что ты здесь делаешь? – В глазах у него потемнело от страха. – Что случилось?

– Ничего, отец, клянусь тебе. Я просто хотела поговорить с тобой.

Тревога исчезла с его лица, сменившись печальным удивлением:

– И твое дело не могло подождать до вечера или хотя бы до моего возвращения? Что ж, говори, дочка.

Я взглянула на братьев – Иериоф и Самуил воспользовались уходом отца, чтобы приласкать гнедого жеребенка и заспорить о том, кто из них лучше разбирается в лошадях. Ровоам стоял чуть в стороне, настороженный, как лис, и ревниво поглядывал на меня.

– Здесь я не могу говорить, – сказала я.

Отец улыбнулся, как всегда, покоряясь моим прихотям:

– Хорошо.

Он взял меня за руку и отвел под старый дуб, к колодцу, из которого брали воду для конюшни жеребят.

– Здесь твои братья нас не услышат, можешь говорить свободно.

В его словах звучал смех. Мой отец думал, что я еще ребенок, а я хотела доказать, что уже выросла и стала ему равной.

– С тобой, отец, я всегда могу говорить свободно.

Я сделала глубокий вдох и начала. По пути сюда я тщательно

выбирала слова – разумные здравые доводы, чтобы мой любящий отец согласился. Теперь, оказавшись с ним лицом к лицу, я забыла все, что приготовила.

– Отец, я только что говорила с царицей Савской, и она... Она хочет, чтобы я поехала с ней в Саву. Чтобы учить меня, чтобы я трудилась вместе с ней. Чтобы я стала следующей царицей Юга. А еще я думаю, она хочет, чтобы я вышла замуж за ее племянника, но это я решу потом. Царица выбирает себе наследницу. Отец, ты только подумай об этом! Дочь царя Соломона когда-нибудь станет царицей Савской!

Я не сомневалась в его согласии. Меня ослепляли блестящие возможности. Я видела только то, что хотела видеть: золотое будущее, в котором я правила Савой. Я не заметила, что отец поджал губы и взгляд его стал холодным. Зато я услышала его ответ, и каждое его слово причиняло боль, как брошенный в меня камень:

– Не говори глупостей, дитя. Ты не поедешь в Саву.

Этим он вырвал меня из мечтаний о славе, я уставилась на него.

– Отец...

– И не тревожь больше царицу Билкис, она не может взять тебя с собой.

Я подумала было, что поняла его сомнения, и схватила его за руку:

– Ты думаешь, царица на самом деле этого не хочет? Думаешь, она просто рассказала мне красивую сказку? Отец, ты ошибаешься. Царица хочет этого. Она поклянется в этом чем угодно. Она хочет, чтобы я поехала с ней. Я нужна ей. Я отправляюсь с ней в Саву. Ты будешь гордиться мной, когда я стану царицей.

Он долго молча смотрел на меня. Казалось, воздух между нами сковало холодом и время замедлилось.

– Значит, ты хочешь оставить свой дом, своего Бога и семью? Уехать на край света и никогда не возвращаться? – спросил он наконец.

Слова, жестокие, как сама правда. Я действительно хотела уехать. Остаться я больше не могла. Я знала, что мне будет больно ответить так, а отцу – услышать это. И в то же время я знала, что нужно говорить лишь правду. Она в итоге оказывается добрее сладкой лжи. Поэтому я сказала лишь:

– Да, отец.

Я могла бы посмотреть ему в глаза, моя воля была столь же сильна, но отец отвернулся, глядя на моих братьев и гнедого жеребенка.

– Ты не понимаешь, о чем просишь, Ваалит. Ты слишком молода, чтобы понимать. – Его голос доносился словно бы издалека негромким

эхом. – Ты слишком молода, чтобы решать такие вещи.

– Я не слишком молода, чтобы выйти замуж. Не слишком молода, чтобы родить своего ребенка.

– Это другое дело.

Охвативший меня холод сменился жаром гнева:

– Почему другое? Я достаточно взрослая, чтобы рисковать жизнью, рожая ребенка для своего мужа. Значит, я достаточно взрослая и для того, чтобы решить...

– ...стать царицей?

– ...уехать из этого царства.

До того как я произнесла эти слова, я сама не знала, что так хотела покинуть дом. «Золотую клетку. Оковы, украшенные драгоценными камнями». Откуда взялись эти слова? Отец не был тюремщиком, а его дворец не был тюрьмой.

Он снова повернулся ко мне, и тогда я поняла, о чем говорят его глаза. Я увидела в них боль потери и одиночество. Мою мать отняла у него смерть. Скоро долг отнимет у него Билкис. Он не хотел потерять еще и дочь.

– Отец... – Мне перехватило горло, и я едва могла говорить. – Отец, рано или поздно мне придется тебя оставить. Мне придется покинуть тебя, если я выйду замуж. Отпусти меня в Саву. Благослови меня.

Я приготовила еще один довод. Эти слова мне было тяжело произнести – я знала, что они, при всей своей правдивости, причинят боль отцу.

– Я хочу уехать. Для меня здесь небезопасно. Мой брат Ровоам...

– Да, он передал мне, что говорит о тебе пророк Ахия. Но он так говорит обо всех женщинах, Ваалит.

Боясь мести Ровоама, я совсем забыла о пророке. Но пророк и впрямь представлял дополнительную опасность.

– Он говорит так обо всех женщинах, потому что ненавидит всех женщин, будь то богини или смертные. Он мечтает о том, чтобы нас всех забили камнями у городской стены.

Отец заставил себя улыбнуться:

– Не позволяй ему тревожить тебя, дитя. Я царь. Ахия может изрыгать проклятия и неистовствовать, но он ничего не сделает. Не позволяй ему выгнать тебя из дома.

– Но я хочу уехать.

Хотя я говорила тихо, за этими словами таилась железная решимость.

Отец покачал головой:

– Не проси об этом. Я готов сделать для тебя что угодно, кроме этого. Я могу заставить молчать Ахию, я могу заставить молчать...

– Ты не можешь заставить молчать меня, отец, я ведь твоя дочь. Я не смогу жить здесь спокойно. Отпусти меня. Пожалуйста.

И тогда отец произнес слова, которые я никогда не думала от него услышать:

– Я запрещаю тебе. Ты моя дочь, и ты подчинишься.

Я смотрела на отца, не в силах поверить, что он мог сказать такое, а он добавил:

– Твое место в Женском дворце. Поезжай домой и оставайся там.

Сначала потрясение не позволяло мне выплеснуть гнев и боль. Я медленно и спокойно оставила отца, братьев и гнедого жеребенка, о котором они спорили. Медленно и спокойно прошла мимо просторного загона с нервными жеребцами. Медленно и спокойно добралась до двора, где меня ожидал Ури. Не говоря ни слова, приняла поводья от конюха, взобралась на спину Ури и медленным и спокойным шагом выехала за ворота на широкую равнину.

А там я пустила Ури галопом.

В этом заключалась моя вторая ошибка, ведь Ури принадлежал к тем лошадям, на которых можно ездить лишь тогда, когда владеешь собой так же хорошо, как конем. Ури, воистину царственное создание, не потерпел бы всадника-глупца и не позволил бы, чтобы им управляли чужие беспорядочные прихоти. Не сделав и дюжины шагов, Ури понял, что его погоняю не я, а гнев. Гнев требовал, чтобы он бежал быстрее ветра. Жеребец вскинул голову и закусил удила. И, прежде чем я успела понять, что происходит, он кинулся вперед, не подчиняясь мне.

Сначала эта дикая скачка пьянила меня. Ветер хлестал меня по глазам и трепал волосы. Я чувствовала, как перекачиваются мышцы коня между моими бедрами. Мы мчались по равнине, гонимые моим безумием. Словно на крыльях, мы взлетали на вершины холмов и наконец ворвались в узкий проход, ведущий к дороге на Иерусалим. Но тут Ури споткнулся о камень, я покачнулась, едва не свалившись, и пришла в себя, а он совсем потерял голову.

Теперь мы неслись галопом по дороге, высеченной в скале, по камню, выглаженному за долгие годы копытами и колесами. Один неудачный шаг – и мы с Ури упали бы с обрыва и разбились.

И, как раз когда эта мысль ворвалась в мой ослепленный злостью и отчаянием разум, Ури поскользнулся. Он отчаянно боролся, чтобы

восстановить равновесие, а копыта разъезжались на гладком камне. Когда же ему удалось твердо встать на ноги, он снова ринулся вперед. Протрезвев от страха, я ухватилась за кожаные поводья, пытаюсь остановить нашу безумную скачку, но слишком поздно. Мой гнев ослепил Ури. Он летел вперед. Так хотела лететь и я, спасаясь от ненавистного мне будущего. Конь делал для меня то, что мне было нужно, – он уносил меня прочь, а я уже ничего не решала. Теперь мне требовались все недавно обретенные навыки, чтобы просто не упасть.

В долину мы спустились целыми и невредимыми лишь благодаря ловкости Ури и шальной удаче, моей же заслуги в этом, конечно, не было.

Сбегая со склона холма в долину, дорога разделялась. Один путь вел на север, к Гаваону, а другой резко сворачивал на юг, к Иерусалиму. Ури чуть замедлил свой галоп, словно решая, куда свернуть. На короткий миг, которого едва хватило бы, чтобы сделать вдох, я получила одну-единственную возможность заставить своего коня снова мне подчиниться, и я ухватилась за нее, не позволяя себе думать о том, чего может стоить неудача.

Отпустив поводья, я левой рукой вцепилась в гриву коня, а правой потянулась к удилам. Я едва не падала, пришлось сжать ноги и левую руку изо всех сил, зато правой я нащупала то, что искала. Не выпуская уздечку, я перевалилась назад, держа ее крепко и твердо.

Эта отчаянная попытка оказалась успешной. Мой конь дернул головой, почти коснувшись моего колена пылающими ноздрями. Потом он пошел медленнее, трясая головой в тщетных попытках избавиться от уздечки, впивавшейся в его рот и мешавшей мчаться вперед.

– Полегче, Ури, полегче.

Я говорила тихо, но твердо, убеждая Ури снова мне подчиниться. Он заложил уши назад, его лихорадочные скачки становились все короче и медленнее, пока наконец он не начал слушаться узды и движений моих ног.

Когда сила и скорость Ури снова оказались в моей власти, я остановила его и спешила. Соскользнув на землю, я почувствовала, что ноги подгибаются, словно бескостные, и я не могу стоять. Лишь ухватившись за мокрую, покрытую пеной шею Ури, я смогла не упасть.

Так я стояла, пока мое дыхание не успокоилось, а кровь не перестала стучать в висках. Я посмотрела на Ури. Его взмыленные бока блестели, словно облитые маслом, ноздри отчаянно раздувались – он тоже задыхался. Мускулы подергивались под моими руками.

Но, когда я повела его вперед, он пошел ровным шагом, и я чуть не разрыдалась от облегчения. Ведь мой безрассудный гнев мог его

искалечить. Мне повезло, что все обошлось, и я знала, что не заслуживаю этой удачи. Я гладила Ури по мокрой шее и умоляла простить меня за то, что так обошлась с ним, словно он мог меня понять. А может быть, он и понял, ведь, когда я ласково говорила с ним, Ури терся головой о мое плечо, словно утешая.

Я сложила руки, прикрыв горячую мягкую кожу его морды, и Ури лизнул мне ладонь. Я поняла, что он хочет пить, но у меня не было воды.

– Знаю, – сказала я, – прости.

Потом я взяла поводья, и мы медленно вернулись на большую дорогу, ведущую к Иерусалиму.

Соломон

Долгие годы правления научили Соломона не поддаваться гневу и боли. Как будто дочь и не приезжала, он продолжал оценивать лошадей, которых к нему выводили. Лишь вернувшись в Иерусалим, он позволил себе начать думать о том, что произошло, и при воспоминании о своих словах его захлестнул стыд. «Я запрещаю тебе». Он, так гордившийся тем, что справедливо и с уважением относится ко всем мужчинам и женщинам, говорил с родной дочерью так, словно... «Словно она моя собственность, словно она...»

Словно она действительно была драгоценностью, как он говорил о ней, сокровищем, которым он мог распоряжаться по своему усмотрению. Неужели он и вправду относился к ней так?

«Нет. Нет, конечно, я к ней отношусь не так. И все же она моя дочь... Нет, не буду продолжать эту мысль. Ваалит еще ребенок, она сама не знает, чего просит». Да, именно: ребенок, ослепленный величием чужеземной царицы, которая польстила ей. Но, сколько Соломон ни старался обуздать свои мысли, у него не получалось. Яркое безжалостное солнце не могло испепелить стоявшее перед глазами дерзкое лицо дочери, ее отчаянный взгляд.

И шум городских улиц не мог изгнать эхо его собственных слов, произнесенных жестоким, словно чужим голосом: «Ты моя дочь, и ты подчинишься».

«Как я мог сказать ей такое? Словно бы... Словно бы я владел ее душой...»

Словно его дочь была одним из достояний царской казны, достаточно ценным, но не обладающим своей волей. Вещью, которую можно по

мановению руки отправить под замок.

Закон говорил, что все именно так и есть. В печали и гнев он заговорил как любой отец, отчитывающий непокорную дочь. Дети принадлежали мужчине. Их держали при себе, чтобы было на кого опереться в далеком туманном будущем. Отец мог выбрать для дочери какую угодно судьбу. Так гласил Закон.

«Так ты теперь будешь цепляться за холодный Закон?» – спросил себя царь. Разве он сам не учил Ваалит жить собственным умом и считать себя равной любому из своих братьев? «Да, Соломон, это ты в безумии своем наделил ее пытливым умом и храбрым сердцем». А теперь, когда она захотела идти к собственному будущему, которым он не мог управлять, он отнял свои дары.

«Решая, как устроить будущее дочери, следовало просто открыть для нее это будущее. А теперь ты осмеливаешься призывать Закон?»

Разумные слова, чтобы опровергнуть это холодное обвинение, не приходили. Он со вздохом поднялся на парапет и оперся руками о нагретые солнцем камни. Внизу раскинулся Город Давида, озаренный полуденным летним солнцем. На крышах работали женщины – там развешивали белье. Служанки подходили к бочкам для сбора дождевой воды. «С такой высоты мой отец увидел, как моя мать купается на крыше, и подумал, что она прекрасна...»

А когда Соломон поднял глаза, его взгляд заполнил сияющий золотом храм.

«Город Давида. Храм Соломона». Он отвел взгляд от слепящего блеска храма и снова посмотрел на жаркий суетливый город. Город царя Давида. «Долго ли еще они будут называть Иерусалим этим ласковым именем? И будут ли говорить о моем храме с такой же любовью и гордостью, как об отцовском городе? Или меня забудут и мои пороки и добродетели исчезнут, как пыль, развеянная по ветру?»

Бывало ли его отцу Давиду так тяжело на душе? Или матери? Соломон поймал себя на том, что улыбается, вспоминая ласковый характер Вирсавии, ее нежелание слышать злые слова и видеть подлые поступки. Нет, Вирсавия не знала страха и отчаяния. «Ее всегда озаряло солнце».

А его вторая мать, царица Мелхола? «О, это совсем другая история». Царица Мелхола всегда привечала его, сына своего сердца, но он чувствовал, что за ее взглядом скрывается глубокий холодный колодец. Соломону не приходилось видеть, чтобы она ласково смотрела на его отца; нет, когда она смотрела на царя Давида, в ее глазах читалось холодное змеиное терпение.

Сердце у нее было не каменное. Никто не знал этого лучше, чем он. Но ее ледяной взгляд светился теплом лишь для него и его матери, а для Давида, героя, ради которого она бросила вызов своему отцу Саулу, которого она ждала десять лет, когда ее выдали замуж за другого, ради которого она пожертвовала собственным будущим, – для Давида ее глаза оставались пустыми.

Иногда ему казалось, что это лишь его глупые выдумки. «Мальчишки, а уж тем более царевичи, очень ревнивы и думают лишь о себе. Мне хотелось, чтобы она любила меня больше всех, в этом все дело!» Да, наверное. Ведь все песни утверждали, что царица Мелхола любила царя Давида превыше себя и собственной чести.

Но в памяти звучало предостережение самой царицы Мелхолы: «Песни очень красивы и приятны для слуха, но никогда не путай песню с правдой». В отличие от его матери Вирсавии, Мелхола внимательно прислушивалась к каждому слову и видела каждое действие ясно, как в солнечный полдень. Этому она научила и его: «Нужно знать, где истина, Соломон, даже если сам идешь другим путем. Нужно знать, что такое добро, даже если творишь зло».

«Но ведь лучше идти путем истины и творить добро?» – спросил он тогда, и царица Мелхола улыбнулась. «Да, душа моя, лучше идти путем истины и творить добро, но царю это не всегда подвластно. Иногда царь должен делать то, что правильно».

Он много лет не мог разгадать эту загадку. Соломон снова улыбнулся, на этот раз собственной глупости.

«Что ж, я знаю, что такое истина и добро. Что же мне делать с этим великим бесценным знанием? И как мне узнать, что правильно?»

«Соломон Премудрый», – рассмеялся он, передразнивая себя. Соломон Премудрый, который знает и умеет все. Не умеет он лишь срывать плоды счастья с колючих веток. «А что делает человека счастливым? Любовь?»

Непрошенные, пронеслись перед глазами его жены. Нефрет и Наама, Меласадна и Двора. «Столько жен... Любит ли меня хоть одна из них?»

«А ты хоть раз их спрашивал об этом, Соломон?» В этом шепоте слышалась насмешка. Этот упрекавший его голос принадлежал Билкис.

Что ж, теперь он любил. Любовь благоухала жгучими пряностями. Билкис, царица Савская, зрелая, мудрая и теплая. «Моя последняя любовь».

Совсем не похожая на первую. «Моя жемчужина, моя роза, песнь во плоти. Моя Ависага».

Его страсть к Ависаге была пылкой и требовательной. Так любят мужчины в молодости. Обуздывая свое желание, уступая возлюбленную

престарелому отцу, он провел много бессонных ночей и тревожных дней. Те решения нелегко ему дались.

Но царь Давид лежал при смерти, дряхлый, продрогший до костей старик, и Соломон склонился перед его нуждами и волей приемной матери. «Нет, скажи правду хотя бы себе. Царица Мелхола согласилась с этим планом и воплотила его вместе с собственными хитростями, чтобы добыть мне трон. Но придумал все это я».

Соломон невольно вспомнил, с какими словами обратился к царице Мелхоло в поисках ее одобрения: «Сначала я подумал, что моему отцу нужна помощь и утешение в старости. А потом мне пришло в голову, что девушка, выбранная, чтобы ухаживать за ним, может передавать нам его разговоры с другими». Было и кое-что еще, но эти слова Мелхола произнесла за него: «Если потом ты женишься на девушке, служившей твоему отцу, это укрепит твое положение наследника».

Когда он открыл царице Мелхоло свои мысли, она сказала, что он рассудил здраво. Соглядатайка в спальне Давида, а затем царица при дворе Соломона... Это казалось таким благоразумным и простым.

Но тогда он еще не начал искать ту девушку, которой предстояло делить ложе с двумя царями.

Тогда он еще не нашел ее.

Свою любовь.

А вместе с любовью и боль. Ведь Ависага выполнила его желание. Она следила за его отцом, как тень, передавая все ему. «Прекрасная девица, достойная того, чтобы ухаживать за отцом, спать с ним, согревая его промерзшие кости. Царская девица, которая своими нежными молодыми руками передаст власть от старого царя новому...»

Ависага делала все, о чем просили Соломон и царица Мелхола, и даже больше. И никогда она ни единым движением ресниц не выдала и не позволила догадаться, что происходило между ней и Давидом. Соломон по сей день не знал, лежал ли его отец с Ависагой, как мужчина с женщиной.

И не хотел знать.

В их брачную ночь Ависага пыталась рассказать об этом. Соломон понял, что она хочет поклясться в своей невинности, но он не позволил ей говорить. «Не имеет значения, что было между тобой и моим отцом, – ответил ей Соломон, – не нужно произносить слова лишь потому, что я хочу их услышать. Что было, то прошло».

В ее глазах, ярких, словно звезды в ночи, блестели слезы. «Соломон, муж мой, возлюбленный мой, я хочу, чтобы ты знал...»

Соломон обхватил ее лицо ладонями и быстро поцеловал в нежные

губы, пахнувшие корицей и розами. «Все это позади, любовь моя. Все в прошлом. Сегодня наша ночь, она принадлежит лишь нам. Даже если в прошлом тобой владел царь Давид, твое настоящее и будущее принадлежат царю Соломону. Довольствуйся этим».

Ависага долго смотрела ему в глаза и наконец сказала: «Я могу довольствоваться этим, но сможешь ли ты?»

«Да, – ответил он. – Да. Ты сердце мое и царица моя, Ависага, а больше ничто не имеет значения».

Так говорил он в их брачную ночь. Тогда он считал себя благородным, великодушным и щедрым. Многие мужчины, даже если бы сами отправили невесту в чужую постель, все равно требовали бы, чтобы она пришла к ним девственницей.

«Но я поклялся ей, что это не имеет значения. Думаю, она мне поверила. Надеюсь, поверила».

Ведь теперь Соломон знал, что заставил ее молчать не из великодушия.

Он просто испугался правды, которую мог услышать.

Ровоам

«Зачем она приезжала? Что пообещал ей отец?» Этот вопрос терзал Ровоама, портя удовольствие от того, что ему позволили выбирать жеребят. Стоило появиться его сестре – и отец, обо всем забыв, со всех ног бросился к ней. Братья, конечно, не обратили на это внимания. «Никто из братьев не видит, что она крадет принадлежащее мне. Наследник я, а не она! Тут ей не Савское царство!»

Его вдруг охватил страх, мороз прошел по коже. Да, Израиль – не Савское царство, но отца околдовала царица Билкис, а ту – Ваалит. Что если чужеземка уговорила отца возвысить Ваалит, сделать ее царицей Израиля?

Да. Это все объясняло. Равнодушие отца к нему, отказ сестры выйти за него, ее надменное нежелание ему подчиняться. «И сегодня на конюшне она говорила о том, чтобы стать царицей». Ровоам обладал тонким слухом, и некоторые ее слова рассекали воздух, словно удары кнута. «Да, скорее всего, она затеяла именно это. Ну подожди, я скажу своей матери, и тогда...»

И что тогда? Конечно, мать придет в ярость. Она заботилась лишь о его счастье, о его будущем. «Если отец решил посадить ее на трон, на этот

раз она точно ее отравит». Эта мысль принесла облегчение, но потом Ровоам задумался. Его сестра никогда не страдала никакими болезнями, и если бы она внезапно умерла... «Заподозрили бы мать, а я не могу ее лишиться». Вот если бы у Ваалит были враги... «Но все ее считают такой разумной, такой безупречной...

Нет, не все».

Ровоам вдруг ясно понял, что нужно сделать, чтобы его единокровная сестра Ваалит больше никогда не омрачала его будущее, словно мать стояла у него за спиной и нашептывала советы.

В базарные дни Ахию легко было найти: он стоял у Овечьих ворот, поучая прохожих, словно неразумных детей. Ровоам наблюдал, как мимо пророка идут люди. Почти никто не обращал внимания на его слова. «Они уже сыты по горло словами этого старого дурака». Ровоам и сам не мог слушать бесконечные гневные речи Ахии, но теперь он увидел, как его можно использовать. Царевич улыбнулся и, расталкивая людей и скот, направился к старику.

– Приветствую тебя, о пророк, – начал он.

Ахия посмотрел на него и нахмурился:

– Слова Яхве кажутся тебе смешными?

Ровоам тут же придал своему лицу серьезное выражение:

– Нет, я улыбался лишь потому, что обрадовался, так легко найдя тебя, ведь мне нужно поговорить с тобой. Я... У меня беспокойно на сердце, и я прошу твоего мудрого совета.

Да, это должно было польстить пророку! Все любят раздавать советы, особенно царевичам! Хотя эта мысль больно уколола его, Ровоам сохранял безмятежное и открытое выражение лица.

Ахия внимательно посмотрел на него, словно стараясь заглянуть ему в душу, потом, видимо удовлетворившись, кивнул:

– Спрашивай, и Яхве тебе откроет свою мудрость.

Стараясь не показывать свою радость, царевич уставился на запыленные булыжники под ногами. Следовало проявлять лишь печаль и тревогу.

– Ну? – спросил Ахия.

Ровоам поднял голову:

– Я пришел к тебе, потому что у меня тяжело на сердце. Это касается поведения... одной женщины...

Ахия отстранился, словно сам Ровоам был нечистым.

– Все женщины – сосуды греха. Такими их создал Яхве.

Ровоам не заботился о том, какими Господь создал женщин, лишь о том, чтобы пророк его выслушал.

– Да, да, это так.

Соглашаясь, легче всего было удержать внимание Ахии. Теперь следовало перевести разговор на то, что интересовало Ровоама.

– Но, Ахия, господин мой, могут ли некоторые женщины быть более греховными, чем остальные?

– Не называй меня господином, я лишь уста Яхве.

Глаза Ахии горели, словно угли, на худом лице. И все же Ровоаму показалось, что пророку понравилось такое уважение.

– Некоторые женщины, – торопливо заговорил Ровоам, боясь, что пророк перестанет слушать, – вершат злые дела. Как следует поступать в таком случае?

Ахия выпрямился, одеревенев еще больше, чем обычно. «Ни дать ни взять засохший кедр», – подумал Ровоам, мысленно улыбаясь. Да, так он собирался описать пророка впоследствии, хвастаясь перед друзьями.

– Закон ясно указывает, что над недостойной женщиной следует свершить суд, – объявил Ахия.

– Даже если женщина из царской семьи? – спросил Ровоам, считая себя очень ловким.

Да, пророк с интересом посмотрел на него, услышав этот вопрос! Ровоам заставил себя сохранять скорбное и благочестивое выражение лица – показывать свою радость не следовало.

– Даже если женщина из царской семьи. Ты таких знаешь? Да, конечно, ведь царский дворец полон греховного смрада. Гордыни, похоти и...

– ...идолопоклонства, – вставил Ровоам.

Он радовался тому, как легко все получается. Даже пророка ничего не стоит обвести вокруг пальца! «Вот это царь из меня получится! Все будут падать ниц по моей воле!»

Ахия сурово взглянул на него и произнес:

– Да, поклонение идолам – самый ненавистный грех для Яхве. А царь Соломон потворствует этому греху, которому предаются его чужеземные жены.

– Не только жены, – Ровоаму наконец-то представилась возможность упомянуть имя своей сестры, – не только жены, но и дочь его склоняется перед языческими идолами. А ведь она не чужеземка, а дочь Закона. Не подобает ей появляться в храмах чужеземных богов.

– Не подобает, – согласился пророк, и Ровоам степенно кивнул. –

Можешь ли ты это доказать? – спросил Ахия.

«Придет время, и этот пророк будет говорить со мной должным образом, – пообещал себе раздраженный Ровоам. – В конце концов, я царевич!» Но теперь следовало заручиться поддержкой Ахии, поэтому он лишь сказал:

– Я собственными глазами видел, как она входит в языческие капища, господин мой. И другие видели.

– В какие из храмов?

«Какая разница?!» Ровоам потупил взгляд, словно ему было стыдно говорить.

– Святилища Астарты, Нинлиль... – Он второпях пытался вспомнить кого-нибудь еще. – И Хамоса, и...

– Ходила ли она в Роцу? – спросил Ахия тихо, почти шепотом.

Это означало бы, что она не просто поклоняется идолам, но и предается разврату. Даже меньших грехов вполне хватило бы, чтобы ее забили камнями.

Ровоам помолчал, словно собираясь с духом.

– Да, – ответил он тихо, в тон пророку, – да, она ходила в Роцу.

Скрывшись с глаз Ахии, Ровоам позволил себе улыбнуться. «Я сделал это! Сделал!»

Он поклялся наказать сестру за то, что она встала у него на пути. И вот пришло время расплаты. Пророк Ахия позаботится об этом. «Теперь мой отец увидит, что пригрел змею на груди. И ему придется обратиться ко мне. В конце концов, я наследник, а она – всего лишь девчонка». Продолжая улыбаться, Ровоам побежал к царскому дворцу. К своему дворцу. Да, когда-нибудь в золотом будущем ему предстояло, став царем, владеть этим дворцом.

Ахия

«Яхве ответил на мои молитвы. Бог сам отдал врага мне в руки».

Эта преисполненная глубокого значения мысль пришла не сразу. Ахия был рад, что не испытывает удовольствия от того, что предстоит сделать. «Следует выполнять волю Яхве. Соблюдать Закон Яхве».

Если царь не желает замечать грех в собственном доме, а первосвященник и вовсе отказывается вмешиваться, Ахии придется действовать самому. «Я очищу царский дом от скверны». И тогда люди,

увидев, что даже царь должен покоряться Закону Яхве, тоже откажутся от своих заблуждений и вернутся на строгий путь добродетели.

Нельзя допустить, чтобы царь избежал правосудия. Ахия начал думать о том, как привлечь Соломона к ответу. Нельзя оставить ни единой лазейки, сквозь которую мог бы ускользнуть изворотливый, как змея, царь. Значит, предстояло заклеить порок на царском суде, куда имели право прийти любой мужчина и любая женщина с просьбой о справедливом решении.

Но Ахия понимал, что сначала нужно раздобыть доказательства, чтобы не допустить ни малейшей вероятности сомнений, колебаний, возражений или прощения.

«Соломон мягкий и слабый, а я нет. Я сделаю все, что должен, чтобы призвать его к ответу. Даже царь не может встать над Законом!»

Садок

Жертвоприношение оказалось удачным, и пришло много верующих, проявивших щедрость. Как всегда после должным образом проведенного ритуала, Садок возвращался довольным собой, сияя от умиротворения. Его успокаивали обряды. Строгий распорядок жертвоприношения и поклонения убеждал в том, что мир и место первосвященника в этом мире неизменны. Сегодняшний день не стал исключением, разве что ритуалы прошли еще лучше, чем обычно. Не дрогнула его рука, сжимавшая нож, и жертва была умерщвлена быстро и безупречно. Его голос твердо и без запинки провозглашал молитву. «Подумать только, еще вчера я волновался о том, что слишком стар для богослужений!»

С такими мыслями Садок склонился перед святой святых и вышел. Безмятежно наслаждаясь этим дарованным ему прекрасным днем, он не заметил, что прямо у входа в храм его ожидают. Избежать встречи не удалось – первосвященник слишком поздно спохватился. Ахия успел его увидеть.

Умиротворение испарилось, словно роса в пустыне. Когда Ахия загонял первосвященника в угол в его собственном доме, в этом не было ничего хорошего. Но теперь все обернулось еще хуже. Перепалка прямо перед храмом... Все устремят на них взгляды и наострят уши, чтобы ничего не упустить...

«Господи, чем я прогневал Тебя?» – мысленно возопил Садок. Но он сделал над собой усилие и доброжелательно улыбнулся пророку, приветствуя его, хотя и знал, что это напрасный труд.

– Добро пожаловать в Дом Господа, Ахия. Ты оказываешь нам честь своим присутствием.

– Так значит, Яхве мало того что лишен имени, так еще и заперт в этих стенах?

Садок попытался улыбнуться, словно Ахия шутил:

– Конечно, Он не заперт в этих стенах, но разве мы не можем воздать Ему почести? Идем со мной в мой дом – ты будешь там желанным гостем.

Садок знал, что пожалеет об этом приглашении, но пророк явно пришел клеймить чужие грехи, и лучше было сделать так, чтобы он высказался не на глазах у половины Иерусалима.

Ахия презрительно посмотрел на Садока:

– Мне, как и самому Яхве, не нужен дом, и никакие стены не могут заглушить мои истинные слова. Слушай, Садок, первосвященник Соломонова Храма, слушай и внемли.

– Я слушаю, пророк.

Больше ничего Садоку не оставалось: Ахия стоял на ступенях, ведущих во двор.

– В кои-то веки ты ведешь себя разумно. Запомни мои слова, потому что повторять я не буду. Этот город когда-то был средоточием добродетели и женской стыдливости, а теперь стал размалеванной блудницей. Улицы захламлены идолами, ложные боги соблазняют прохожих. И кто же источник этой скверны и греха?

Пророк остановился, словно ожидая ответа, но Садок знал, что лучше молчать. Любые слова могли подлить масла в огонь и разъярить пророка еще больше.

– Тот, кто должен служить сосудом для воли Яхве, – Ахия повернулся к храмовому двору, – царь. Царский дворец – выгребная яма, полная похоти и идолопоклонства. И царь мирится с грехом в своих стенах. Нет, хуже, он сам наслаждается мерзостью. Соломон проводит ночи на ложе чужеземок, он поклоняется их богам. И его дети следуют за ним, упиваясь грязью. Разве царь не выставляет напоказ перед всеми чужеземную царицу, не кланяется ей и не дает ей все, чего она пожелает? Разве его женщины не ходят в притоны Царицы Небесной?

От слов Ахии первосвященнику становилось все больше и больше не по себе. Да, пророк постоянно обличал грехи придворной жизни, но впервые осмелился заявить о них при таком скоплении людей.

«На ступенях храма, в моем присутствии, на глазах у всех». Садок столкнулся со сложной задачей, которую следовало быстро решить, если он не хотел, чтобы на его невинную голову обрушилась кара. Ведь Ахия

говорил о тяжком преступлении. «Если я не дам ему отпор, получится, что я соглашаюсь с ним». А если Садок возразит пророку... «Это все равно что открыто заявить на весь Израиль, будто Соломон разрешает своим женам идолопоклонство. Поставить Ахию на место означает прилюдно поддержать язычество».

Пророк прервал свою речь и повернулся к Садоку. Не дождавшись ответа, он спросил:

– Ну что, первосвященник? Чего требует Закон для дочери Яхве, которая предается разврату в Роще?

Теперь Садок понял истинную цель Ахии. «Он говорит о царских женах, но на самом деле обвиняет царевну Ваалит. Да, это может сломить царя Соломона». Садок не считал себя очень сообразительным, но на этот раз слова, которые следовало сказать, пришли сами:

– Таковую женщину ожидает смерть через побитие камнями.

«Пророк, ты знаешь это, как и все собравшиеся во дворе храма и слушающие твои напоенные ядом слова. Что ж, мне тоже есть что тебе сказать». Садок выпрямился. Его переполняло неизведанное ощущение силы, словно впервые он стал во всем равен Ахии.

– Но, чтобы обвинять в таком страшном преступлении, нужны доказательства. Надежные свидетели, не имеющие причин лгать. Есть ли у тебя такие доказательства, пророк? Есть ли у тебя такие свидетели?

– Будут, – ответил Ахия. – И тогда тебе придется поступить так, как велит Закон. Кем бы ни оказалась преступница.

– Приди ко мне с этими доказательствами и свидетелями, и я сделаю то, что велит Закон. – Садок невозмутимо смотрел пророку в глаза. – Но помни, Ахия, что есть и другой грех, ненавистный нашему Господу.

Садок замолчал, ожидая ответа, как раньше Ахия. И наконец пророк спросил, медленно, словно кто-то вытягивал из него слова:

– Что за грех, Садок?

– Лжесвидетельство. Будь осторожен, пророк. Будь очень осторожен. Ведь я первосвященник. И я поступлю так, как велит Закон. Закон Господа, Ахия. А не твой.

Садока не оставляла эта необъяснимая сила, пока он смотрел пророку в глаза. И впервые за все время, что первосвященник знал Ахию, тот отвел взгляд.

Садок не помнил, как добрался до дома. Несомненно, ему помог Господь – или долгая привычка. Войдя к себе, он, трясаясь, как в лихорадке, повалился на кровать. Огонь, охвативший его и дававший силы для отпора

пророку, исчез. Пламя погасло, испепелив крохи собственных сил Садока, оставив после себя лишь слабость и дрожь.

Снизойшла ли на него сила Яхве, Господа? Садок не знал этого, он лишь чувствовал, что на миг загорелся ярче озлобленного пророка. Но все закончилось. Первосвященник не понимал, за что ему даровали этот краткий миг славы, и был слишком измучен, чтобы думать об этом.

Но предстояло сделать кое-что еще. «Я должен предупредить царя Соломона». Садок проглотил горячее пряное вино, принесенное женой, и снова протянул ей кубок. «Да, я должен предупредить царя. Как только немного соберусь с силами, пойду к нему».

Ахия

«Доказательства. Да, первосвященник прав. – Ахии пришлось согласиться с Садоком, хоть после этого и остался кислый привкус во рту. – Закон Яхве требует доказательств».

Но раздобыть такие доказательства будет нелегко. Даже того, что царевна ходила в языческие храмы, не хватало. Многие женщины туда ходили – слишком многие. Что ж, следовало положить этому конец. Но люди не осудили бы царскую дочь за то, что делали их собственные жены и дочери, ведь тогда бы они осудили и собственных родных.

«А на самом деле всем следовало бы понести наказание!»

Ахия заставил себя успокоиться. Очистив царский дом, он призовет на путь истинный и всех остальных. Значит, все усилия предстояло направить на главную цель – царя.

Итак, одного того, что царевна ходила в языческие храмы, не хватало. Но царевич Ровоам также признал, что его сестра посещала Роцу. И вот за это Ахия вполне мог требовать казни для нее. «Царевна из дома Давидова погрязла в распутстве, отдаваясь каждому встречному, посвятив собственное тело Звезде Утренней!» Ахия содрогнулся и сплюнул: от нечистых образов, пятнающих его разум, тошнота подступала к горлу.

Что ж, там ее и следовало захватить врасплох, посреди грязи и распутства, а потом протащить через весь город и швырнуть, обнаженную, к ногам отца. Закон, ясный, как прозрачная вода, гласил: за это ее ждет смерть. Царю Соломону пришлось бы пожертвовать дочерью или отказаться от трона.

Ахия улыбнулся. Разве хваленая мудрость царя найдет выход из этого тупика?

Песнь Ваалит

Со временем мне начало казаться, что о тайном плане Ахии покрыть меня позором знает чуть ли не весь город. И объяснялось это кристальной честностью самого пророка. Для него любая клятва была нерушимой. Следует признать: дав слово, Ахия никогда не нарушал его и не брал назад. Он делал то, что обещал, а если клялся сохранить тайну, то никогда она не слетала с его языка. И ему не пришло в голову, что люди, которых он призывал к молчанию, не посчитают клятвопреступлением, если ночью на супружеском ложе вполголоса расскажут весь этот план женам. Или что Ровоам примется разрушать собственные замыслы, хвастаясь направо и налево, что его заносчивую сестру скоро низвергнут и вывалят в грязи.

Поэтому случилось так, что я задолго до полнолуния узнала о решении ворваться в Рощу Звезды Утренней, причем уже тогда об этом говорили многие. Мне рассказала Ишваалит, сестра одного из друзей Ровоама. Ее брат Атаниэль выслушал хвастливые речи царевича, похвалил его, сказав, что даже Соломон со всей своей мудростью не придумал бы ничего лучшего, а сам поспешил к сестре.

Атаниэлю не было дела до меня, зато сестру он любил, а Ишваалит каждое полнолуние ходила в Рощу. Атаниэль очень за нее боялся, поэтому предупредил, что в ближайшее полнолуние в Рощу идти не нужно. Ишваалит поняла, что за этим что-то кроется, и вытянула из брата весь план от начала до конца, а потом пошла прямо ко мне.

– Мы должны поговорить, – сказала Ишваалит.

– Прекрасно, – ответила я и пригласила ее в свой сад.

Но Ишваалит отказалась.

– Лучше нам сесть у фонтана в общем саду.

Да, фонтан был любимым местом для таких разговоров: слова, сказанные под пение его неумолчных струй, уже за три шага не смог бы расслышать никто посторонний. И я поняла, что она хочет поделиться тайной, ведь для этого нет лучшего места, чем у всех на глазах. Я улыбнулась, обняла ее за талию, и мы, как сестры, пошли через коридоры и галереи в сад.

– Что ж, – сказала я, когда мы устроились у фонтана, – рассказывай.

Со мной и раньше делились секретами, и я не ожидала от Ишваалит ничего особенного.

– Твой брат, Ровоам, замышляет тебя погубить.

– Как всегда, – улыбнулась я. – Он счастлив, лишь когда вредит

другим.

– Это не смешно, царевна, – сказала Ишваалит, а сама улыбнулась мне, чтобы окружающим казалось, будто мы обмениваемся невинными шутками. – На этот раз он хочет твоей смерти.

Окаменев, я слушала рассказ Ишваалит о том, как Ровоам хвалился своими замыслами и как Атаниэль предупредил ее. Я знала, что брат ненавидит меня, но чтобы до такой степени... Что я ему сделала? Я даже не могла соперничать с ним за трон, ведь, как он часто презрительно замечал, я была лишь девчонкой.

Ишваалит закончила свой рассказ, и я заставила себя рассмеяться, качая головой, словно выслушала очень остроумную шутку.

– Не понимаю, что задумал пророк, – сказала я, – ведь ты же знаешь, что я не хожу в Роццу по ночам.

Я была в Роцце Звезды Утренней лишь однажды днем и увидела только ухоженный сад – долину, засаженную гранатовыми и оливковыми деревьями. Лунный свет не призвал меня, и по ночам я не возвращалась.

– Я лишь рассказываю тебе то, что мне передал брат. – Ишваалит наклонилась ко мне и накрыла мою руку своей. – Я тоже не знаю, что задумал пророк, но, пока не закончится полнолуние, пей лишь то, что разделяют с тобой другие, и держи при себе лишь тех, кому доверяешь как себе.

Я пообещала, что так и поступлю. Ахия и Ровоам надеялись, что, если дикарка-царевна ходит где вздумается, несложно будет поймать ее и притащить в Роццу. Меня силой напоили бы снотворным зельем и оставили там голой, а потом прибежали бы возмущенные простофили, неотесанные ревнители чистоты...

Что ж, теперь я все знала и не собиралась выходить за пределы своих владений, пока они не начнут действовать и пока этот план не провалится.

– Да, я буду осторожна. Ступай в храм и передай жрицам Звезды Утренней, что в это полнолуние их богине лучше всего воздать хвалу целомудрием. Сами пусть закутаются в покрывала, если будут служить ей при лунном свете. А дочерей Закона предупреди, чтобы совсем не появлялись там.

Я понимала, что если Ахия не сможет поймать меня, то с радостью притащит на суд любую захваченную там девушку и будет требовать, чтобы ее побили камнями. Отец такого не допустит, но все равно следовало избегать открытой стычки царя и пророка.

– Я предупрежу их, – пообещала Ишваалит.

И мы остались сидеть у фонтана, болтая о том о сем, пока не подошли

пять-шесть отцовских жен погреться на солнышке. Мы вступили в разговор, словно бы очень заинтересовались их сплетнями, и наконец, отвлекшись от техники вышивания, которую показывала Ахиноама, я увидела, что Ишваалит ушла. Улыбнувшись, я принялась хвалить мастерство мачехи, надеясь, что и впрямь так умна, как мне иногда говорили.

Ведь в ответ на замысел Ровоама в моей голове родился план, дерзкий и опасный. Но он мог послужить ключом к дверям моей темницы.

«Лишь ты сама можешь освободить себя», – сказала мне царица Савская, и теперь я понимала, что это правда. Понимала я и еще одно: если я не смогу сама прийти к ней, совершив какой-нибудь значимый поступок, она не будет меня ценить. Савское царство искало царицу, которая сможет править после Билкис, а не девочку, присланную в подарок, словно юная невеста для престарелого мужа. Но я не видела достойного способа попасть в Саву.

Отец не согласился ни на просьбу царицы Савской, ни на мою. Оставался побег.

Я могла сбежать. Последовать за гостями, когда они отправятся в обратный путь, и надеяться, что меня не отдадут вооруженному отряду, который отец отправит в погоню. «Да, пусть ради меня разгорится война. Хороший выход, нечего сказать». Я не могла отплатить так своему отцу за его любовь, а царице за ее уроки. Стравить два народа, перекрыть торговый путь в Землю Пряностей – да, то, что нужно для песни о смертях и великих сражениях. И совсем не то, если хочется править, заботиться о стране, преумножать ее процветание и приносить покой.

Лучше уж было остаться, чем бежать, рискуя в случае неудачи сломать множество жизней, в том числе собственную, ведь отцу все это причинило бы ужасную боль и он вряд ли смог бы когда-либо доверять мне снова.

Но остаться – означало выйти замуж. Мой отец не отдаст меня в жены в другое царство, нет, он найдет мне мужа здесь, кого-нибудь из иерусалимской знати, чтобы удержать меня при себе. Что ж, в этом не было ничего плохого – при жизни моего отца. Но что ожидает меня после его смерти, когда царь Соломон возвратится к праотцам, а царь Ровоам взойдет на трон?

«Ровоам ненавидит меня. Став царем, он наконец-то сможет дать волю своей ненависти». Люди не вечны. После смерти отца мне предстояло жизнью заплатить за вражду с братом. Я не нашла бы покоя во всем царстве. Ни я, ни тот, кто женился бы на мне, ни сыновья и дочери, которых

я родила бы.

Значит, следовало действовать немедленно. И, благодаря Ровоаму, передо мной открылся путь к моему будущему. «Мой брат придет в ярость, узнав, что сам помог мне выйти на свободу!»

Но по этому пути следовало двигаться очень осторожно. Один неверный шаг – и меня закидают камнями по Закону. Я надеялась, что любовь моего отца окажется сильнее ненависти Ахии. Ошибиться означало погибнуть.

Впервые в жизни я села и глубоко задумалась. Впервые я постаралась думать так, как подобает царице.

Как подобает женщине.

Ведь во мне Ахия ненавидел женщину, хотя я сама не испытывала к нему ненависти. Я не желала ему зла или, по крайней мере, старалась не думать о нем плохо. Я планировала использовать его для собственных целей так же хладнокровно, как он сам строил свои козни. Итак, я решила бороться. Царевна против пророка. «Своих врагов следует знать лучше, чем друзей». Так говорил царский военачальник. Веная всегда побеждал, поэтому я доверяла его словам. Что я знала об Ахии? Что он любит? Что он ненавидит? Чему верит?

О его любви и убеждениях я ничего не смогла бы сказать, но что касается ненависти – о, это я знала слишком хорошо. Пророк Ахия ненавидел всех богов, кроме Господа Яхве. А сильнее всего он ненавидел богинь.

Пророк презирал богинь даже больше, чем смертных женщин. А еще он боялся их. Невозможно испытывать к кому-то столь сильную ненависть, не боясь его при этом настолько же сильно. Ахия неистовствовал так, словно его заковали в цепи и силой тащили целовать позолоченные ноги идолов, тогда как все языческие жрецы и жрицы в Иерусалиме лишь хотели спокойно поклоняться своим богам.

Итак, Ахия боялся и ненавидел меня, потому что я выступала в роли богини в царском дворце. Это я наконец-то поняла. Я была ребенком от женщины, которую царь любил больше всех, которую возвысил над всеми остальными. Я была дочерью, которую царь любил больше всех своих сыновей. Для Ахии в этом крылось зло: он считал, что дочери – это не благословение, а проклятие.

Если бы он только знал, до какой степени прав, считая меня дочерью богини! Мать моей матери танцевала перед алтарем Астарты, но и это еще не все – она была царской утехой, и закованной в цепи рабыней, и женой

торговца. А еще она родила дочь.

И была Вирсавия, «дочь семи богов», отбросившая стыд и ставшая матерью царя, который унаследовал трон Давида Великого.

И Мелхола. Эта женщина перекраивала жизнь по собственной воле и воспитала из моего отца хорошего человека и мудрого царя.

Теперь я знала, как назвать всех этих женщин, создавших меня: каждая была настоящим фениксом, каждая возрождала себя, даже если приходилось делать тяжелейший выбор, сгорая в жарком огне. Настала моя очередь сделать выбор, и я последовала за своими матерями.

Мне тоже предстояло сгореть, возродиться в новой форме и взлететь.

Я выбрала сложный путь. Не думайте, что я не чувствовала боли, вступая на него. Ведь, победив, я причинила бы боль отцу, а с этим нелегко было смириться. А еще поднялся бы страшный скандал, хотя мое изгнание смягчило бы позор. И было кое-что еще: мне предстояло покинуть дом, никогда больше не видеть Иерусалим и его крыши, позолоченные летним солнцем...

«Каждая девушка покидает свою семью, хотя бы ради того, чтобы перейти через дорогу из отцовского дома в мужнин». Жизнь женщины подразумевает перемены. И я решила, что сама выбираю эту перемену. Об этом следовало помнить в тяжелые времена.

И вот я начала подстраивать план Ахии под свои цели. В этом заключалась моя третья ошибка. Пророк хотел застать меня в Роще во время поклонения Звезде Утренней. Он хотел притащить меня на царский суд, чтобы не дать отцу возможности меня защитить.

Что ж, я хотела, чтобы Ахия меня нашел, – но не в Роще. Меня больше устраивала встреча с ним вне этого священного места. Что если попасться ему на глаза по дороге в святилище? Да, это бы подошло. Я хотела, чтобы Ахия встретил меня в том месте и в то время, которые выберу я.

И я не желала оказаться там одна, чтобы не дать ему возможности приказать подручным схватить меня, силой раздеть и притащить в Рощу. Мне нужны были сопровождающие, причем девушки, которым не повредил бы успешный исход моего плана. Я не могла попросить женщин, на которых после моего отъезда пал бы гнев Ахии. Поэтому я не собиралась брать с собой служанок, или подруг, или даже чужеземок, живших в Иерусалиме.

Нет, следовало найти девушек, которых не затронул бы исход моего плана. При этой мысли я поняла, что нужно просить о помощи у савских гостей.

Но не через царицу! Здесь я должна была действовать сама. «Если я не смогу убедить Ирцию и Хуррами сопровождать меня, я не заслуживаю быть наследницей», – подумала я.

Когда я раскрутила веретено судьбы, меня охватил холод сомнений. «Это закончится катастрофой», – нашептывали мне мои страхи. Мой план мог провалиться, принесет мне горе и позор. А мой отец? Что станет с ним?

«Он так тебя любит – разве вправе ты причинять ему боль?» Как я смела обречь его на заведомые страдания?

Но, если я не пойду на это, заколебавшись и отступив, я подвергну себя бесславным невзгодам. И опасности – не следовало забывать о том, что ненависть Ровоама когда-нибудь обретет настоящую силу, которую он сможет направить против меня.

«И, если я не выполню свой план, это повредит царице Савской и всему ее народу». Без настоящей наследницы Сава обречена на смуту. Меня призывали ради того, чтобы предотвратить резню. Могла ли я не послушаться повелений свыше?

«Да, приписывай богам свои собственные желания». Ведь я сама мечтала о Савском царстве так, как некоторые девушки мечтают о возлюбленном.

В конце концов, не имело значения, призвала ли меня солнечная богиня, которой поклонялась Билкис, или другая сила. Я не знала, ведет ли меня бог, богиня, или оба они, или никто. Я лишь знала, что должна откликнуться на этот зов.

В поисках огня я стремилась на юг, к рассвету. К пустыне и тому, что лежало за ней. Кто знает, может быть, из этого пепла когда-нибудь поднимется, расправив крылья, новая правда и птицей облетит весь огромный мир?

В юности мы горим нашими мечтами.

Гелика

От такой судьбы она бежала в своих снах и кошмарах, но рок ее настиг, и теперь с пробуждением кошмар не кончался, хотя она и пыталась обманывать себя. «Нет. Нет, я ошиблась, это неправда».

Но, глядя в узкое окошечко на восходящую луну, Гелика понимала, что не ошиблась. Три месяца прошло после ночи с царем. И с тех пор у нее не было кровотечений. «Я жду ребенка».

От осознания этого кровь начинала медленнее бежать по жилам, словно неспешно отравляющий яд. Случилось то, чего она боялась больше всего: ей предстояло родить ребенка царю Израиля. Изю всех своих скромных сил она старалась избежать такого исхода. Она унизилась до того, что обратилась к старшим женщинам и делала то, что они ей советовали. Но, несмотря на все старания, у нее ничего не вышло.

Теперь она лицом к лицу столкнулась со своим страхом, глядя на него ясным взором. «Если родится мальчик, я это переживу». По закону девоительниц сыновья принадлежали отцам.

А дочери матерям.

Но здесь, в Иерусалиме, судьба женщины определялась мужскими законами. Отцам принадлежали даже дочери.

«Если ты родишь девочку, она будет принадлежать царю Соломону и он сможет с ней поступать как заблагорассудится». Дочери царя Соломона предстояло стать игрушкой, ценным товаром, жертвой на алтаре царской гордости. Рабыней, выращенной в четырех стенах и сидящей взаперти до конца своих дней.

«Нет. Моя богиня не может поступить так жестоко».

Гелика смотрела на луну, пока от ее сияния все не начало сливаться перед глазами. Теперь она ничего не видела, кроме будущего, безжалостного, как законы мужчин. И тогда, вглядываясь в ясный холодный свет, она поняла, что нужно делать.

Она выскользнула из царского дворца, пройдя через главные ворота бесшумно, словно тень. Впервые с тех пор, как ее, новую невесту царя Соломона, представили при дворе, Гелика вышла в город. Но дорогу она нашла легко. Она часто поднималась на крышу и смотрела, как серебряный лунный свет стелется над домами и городскими стенами, по широкой дороге и дальше, сияя над Рощей.

Ее богиня не обитала в Роще Звезды Утренней. Артемида Охотница никогда бы не отказалась от своей свободы ради Рощи. Но в Роще жила другая богиня, а все богини были сестрами. Может быть, Царица Небесная передаст весточку своей сестре. Слабая надежда, но лишь за нее Гелика могла ухватиться.

Отчаяние привело ее к храму, а страх остановил у ворот. Сделав этот последний шаг, она не сможет отступить. За вырезанными из ивовой древесины и разукрашенными серебром воротами лежала Роща Звезды Утренней. Войти означало признать, что она потеряла милость собственной богини.

«У меня нет выбора». Но Гелика знала, что лжет: выбор был всегда, и она выбрала неправильно. Предпочла покориться и надеть оковы вместо того, чтобы остаться свободной и сохранить честь.

– Войдешь ли ты в Роцу, госпожа? – Голос жрицы звучал мягко и ласково. – Здесь рады всем, кто приходит с открытым сердцем.

Гелика слишком долго думала, и снова вышло так, что выбор сделали за нее. «Довольно». Собравшись с духом, она посмотрела в лицо жрице:

– Я хотела бы войти, но не знаю, могут ли обращаться к вашей богине те, кто не служит ей и у кого на душе тревога. Я бы не стала беспокоить ее, но у меня большая беда.

Жрицу это не смутило, она с улыбкой протянула руки:

– К кому же нам обращаться в тяжелое время, как не к Матери? Добро пожаловать, входи.

Она была – когда-то – девой-воительницей, посвященной чистой и строгой богине. Никогда прежде она не входила в Роцу Смеющейся, поэтому боялась того, что может там увидеть. Но оказалось, что это лишь сад, тихий и чистый. С каждым шагом Гелика вдыхала свежий молодой запах листьев и другой, более насыщенный, исходивший от темной земли. Углубляясь в Роцу за жрицей, она различила и опьяняющий аромат благовоний, а с ним тихие стоны наслаждения, доносившиеся из темноты. Гелика туда не смотрела. Она не отрывала взгляда от позолоченного пояса жрицы.

Та наконец остановилась.

– Вот наша госпожа. Взгляни на нее, сестра, и да будет тебе дарован покой.

Перед ними стояло изображение Астарты, широкобедрой и улыбающейся. Богиня сложила руки под грудью, словно обещая насытить и тело, и душу. Грудь, выточенные из белого камня, светились в темноте, отполированные бесчисленными благоговейными прикосновениями. Гелика не могла заставить себя прикоснуться к статуе. Она сложила руки на грудь и поклонилась.

– Я прошу о милости и принесла подарок, – сказала Гелика.

Она показала жрице ожерелье, которое выбрала из тех, что прислал в приданое отец, продавая ее царю Соломону. Большие куски янтаря, обвитые тонкими цепочками, были заключены в золотые оковы, словно странные маленькие создания, навеки попавшиеся в янтарный плен.

– Понравится ли он твоей госпоже?

Жрица удивленно распахнула глаза:

– Воистину царский подарок. Чего же ты просишь, сестра, если пришла с таким щедрым приношением?

– Я прошу Смеющуюся передать мою мольбу ее сестре Артемиде Воительнице.

Гелика опустилась на колени и положила к ногам богини янтарное ожерелье, а потом заставила себя взглянуть в драгоценные камни, вставленные в глазницы богини.

– Я прошу не за себя...

«А за свою дочь». Подхваченные ночным ветерком, эти слова тихой музыкой прошелестели в серебристых листьях олив.

– Да.

Гелика склонила голову под взглядом богини, сложив руки на округляющемся животе, словно защищая его.

– За мою дочь.

Никто не видел, как в холодном предутреннем свете она вернулась во дворец. После всех этих месяцев, проведенных в заточении, в оковах, она еще не растеряла своих с таким трудом выработанных умений.

«Все это еще со мной. Я лишилась только чести». И от этой потери становилось горько во рту, словно все ее тело было отравлено.

Но эта же потеря полностью освободила ее. «Что мне еще терять? Ниже падать некуда. Я могу делать что угодно, ни о чем не заботясь, кроме будущего дочери».

Лишь об этом она осмеливалась просить. Богиня-охотница могла сжалиться над ее дочерью, но для себя Гелика не ждала милости.

Песнь Ваалит

Я проходила в усеянной солнечными бликами тени по пути из Женского дворца в Малый, когда навстречу мне из-за кедровых колонн вышла женщина. Захваченная врасплох, я остановилась, настороженная, словно испуганный олененок. Но из темноты вышла всего лишь одна из бессловесных отцовских жен.

– Царевна, я должна поговорить с тобой. Должна.

Слова госпожи Гелики рассекали воздух, как удары хлыста.

Я понятия не имела, что ее волнует и почему она захотела со мной поговорить, но все же улыбнулась и ответила:

– Что ж, я слушаю тебя.

Я смутно подозревала, что она попросит вступить за нее перед отцом. Другие жены уже просили о таком раньше. Поэтому я не ожидала услышать то, что она сказала.

– Ты не сможешь добиться своей цели одна. И нельзя, чтобы ты потерпела поражение. Я могу тебе помочь. Могу. Я...

Меня словно бросили в ледяную воду; холод проник до костей. «Неужели весь Иерусалим знает план Ахии – и мой?»

Я не стала тратить время, лицемеря и отрицая. Следовало найти слабое место. Я не могла допустить, чтобы мой замысел знала каждая гаремная сплетница.

– Откуда ты знаешь?

– Трое могут хранить тайну, если двое из них мертвы. Какая разница, кто мне сказал? Я знаю. Позволь мне помочь тебе. Пожалуйста.

– Зачем тебе это?

Я едва знала госпожу Гелику. Она была сдержанной и гордой, устремленной лишь на себя, как чаша с зеркальными стенками. Казалось, ничто ее не радует, ни красивые платья, ни драгоценности, ни даже изысканные яства. И все-таки теперь она пришла ко мне. Глаза у нее отчаянно пылали, руки она сжала, словно нищая.

Вместо ответа она упала передо мной на колени:

– Царевна, умоляю тебя.

У меня мороз пошел по коже, когда я увидела, как она унижается.

– Не надо, – сказала я, отступая на шаг. – Пожалуйста, госпожа Гелика, не надо. – А потом откуда-то явились нужные слова: – Встань, а то люди увидят.

К моему облегчению, Гелика послушалась, явно боясь, что кто-то заметит ее мольбы. Она встала, глядя на меня:

– Если ты не позволишь помочь тебе, царевна, у меня не останется выхода.

– Разве я сказала, что не позволю? Но сначала ты должна объяснить, почему ты думаешь, что мне вообще нужна чья-то помощь и почему ты так стремишься предложить мне сейчас свою дружбу, если мы едва обменялись десятком слов с того момента, как ты вошла во дворец моего отца.

Я взяла ее под руку, чувствуя, как Гелика сжалась и похолодела от страха и отчаяния.

– Давай прогуляемся. Ты покажешь мне цветы в своем саду.

Она скорбно посмотрела на меня:

– Мне нет дела до цветов.

– А зря, – ответила я, – они слышат много тайн.

Теперь она поняла, в глазах блеснула надежда.

– Что ж, идем. Но в моем саду ничто не растет как надо.

– Наверное, ты плохо ухаживала за цветами. Разумнее заботиться о них.

Болтая по пути в сад, я пыталась угадать, какая беда с ней случилась, если она пришла ко мне умолять о помощи. Я предполагала, что через меня она хочет попросить о чем-то отца. В таком случае я посоветовала бы ей самой поговорить с ним прямо. Отец очень редко отказывал своим женам.

– Что ж, – сказала я, когда мы вошли в ее садик и скрылись от чужих глаз между лимонными деревьями в раскрашенных кадках, – скажи мне, чего ты хочешь. И не трать свое и мое время на ложь и красивые слова. Ты сказала, что хочешь мне помочь? Каким образом и почему? И какую цену ты назначишь за эту помощь?

Госпожа Гелика остановилась и посмотрела мне прямо в глаза. Ее взгляд был холоден, как зима.

– Ты хочешь бросить вызов пророку Ахии. Это опасная игра. Если у тебя все получится...

У меня похолодело все внутри.

– Как ты узнала?

Ее губы искривила ироничная улыбка:

– Женщины говорят много. Евнухи – еще больше. Мужчины – больше всех. А я слушаю.

– Допустим, ты права. – Я машинально сорвала цветок с ближайшего лимонного дерева. – Если у меня получится, тогда что?

– Если у тебя все получится, ты уедешь. Вырвешься из этого дворца, из этих каменных стен.

Меня поразила горечь, звучавшая в ее словах.

– Разве ты не счастлива здесь? – спросила я.

Немного помолчав, она тихо рассмеялась, глумясь над собственной болью:

– Счастлива ли я? Разве узники могут быть счастливыми? И разве на клятвопреступников падает меньший позор, если их принудили совершить это преступление?

Она словно думала вслух, наедине с собой. Слова звучали горько из-за долго сдерживаемой тоски. Она говорила о давней скорби, с которой настолько сжилась, что уже привыкла к тупой боли в сердце.

«Не из-за гордости она вела себя так сдержанно, совсем не из-за гордости!» Меня захлестнула волна стыда за то, что я не поняла этого раньше. Эту жену моего отца, эту царицу, неслышно ходившую по

дворцовым залам, переполняли тоска и угрызения совести. Теперь я увидела, что скрывается в глазах госпожи Гелики: презрение к себе. Не отца моего она ненавидела, а себя.

Я нечаянно смяла и раздавила цветок лимона, который вертела в руках. Смахнув лепестки, я спросила:

– Как тебе помочь?

Она повернулась ко мне, глаза у нее пылали отчаянной надеждой:

– Если я помогу тебе, возьмешь ли ты...

– Тебя в Саву?

Я почувствовала отчаяние, зная, что это не выйдет. Жены моего отца обеспечивали соблюдение договоров. Такой ценой покупался мир. Отец не мог отпустить никого из них, даже в качестве свиты своей дочери. В определенном смысле они ему не принадлежали: он только брал их, но не отдавал.

– Нет, не меня. Для меня уже поздно. Я не могу вернуться. Не меня, а мою дочь. Ты должна увезти ее с собой.

– Но, послушай, госпожа моя Гелика, – я заговорила очень ласково, словно упрасывая перепуганного котенка спуститься с высокой ветки, – у тебя нет дочери.

– Нет. Пока нет. Но будет.

Она прижала руки к животу. Теперь я заметила то, что скрывали складки ее пышной одежды.

– Богиня открыла мне, что у меня родится дочь, которая искупит мое клятвопреступление.

Я посмотрела на ее едва-едва округлившееся тело. До рождения ребенка оставалось полгода, не меньше.

– Даже если и так, я уеду до ее рождения.

«Или умру».

– Ты заберешь ее. Поклянись, что заберешь. А иначе я пойду к царю Соломону и расскажу ему о твоём плане.

– Госпожа Гелика...

– Ты должна. Она предназначена для Артемиды. Если ты не заберешь ее, я зарежу ее собственными руками. Дочь Охотницы не будет расти в этих стенах, чтобы стать игрушкой мужских прихотей и похоти.

Меня сковало холодом, я увидела, что говорю с безумной.

– Я помогу тебе, – сказала я, – только поверишь ли ты моим словам? Мне придется уехать до того, как ты родишь, но, если это будет девочка, я пришлю за ней и сама воспитаю ее в моем царстве. Клянусь в этом.

– Родится девочка, так обещала богиня. – В ней не осталось ни тени

сомнения. – Ты должна посвятить ее Богине-охотнице. Поклянись в этом тоже.

– Я не стану распоряжаться жизнью девочки без ее согласия. Если она сама захочет, то пойдет к твоей богине. В этом я могу поклясться.

Я старалась говорить тихим голосом, спокойно и твердо. Кажется, мои слова подействовали. Гелика сделала глубокий вдох, словно освобождаясь от овладевшего ею безумия.

– Этого достаточно, – ответила она.

Она снова положила руки на свой слегка округлившийся живот и улыбнулась. Ее глаза сияли, как две полные луны.

– Да, царица моя, этого достаточно.

Она все еще говорила, как полубезумная. Боясь оставить ее одну, я начала искать, чем бы ее отвлечь, чтобы изгнать из ее глаз этот лунный свет сумасшествия. Что я знала о госпоже Гелике?

Я поняла, что не знаю о ней ничего, и мое лицо залила краска стыда. «Она жила здесь все это время, такая раздавленная, что хотела умереть, а я ничего о ней не знаю, совсем ничего, кроме...»

– Ты ведь дочь Повелителя Коней, – сказала я, и Гелика уставилась на меня так, словно это я лишилась рассудка, – умеешь ли ты ездить верхом?

Я сразу пожалела об этом вопросе, потому что она начала смеяться и не смогла остановиться. Она упала на колени, закрыв лицо своими большими крепкими руками, и смеялась дальше, пока дикий смех не перешел в безудержные рыдания. И я никак не могла ее успокоить. Я даже не могла оторвать ее руки от лица – она была сильнее, чем я.

Наконец, отчаявшись, я сказала ей на ухо, стараясь, чтобы мой голос звучал резко:

– Госпожа Гелика, если ты не успокоишься, мне придется пойти к отцу и попросить его о помощи.

Это подействовало. Гелика замолчала, хватая ртом воздух, закашлялась и перестала рыдать. Она беспомощно опустила руки и посмотрела на меня:

– Я дочь Повелителя Коней. И десять лет я жила с амазонками. Да, я умею ездить верхом.

– Ты бы хотела кататься со мной?

Я мало что могла обещать госпоже Гелике, но хотя бы это было в моих силах.

– Это запрещено, – ответила она бесцветным голосом, – царским женам ничего нельзя делать.

– Когда царь что-то разрешает, это уже не запрещено. Если ты хочешь,

я спрошу отца, можно ли тебе ездить со мной.

Она долго смотрела на меня. Казалось, сначала ее глаза блуждали где-то вдаль, глядя на какую-то тень, которую я не могла увидеть. Затем постепенно ее взгляд смягчился и потеплел. Я поняла, что теперь она видит меня, а не своих демонов.

– Он разрешит мне, – заверила я ее, – царской дочери не подобает ездить одной.

– Царской дочери вообще не подобает ездить верхом в этой стране ревнивого Бога и ненасытных мужчин, присвоивших все себе. Но ты – другое дело. Тебе отец ни в чем не откажет.

Я слишком хорошо поняла ее слова: ее отец отказывал ей во всем.

Но этого я не могла исправить. Я лишь могла предложить то, что в моих силах.

– Так мне попросить его?

Она посмотрела на свои руки, все еще крепкие и сильные, несмотря на долгие месяцы, проведенные в отцовском дворце.

– Да, – ответила Гелика тихо, едва слышно, – да, царевна, попроси.

Придя к отцу, я заметила, что он держится настороженно. Он боялся, что я снова начну умолять его отпустить меня на юг вместе с царицей Савской. Поэтому, когда я просто улыбнулась и ласково спросила, может ли его жена Гелика кататься со мной верхом, он почувствовал такое облегчение, что согласился без колебаний и оговорок.

– Конечно, госпожа Гелика может кататься с тобой, если она этого хочет, Ваалит. Только не заставляй ее сопровождать тебя, если ей это не нужно.

– Ей нужно, – заверила я его. – Когда-то она ездила от самой Трои до Дамаска и обратно. Она может многому меня научить.

– Да, ведь ее отец – Повелитель Коней. Он каждый год присылает по сотне кобыл.

«А еще он прислал дочь, которую ценит меньше, чем кобыл». Но этого я не сказала, лишь поблагодарила отца и бросилась к Гелике передать его слова.

Прося, чтобы Гелика каталась со мной, я думала лишь о том, чтобы облегчить ее боль. Но вышло так, что я невольно позаботилась и о себе, ведь, увидев ее верхом, я поняла, как мало умею и сколько еще предстоит изучить.

Да, я могла держаться на Ури и направлять его туда, куда мне хотелось.

Но мы с Ури оставались двумя отдельными существами, которые отчаянно пытались понять друг друга. Увидев дочь Повелителя Коней верхом, я поняла, что умею очень мало.

Казалось, что она срастается с лошадью, образуя новое существо, наделенное единой волей. Пока я неуверенно устраивалась на терпеливом Ури, кобыла госпожи Гелики бросилась вперед. Через несколько скачков она уже мчалась галопом. У Гелики расплелась коса, и волосы летели за ней, словно облако, подхваченное ураганом. Ури подо мной танцевал, ему не терпелось тоже кинуться вскачь. Я робко придержала его, а потом, злясь на собственный страх, дала волю своему коню, чтобы он мчал меня вперед.

Гелика смеялась, и ветер приносил мне ее смех, словно крик хищной птицы. И, когда Ури весело бросился вскачь за кобылой Гелики, я, приноровившись к его ритму, поклялась, что научусь всему, чем Гелика сможет со мной поделиться.

И тогда я тоже засмеялась. Ведь, даже если я думала, что знаю уже очень много, впереди всегда ожидало что-то новое.

Всегда, всю жизнь.

Но в тот момент – в тот момент мы могли просто наслаждаться скоростью, силой и иллюзией свободы, и сам по себе этот миг был драгоценен.

Веная

Целое утро он проверял поставки продовольствия и решал споры между гарнизонами. Это никого не смогло бы привести в хорошее расположение духа. Выйдя наконец из отведенного для стражи крыла в широкий центральный двор, Веная думал только о том, чтобы насладиться кувшином доброго пива, охлажденного в колодце.

– Веная! – позвала его Никаулис, и все мысли о спокойном уголке и холодном пиве улетучились из головы.

Царская телохранительница стояла в тени возле распахнутых ворот. Веная повернулся к ней и встретил ее твердый взгляд.

– Я должна поговорить с тобой.

Она не понижала голос до шепота, и все же ее слова звучали тихо, предназначенные лишь для его слуха.

«Наедине, – подумал Веная, – иначе она бы вообще не спрашивала. Где же?..»

– Я уже показывал тебе, как хорошо укреплены городские стены?

Она улыбнулась, явно испытывая облегчение от того, что он так быстро ее понял.

– Покажи еще раз.

Веная повел ее на ближайшую дозорную башню. Никаулис пошла за ним, неслышно, как тень. Он не стал терять время, пытаюсь выяснить, о чем пойдет речь. Все равно она скоро скажет. Пока они не добрались до безопасного места, ему достаточно было знать, что Никаулис считает дело срочным и требующим разговора наедине.

По извилистой каменной лестнице они поднялись на вершину башни, откуда открывался выход на городскую стену.

– Здесь ты можешь говорить, – сказал Веная. – Целый город видит нас, но не услышит ни слова из того, что мы скажем друг другу.

– Давай пройдемся по стене.

Веная пошел за ней. Они шагали по широкому верху толстой стены, защищавшей крепость. Никаулис время от времени останавливалась, словно рассматривая что-то интересное.

– Царская дочь играет с огнем, – сказала она, внимательно глядя на стойку, в которой стражники оставляли копья. – И этот огонь слишком жарок для нее. Она пытается использовать пророка в своих целях. Ее нужно остановить.

«Проклятая девчонка!» Но Веная сохранил невозмутимое выражение лица. Он взял ближайшее копьё, словно желая показать его Никаулис.

– Рассказывай дальше.

Никаулис тщательно выбирала слова и говорила емко. Веная хватило нескольких фраз, чтобы понять, в чем дело.

– Царевна Ваалит хочет поехать на юг с царицей Савской. Та готова сделать ее своей наследницей. Царь Соломон этого не разрешит.

«Ясное дело, не разрешит. А жаль». Намного лучше было бы спровадить царскую любимицу, его чересчур избалованную, чересчур умную и своевольную дочь на край света, чем держать ее здесь, чтобы она нарушала покой Иерусалима.

– Теперь царевна пытается вынудить отца отпустить ее.

Никаулис развернулась и пошла дальше по стене. Веная убрал копьё на подставку и неспешно последовал за ней.

– Каким образом?

– Она хочет, чтобы в следующее полнолуние пророк Ахия застал ее в Роще.

– Она с ума сошла? Ее прапрадед Саул умер безумным, у них это в крови.

– Это не безумие, а отчаяние. Но итог один. Она разжигает пламя, с которым не сможет справиться.

– Как ты узнала об этом?

– Люди не могут молчать даже тогда, когда болтовня очень дорого обходится, – иронично улыбнулась Никаулис. – А я молчу и остаюсь незамеченной.

Она оперлась о парапет и посмотрела на раскинувшийся внизу город. Высоко поднявшееся солнце заливало светом крыши и сады. Казалось, Город Давида выстроен из золота и огня.

– Нужно ее остановить, Веная.

– Да.

Если царская дочь попадет в хищные руки пророка, кровь потечет по сточным канавам Иерусалима. Веная предпочитал использовать свой меч только против настоящих врагов. Нет ничего хорошего в том, чтобы выступить с оружием против собственного народа.

– Я скажу тебе, что слышал сам: царь Соломон подумывает о том, чтобы выдать царевну Ваалит за царевича Ровоама и скрепить царство.

«Ну и брак! Такое могли придумать лишь боги смерти – или царица Наама». Конечно, ни царской дочери, ни сыну такое и в голову не пришло бы! Никаулис в упор посмотрела на Венаю.

– Неужели царь Соломон такой глупец? Да царевна перережет Ровоаму горло в первый же месяц!

– Оно бы и к лучшему. Жаль только, что тогда царю Соломону пришлось бы и ее, в свою очередь, приговорить к смерти. Наверное, лучше ей прибегнуть к яду – отравление тяжело доказать.

Никаулис уставилась на него, не понимая, шутит он или говорит серьезно. Веная и сам не смог бы сказать.

– Наверное, я шучу, чтобы нам не плакать, – пояснил он. – Как такой мудрый человек может столь безрассудно решать будущее собственных детей?

Никаулис пожала плечами. Веная смотрел, как солнце ласкает ее кожу.

– Так этот слух о свадьбе – правда? – спросила она.

– Не знаю, но царевич думает, что да. Я слышал, как шакалы, которых он называет друзьями, радовались его победе.

– А они откуда узнали?

– Царевич сам перед ними хвастался, как он усмирит царевну Ваалит и как будет делать с ней все, что ему заблагорассудится, когда она станет его женой.

– Тогда этот царевич – вдвойне глупец.

В голосе Никаулис звучало презрение.

– Да, Никаулис, и я скажу тебе еще одну вещь, которую не открыл бы никому больше: царь Соломон глупее их всех, если думает, что может управлять будущим, – вздохнул Веная. – Мы должны предотвратить все это. Говорю тебе по совести, Никаулис: тяжело служить царям.

– И царицам. Да, я понимаю. Как же остановить их, Веная?

Никаулис ждала, спокойная, как скала, пока Веная обдумывал этот сложный вопрос.

Некоторые дела лучше всего откладывать на неопределенный срок. Но это к ним не принадлежало. Царскую дочь следовало остановить до того, как она бросит вызов пророку Ахии в Роце Астарты. Никаулис смотрела на холмы, освещенные пылающим летним солнцем, а Веная тем временем обдумывал свой план.

– Мне понадобится твоя помощь, – сказал он наконец.

– Я готова, – кивнув, ответила Никаулис.

– Нужно, чтобы ты охраняла вход в покои царевны. Лишь тебе я могу это доверить. Не впускай никого, кроме самого царя Соломона.

– Даже Венаю, царского главнокомандующего?

– Тем более меня, – улыбнулся тот. – Я ведь всего лишь мужчина, и, будь у меня возможность увидеться с царевной Ваалит наедине, боюсь, я не смог бы побороть желание жестоко избить ее за эти фокусы. А теперь идем: нужно предупредить главную жрицу Роци.

Никаулис

Жрица Роци не стала смеяться или стенать, услышав их историю. Вместо этого она долго смотрела на них, словно пытаясь заглянуть в их души, прежде чем заговорила:

– Этого мы не можем допустить. Царь Соломон очень терпим, но не настолько, чтобы его дочь служила здесь нашей богине – или притворялась, будто служит.

– Да, – согласился Веная, – и Ахия этого не потерпит.

«В особенности притворства». Никаулис видела пророка лишь мельком. В отличие от других местных мужчин, которые порочили ее как воина и женщину, хотя взгляд их туманился от похоти, Ахия смотрел на нее с искренней ненавистью. Никаулис уважала эту несокрушимую честность.

– Ахия не терпит даже сам себя, – заметила жрица. – Бедняга. Он страдает, потому что не может смириться с тем, что сам он всего лишь

человек.

Веная пожал плечами:

– Пусть себе страдает, а вот запускать когти в царскую дочь, чтобы навредить царю, он не должен.

Жрица склонила голову. Длинные локоны упали ей на грудь.

– Если царица покажется здесь, мы не впустим ее.

– Не покажется, – сказал Веная, – я об этом позабочусь. А ты должна позаботиться о том, чтобы в это полнолуние в Роще не оказалось никого, кроме твоих жриц.

– Запретить женщинам поклоняться богине? – спросила жрица, и Никаулис увидела в ее глазах коварство.

Амазонка выступила вперед, становясь между жрицей и Венаей.

– Царский военачальник ничего не запрещает. Пусть женщины и мужчины поклоняются богине – только не в это полнолуние.

– Если не хочешь, чтобы Рощу сожгли, а землю на этом месте засыпали солью, – добавил Веная.

– Угроза царя Соломона? – спросила жрица.

– Человеческое безумие, – снова пожал плечами Веная.

– Наша богиня благодарит тебя, господин мой Веная, и тебя, воительница. Можете на меня рассчитывать. В полнолуние ни один мужчина не обретет здесь того, за чем придет.

Она сложила выкрашенные хной ладони на обнаженной груди и поклонилась. Веная кивнул и вышел. Никаулис последовала за ним. Она обернулась и увидела, что жрица по-прежнему стоит неподвижно под ивой, где они разговаривали.

– Кажется, она здравомыслящая женщина, – заметил Веная по пути к воротам в Рощу. – Если нам повезет, то удастся расстроить планы и царицы, и пророка. Даже не знаю, кого из них мне больше хотелось бы избить. Царю Соломону следовало еще много лет назад изгнать из царства этого ханжу с его заунывными воплями. От пророков всегда одни беды. Самуил, Нафан... Хотя Нафан мог вести себя здраво. Но не Ахия.

– Ахию можно обвинить в чем угодно, но он искренен. Он не лицемерит. Даже если бы я стояла перед ним обнаженная, он лишь отвернулся бы.

Едва произнесла эти слова, Никаулис пожалела о них. Но было уже слишком поздно. Роща разжигала страсть и безумие в сердцах мужчин и женщин.

Веная остановился и коснулся ее руки. Она в упор посмотрела на него.

– Я бы не отвернулся, Никаулис. А ты отвернулась бы от меня?

«Это нечестно, неправильно. Что же ответить?»

– Ты думаешь, это игра? – сказала наконец она. – Я не выигрыш, чтобы за меня бороться, Веная.

Он молчал. Никаулис считала удары сердца, ожидая, пока успокоится кровь.

– Это единственная достойная игра, и ты – единственный достойный выигрыш, Никаулис, – ответил он наконец. – Ты знаешь это. И я знаю. Скажи мне, что еще не поздно воздать хвалу Царице Небесной. Скажи, что еще не поздно завоевать тебя.

Он говорил краткие слова, но голос его звучал уверенно, словно призывая войска на поле битвы. Даже прося, Веная оставался сильным и твердым, как добрый клинок.

«Я не должна сдаваться. Он из железа, значит, и я должна стать железной». Никаулис посмотрела в его темные глаза. Настойчивый взгляд скрывал мысли – так черный дым заволакивает пламя.

Но теперь пламя вырвалось на свободу. Веная вождедел ее. В его взгляде горело желание, прорываясь жаром сквозь спокойные слова.

– Скажи мне, – повторил он. – Скажи, Никаулис.

И, словно разожженный его вопросом, жар неслышно, как змей, проник ей под кожу, сползая вниз, к бедрам. Хотя она не могла погасить этот огонь, долгий опыт укрощения себя дал ей силы ответить бесстрастно:

– Ты не можешь мной повелевать. – Ее самообладание могло рассеяться в любой момент, как туман. – Что же касается Смеющейся, спроси ее сам, – продолжала она, – тут я тебе не советчица.

– Я повелеваю тобой, а ты мной, – возразил Веная.

И все же он не шелохнулся, не попытался коснуться ее.

– Ты предназначена для меня, Никаулис, а я – для тебя. Я искал тебя всю свою жизнь, воительница.

– Но я не искала тебя.

Эти слова сорвались с ее губ, холодные и резкие. «Как я могла искать тебя, если не знала, что ты нужен мне?»

Веная наконец придвинулся к ней, она сжалась, готовясь дать отпор, и потянулась к своему кинжалу. «Теперь он ведет себя так, как все мужчины, – он алчен и думает лишь о себе».

Таких мужчин легко оттолкнуть и забыть.

– Успокойся, – сказал Веная, накрывая ее руку своей. Его загрубевшая, привыкшая держать оружие рука прикоснулась к ней ласково, как дуновение ветерка. – Никогда в жизни я не принуждал женщину. Думаешь, я начал бы с тебя?

– Попробуй – и пожалеешь.

Никаулис не хотела отдергивать руку. «Это ничего не значит. Ничего», – убеждала она себя.

Несколько долгих мгновений ей казалось, что он не ответит. Но потом его рука соскользнула.

– Попробуй – и познаешь радость, – ответил он.

И, прежде чем она собралась с силами для ответа, он развернулся и пошел по извилистой тропинке к воротам.

Веная ушел, оставив ее в Роще. Никаулис еще долго стояла одна, чувствуя прикосновение его руки, невидимую ласку. Связь...

«Да, связь, – напомнила она себе, – оковы для неразумных женщин». С помощью своих слов Веная пытался повелевать ее разумом. С помощью прикосновений он пытался покорить ее тело. «Нельзя подчинить себе волю женщины без ее согласия». Этот урок Никаулис усвоила еще до того, как у нее начала округляться грудь, до того, как она приобрела силу, чтобы поднять меч или натянуть лук.

Она развернулась и медленно пошла к воротам тем же путем, что и Веная. «Он не сможет меня подчинить. Этот мужчина мастерски владеет мечом и копьем, но меня этим не ослепишь. Меня нельзя завоевать. Я не покорюсь».

У ворот в святилище она остановилась, глядя на изображение улыбающейся богини. Покровительница любви, щедрая и распутная, спорила с обетами амазонок.

– Я не покорюсь, – сказала Никаулис ярко раскрашенному идолу, возвышавшемуся над ней. – Не покорюсь ни Венае, ни тебе, ни даже себе самой.

Произнеся эти слова, она пошла прочь из Рощи. Выйдя из тени деревьев под все еще жаркое полуденное солнце, она услышала за спиной какой-то звук. Шепот листьев, с которыми играл ветерок. Отзвук теплого светлого смеха.

Но не было ни малейшего дуновения. А когда Никаулис быстро обернулась, чтобы застать врасплох насмешливого соглядатая, она увидела лишь ворота, безлюдную тропинку и раскрашенное изображение богини в тени листвы, покрытой золотящейся на солнце пылью.

В тот вечер, лежа на постели перед дверью в спальню царицы, она поняла, что не в силах заснуть. Ей задали загадку, на которую она не могла найти ответа. Ее втянули в поединок, где не было шанса победить.

Повернувшись на бок, уставившись в темноту и пытаясь все обдумать, она почувствовала, что не в состоянии сосредоточиться. В тених ей виделся силуэт Венаи, в ночных шорохах слышался его голос.

Следовало сделать выбор. Выбор между царицей, которой она так верно и долго служила, и мужчиной, которого она знала лишь как достойного противника, равного ей в искусстве владения оружием.

«Он не имеет для меня ни малейшего значения. Не волнует мою кровь». Ложь. Ее сердце знало, что это ложь.

«Я нужна ей». Правда. Царица действительно нуждалась в ней. Но она нуждалась в командире стражи, а не в Никаулис. Любая столь же искусная и опытная женщина могла бы служить царице так же хорошо. Или любой мужчина. Просто обычай требовал, чтобы царицу охраняли именно женщины.

А находить искусных женщин-воительниц с каждым годом становилось все сложнее. Женщин, которые были сами себе хозяйками, которые ездили верхом, сражались в битвах и жили так же свободно, как мужчины. Когда-то амазонки обладали настоящей силой. Они носились по дорогам войны и управляли степным царством, где веял вольный ветер.

Теперь оставшиеся кланы воительниц жили, таясь от мира, и управляли разве что тенями, а их прошлое стиралось даже из их собственной памяти.

«Двенадцать поколений назад амазонка правила в Афинах вместе с Тесеем-цареубийцей. А кто двенадцать поколений спустя вспомнит, что мы когда-то сопровождали царей и считались равными им?»

Ни одна женщина и ни один мужчина не мог остановить всадника на лошади с железными копытами – время.

«Я становлюсь женоподобной». Ее губы скривились в горькой улыбке. Такие мысли ничем не помогут в выборе, перед которым поставили ее боги. Лишь холодная правда могла помочь ей.

Царица или мужчина? Долг или любовь?

Никаулис служила Охотнице, принеся обеты много лет назад. И все эти годы она служила ей верно и преданно. А теперь ее призывала и богиня любви, которая тоже требовала поклонения. Но Светлая и Темная сестры правили разными царствами и повелевали разными подданными.

«Я не могу служить одновременно долгу и любви». Даже более мудрые и сильные женщины, чем она, разбивались в кровь, пытаясь их совместить. Никаулис не могла поклоняться двум богиням. Она должна была в конце концов выбрать.

Время, словно торговец, показывающий свои товары, открыло перед

ней два пути. На одном лежала жизнь, ровная, как нитка совершенного жемчуга: Никаулис оставалась царской стражницей, лунной девой, амазонкой, хранящей безупречную чистоту до конца своей целомудренной жизни. «И больше никогда не увидеть его? Никогда не вступить с ним в поединок воли и сердца?»

На втором отрезе ткани была рассыпана пригоршня камешков, ярких и темных. Редчайшие самоцветы сияли среди тусклой гальки. Женские дни – иногда яркие, иногда темные. «Стать просто женщиной, как все остальные? Стать лишь его добычей?»

Ни один исход не мог дать ей всего, чего она желала. Следовало выбрать. Выбрать, понимая, что, соглашаясь на одну жизнь, она откажется тем самым от всех радостей другой.

Так что же?

Вернуться к старой жизни, спокойной и надежной?

Или сделать шаг в неизвестность, рискнув всем, что она имела?

«Кажется, сделать выбор – это тоже мой долг. И любое будущее принесет мне слезы».

Песнь Ваалит

В моем воображении та судьбоносная ночь представляла такой, словно я сама выткала узор наполнявших ее событий. Я забыла, что и другие умели ткать. Что мужчинами и женщинами владели их собственные страхи и надежды. И я забыла, что танцоры не выучили движения, которых я от них ожидала. Что они считали царевну Ваалит не главной героиней песни, а лишь еще одной танцовщицей. Они мне казались тенями, не больше, в то время как для них я сама была лишь тенью.

Мне предстояло многому научиться – так говорил отец. Он оказался прав. Та ночь напомнила мне о том, что я знала, но предпочла забыть, когда строила планы по завоеванию своего будущего. Ни один мужчина не считает себя простым воином в строю. Ни одна женщина не считает себя всего лишь пряхой, сидящей среди других таких же. А я упустила это из виду.

В глубине души все мы любимцы богов. Для себя все мы герои.

И, пока я в своем ребяческом безрассудстве строила планы, другие тоже готовились к полнолуннию. Если бы я хоть ненадолго задумалась обо всем этом по-настоящему, я догадалась бы пойти к Роце на закате и

подождать там до наступления темноты. Я сказала Ишваалит, чтобы она предупредила других женщин. Следовало бы понять, что теперь мой план стал почти так же известен, как замыслы Ахии. Слишком многие знали. Если хотя бы двое знают тайну, то, возможно, есть способ удержать ее в дворцовых стенах, но мне он неведом и по сей день.

Я думала, что никому – кроме меня и Ахии – нет дела до всего этого. Здесь я по-настоящему ошибалась.

Но в ту ночь меня волновало лишь одно: Ахия мог не прийти в Роцу. Да, он поклялся отправиться на поиски царевны и вытащить ее из темноты на свет Закона. Конечно, он бы не нарушил слова. «А что если он выберет другую ночь? Не могу же я бегать в Роцу каждое полнолуние в надежде столкнуться с ним!»

Со своей стороны я сделала все, чтобы Ахии захотелось поторопиться. Я рассказала дюжине болтливых служанок, что собираюсь в Роцу. Конечно, с каждой я взяла клятву молчать.

– Давайте отправимся вместе и повеселимся, – пригласила я.

Некоторые, хихикая, отказались. Некоторые, хихикая, согласились. Все поклялись, что не скажут ни слова ни единой живой душе. Конечно, я ожидала, что каждая проболтается хотя бы одной своей подруге, взяв с нее такую же клятву молчать.

Правда, когда госпожа Гелика принялась отчаянно просить взять ее с собой, меня поразило, что даже она обо всем знает. Я не видела способа остановить ее, не выдав своих истинных намерений, так что, разрешив ей сопровождать меня, я больше думала о себе, чем о ней. Все знали, что отец снисходителен к своим женам и разрешает им даже поклоняться чужеземным богам. Я сказала себе, что Гелика почти ничем не рискует, а мне еще одна свидетельница не помешает.

Пока я выбирала наряд и украшения, подходящие для того, чтобы отправиться в Роцу Звезды Утренней, небо на западе окрасилось золотом и кармином. Тем временем на востоке все больше сгущались темно-синие краски, а вершины холмов засеребрились, приветствуя восход луны.

Я расхаживала по балкону, беспокойно, словно пантера в клетке. Ирция и Хуррами уже должны были зайти за мной. Гелике, готовой во второй раз отправиться в Роцу, уже давно пора было тихонько постучаться в мои ворота. Я вертела вокруг запястья золотую змейку и теребила серебристые кисточки, украшавшие пояс. Над восточными холмами поднялась полная луна – серебряный щит против темноты.

Я посмотрела на луну, и меня пронзило холодом осознание того, что

остальные не придут. «Я должна все сделать одна». На миг мне показалось, что это слишком тяжело и опасно. Решимость начала таять, как соль в воде, и я поняла, что не смогу.

«Придется. – Я едва узнала собственный внутренний голос, словно говорил незнакомец. – Это твоя единственная возможность. Действуй сейчас – или плачь до конца своих дней».

Теперь я увидела, каким себялюбием и трусостью было думать, что другие станут рисковать собой ради меня. «Это твоя жизнь. Твое будущее. Ты не заслуживаешь награды, если слишком боишься опасности».

Я посмотрела на восходящую луну. В спокойном небе она поднималась все выше, скользя плавно, как лебедь, следуя собственным путем в бесконечной ночи. Так могла подняться и я. Достаточно было лишь собрать свое мужество и взлететь.

Но в действительности я долетела лишь до ворот. Едва я их приоткрыла, два силуэта шагнули мне навстречу из теней, отбрасываемых светом факела. У меня мороз прошел по коже: на миг мне показалось, что это призраки.

– Царевна, дальше тебе нельзя, – сказал Веная.

Я застыла на месте, словно в живот мне опустился холодный камень. Лучше бы это оказались призраки, чем Веная, отцовский военачальник, а рядом с ним – Никаулис, командир савской стражи.

– Что... Что вы здесь делаете? – спросила я, жалея о том, что мой голос так похож на мышинный писк.

– Не даем безрассудной девчонке причинить ужасную боль себе и своему отцу, – ответил Веная.

Вот чем закончились все мои дерзкие замыслы: приказом Венаи вести себя подобающе и не совершать ребяческих поступков. Он велел мне вернуться в мои покои и оставаться там.

Я даже не пыталась перехитрить их, зная, что это бесполезно и к тому же глупо. Той ночью я уже не смогла бы бросить вызов царю и пророку. А в следующее полнолуние будет слишком поздно.

– Никаулис позаботится о том, чтобы ты дождалась своего отца, – продолжал Веная, – и я разрешаю ей делать все необходимое для того, чтобы ты оставалась в безопасности в своих покоях. Ты поняла меня?

Я хотела ответить холодно и царственно, чтобы поставить на место сдержанного Венаю, но остатки здравого смысла подсказали мне, что любые мои слова прозвучат как нытье избалованного ребенка. Поэтому я промолчала, лишь кивнула и, миновав Никаулис и Венаю, вернулась в свой

двор.

Я услышала, как за спиной у меня захлопнулись ворота из черного дерева. А затем в ночной тишине лязгнул засов. Я смотрела на закрытые створки, пока сердце не начало биться ровнее, а дыхание не успокоилось. Потом я отвернулась, медленно пересекла двор и села на край алебастрового фонтана. Мне оставалось лишь ждать.

Ахия

Ахия неистовствовал против Роши Астарты, но никогда своими глазами не видел этого безбожного места. Теперь ради блага царства он должен был войти. Ему бы никогда не пришло в голову, что его не впустят.

Но, когда он по тропинке, вымощенной покрытым золотистой краской булыжником, добрался до входа в Рошу Звезды Утренней, путь ему преградила женщина. Ее веки были накрашены зеленым, а губы – ярко-красным. Кожаный пояс шириной в две ладони обвивал ее стан. Голые груди светились над позолоченным поясом, а сквозь узкие полоски юбки просвечивали белые бедра. Жрица вытянула руки перед собой ладонями вперед.

– Мир тебе, брат... – начала она.

Ахия поднял свой посох и стукнул им о землю:

– Молчи, блудница, и дай мне пройти. Я пришел ради Яхве.

Женщина не пошевелилась.

– Я впущу тебя, когда придешь ради Астарты. В Роше не рады гневу и ненависти, пророк.

Так эта размалеванная девка знала его и все равно не пропускала! Внутренности Ахии пожирала боль. «Она еще будет умолять о том, чтобы выполнить мой приказ, перед тем как с ней покончит Господь воинств небесных!»

– Отойди, не то Всевышний поразит тебя и это мерзостное логово греха!

Привратница засмеялась:

– Твой Бог до сих пор не поразил нас. Может быть, наша вера оскорбляет Его меньше, чем тебя?

«Ее испепелит молния, собаки будут терзать ее порочную плоть».

Ахия попытался успокоить себя этой мыслью, не желая отступить.

– Дай пройти, шлюха, – сказал он и двинулся вперед, не обращая больше внимания на женщину.

«Яхве поможет мне. Сила Его поддержит меня. Воля Его свершится».

Он не удивился, когда полуголая женщина отступила, и пронесся мимо нее, не отрывая глаз от дорожки, ведущей в Роцу. Блудница была для него лишь тенью, но он уловил запах нарда и акации, исходивший от ее кожи, услышал тихий смех.

– Смотри зорко, пророк Яхве. Смотри – и познавай.

«Я зорок. И это вы, шлюхи, ты и дочь царя Соломона, познаете кару за насмешки над Яхве и Его пророком!»

Он обыскал всю Роцу. Повидал блуда и зла без меры. Смотрел на размалеванных идолов и женщин, на блудниц, предлагающих себя каждому встречному. Его душили распутство и похоть, витавшие в воздухе, как сильные приторные благовония.

Он терпел озорные улыбки и смешки блудниц, обшаривая Роцу ради своего Бога.

И никого не нашел. Осознание провала вгрызалось в его сердце раскаленными клыками. «Никого». Дочери царя Соломона в Роце не оказалось. На всех выставлявших себя напоказ в ту ночь женщинах были пурпурные пояса, сплетенные из кожаных ремешков, – знак жриц, дочерей сластолюбия. Женщин, поклявшихся возлежать с каждым, кто их пожелает.

Но другие женщины, каждое полнолуние сползавшиеся в Роцу, чтобы удовлетворить свою похоть, в этот раз не пришли. В Роце оказались только жрицы со своими смешками и перешептываниями.

Царской дочери там не было.

Песнь Ваалит

Всю ту ночь я просидела у журчащего фонтана. Над головой звезды скользили по небу, меняясь по мере того, как шло время. Когда ночное небо посветлело до темно-синего, знаменуя приближение рассвета, приоткрылись ворота из черного дерева и вошел отец.

Я ждала его, собираясь с духом, чтобы принять на себя его гнев.

Увидев его, я встала. Когда он остановился передо мной, я склонила голову и начала:

– Отец...

– Не трать время на проявление уважения, которого ты не испытываешь.

Никогда прежде он не говорил со мной так холодно. Я видела перед

собой не отца, а царя.

– Я хочу проявлять к тебе уважение, потому что уважаю тебя, отец.

К моему отчаянию, у меня дрожал голос. Я закусила губы, вдруг почувствовав, что могу разрыдаться.

– Ты выбрала странный способ показать мне это. Ваалит, ты уже не ребенок, а почти женщина, готовая выйти замуж. И ты дочь не раба, а царя. Безрассудство – не для царей.

Он замолчал, и я сделала глубокий вдох, готовя спокойный ответ. Но такой возможности не представилось.

– Я думал, что ты разумна и хорошо воспитана, Ваалит. Как тобой могло овладеть такое страшное безумие? Если бы не верность и здравый смысл Венаи, Ахия сейчас тащил бы тебя к стене на казнь.

– Я знала, что ты не допустил бы этого.

– Да, если бы был предупрежден. А, вижу, это тебя заставило засомневаться. Хорошо.

В голосе отца не было мягкости и снисходительности. Его разум, острый, словно закаленный клинок, не знал пощады.

– Дочь, о чем ты думала?

Страх сковал меня холодом. Вынашивая свои замыслы, я определила для себя, чего ожидаю от каждого участника, и надеялась, что все будут действовать так, как я хочу. Я не предполагала, что отец может не успеть вмешаться.

– Отец, я... – У меня пересохло во рту, пришлось начать заново. – Я думала, что он обвинит меня на твоём суде, и тебе придется выслать меня из царства, чтобы спасти.

– Выслать тебя. С ней.

Его лицо потемнело от горя. Никогда прежде я не видела отца таким измученным. В тот миг я безошибочно поняла, как он будет выглядеть в старости.

– Дочь моя, – сказал он наконец, – неразумно начинать действия, исходом которых не можешь управлять.

– Отец, тебе тоже следовало подумать об этом, когда ты учил меня, что я сама могу распоряжаться своим разумом.

Казалось, время замедлилось, остановилось. Отец смотрел на меня, словно видел впервые. Внимательно смотрел и молчал.

– Да, мне тоже следовало подумать об этом, – сказал наконец он.

Потом развернулся и ушел. Я хотела побежать за ним, позвать его, но горе пригнуло меня к земле, и я молча склонилась под этой ношей.

Когда за отцом закрылись ворота из черного дерева, я села на резную скамью у алебастрового фонтана. Вода пела, переливаясь из чаши в чашу, пока не достигала самой нижней, а потом снова взлетала вверх. Песня воды успокаивала, как мамина колыбельная. Слушая неумолчное журчание, я могла ни о чем не думать. Неумолчимо струящаяся вода смывала все мысли. Так было до сих пор, когда я приходила сюда с каким-нибудь детским горем.

Но в тот час, в ясном свете нового утра, я не находила утешения и волшебство фонтана мне не помогало. Ничто не могло смягчить страшную беду.

Не в силах сидеть спокойно, я отправилась искать помощи у других своих талисманов. Вынеся мамину шкатулку из слоновой кости к фонтану, я снова села, перебирая ее сокровища. Раньше это всегда успокаивало разум и душу.

В этот раз я не могла найти того, что искала. Я гладила коралловые бусинки и жемчужины ее ожерелья, но они оставались холодными, не принося мне облегчения. Отложив ожерелье, я взяла старинную статуэтку Астарты. Желтоватая, как мед, слоновая кость также не помогла мне. Маленькая богиня лежала у меня в руках, прохладная и далекая.

Флакончик все еще сохранил запах корицы, слабый, почти выветрившийся. Но, когда я закрыла глаза, никакие образы, выдающие себя за воспоминания, не закружились передо мной. Я чувствовала лишь едва уловимый запах – и больше ничего.

Я взяла медный браслет. Казалось, этой простой безделушке не место среди самых драгоценных сокровищ царицы. Но, если бы мать не дорожила этим старым браслетом, она не положила бы его в шкатулку из слоновой кости. Потускневший металл не блестел. Подвески из горного хрусталя почти не искрились на свету.

Материнское наследство не помогло мне в самый трудный час. «О, так думать легче всего. Не обвиняй тени прошлого». Я попыталась взглянуть на все это, не обманывая себя, и смириться с болью, которую причиняли мои мысли, ведь я могла думать лишь о том, какое страшное поражение потерпела. Все мои хитрые планы лишь привели к катастрофе.

Я подвела царицу Савскую, и госпожу Гелику, и всех тех незнакомцев, ожидавших в Рассветных землях. Я подвела память о матери. Подвела отца. И себя.

Последнее было больнее всего. Я заставила себя признаться в своем заносчивом безумии. Ведь я действовала недостойно, неразумно и трусливо. Сжав свои холодные пальцы, я почувствовала боль. Я опустила

глаза и увидела, что грубый кристалл поцарапал мне кожу. Маленькая ранка, но достаточно глубокая, чтобы саднило. «Наказание за глупость, причем слишком мягкое». Глядя на крошечную бусинку крови, я перечисляла свои ошибки.

Я действовала неразумно. Отец правильно сказал, я проявила страшное безрассудство. Я вообразила себе, что Ахия будет делать то, чего я хочу. Я действовала, хотя не могла предвидеть последствия.

Я действовала без отваги. Не знать истинной цены своих поступков – вдвойне безумно. Я смотрела на свои замыслы так, будто они затрагивали только меня, но на самом деле неминуемо втягивала в свою паутину других. Если бы меня не остановили у ворот, мой позор пал бы и на других, не пощадив никого, от дворцовой стражи до жриц Роши.

Я действовала недостойно, плетя интриги, как Далила, пыталась обманом получить желаемое.

«И ты хотела стать настоящей царицей!» Издевка над собой опалила рот, горькая, как желчь. Вместо того чтобы действовать как настоящая царица, я вела себя как избалованный, своенравный ребенок. Я ни разу не задумалась о том, какую опасность и боль мои замыслы несут людям. Меня заботило лишь то, как убрать препятствия со своего пути.

А хуже всего было то, что я говорила себе, будто действую ради других. Ради царицы, и Гелики, и народа Савы. Я лгала себе.

Все это я делала для себя.

Глаза щипало от жгучих слез. Стараясь сдержаться, я широко раскрыла глаза – заплакать было бы легче всего. «Нет, смотри, смотри хорошенько на то, что ты натворила. И думай, что делать дальше».

Я убрала медный браслет обратно в шкатулку с сокровищами и уставилась на капельку крови, блестящую на кончике пальца, словно крошечный рубин.

«Думай.

А потом начни заново».

Но как? Этот вопрос не давал мне покоя, я размышляла над ним весь долгий день и вечер. Сидя у окна, я смотрела на крыши города. Когда закатилось умирающее солнце, я вздохнула и отложила эти мысли до утра, сказав себе, что смогу тогда рассуждать более трезво. Теперь следовало лечь спать и надеяться, что ко мне придут сновидения.

Я заснула быстро. Надо мной легко сомкнулась тишина и темнота. Но сны не откликнулись на мой зов. В ту ночь тени прошлого, которых я ждала, не приходили, и даже тогда, во сне, я поняла, что отныне должна

действовать собственными силами, полагаясь лишь на себя.

И, проснувшись, я наконец поняла, что нужно делать.

Более того, я увидела, где ошибалась. Великий славный замысел, призванный открыть для меня мой собственный путь, предстал передо мной как мечта ребенка, глухого ко всему, кроме собственных желаний. Хуже того, для успеха мне требовалось, чтобы другие люди выполняли мои желания – желания, о которых они даже не подозревали. А я думала, что смогу заставить их танцевать, словно кукол, под мелодию, слышимую лишь мне.

«Я должна достигнуть своих целей с помощью собственных воли и усилий». Не стоило полагаться ни на кого другого, чтобы получить желаемое. То были мои цели, и лишь я могла добиться успеха – или потерпеть поражение. И действовать следовало прямо, смело и достойно.

В конце концов, если моя интрига провалилась, это было к добру. «Когда я попросила отца, а он отказал мне, лучше бы я пошла вслед за царицей на юг пешком и босиком, если бы пришлось. Лучше бы я сделала что угодно другое, но не хитрила, вырывая у него согласие».

Но тогда я думала лишь о собственных целях и собственной свободе. Я не беспокоилась о том, как влияют на других мои действия, какое добро или зло я вершу. «Ты считала себя царицей мира, вольной поступать как угодно, без колебаний и без расплаты за свои действия». Как будто царица Юга рисковала всем, что имела, лишь ради того, чтобы даровать свободу безрассудной девчонке.

Меня захлестнула жаркая волна. Лицо горело, как в лихорадке. Никогда прежде я не испытывала такого стыда. И то, что лишь я одна знала о своем самолюбивом безрассудстве, мало меня утешало. Теперь я поняла, что имел в виду Аминтор в тот день, когда я уговаривала его провести меня к царице Савской за спиной отца. Я тогда сказала, что никто не будет об этом знать, а он посмотрел на меня и ответил: «Я буду знать».

Даже если весь мир считал меня воплощением девичьих добродетелей, это не имело значения, ведь я знала, до какой степени глупа и себялюбива. Я перестала думать о себе хорошо, и чувство вины начало пожирать меня медленно разгорающимся пламенем.

«Ты берешь на себя слишком много, дитя», – упрекнул меня внутренний голос, эхо слов, услышанных давным-давно и почти забытых. На этот раз я правильно все поняла.

Ведь покаяние тоже могло превратиться в самолюбование. Я напомнила себе, что мой грех состоит лишь в безрассудной оплошности. Ведь я не убила, не лжесвидетельствовала; я почитала отца. Забота лишь о

собственных желаний – вот и вся ошибка.

Что ж, следовало ее исправить. Если в словах Билкис я увидела лишь возможность возвыситься, тогда я ее не заслуживала. «Настоящий царь думает сначала о будущем, затем о своем народе и лишь потом о себе».

Я знала, что отец следует нерушимым правилам чести, и не могла позволить себе меньшего.

Значит, следовало начать заново, смело и открыто обратившись к отцу. Любой его подданный мог свободно прийти к нему. Разве каждые семь дней не был открыт царский суд для всех мужчин и женщин, ищущих справедливого решения?

Да, для всех мужчин и женщин. Даже для блудницы. Даже для царицы. Даже для его собственной своенравной дочери.

Билкис

Еще не успев встать с кровати, Билкис уже услышала новость. Хуррами прокралась в царскую опочивальню, когда над Иудейскими горами едва затеплился чистый бледный свет утра. Почувствовав, что рядом кто-то есть, Билкис проснулась и увидела, что служанка стоит на коленях возле ее кровати.

– Что случилось? – сразу спросила царица.

Она поняла, что Хуррами не разбудила бы ее в такой час без веской причины.

– Царевна Ваалит... – начала Хуррами.

Билкис рывком села. Внутри у нее все сжалось от страха, сомкнувшего свои клыки. Но она молчала, не вмешиваясь в рассказ Хуррами, хотя едва сдерживалась, слушая ее.

– Царевна Ваалит пришла ко мне, умоляя помочь. Она хотела пойти в Рощу Звезды Утренней, но одна не осмеливалась. И вот она попросила меня сопровождать ее. Я согласилась.

А потом что-то пошло не так. Ваалит остановили, не успела она сделать и двух шагов за ворота.

– Ей не позволил уйти царский военачальник Веная. И Никаулис.

«Спасибо тебе, Мать Аллат, за то, что, несмотря на безрассудство Хуррами, хотя бы Никаулисхватило здравого смысла!» Разгорающийся гнев наполнил сердце, готовый вспыхнуть, и лишь долгие годы опыта позволили Билкис говорить спокойно:

– Так значит, царевна Ваалит попросила тебя пойти с ней в Рощу – и

об этом ты решила не рассказывать мне?

Ее голос звучал мягко и доброжелательно. Двигаясь медленно и осторожно, чтобы не поддаться злости, она откинула одеяло и встала на ноги.

– Нет, не нужно объяснений, сейчас нет времени. Выясни, где царь Соломон, и доложи мне. Быстро.

Не говоря ни слова, Хуррами поклонилась и выбежала. Билкис, отдавая себя во власть гневу и страху, неспешно потянулась и позвонила в серебряный колокольчик, призывая служанок. Действовать следовало обдуманно, а не опрометчиво.

«Как только Хуррами вернется, я пойду к Соломону». Не требовалось особого ума, чтобы понять, чего добивалась Ваалит. «Смелый план, царевна, хотя и безрассудный». Девочка обладала разумом, волей и смелостью, но пока еще не научилась думать о будущем. Это умение приобреталось с возрастом. «Вот только дожить бы ей до тех времен!»

А сейчас кто-то должен был развязать тугой узел, и она не хотела оставлять Соломона наедине с этой задачей.

Пока служанки причесывали ее блестящие волосы, она обдумывала, предстанет ли перед Соломоном как женщина или как царица. Прежде чем она успела решить, вернулась Хуррами, явно с плохими новостями.

– Прости меня, о царица, но никто не знает, где царь. На рассвете он заходил к царевне Ваалит, но с тех пор, как он вышел из ее ворот, ни один мужчина не видел его.

– И ни одна женщина? – холодно спросила она. – Если теперь ты говоришь только о мужчинах, Хуррами, нам давным-давно пора вернуться в Саву.

«Ни один мужчина не видел его... – Она улыбнулась и тряхнула головой. Волосы рассыпались по плечам. – Я знаю, где ты, любимый. И я знаю, как предстать перед тобой».

Она лишь попросила Матерь Аллат подсказать ей нужные слова.

Билкис знала, что он там: в саду на крыше. Он пришел один туда, где они делили радость любви. Соломон стоял на краю, опираясь о парапет, отделявший его от неба. Едва поднявшись наверх, она увидела, что он напряжен и словно боится пошевелиться, чтобы движениями не причинять себе лишнюю боль.

А еще она увидела, что он чувствует ее присутствие. «И боится, что я тоже пришла причинять ему боль. Так оно и есть, но я делаю лишь то, что должно быть сделано».

Она молча пересекла крышу и остановилась у него за спиной. Царь не произносил ни слова, Билкис тоже. Некоторое время они смотрели, как голуби кружатся над позолоченными пылью домами и как ласточки носятся в высоком голубом небе.

– Как ты поступишь, любимый? – спросила наконец она.

Соломон долго молчал, глядя на крыши Давидова города, прежде чем ответил:

– Я не совершу ничего несправедливого.

– Ты никогда не совершаешь ничего несправедливого, Соломон. – Она осторожно протянула руку и ласково коснулась его нервно сжатых пальцев. – Любовь моя, речь ведь идет не о жизни и смерти. Ты берешь в жены дочерей других народов, чтобы укрепить свои позиции. Так почему же нельзя...

– ...отпустить в чужую страну мою дочь, чтобы она там правила? Ты считаешь, я такой глупец, что сам не думал об этом?

– Нет, я не считаю тебя глупцом. Но, Соломон, твою дочь тоже не нужно считать глупой. Это не глупость, душа моя. Просто девочка очень юна.

Соломон взял ее за руку.

– Слишком юна. Голубка моя, неужели мы тоже когда-то были такими юными? Такими дерзкими? Такими самоуверенными?

– Да, любимый, были. Но те времена давно прошли. Теперь очередь Ваалит. Не сковывай ее своими страхами, Соломон. Не приноси ее в жертву прошлому.

– Я никому не принесу ее в жертву. Пусть Ахия бесится сколько угодно. Я царь. Я могу защитить собственную дочь.

– От обличений этого безумца? – Билкис покачала головой. – Может быть, но это сейчас, пока ты силен. А что потом? Человеческая жизнь – особенно царская – обманчива и мимолетна. Когда ты постареешь или умрешь, что будет с твоей дочерью?

Соломон молчал, и она продолжила, усиливая натиск:

– Для женщин этой страны есть лишь одно спасение, Соломон. Ты должен выдать Ваалит за мужчину, достаточно сильного, чтобы защищать ее от врагов. А это означает...

– ...что мне придется искать для нее мужа в далеком царстве.

Эти слова дались Соломону медленно и с трудом. Он смотрел в пустоту. Его пальцы выскользнули из руки Билкис, и она отпустила его.

– Мне придется отдать ее царю чужой страны, оторвать от родного народа и навсегда потерять.

– Да.

Она хотела снова ласково взять его за руку, погладить по щеке, успокоить своими прикосновениями, но подавила это желание. В этом бою Соломон должен был сражаться один, иначе он до конца жизни будет жалеть, что сдался.

– Я надеялся выдать ее за хорошего человека в Иерусалиме. За кого-то, чей дом стоит рядом с дворцом. – Красивые губы Соломона искривила усмешка. – Я надеялся, что Ваалит навсегда останется моим ребенком.

– Она останется твоей дочерью, но она не ребенок. Она должна жить своей жизнью.

– И она хочет прожить эту жизнь с тобой.

– Она хочет прожить ту жизнь, для которой предназначена. Соломон, она рождена царицей. Не царской женой, а настоящей царицей, матерью своего народа. Твоему царству не нужна Ваалит, а моему нужна. Даруй Саве эту благодать. Отпусти ее.

Теперь все зависело от мудрости и любви Соломона. «Пожалуйста, Лучезарная, помоги ему правильно поступить. Ради него самого, ради меня – и ради Ваалит».

Соломон молча склонил голову, а затем спросил:

– Где сейчас мудрость, в моем сердце или в твоём?

– В обоих, любимый. И ни в одном.

Ей отчаянно хотелось просить его, умолять о том, без чего она не могла обойтись. Но она промолчала. «Мы уже все сказали. Теперь слово за любовью».

И Соломон наконец произнес медленно, словно бы с трудом:

– Я знаю лишь одно: сейчас выбор за ней. Если моя дочь докажет, что достойна этого, если она действительно знает, что делает и почему, тогда она может уехать. Если таково ее желание. И твое.

Она поклонилась:

– Савское царство благодарит тебя. И я. Я благодарю тебя от всей души.

– Но я не желал бы этого. И мое сердце разрывается. Когда вы обе уедете, мне будет очень одиноко.

– Тебе не будет одиноко. У тебя много жен.

– Слишком много. Все они выданы за меня по расчету, а не по любви.

– Возможно. Но любить своего мужа – неплохой расчет для женщины. Твои жены рады были бы тебя любить, если бы ты им позволил. – Она подавила соблазн коснуться его руки и отвернулась. – Соломон, неужели ты думаешь, что в жизни к нам приходит лишь одна любовь? Наслаждайся

тем, что тебе даровано, и будь счастлив.

Песнь Ваалит

До ближайшего царского суда оставалось три дня. У меня было достаточно времени, чтобы как следует все продумать и довести до совершенства свой новый план, определив мельчайшие подробности каждого шага. На этот раз я не могла ошибиться. Один бросок костей решал всю мою судьбу.

В день суда я позвала Нимру и Кешет и приказала достать мои лучшие одежды.

– Сегодня я предстану перед отцом и не должна посрамить его.

Они беспокойно переглянулись, но я больше ничего не сказала, не желая обременять их своими сомнениями и страхами.

Впервые я не торопила их, пока они суетились и спорили о каждом наряде. Мое терпение радовало их, но вместе с тем удивляло, хотя ни одна ни о чем не спросила. Я стояла спокойно, как храмовый идол, когда Кешет накинула на меня тунику, такую тонкую, что она казалась прозрачной, как вода. Нимра показала мне багряное платье, я кивнула. Они с Кешет взяли платье и наклонились, а я шагнула в него. Потом они, окутывая все мое тело роскошной мягкой тканью, подтянули его вверх и защелкнули золотые застежки в виде пчел. Я подняла руки, и Нимра, опустившись на колени, обернула мои бедра широким поясом из позолоченной кожи, мягким, как шелк. Кисточки из тонкой шерсти с серебряными нитями свисали с пояса до колен.

– А прическа, царевна?

Впервые я не пожалала плечами и не сказала, что это не имеет значения. Все, что я делала, чем была и чем казалась, – все это имело теперь значение. От этого зависело, в каком виде я покажусь отцу, – *нет, в каком виде царевна Ваалит, которая желает править Савой, предстанет перед царем Соломоном Премудрым.*

Подумав, я взглянула на Нимру:

– Ты знаешь, куда я иду и зачем. Сделай мне такую прическу, какую считаешь наилучшей.

– Да, царевна.

И Нимра принялась укрощать мои непокорные волосы. Когда она закончила, аккуратно заплетенные косы лежали короной, свернувшись, как змейка, у меня на затылке. Я смотрела на себя в зеркало, широко раскрыв

глаза от восхищения работой Нимры.

– Ты сделала из ее волос корону, – заметила Кешет.

Нимра улыбнулась:

– Такую прическу носила царица Мелхола, когда сидела рядом с госпожой Вирсавией на приемах твоего отца.

Мы с Кешет недоуменно уставились на нее, и Нимра пояснила:

– Я спрашивала госпожу Нефрет – она видела и нарисовала для меня по памяти. Я покажу тебе потом.

– Да, – сказала я, – потом. Спасибо тебе, Нимра. Давайте поищем подходящие украшения.

Украшения следовало выбрать очень тщательно, ведь я хотела предстать перед царем как равная ему по величию и благородству. Чеканные золотые сережки с изумрудами, шпильки для волос, украшенные трепещущими золотыми и серебряными листочками, ожерелье из резных пластинок слоновой кости и еще одно, из переплетенных золотых змеек, браслеты из слоновой кости с юга и янтаря с севера.

И наконец, когда Нимра и Кешет заверили меня, что мои уборы достойны любой богини, я, немного поразмыслив, достала из материнской шкатулки дешевый старый браслет из медных цепочек. От неосторожного движения зазвенели подвески из горного хрусталя – блестящие капельки прошлого.

– И еще вот это, – сказала я.

Нимра и Кешет недоуменно переглянулись, но не сказали ни слова. Кешет лишь склонила голову и застегнула изношенную побрякушку на моем левом запястье.

Теперь оставалось накинуть легкое серебристое покрывало, переливающееся и прозрачное, как вода, и надежно закрепить его на моей короне из волос. А потом Кешет поднесла ко мне зеркало.

Я увидела незнакомку, сверкающую и сказочную. Не беззаботного ребенка, а женщину. Будущую царицу. Но гордость не согрела меня. Станный холод, словно яд, растекался по телу.

– Так вот что это такое – выглядеть царицей.

Я старалась говорить не слишком серьезно, как бы посмеиваясь над своим отражением в серебряном зеркале. Но Кешет не хихикнула, Нимра не поддержала меня. Мои слова прозвучали в тишине тяжело и сурово.

– Да, так выглядят царицы. Нравишься ли ты себе, детка?

В зеркале я увидела какой-то силуэт у меня за спиной. Я стремительно развернулась, шурша покрывалом и звеня золотыми браслетами на ногах, чтобы понять, кому принадлежит окликнувший меня женский голос. На

миг мне показалось, что я снова смотрю в серебряное зеркало, ведь у этой женщины оказались мои глаза. А потом, хотя я с семи лет не видела ее лица, я узнала ее.

– Бабушка! – воскликнула я, а она улыбнулась, распахнув мне объятия.

Сначала я изумилась ее приезду и засыпала ее вопросами о том, как она догадалась, что нужна именно сейчас. Бабушка засмеялась:

– Милая моя девочка, все, от пастуха до царевича, повсюду, от Дамаска до Багдада, знают, что мудрый царь и царица Земли Пряностей сплелись в танце Богини. Новые песни передаются из Роши в Рошу почти так же быстро, как сплетни. Отсюда до края света в каждом храме – даже в тех, где птицы так разжирили, что по двору и то не летают, – все уже обо всем узнали!

Ее тело от шеи до пят скрывала темная накидка, расшитая звездочками. Теперь бабушка сбросила ее и предстала передо мной такой, какой я никогда раньше ее не видела.

Многослойная, словно змеиная чешуя, юбка. Пояс из жесткой пурпурной кожи шириной в две ладони. Тугой корсет, крепко, словно руки любимого, обхватывающий груди. Из ушей у нее свисали тяжелые золотые пчелы, а голую грудь осеняли своими сверкающими крыльями золотые голуби. Под золотыми змейками, обвивавшими ее руки от запястья до локтя, тенями залегли змеи, нанесенные краской на кожу. В ответ на мой недоуменный взгляд она улыбнулась:

– Таков убор жрицы в храме богини. Видишь ли, богиня очень стара, а в старости все упрямо цепляются за обычаи. Поэтому, чтобы угодить ей, мы одеваемся так, словно все еще обитаем в древних залах. Да и вообще, вряд ли можно сказать, что у богов изысканный вкус!

И она рассмеялась. Этот смех поразил меня еще больше, чем явно непочтительные слова.

– О, Ваалит, не надо делать такие большие глаза! Думаешь, у богини дел других нет, кроме как подслушивать всякую болтовню? Или она не умеет смеяться?

– Я... Я не знаю.

«Бабушка Зурлин. Я помнила ее смех. Да, я ее так и называла – Смеющаяся. Она смеялась всегда, всегда».

– Говорят, сомнение – это путь к мудрости. Что ж, дочь моей дочери, потешь старую женщину и поведай ей, как ты будешь распутывать узел, который так тщательно завязывала. И не говори мне, что не понимаешь, о чем речь. Я хоть и стара, но из ума не выжила. Садись, маленькая богиня, и

рассказывай, что привело тебя ко всему этому.

И я, сев рядом со Смеющейся Бабушкой, рассказала ей обо всем, что произошло с тех пор, как царица Юга въехала в ворота Иерусалима, обо всем, что я натворила по неразумию, и о том, каким образом собираюсь восстановить разрушенное. Она слушала, иногда мягким тоном задавала вопросы, но не смеялась и даже не улыбалась. Тогда я не сумела должным образом оценить эту огромную доброту. Лишь много лет спустя я поняла, как тяжело старикам серьезно слушать молодых. Но бабушка Зурлин не пожалела для меня этого дара. Когда я рассказывала ей все, что было на сердце и на душе, все, о чем я мечтала, она слушала и не смеялась.

Вместо этого она, когда я наконец замолчала, взяла меня за руки:

– Это хорошо придумано, Ваалит. Ничего лучшего не пришло бы даже в более умудренные опытом головы. Ты правильно поступаешь, смело и открыто обращаясь к своему отцу. Он не из тех, кто любит тени и тайны.

Она замолчала, словно захваченная врасплох воспоминанием. И по этой короткой паузе я почувствовала, что она ожидает от меня какого-то ответа, каких-то слов, которые я должна была произнести сама.

– Я поступаю правильно, – медленно начала я, – но?..

– Но ты молода, а молодежь слишком стремится вперед, чтобы слушать старших. Хотя, если ты спрашиваешь меня, я дам тебе совет.

В ее глазах танцевал смех, словно солнечные блики.

– Я знаю душу царя Соломона, ведь я знала женщин, которые воспитали из него царя. Попросишь чего-то для себя – и твой отец даст это тебе, если сможет. А вот если попросишь чего-то для других – он согласится без колебаний. Ты поняла, что нужно делать?

– Да, бабушка, – ответила я, тщательно обдумав ее слова, – думаю, поняла.

Я поцеловала ей руки, словно сама она была царицей.

– Подожди лет десять, а потом благодари, если еще захочешь.

Она отстранилась и потянулась к своей темной накидке, лежавшей у ног. Из ее складок она достала сверточек алого шелка. Под тканью скрывалась какая-то маленькая вещица. Бабушка положила узелок на колени, внимательно изучая его, словно глядя в магический кристалл будущего – или прошлого.

Подняв голову, она улыбнулась мне.

– Я привезла подарок, который хранила для тебя все эти семь лет. Возьми эту вещь с собой, когда пойдешь к царю Соломону, маленькая богиня, и, клянусь локонами Астарты, он выполнит любую твою просьбу, даже если ты попросишь отпустить тебя на край света.

Она протянула мне шелковый узелок. Я осторожно развязала его и начала разматывать мягкую ткань, и вот моим глазам открылось содержимое. Я увидела сокровище, которое привезла мне бабушка.

Веретено. Веретено из слоновой кости с янтарным пряслицем.

Я уставилась на хрупкую игрушку, а затем подняла глаза на бабушку, ожидая, что она скажет об этом подарке.

– Это веретено хорошо послужит царице Ваалит, как до тебя послужило царице Мелхале и царице Ависаге. Если ты не умеешь прясть, обязательно научись.

Я умела. Я не могла не уметь, всех девочек учили прясть. Я взяла веретено в руки. Слоновая кость нагрелась от тепла моих ладоней.

– И, если я возьму его с собой, мне будет дарована любая милость, о которой я попрошу? Это волшебство?

Бабушка рассмеялась – словно где-то заиграла веселая музыка.

– Женское волшебство, маленькая богиня. И, если ты, в отличие от царицы Мелхолы, выполнишь все, что я говорю, твое самое заветное желание осуществится до того, как ты слишком состаришься, чтобы им насладиться! Поверь мне, внучка, царь Соломон по доброй воле отправит тебя в чужую страну, пожелав всего самого лучшего, и будет считать, что ему очень повезло. Память у него хорошая – для мужчины.

Я раскрутила веретено, глядя, как оно постепенно замедляется. Когда-то этого веретена касалась моя мать, она тянула с него ровную нить. Я снова раскрутила его, пытаюсь вспомнить, как пряла с ним царица Мелхола, как оживала слоновая кость от теплого прикосновения ее длинных чутких пальцев.

– Нет, – бабушка накрыла мою руку своей, останавливая веретено, – оно не для того, чтобы призывать прошлое. Тебе ведь нужно будущее. Пряди, о царица, и заклинай будущее.

Я посмотрела на ее узкую ладонь и заметила, как изящны очертания суставов под кожей. Потом я снова подняла взгляд на ее лицо и увидела, что хотя она и постарела, но сохранила свою красоту. Все, кто говорил со мной о бабушке Зурлин, называли ее красавицей, но я, как все мы в юности, думала, что красота состоит из блеска роскошных волос, изгибов бедер и груди, гладкости кожи. Я думала, что красота – это молодость. Даже в царице Савской все еще оставалось совершенство молодости.

Но бабушка Зурлин была по-настоящему старой – и в то же время по-настоящему красивой. Глядя в ее глаза, я поняла, что красота – это не только иллюзия, создаваемая телом, но и глубокая правда ума и сердца. Пока ум и сердце находят радость, эта радость дарует красоту, даже если

волосы поседели и потускнели, а кожа покрылась морщинами и обвисла.

– Бабушка, я хочу когда-нибудь выглядеть так, как ты!

В ответ на это она снова засмеялась:

– Проживи столько же, внучка, и твое желание исполнится. А теперь идем на суд царя Соломона и расшевелим этих унылых людей, для которых день тянется нескончаемо долго!

– Да, – сказала я и поднялась, бережно держа веретено, – идем на суд царя Соломона.

Когда я, стоя за кедровыми колоннами отцовского зала суда, попросила доложить обо мне, царский глашатай посмотрел на меня так, словно увидел впервые. Он застыл на месте, как жена Лота.

– Объяви, что я хочу предстать перед судом, – повторила я, – или я войду и сама о себе объявлю.

От этих слов он очнулся и поспешил к трону. Но вместо того, чтобы объявить обо мне, как я просила, он, встав на колени, тихо заговорил с писцом. Отец сидел прямо, не изменившись в лице. На своем троне рядом с ним молча ожидала царица Савская.

Отец произнес установленную фразу:

– Кто пришел, чтобы предстать перед царским судом?

Писец ответил:

– Царевна Ваалит пришла, чтобы предстать перед царским судом, о царь.

И я двинулась вперед, стараясь идти ровным шагом и не отводить глаз от отца.

Остановившись перед Львиным тронном, я поклонилась, ожидая. Я знала, что справлюсь со своей задачей. Очередь была за отцом.

Соломон

– Кто пришел, чтобы предстать перед царским судом? – спросил Соломон.

С привычной скукой он ожидал следующего просителя. «Несмотря на то что Билкис рядом, кажется, что этот день никогда не кончится. Неужели все жители моего царства сговорились приходить к моему трону и ругаться?»

Вместо того чтобы ответить на ритуальный вопрос, глашатай подбежал к ступеням, ведущим к тронному возвышению, и начал

торопливо шептаться с писцом. Слышалось змеиное шипение. Казалось, писец потрясен до глубины души, словно его осыпали не словами, а ударами. Соломон начал беспокоиться, но вместе с тем почувствовал любопытство.

– Так кто же пришел? – снова спросил Соломон и услышал, как царица рядом затаила дыхание.

Он окинул взглядом весь огромный зал и увидел, что у высоких бронзовых дверей ожидает женщина в багряных одеждах и серебристом покрывале. Она гордо и прямо стояла под взглядами мужчин, собравшихся при дворе.

А потом она пошла вперед, плавно и уверенно. «По-царски». Она вышла из тени колонн на освещенную середину зала, подняла руки и откинула покрывало. И Соломон встретился глазами с дочерью.

В душе вспыхнул мимолетный гнев. Как она посмела выставить себя напоказ? Но Соломон обуздал свой порыв. Все мужчины и женщины в царстве имели право прийти к царю на суд, чтобы получить мудрое и справедливое решение. Разве не этим гордо хвастался царь Соломон? «Неужели моя дочь заслуживает справедливости меньше, чем блудница?»

Билкис протянула руку и осторожно опустила ее на большую, отлитую из золота львиную голову, на которой лежала его рука. Его она не коснулась. Возмущенный царский писец стоял перед тронном.

– Кто пришел, чтобы предстать перед царским судом? – в третий раз спросил Соломон.

Он говорил твердо и спокойно, ничем не выдавая бушевавшего в душе урагана.

– Царевна Ваалит пришла, о царь, – ответил писец, собравшись с силами.

Он не так хорошо владел собой, как Соломон, и в его голосе ясно слышалось возмущение.

Ваалит пересекла весь длинный зал, тени и свет, и наконец подошла к подножию трона. Потом остановилась и поклонилась. И выпрямилась, молча ожидая с высоко поднятой головой.

Ее лицо оставалось спокойным, она владела собой, не покоряясь гневу или горечи.

Соломону стало теплее на душе от гордости за это огненное создание, которое он сотворил. Он знал, что никто из его сыновей не пылает и вполнину столь ярко и горячо. Он кивнул, приветствуя дочь, и обратился к ней:

– Царевна Ваалит, что привело тебя к царю?

– Я пришла просить царя о решении.

Голос Ваалит звучал твердо и спокойно, как будто ей и раньше приходилось говорить в полном людях зале.

– Каждый мужчина или женщина может прийти к царю и попросить его о решении.

Соломон уже знал, чего попросит дочь. Он только не знал, как ей ответить. Но оставить ее без ответа он не мог. Без мудрого и честного ответа.

– Ты пришла к царю. Говори.

Она сложила руки на груди и поклонилась еще раз.

– Я благодарю царя, своего отца, за его доброту и прошу его отпустить меня вместе с царицей Юга, чтобы я могла править Савой после нее.

Настала тишина, такая глубокая, что Соломон слышал шорох покрывала дочери. Рядом с ним Билкис хрипло вдохнула спертый воздух и тоже застыла, ожидая, что теперь скажет Соломон Премудрый.

– Этого ты просишь у царя?

– Да, царь мой и господин. Этого я прошу.

Время тянулось долго. Солнечный свет, проникавший наискосок в высокие окна под крышей, заливал зал янтарем, и казалось, что весь мир застыл в ожидании его ответа.

– А если царь не даст тебе того, о чем ты просишь?

Дочь твердо посмотрела на него:

– Тогда мне придется уехать без царского согласия и без отцовского благословения, хотя они мне и нужны.

«Ну что, Соломон? Действительно ли ты такой мудрый и справедливый, как все утверждают? Или ты тоже из тех, чьи клятвы ничего не стоят, когда выполнять их становится слишком тяжело?» Он повернул голову и взглянул в спокойные глаза царицы. Она бы не стала вмешиваться, несмотря на собственные желания. «Это решение я должен принять сам».

Но он уже понял, что проиграл. Даже если он силой заставит Ваалит остаться, она больше ему не принадлежала. «Зачем удерживать ее, если сердце ее не здесь?»

«Но, перед тем как отпустить ее, я должен задать еще один вопрос. И если она не сможет ответить...»

Если царевна Ваалит не сможет ответить на последний вопрос царя Соломона, она никогда не сможет стать царицей Савской.

Смотревшие на меня в тот день рассказывали, что я стояла перед тронном царя Соломона со спокойным лицом, гордо, с высоко поднятой головой. Что мой голос звучал ясно и твердо. Конечно, так все выглядело для них. Но я чувствовала свое тело и знала, что у меня дрожат руки (поэтому я сцепила их перед собой), что кровь толчками бьется под кожей, что мой голос – слишком слабый и высокий – доносится словно издалека.

Но я помнила, зачем пришла и что нужно делать, и я выполняла все данные себе обещания. Никаких загадок и хитростей. Никакого коварного принуждения к клятвам, которые связали бы моего отца против его воли. «Нет, отец, я ничего не прошу для себя. Мне нужен лишь один дар: поклянись царице Савской, что дашь ей все, чего она пожелает...»

Да, я думала и о таком. Отец принес бы эту клятву, даже зная, чего попросит царица. «Но нет. Сейчас нужна только правда».

Итак, мне рассказывали, что я стояла спокойно целую вечность, ожидая, пока отец снова заговорит. Казалось, время остановилось. Он сидел молча и неподвижно на Львином троне.

– Почему ты хочешь стать царицей Савской? – наконец спросил он.

И, когда эти простые слова прозвучали в тишине, я поняла, что должна найти правильный ответ, а иначе навсегда останусь лишь дочерью царя Соломона. Когда-то я думала, что и это очень много значит, а теперь почувствовала, что никогда не смогу довольствоваться этим, что этого мало для женщины, которой я хотела стать.

«Почему?» Мой отец часто задавал такие вопросы, но я знала, что этот – последний. И что я должна ответить хорошо и разумно, ради себя и ради будущего.

И ради будущего многих других, в том числе и самого отца.

«Почему ты хочешь стать царицей Савской?»

Эти слова звенели между нами. Разверзлась глубокая пропасть, которую я должна была преодолеть своим ответом. И, пока едва слышное эхо угасало в спертom воздухе, я стояла, ища сокровенную правду своего сердца. Ни одна богиня, ни одна женщина не могла ответить вместо меня. Отныне и навсегда мне предстояло говорить самой за себя.

Но как начать?

– Я хочу... – собралась я наконец с силами.

Даже эти два слова дались с трудом. Я запнулась и посмотрела в строгие глаза отца. В них светились боль и гордость. Мой отец не поможет мне ответить, но и мешать не станет. Свой ответ выбирала я, и лишь я одна.

Не отводя глаз от отцовского лица, я начала снова:

– Я не хочу быть царицей Савской. Я хочу служить людям, выполнять

дело, для которого рождена и воспитана.

Помолчав, я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Отец кивнул – едва заметно, так что это увидела только я.

– И это предназначение нельзя выполнить здесь. Это задача не для царской жены, скованной своим положением и традицией. Этот труд по силам лишь женщине, которая может царствовать по воле своей и выполняя волю подданных.

Теперь мой голос окреп, он звучал ясно и твердо. Я понимала, что защищаю свое будущее и будущее многих других людей, которых пока не знала.

– Я не хочу быть царицей Савской, но без этого я не могу выполнить свое предназначение, поэтому когда-нибудь мне придется ею стать. Отец, тебя называют мудрейшим из царей. Ты никогда не принимал неправильных решений. Ты всегда разумно использовал богатства, дарованные тебе богами и людьми – мужчинами и женщинами. Не губи же мои способности!

Несколько долгих мгновений отец молчал. Потом он улыбнулся, и лишь я, стоявшая у подножия трона, видела, чего ему стоила эта улыбка. А когда он заговорил, его голос, сильный и уверенный, разносился по всему залу:

– Я горжусь тем, как показала себя моя дочь. Царевна Ваалит отправляется на юг с царицей Савской. Так решил царь.

А затем отец поднялся с трона и сошел ко мне по ступеням. Он взял меня за руку и повел ко второму трону, тому, который приказал поставить рядом со своим, желая почтить царицу Юга. Сидя там, она смотрела на нас спокойно, как луна.

– О царица, – сказал отец, – вот твоя дочь.

Билкис встала, и отец соединил наши руки. Она легонько сжала мои пальцы. Я чувствовала, как под ее прохладной кожей резкими и быстрыми толчками бьется кровь.

– О царь, – ответила она, – ты знаешь, что у меня на душе. Проси у Савского царства чего захочешь в знак благодарности за этот бесценный дар.

Отец молчал, и я подумала было, что он ничего не ответит, но он произнес так тихо, что даже я едва расслышала:

– Любовь моя, я хочу, чтобы ты была счастлива.

Слезы блестели в глазах царицы, словно звезды, ослепляя своим блеском. Но она не позволила им пролиться, лишь улыбнулась и отошла, уступая путь к трону. Отец понял ее намерение и, повернувшись к залу,

заговорил так, чтобы слышали собравшиеся:

– Сегодня ты сядешь рядом со мной, дочь моя. Смотри и учись. – Он поцеловал меня в щеку и добавил: – Когда станешь царицей Савской, я надеюсь на более выгодные условия, чем те, которых смог сейчас добиться.

Он засмеялся, и все в зале тоже начали смеяться. Я быстро села на трон – у меня дрожали ноги, и я не хотела бесславно рухнуть к ногам царя. Сев, я вынула из-за пояса веретено и положила на колени. Моя рука покоилась на теплой слоновой кости. На запястье качнулись подвески старого браслета. Заметив их блеск, отец долго смотрел на изношенный браслет и прялку. На его лице возникла легкая улыбка.

– Что ж, – сказал он, – вижу, мне мало чему осталось тебя учить. Ты уже знаешь все, что тебе по-настоящему нужно, дочка.

Ахия

В дальнем конце большого тронного зала с самого утра стоял пророк Ахия, молча и неподвижно, как высокая кедровая колонна. Он видел, как дочь царя Соломона прошла меж рядами мужчин к отцовскому трону. Как она низко поклонилась, прося, и как гордо выпрямилась.

Как царица Юга устремила сладострастный взгляд на царя, как он улыбнулся своей порочной и своенравной дочери и вознес ее к себе, посадив по правую руку от трона Давида.

На несколько долгих мгновений в глазах у Ахии потемнело от дыма благовоний, золотого чада, за который царство продалось, как блудница. «Ладан для богов. Народ Яхве плачет об идолах, как неразумные дети – о пропитанной ядом погремушке. Ладан, богатство юга, задушит детей Яхве».

Царевна Ваалит, гордо выпрямившись, стояла перед Львиным тронном, а ее серебристое покрывало переливалось, как покрытая солнечными бликами водная гладь. Под этим сверкающим покрывалом блестели драгоценные камни, яркие и безжалостные, как змеиные глаза. Царь Соломон склонил голову перед царицей Савской, а та поднялась с трона, словно столб пламени. Царь что-то прошептал ей на ухо, и она с улыбкой скользнула в сторону. Он коснулся руки дочери, и она, ловко, словно храмовая танцовщица, прошмыгнула ко второму трону, стоявшему рядом со Львиным.

«Второй трон, поставленный на потеху женскому тщеславию там, где должен быть лишь один». А теперь там восседала царская дочь, смело

глядя в глаза мужчинам. «Такая заносчивая. Такая бесстыжая. Позор для глаз Яхве. Девчонка, избалованная до того, что возомнила себя царицей. Богиней! Вон как она самодовольно прихорашивается, такая же самовлюбленная, как этот тщеславный павлин, ее отец!»

Боль вдруг пронзила его, пульсируя в глубине головы, за усталыми глазами. «Конечно. Конечно! Как я мог быть таким слепцом? Я метил в змееныша, хотя на самом деле, чтобы стереть зло с лица земли, нужно уничтожить царственного змея».

Ведь кто воспитал девчонку столь безбожно? Кто позволил ей соблазниться развратом и вожделеть языческих идолов? Кто даровал ей имя, которое клеймило ее на всю жизнь?

«Царь Соломон, ты – причина зла. Ты взрастил зло и пригрел его на груди. Но что Яхве дал, то Он и заберет». Боль стала сильнее, теперь она полосовала его, как нож, но Ахия не желал уступать своему слабому телу. Он стоял неподвижно и прямо, вцепившись в посох Самуила, ожидая повелений. Боль подсказывала ему, что делать, боль, острая, словно львиные когти – слова Яхве, врезавшиеся в его плоть.

«Уходи. Оставь этот мерзостный и порочный царский двор. Оставь этого царя с его блудницами, пусть пресмыкается перед ложными богинями. Уходи. Уходи. Уходи немедленно».

Колонны из кедрового дерева качались у него перед глазами. Тяжелый от дыма воздух колыбался, как беспокойное море.

– Да, – собравшись с силами, прохрипел Ахия.

«Да, я уйду. Уйду и заберу с собой Твое благословение».

Ахия так никогда и не смог вспомнить, как он выбрался из дворца, как вышел из Давидова города за ворота на равнину. Он лишь помнил, что доковылял до Елеонской горы и там силы оставили его. Продрогший до костей, трясясь, как в лихорадке, он подполз к большому красному камню, выступавшему из земли, и с трудом сел.

Когда отступила боль, пронзавшая голову, словно копье, Ахия приподнялся и понял, что снова смотрит на Иерусалим. Золотой город, выпестованный в мечтах, отданный в руки царя Давида по милости Яхве.

«Нельзя по вине Соломона потерять все, что завоевал Давид!»
Неправильная мысль. Следовало во всем покоряться воле Яхве, а Он мог поступить как угодно. Ахия опустил глаза и увидел, что его пальцы, действуя по собственной воле, разорвали накидку. Ключки ветхой ткани лежали в пыли под ногами. Он уставился на них, а потом собрал и начал медленно пересчитывать.

Двенадцать. Он разорвал одежду на двенадцать лоскутов. Глядя на свое растерзанное рубище, он понял: «Царство распадется. И это я во имя Яхве разорву истлевшее царство Соломона, как эту ткань».

Двигаясь медленно, словно воздух загустел и стал тяжелым, Ахия разгладил каждый лоскут, а затем сложил их в сумку из козьей кожи.

«Да, Господи. Теперь я знаю, что делать».

Его наполнил покой, сладкий как мед: наконец-то он понял истинную волю Яхве. Прижимая сумку к сердцу, словно ребенка, Ахия спустился с холма и вернулся на иерусалимскую дорогу. Там он стоял и ждал того, кого пошлет ему Яхве.

– Ты преграждаешь путь. Отойди, пророк.

Ахия поднял глаза и встретился взглядом с Иеровоамом, суровым и строгим сборщиком податей. Жаркое солнце палило немилосердно, и казалось, что силуэт Иеровоама охвачен пламенем и глаза его пылают. Ахия улыбнулся.

– Приветствую тебя, Иеровоам. Слушай слова Яхве и повинуйся.

– Что Господь хочет сказать мне? Говори быстро, ведь царские дела не ждут.

Мог ли Яхве послать более ясный знак? Ахия, улыбаясь, подошел ближе к колеснице Иеровоама, чувствуя жар и пыль на своей коже.

– Истинно ты сказал: дела твои – царские. Ведь Яхве говорит: «Смотри, я вырву царство из рук Соломона и разделю его так же легко, как разорвал одежды эти».

Иеровоам недоуменно уставился на него, а Ахия вытащил из своей сумки клочки разорванной накидки.

– Двенадцать кусков, по одному на каждое колено. Это означает...

Он поднял взгляд, и глаза ему резануло полуденное солнце, а виски стиснула боль. «Я ошибся. Я в чем-то ошибся...» И, пока Ахия отчаянно пытался разгадать волю Яхве, он уронил два лоскута. Он смотрел, как они лежат в пыли у его ног.

«В пыли, во прахе. Так и Соломон поверг царство свое во прах...» Боль утихла, и Ахия осторожно поднял голову, снова глядя на Иеровоама.

– Десять колен отдает Яхве в руки твои, – сказал Ахия, передавая Иеровоаму охапку лоскутов, – а с ними и царство.

Иеровоам медленно протянул руку и взял их.

– Я – царь? – спросил он. – А остальные два колена?

– Яхве оставляет их Соломону и его сыну по милосердию своему и в память о том, что Яхве любил отца Соломона, Давида, который был

истинным слугой нашего Бога.

«Яхве милосерднее, чем я. Я бы низверг во прах Соломона и все его деяния». Ахия наступил ногой на два куска ткани, лежащие на дороге, и поднял свой тяжелый взгляд на Иеровоама.

– Но внемли этим словам, Иеровоам, царь десяти колен: ты должен соблюдать Закон Яхве, чтобы сохранить Его царство. Выполняй волю Яхве, как слуга Его, царь Давид, и Яхве не оставит тебя и род твой.

Не отводя глаз от десяти клочков ткани, Иеровоам ответил:

– Я услышал слова Господа, пророк. – Он крепко сжал в руке лоскуты. – Знает ли об этом царь Соломон?

– Какая разница? Яхве действует по воле своей.

– Да. – Иеровоам заткнул лохмотья за пояс. Они выглядели тусклыми на фоне его алой туники. – Не передал ли Господь мне чего-то еще, пророк? Скоро ли я стану царем или должен прождать много лет?

Ахия прислушался, но слова не пришли к нему. Он покачал головой:

– Яхве сказал лишь то, что я уже передал тебе: храни законы Его и царство Его.

Они переглянулись, и Иеровоам кивнул:

– Я уеду, пока царь Соломон не узнал об этом и не лишил меня жизни. Я буду ждать и готовиться.

– Храни законы Яхве, – добавил Ахия, но Иеровоам уже хлестнул своих коней и исчез, не услышав его.

Хотя пророк остался один, это не имело значения. Он снова зажмурил глаза от солнца, наслаждаясь покоем, который, снизойдя на него, согревал кровь, как вино.

«Я претворил в жизнь волю Яхве. Я сделал то, чего мой Бог требовал от меня». Ахия медленно сошел с иерусалимской дороги. Ему встретилось узловатое оливковое дерево. Хотя оно было бесплодным, серебристо-зеленые листья давали достаточно тени, чтобы немного отдохнуть. Ахия расстелил остатки своего рубища на земле и сел под оливой.

Сила Яхве покинула пророка, он чувствовал себя изнуренным, но это не имело значения, ведь он уже все сделал. Теперь оставалось только ждать, когда Яхве снова его призовет. «А он призовет меня, ведь кто, как не я, может так ясно слышать Его голос и понимать Его волю?»

Ахия довольствовался таким предназначением. В тени оливы он закрыл глаза и уснул, мирно и без сновидений.

Сказки и песни заканчиваются тогда, когда подвиг совершен, сокровище добыто, милость оказана. В жизни все заканчивается не так просто. Я добилась для царицы Савской того, чего она хотела, я получила для себя отцовское благословение. Теперь предстояло попросить его еще кое о чем и завершить узор, который я начала ткать давным-давно.

И я пошла к отцу, чтобы поговорить с ним, как всегда, свободно и наедине. Стражники у дверей его покоев воззрились на меня – да, теперь я стала диковинкой. За меня готовы были отдать все золото и пряности мира. Я была сокровищем, которое царь Соломон передал в руки царице Савской.

Вчера я была лишь дочерью Соломона. Никто не обращал на меня внимания, не замечал. При этой мысли злость шевельнулась под сердцем, но я не дала ей воли. «Каждое желание имеет свою цену, маленькая богиня. Если не готова платить, не жди награды». Теперь мне следовало лучше держать себя в руках.

Вместо того чтобы дать волю раздражению, я улыбнулась стражникам и прошла в открытую дверь. В первой комнате сидели писцы, готовые явиться на царский зов. И снова я, как всегда, улыбнулась им, приветствуя каждого по имени. Я спросила, не входил ли кто-то к отцу. Мне ответили, что он у себя один, и я снова улыбнулась. Направляясь к следующей двери, я заметила, как писцы искоса посматривают на меня. Под их взглядами я спокойно остановилась и постучалась, а потом открыла дверь и вошла к отцу.

Он рассматривал большую карту, нарисованную на длинной стене, карту целого мира, склонявшегося перед волей царя Соломона. От Фив до Трояды, от Вавилона до Дамаска тянулись закрашенные желтым земли, а по желтому фону разбегались красные линии: Царский путь, Путь Благовоний, Шелковый путь и Приморский путь. Синие полосы обозначали Красное море, открывающее дорогу к Саве и дальше на юг, Черное море, ведущее к землям янтаря, мехов и золота, и Великое море, простиравшееся от Приморских городов до края света на западе.

– Все эти земли покоряются мне, – сказал он ровным и спокойным голосом. – Он не обернулся и не пошевелился. – Я управляю всем этим, но не могу властвовать в собственном доме. Странно, правда?

Я знала, что не должна отвечать.

– Отец, – только и сказала я, собравшись с силами.

На миг я подумала, что он так и не повернется ко мне. Потом его плечи расслабились, и он посмотрел на меня, но без улыбки. Такого я не ожидала.

– Что, дочка?

Он говорил сдержанно и ровно – таким я слышала его много раз в

суде, когда он объявлял решение.

– Я должна попросить тебя еще об одной милости.

– И ты пришла тихо и украдкой? И не захотела призвать меня к ответу перед народом и первосвященником? – Теперь он говорил с горечью, и я не могла его за это винить.

– Чтобы даровать эту милость, нужно обладать мудрым разумом и великодушным сердцем.

– А я, значит, мудр и великодушен? Так что же тебе нужно, дочка?

– Прежде чем попросить, умоляю тебя еще об одном, – сказала я, поколебавшись, – если ты не сможешь выполнить эту просьбу, никогда ни с кем не говори о ней.

– То есть с тем человеком, которому ты обещала мою милость? Хорошо, дочка, даю слово. Проси.

Вот и все, что он сказал: «Проси». А не: «Проси – и твое желание будет выполнено». Но я не могла отрицать, что он правильно поступает, соблюдая осторожность.

Начать было тяжело, зная, что теперь каждое мое слово оценивается. Меня уже не баловали, как ребенка, а судили, как женщину. «Я прошу не о безделице и не для себя». И отец дал слово никогда больше не упоминать об этом. Стоит ему отказать – и Гелика даже никогда не узнает, что я пыталась.

«Если он откажет, она убьет ребенка и себя». Значит, следовало добиться согласия. Тщательно подобрала слова, я начала:

– Отец, ты великий царь, и в доме твоём много жен. Из всех стран присылали их, чтобы выдать за тебя замуж для укрепления договоров и союзов. И ты относишься к каждой как к царице...

Я остановилась посреди фразы, потому что отец поднял руку. К моему удивлению, он улыбнулся.

– Снова ты сбила меня с толку, дочка, но теперь я понял: ты обещала кому-то мою милость. Хватит нанизывать слова на нить, проси, и, если царь Соломон – Премудрый – сможет выполнить желание Ваалит, царевны Савской, ты получишь то, о чем просишь.

К моему ужасу и растерянности, в глазах защипало. Я изо всех сил начала моргать, чтобы сдержать слезы.

– Можно ли госпоже Гелике поехать со мной в Саву?

– Госпоже Гелике? Дочери Повелителя Коней?

Отец смотрел на меня, явно недоумевая.

– Да, – просто ответила я.

После всех моих раздумий, всех тщательно составленных просьб я

почувствовала, что говорить нужно прямо. «Хватит тайн». Теперь следовало просто открыть правду.

– Ее заставили приехать в Иерусалим и выйти замуж. Она ненавидит дворец, ненавидит...

– Меня? – тихо спросил отец.

Я вдруг поняла, что даже едва знакомая женщина может причинить ему боль.

– Нет! Нет, она себя ненавидит. Отец, она была амазонкой, девой-воительницей. У нее не оставалось выбора. Если бы она отказалась, на ее сестер напали бы.

Отец стоял тихо и неподвижно, и по его лицу я ничего не могла прочесть.

– Я не знал, – вот и все, что он наконец сказал.

Но никогда прежде я не слышала в его голосе такой боли.

– Ты не виноват... – начала я.

Отец рассмеялся – резким, словно птичий крик, смехом.

– Когда станешь царицей, дочка, поймешь, что во всем плохом виновата ты. Ведь я – царь, и моя обязанность – знать. Искать правду. Но я не знал. Я принял то, что прислал Повелитель Коней: дюжину ладных жеребцов и сотню прекрасных кобыл. И царевну, чтобы скрепить сделку. Лошадей я осмотрел очень внимательно...

Я уставилась на отца, изумленно приоткрыв рот. Никогда раньше он не говорил с такой горечью.

– Ты не знал, – смогла вымолвить я.

Мне хотелось разрыдаться от гнева, который я видела в его глазах. Он гневался на себя.

– Я должен был знать. Ее нарушение обетов пало на меня, она не виновата. Жив Господь, Ваалит, и на мне вина, и я должен просить у Гелики прощения, встав на колени у дворцовых ворот.

Он вздохнул и схватился за голову, так крепко сжав ее, что пальцы впились в кожу.

– Ты не знал, – повторила я, не желая, чтобы он взваливал на себя эту ношу, – ты не виноват. Но она несчастна здесь, а я... Мне в Саве понадобится собственная телохранительница.

– Я отпускаю ее. Конечно, я отпускаю ее, со всеми почестями, полагающимися царской жене и деве-воительнице.

– А договор с Повелителем Коней?

– Остается в силе. Если я приказываю жене сопровождать мою дочь в ее новое царство, в чем тут бесчестье? – Помолчав, он добавил: – В конце

концов, я царь. Кто может отказать мне?

В лицо мне бросилась краска, ведь я-то знала, что не покорилась ему. Мы оба это знали. Я надеялась, что когда-нибудь он простит меня. Но теперь я просила не за себя, поэтому сделала вид, что ничего не заметила.

– Это еще не все, – сказала я. Мне отчаянно хотелось смолчать, но я понимала, что отец должен знать всю правду. – Гелика ждет ребенка. Поэтому она пришла ко мне. Отец, она уверяет, что с ней говорила ее богиня. Родится девочка, чтобы искупить ее клятвопреступление. Гелика хотела, чтобы я взяла девочку с собой в Саву и посвятила ее богине коней. Она поклялась, что зарежет ребенка собственными руками, если я откажусь.

– И ты ей поклялась взять ребенка с собой?

– Я поклялась, что пошлю за девочкой и воспитаю как родную, но сказала, что не буду посвящать ее никаким богам без ее согласия.

– Согласилась ли на это госпожа Гелика?

– Да, согласилась. Она ничего не просила для себя, лишь для своей дочери. Это я придумала взять ее с собой и сделать телохранительницей. Гелике ничего об этом не известно.

– Ничего для себя...

Казалось, отец смотрит сквозь меня, на что-то, видимое лишь ему. И, когда он вернулся из того мира, я взглянула в его глаза и увидела, как они блеснули, словно отец тоже пытался сдержать слезы.

– Ничего для себя, – повторил он. – Царевна Ваалит, твоя просьба удовлетворена. Когда ты поедешь на юг с царицей Утра, госпожа Гелика отправится с тобой. Я знаю, какво потерять дочь, и не буду отнимать дочь у Гелики.

Я хотела было поклониться в знак благодарности, но отец подхватил меня и прижал к себе, словно маленькую девочку. Теперь, крепко обнимая его, я уже не сдерживала слез.

– Ты не теряешь меня, отец. Ты приобретаешь лучшую союзницу.

Но его шерстяная туника заглушила эти слова, и я не знаю, услышал ли он меня.

Гелика

Она осмеливалась мечтать о будущем дочери, надеяться на ее счастье. Но не на свое. Гелика смирилась с тем, что ее ожидает лишь отчаяние, и не решалась ни о чем просить. Достаточно, что царевна Ваалит поклялась

спасти ее дочь. Гелика держалась за это обещание так же крепко, как за поводья коня, – насколько позволяли ее силы и умение.

И царица Ваалит сдержала слово. Она пришла к Гелике с улыбкой и словами, которые звенели, словно клинки в спертом воздухе внутреннего двора:

– Отец отпускает тебя, Гелика. Ты поедешь со мной в Саву. И это еще не все: ты будешь командиром моей стражи. Никаулис – командир телохранительниц царицы, а ты будешь главной телохранительницей наследницы.

Гелика недоуменно посмотрела на нее, а Ваалит протянула ей большой сверток алой ткани, который держала в руках:

– Возьми, Гелика. Это тебе.

«Что-то не так. Я ничего не чувствую. Никакой радости. Слишком поздно».

Царица попыталась сунуть сверток ей в руки:

– Возьми же, разверни. Давай я тебе помогу.

«Неужели она слепа и не видит, что говорит с призраком?»

Гелика стояла, холодная и неподвижная, и Ваалит, снова взяв сверток, опустила его на землю. Быстро наклонившись, царица развязала ткань, скрывавшую то, что она принесла. Она поднялась и вложила что-то Гелике в руку. Это оказался кинжал, длинный и острый. Вокруг рукоятки обвился позолоченный леопард. Глазницы у него отсвечивали зеленым – в них были вставлены изумруды.

– Леопард – савский зверь. Понимаешь? Ты командир моей стражи. Ты снова стала воительницей, Гелика.

Царица сомкнула пальцы Гелики на рукояти кинжала и на шаг отступила. Гелика, рассматривая его, провела пальцем вдоль лезвия, но у нее так дрожали руки, что она уронила леопардовый клинок. Железо звякнуло о плиты, словно колокольчик.

– Никаулис объяснила, что тебе понадобится, чтобы сопровождать меня. Я все принесла, все готово – примерь. И всю одежду я приказала пошить в моих цветах. – Царица погладила алую кожу, по которой разбегались вышитые золотыми нитками языки пламени. – Это мои цвета и моя эмблема. Смотри, я приказала вышить на тунике феникса. Тебе нравится?

Царица с надеждой улыбнулась, и Гелика вдруг поняла, что девочка робеет, а ее гордость – лишь защита от неуверенности. «Феникс. Птица, переродившаяся в пламени. Разве могу я ждать более ясного знака?»

Все сомнения испарились, вся боль и гнев сторели и осыпались

пеплом. Гелика склонила голову, безмолвно принимая милость своей богини, а потом взяла у Ваалит тунику и сжала в руках огненно-красную кожу.

– Да, царица. Да, мне очень нравится.

Билкис

В день своего отъезда она пришла к нему в последний раз. В последний раз поднялась по длинной лестнице в рай, который он создал для них на крыше. Сердце говорило, что он ждет ее здесь, и оно не обмануло. Когда она выбралась на простор, залитый медом солнечного света, Соломон ждал ее там, над Иерусалимом. Он протянул к ней руки, и она припала к нему.

Так они стояли обнявшись, пока медленные удары ее сердца не слились с его сердечным ритмом, пока не начало казаться, что у них одно на двоих дыхание, благоухающее розовой водой и миррой. И тогда она поняла, что пора заговорить.

– Соломон... – начала она.

– Нет, – сказал он, – позволь мне.

Она склонила голову, зная, о чем он скажет дальше, и зная также, что его слова лишь причинят боль им обоим.

«Но он имеет право их произнести, а я имею право выслушать. Это все, что мы можем».

Соломон скользнул руками вверх по ее телу и обхватил ее лицо ладонями.

– Любовь моя, душа моя, останься со мной. Ты хочешь этого, я хочу этого. Ты царица, я царь, кто может запретить нам?

«Кто, кроме нас самих?» На миг, на один вздох она позволила, чтобы ею овладел соблазн, растекаясь по телу, словно горячее вино. А потом она заставила себя улыбнуться и накрыла его руку своей, переплетаясь с ним пальцами. Она отняла его ладони от своего лица, но пока не отпускала.

– О Соломон, не имеет значения, чего хочешь ты и чего хочу я. Сейчас дело не в этом. И даже если бы это имело значение – любимый, тебя ведь называют Премудрым, и ты должен понимать, что я слишком стара и гожусь тебе в матери. Я слишком стара, чтобы родить тебе царицу. То есть царевича, ведь здесь ценят сыновей. Связаться с бесплодной чужеземкой – вдвойне безрассудно. Такова правда.

Она закрыла глаза, защищаясь от будущего, в которое он ее звал,

будущего, которое она видела.

– А если я хочу безрассудства? Если я скажу: живи со мной, любимая моя, горная моя голубка? Если я скажу: не оставляй меня, сестра моя, благоухающая пряностями и миррой?

– Ты и так знаешь мой ответ, Соломон Премудрый, и знаешь, что разделяет нас, как если бы между нами лежал меч. Разделяет нас правда.

Он зажал ей рот ладонью, его прохладная рука не давала ей произнести ни слова.

– Не говори мне правду, любимая. Сейчас, в этот миг, не надо, чтобы между нами стояла правда. Говори мне то, что я хочу услышать, любовь моя. Лги мне. Говори мне прекрасную ложь.

Потрясенная, она обхватила его запястья. Зажимавшая ей рот ладонь скользнула на ее щеку.

– Что тебе сказать? Что мой возлюбленный хотел бы услышать?

– Скажи, что любишь меня.

– Я люблю тебя. Я всегда любила тебя. Я любила тебя еще до того, как ты родился, и буду любить до конца своих дней. Это правда. Разве этого мало?

– Да, мало. Скажи, что любишь меня больше, чем...

– ...чем корону? – Она прижалась щекой к его ладони. – Это ведь скорее оковы, чем сокровище.

– Скажи, что любишь меня больше своей чести. Больше своего долга. Скажи... Скажи, что, если бы ты была достаточно молода, чтобы родить мне ребенка, ты бы осталась. – Он намотал на запястье ее волосы. – Скажи мне это.

Теперь он приказывал ей, как царь. Она твердо посмотрела ему в глаза:

– Если тебе угодно, господин мой. Да, если тебе угодно это услышать. Да, я осталась бы.

Она скользнула в его распростертые объятия и положила голову ему на грудь, слыша, как бьется его сердце, медленно и гулко, неустанно и терпеливо. Своим дыханием он согревал ее лоб, губами касался кожи.

– Царь мой, возлюбленный мой... О да, если бы я могла родить тебе ребенка – да, да, я осталась бы с тобой, стоило тебе попросить.

Он обнял ее крепче.

– Я царь. Я могу приказывать что угодно, и никто не посмеет перечить мне. Я мог бы удержать тебя здесь, со мной.

– Но ты так не поступишь.

– Я мог бы удержать свою дочь. – Его слова звучали приглушенно – он говорил, уткнувшись в ее пышные волосы. – Билкис, я не могу потерять вас

обеих. Не могу отказаться от нее. Она – все, что осталось от моего прошлого.

– Она – не прошлое, Соломон. Она – будущее. – Билкис на миг закрыла глаза, не в силах встретить его полный боли взгляд. – Ты должен отпустить ее владеть будущим.

– Должен. Царь всегда что-то должен. Только на это и хватает царской власти.

– Власть принадлежит богам, о царь.

– Тогда что же остается человеку, о царица?

– Любовь и мудрость.

– Любовь и мудрость, – повторил он, словно взвешивая ее слова на неумолимо точных весах. Улыбнулся, неловко, словно движение губ причинило боль. – И ты хочешь, чтобы я лишился и того, и другого.

– Как и я, потому что я царица. И потому что ты царь. А еще потому, что для нас существует то, что важнее мудрости и любви.

– И что же это? Ради чего я должен отказываться от всего, что имею? От самого себя? От всего, чего я желаю?

– Ты сам знаешь. Ради чести, любимый. Честь и долг. Без этого мы ничто.

– Честь и долг.

Солнце сияло на его волосах, словно корона. Билкис положила руку на его склоненную голову.

– В конце концов, только это и остается. А теперь поцелуй меня, возлюбленный мой, царь мой, и попрощайся со мной. И вспоминай меня иногда.

Он взял ее за руки, сжал крепко, до боли, и, склонившись, поцеловал ее ладони. Она прижимала их к его губам. Потом он отступил и положил ей руки на плечи.

– Каждый раз, почувствовав запах роз и корицы, я буду думать о тебе.

Она кончиками пальцев коснулась уголков его рта.

– Закончи свою песню, Соломон. Пой ее почаще. А почувствовав запах корицы и роз, думай о любви.

Он наклонился к ней, и Билкис закрыла глаза. Прикосновение губ к ее лбу было едва ощутимым, словно дымок угасающего пламени.

Снова открыв глаза, она увидела, что стоит одна среди роз и лилий в саду на крыше. Соломон ушел.

В сопровождении царевны Ваалит, вместе со своими служанками и евнухами, царица Савская выехала из Конских ворот. За ней следовали остальные участники ее свиты, яркие, как павлины, и шумные, как сойки, довольные, что наконец-то возвращаются домой, на юг. Впереди и позади царицы ехала ее стража, охраняя не только саму Билкис, но и дарованное ей сокровище. Отправляя свою дочь на юг, царь Соломон так щедро одарил ее, что хватило бы на целую империю.

Никаулис следила за караваном, проезжающим мимо нее через Конские ворота, наблюдая и оценивая: в этот важный последний момент нельзя было допустить, чтобы что-то пошло не так. «Скоро мы уедем, скоро оставим позади иерусалимские стены, и впереди будет лишь дорога домой».

Мимо проехали последние слуги и повозки с припасами. Визит царицы Савской к царю Соломону закончился. «Что ж, пора». Но Никаулис неподвижно сидела на своем терпеливом коне, ожидая. «Он придет. Мы должны попрощаться и пожелать друг другу счастья. Тогда – тогда мы сможем забыть».

– Никаулис. – Венай положил руку на бок лошади, совсем рядом с коленом Никаулис. – Значит, ты уезжаешь.

– Я служу моей царице. – Она посмотрела на его непроницаемое лицо. – А ты, значит, остаешься.

– Я служу моему царю.

Венай поднял руку и протянул ей, словно товарищу. Никаулис сжала его руку, и на один бесконечный миг их пальцы тесно сплелись. Оба молчали. Песок времени в их часах закончился, и слов не осталось даже для того, чтобы попрощаться.

Венай отпустил ее руку. Никаулис поехала вперед, догоняя царицу Савскую.

На дальнем холме Никаулис придержала лошадь и посмотрела на Город Давида. Столько людей, столько стен. Столько причин уехать, ни разу не оглянувшись.

И лишь одна причина остаться.

«Венай. Нет, даже не этот мужчина. Любовь».

Она наконец положила их любовь на весы и поняла, что эта любовь значит больше, чем все доводы, которые она могла привести против нее.

«Если я останусь, то, едва оказавшись в этих холодных каменных стенах, начну оплакивать все, что потеряла. Но, если уеду, буду оплакивать Венай и себя. И жизнь, которую мы могли прожить вместе».

Выбор был тяжелым, как камень. Но этот выбор принадлежал ей.
И тогда Никаулис наконец поняла, которой из богинь будет служить.

Билкис

«Последний взгляд назад – и я уезжаю». Она не могла отказать в этом Соломону, и себе не могла отказать в этой последней слабости. И вот Билкис приостановилась, пока ее караван медленно тянулся по дороге, и оглянулась на золотой город царя Давида. Иерусалим сиял на вершине холма, безупречный, надежно защищенный своими массивными стенами. Храм и дворец сверкали солнечным огнем, как два маяка.

Царя она отсюда не видела. «Но он смотрит. Я знаю, что он смотрит. Он уйдет, лишь когда уляжется пыль, поднятая моим караваном».

На нее упала тень, и она подняла глаза, чтобы посмотреть, кто отвлек ее от прощания.

– Никаулис, – приветствовала она командира своей стражи.

Билкис удивилась, когда амазонка просительно склонила голову:

– О великая царица, если когда-нибудь я хорошо служила тебе, выслушай меня сейчас.

– Конечно, Никаулис. Говори.

– Освободи меня от моей клятвы, о царица.

Билкис уставилась на нее, не в силах найти слова для ответа.

– Почему? – только и спросила она.

– Потому что половина моего сердца остается здесь, а я могу служить только всем сердцем.

– Все или ничего. Понимаю.

Таков был путь Никаулис. Она не пыталась договориться с собой.

– Так значит, ты едешь к царскому главнокомандующему?

– Да, я еду к Венае.

– Подумай хорошенько, Никаулис. Израиль – холодная бесплодная земля. Его обычаи странны, а законы жестоки. – Она старалась говорить спокойно, чтобы не выдать своей зависти. – Сейчас Веная может клясться в чем угодно, чтобы заполучить тебя, но сдержит ли он эти клятвы, когда ты окажешься в его власти?

– Я буду подвластна себе, а не ему. И да, Веная сдержит свое слово.

– Ты так уверена в нем, что готова войти в эту клетку и закрыть за собой дверь к свободе?

– Никто не может отнять у меня свободу. Царица моя, Веная уже

немолод. Я проведу с ним те годы, что ему остались. Если пожелает этого Матерь, я подарю ему сына, а он мне – дочь. А когда его не станет, мы уйдем из Иерусалима, я и моя дочь.

– Никаулис, почему ты так поступаешь? Потому что Веная попросил тебя?

– Потому что он не просил, – ответила амазонка. – Отпусти меня, царица моя.

«Она свободна идти туда, куда ее ведет сердце. Она может делать то, чего не может царица. Не наказывай ее за это».

Билкис молча протянула руку. Схватив царицу за руку, Никаулис поцеловала ее. Билкис коснулась щеки своей амазонки и улыбнулась:

– Пусть твой путь озаряет улыбка богини. Возвращайся к мужчине, которого любишь, и будь счастлива.

Кивнув, Никаулис повернула на дорогу, ведущую обратно к большим иерусалимским воротам. Билкис смотрела вслед своей деве-воительнице, а та уже преодолела почти половину пути к городу, и вот из ворот навстречу ей вышел мужчина, который мог быть только Венаей. Никаулис остановила лошадь и спешила.

Билкис не увидела ни рукопожатия, ни жарких объятий. Веная и Никаулис просто бок о бок шли по дороге, пока не скрылись за воротами. Когда они пропали из виду, Билкис тронула поводья и Шамс поскакал дальше. Она не оглядывалась, пока не поднялась на вершину Елеонской горы. Миновав ее, она уже не разглядит дворец Соломона. Билкис остановила Шамса и обернулась. Но по ту сторону Кедронской долины она не смогла различить ничего – ничего, кроме города, горевшего золотом под жарким солнцем. Уже сейчас она оказалась слишком далеко, чтобы снова увидеть Соломона.

Она смотрела на сияющий город так долго, что теперь он представал перед ней, даже когда она закрывала глаза. Слепленная светом, она повернула коня. Перед ней лежала дорога на юг, где ждала Сава. Сжав ногами бока Шамса, она начала свой долгий путь домой.

Соломон

Он клялся, что не будет смотреть ей вслед, – и лгал. Стоя на самой высокой дворцовой крыше, в саду – убежище их любви, – он наблюдал, как царица остановилась на вершине Елеонской горы. Воздух дрожал от жары. Всадница вдалеке казалась видением, нереальным, словно мираж.

«Лишь один взгляд, царица моего сердца. Один последний взгляд».

А потом, между двумя ударами сердца, она исчезла. «Уехала навсегда. Я мог удержать ее здесь. Я должен был удержать ее. Так поступил бы великий царь».

Он упорно смотрел на опустевшую дорогу, но лишь поднявшаяся пыль выдавала, что здесь прошло много людей и лошадей. Скоро пыль уляжется, и тогда не останется ни единого следа от проезжавшей здесь царицы Юга.

«Мужчина удержал бы ее, удержал бы при себе навсегда любой ценой. Жаль, что я не смог хотя бы раз повести себя как мужчина, а не как царь».

Но он понимал, что этого ему не дано. Соломон Премудрый не мог позволить себе такой роскоши.

«Что сделал бы Давид Великий, окажись он на моем месте? Как поступил бы царь Давид, если бы пожелал царицу Савскую?» Несмотря на свою печаль, Соломон улыбнулся. Им, младшим и самым незначительным из сыновей, занималась царица, а не царь. Своего прославленного отца он видел лишь изредка. Внимание и любовь доставались старшим царевичам – Амнону, Авессалому, Адонии.

«Соломон, всегда помни, что твой отец – царь. Цари не любят, – так сказала царица Мелхола. – По крайней мере, не так, как любят обычные мужчины и женщины. Царь любит то, что нужно любить, и лишь пока ему это нужно. Помни об этом, Соломон. Высеки это на своем сердце».

Жестокие слова. Что ж, царица Мелхола ненавидела царя Давида. Соломон понимал это с детства. Он лишь не понимал, почему она всегда смотрит на мужа холодным упрямым взглядом. «Прошлое осталось в прошлом. Оно не имеет значения. Имеет значение лишь будущее, которое ты построишь», – вот и все, что она ответила, когда однажды он осмелился спросить ее.

И, хотя в каждом ее взгляде на Давида скрывалась ненависть, словно свернувшаяся кольцом змея, она никогда не сказала о нем ни единого плохого слова. «По крайней мере мне. Говоря о нем со мной, она всегда отделялась загадками. Неужели думала, что я не понимаю ее истинных чувств?»

Прошлое осталось в прошлом, но если оно не имело значения, тогда почему все эти якобы забытые деяния продолжали отравлять сердце Мелхолы?

Повзрослев, он понял своего отца. Точнее, понял, каким видели царя Давида люди, глядя на него с любовью или ненавистью. И этот образ, светлый или темный, менялся от человека к человеку, от мужчины к женщине.

«Если и есть у царя Давида недостатки, так это мягкосердечие. Всякому терпению есть предел. Не следовало ему прощать царевича Авессалома. Я, конечно, всего лишь женщина, мне неизвестно то, что ведомо царю, но трижды простить Авессалома я бы не смогла», – это были самые резкие слова, которые Соломон за всю жизнь услышал от своей кровной матери Вирсавии. Ведь ее характер был таким нежным и мягким, словно Господь вылепил его из свежего меда. Никогда она не устремляла взгляд во тьму, лишь к свету.

А вот его приемная мать Мелхола не обладала мягкостью и кротостью. И видела она не свет и тьму, а тени. В отличие от Вирсавии, которая любила мир и все его дары, Мелхола смотрела на все внимательно и придирчиво.

«Она любила мою мать, меня и...»

И, несмотря на всю свою холодную ненависть, в ночь смерти Давида безутешно рыдала именно царица Мелхола. Она продолжала плакать, когда высохли глаза у всех, чье горе легко изливалось в слезах. Соломон не понимал тогда и не понял до сих пор, а теперь не осталось в живых никого, кто мог бы ему объяснить, что происходило между Мелхой и Давидом. Оба они исчезли во тьме, которая рано или поздно поглощала всех, и навеки унесли с собой свои тайны. От царя Давида остались лишь его песни, а от царицы Мелхолы...

«Все, что от нее осталось, венчает моя корона». Сам Соломон был наследием царицы Мелхолы. Иногда он задумывался о том, знала ли она, что совершила на самом деле, когда воспитала из него такого царя, какого хотела.

Ведь она пыталась создать совершенного человека, чудесный сплав человеческого огня и царственного льда, нежной любви и суровой справедливости. Смешение невозможного, тяжелый груз для человеческого сердца. Соломон ее не винил, она лишь боролась за безоблачное будущее.

«Но ведь я видел, на что она идет, чтобы сделать меня царем. Неужели ей не приходило в голову, что я вижу, как она собирает каждое опрометчивое слово, каждый неосторожный взгляд, словно нити на ткацком станке? Подчиняя жизнь своей воле, царь Давид обтесывал ее, словно глыбу, а царица Мелхола ткала из нее узор. В сущности, они были очень похожи. Цари и царицы должны делать то, что нужно. Любовь, достоинство, долг, даже мудрость – все этому подчиняется».

Ведь что такое мудрость, как не умение склониться перед неизбежным?

«Да, это и есть мудрость, Соломон. Мудрейший из царей мира». Так

называли его люди. Возможно, таким его и запомнили бы. «Если меня вообще запомнят. Но какой толк моей стране от этой хваленой мудрости, если за мной придет неразумный царь? Может быть, пора уже покончить с царями и вернуться к дедовским обычаям...»

Соломон поймал себя на том, что улыбается в ответ на эти грустные раздумья: с царской дороги нельзя мирно повернуть назад. Давным-давно, до того как он стал царем, как Давид Великий стал царем, даже до того, как Саул стал царем, было предсказано, какие сокровища принесет царь в дар Господнему народу.

Подати, воинскую повинность, муштру, рабство. А хуже всего было то рабство, на которое люди обрекали себя сами своей жаждой богатства, власти, безопасности.

«Может быть, царствование слишком дорого обходится».

Он смотрел на юг. Пыль еще не улеглась. Она густой золотой пеленой стояла там, где проехала царица. Своим появлением Билкис разрушила его покой, добытый с таким трудом, она испытывала его мудрость. И что осталось после нее?

«Честь, Соломон. Честь и долг».

Он знал, что она права. Для царя честь и долг были превыше всего. Честь требовала, чтобы он поступал наилучшим для царства и народа образом. «Таков долг царя. Но что лучше всего?»

Всю жизнь он считал, что наибольшее благо – мир. И на протяжении всех лет своего царствования он трудился, чтобы достичь этой цели. И пытался вырастить сына, который бы пошел по его стопам, по дороге, которую он проложил. Дороге мира и покоя.

Он нарочно закрывал глаза на очевидное.

«Мой старший сын станет царем после меня». Такую клятву он принес, чтобы сохранить порядок в царском доме, чтобы корона спокойно перешла от него к наследнику. Тогда эта клятва казалась разумной.

Но из его старшего сына получится плохой царь. Соломон наконец признал это. «Правда есть правда». Это причиняло боль. В конце концов, он ведь был его отцом.

Да, из Ровоама получится плохой царь, и что в этом такого? Соломона поразила эта мысль, но, в сущности, цари ведь начали править Израилем и Иудеей недавно. Сам он стал лишь третьим из тех, кто, получив корону, сел на золотой трон. И никто из этих троих не был старшим сыном своего предшественника.

Глядя, как на юге медленно оседает пыль, Соломон безмолвно обдумывал будущее.

«Если Ровоам станет царем, он недолго просидит на троне. Он начнет распри, а распри приведут к битвам. Ровоам не сможет говорить спокойно при необходимости, не сможет действовать мягко там, где этого потребует осторожность. Он посеет недовольство и пожнет бунт. Царь Ровоам расколется страну».

Так в чем же сейчас заключается мудрость? В мире, добытом дорогой ценой и быстро пущенном по ветру? «Теперь я не могу объявить наследником другого сына вместо Ровоама. Он и месяца не проживет. Наама позаботится об этом, даже если Ровоам ничего не предпримет».

И, даже если бы такой выбор не угрожал ничьей жизни, кого сделать наследником? Будь у Нефрет сын, Соломон не колебался бы. Но дочь фараона не родила ему ребенка. Тогда кого же выбрать? «Кто из моих цариц родил мне лучшего наследника?»

Если бы имел значение только этот вопрос, ответ пришел бы сразу: Македа. Она бы хорошо правила как царица-мать. Но Македа здесь не останется. «Я уже сейчас вижу, что ее призывают далекие небеса ее страны». Нет, сын Македы не подходит. Выбрать некого.

«Я отдам царство тому, кому поклялся. Царем станет Ровоам. Я поступаю так, зная, что это разрушит царство, потому, что считаю это наилучшим для страны и народа. Потому что я так хочу».

А что? В конце концов, разве его приемная мать не поступила так же? «Я был младшим сыном, но стал царем, потому что так захотела царица Мелхола».

Мелхола действовала по великой традиции сильных женщин. В прошлом женщина часто сама выбирала наследника, раскручивая веретено будущего. Ревекка ввела в заблуждение своего мужа Исаака, чтобы получить благословение для своего любимца Иакова. Вдова Фамарь обманула своего свекра Иуду, чтобы зачать ребенка, в котором он ей несправедливо отказал. Все они возносили сыновей по собственному выбору.

Так собирался поступить и Соломон. При Ровоаме царство долго не продержится. Он расколется его.

«Наш народ не создан для того, чтобы им правили цари. Царская воля подтачивает нас. Я создам истину, которая освободит это царство. О, снова я становлюсь велеречивым! Это не имеет значения. Как любой человек, я стараюсь делать все, что могу. Только это под силу людям, а на большее способны лишь герои».

Такие, как его отец, царь Давид. Воин Давид, псалмопевец Давид, золотой царь Давид, образец для всех, кто пришел следом за ним. «Герой

Давид».

Но на этот раз он не испытал горечи, всегда сопровождавшей образ отца. Соломон вспоминал его и чувствовал лишь грустное восхищение человеком, который так легко завоевывал сердца людей. Всех, кроме собственной жены и царевича, которого она воспитала в тени Давида Великого.

«Теперь я понимаю, что гложет Ахию. Кто такой пророк Ахия против великого пророка Самуила? Как затмевает меня Давид, так Ахию – Самуил».

Он ждал, когда нахлынет знакомая горечь от вечных сравнений с его великим отцом, но это чувство больше не разъедало его. «Отец мертв, а я жив. Он остался в прошлом, а я – настоящее и будущее. Настало время отпустить призрак отца».

Настало время и для другого. «Если я хочу хоть какого-то будущего, я должен искупить вину перед женами».

Билкис показала ему, каким благонамеренным глупцом он был, а Ваалит довершила дело, ткнув его носом в эту глупость, нанеся удар по его гордости. Да, то болела уязвленная гордость, а не сердце. Ависага пыталась предупредить его еще давным-давно.

«Соломон, ты должен пообещать мне кое-что». Накатил очередной приступ боли, и Ависага схватила его за руку. В нем все сжалось.

«Все, что хочешь, голубка моя, лишь попроси».

«Если я умру...»

«Ты не умрешь, Ависага. Все женщины так думают, когда приходит время родов».

«И многие из них оказываются правы. Нет, не качай головой и не повторяй, что я не умру. – Она хватала ртом воздух, борясь с очередным приступом боли, а потом сделала над собой усилие и улыбнулась. – Даже властвуй ты над всем миром, Соломон, ты не смог бы мне обещать, что я выживу».

«Нельзя думать о таком. Ависага, ты моя роза, моя лилия, единственная моя возлюбленная. Ты будешь жить, и наш сын тоже». Он говорил уверенно, стараясь ее убедить. Ависага лишь улыбнулась.

«Может быть, а может быть, и нет. Я должна думать о таких вещах, о царь моего сердца, ведь ты лишь мужчина и закрываешь глаза на свет и тьму».

Снова она задыхнулась, хватая ртом воздух, и снова, к его изумлению, смогла улыбнуться.

«Уже скоро. И скоро, царь ты или нет, моя мать прикажет тебе

выйти из комнаты. И ты выйдешь, потому что ты лишь мужчина, а это женская работа. – Она смотрела на него темными, как бездонные колодцы, глазами. – Соломон, пообещай мне, что, если я умру, рожая тебе ребенка, ты отдашь мое место другой женщине. Нефрет или Нааме, не важно, или кому-то другому, ведь у тебя сильное сердце, способное полюбить больше одного раза...»

Последние слова она произнесла, задыхаясь от боли, а потом вошла ее мать и велела Соломону оставить их: «Иди займись каким-нибудь мужским делом. Это битва Ависаги, и она должна сражаться одна».

Сама Ависага, казалось, уже забыла о его присутствии. Она схватила мать за руку и принялась звать свою служанку Ривку. Комната вдруг наполнилась женщинами, и Соломон понял, что бессилен перед их врагом.

«Но как же помочь? Что мне сделать? Должен быть способ!»

«Есть способ». Холодный голос царицы Мелхолы прорезал духоту и шум, как острый нож. Конечно же, она пришла. Мелхола, искусная в повивальном деле, помогла появиться на свет многим царским сыновьям. Когда-то давно она приняла и царя Соломона, вырвав его у смерти своими умениями.

«Что мне сделать? Говори».

«Уходи и выпей побольше вина, – сказала Мелхола, – и не возвращайся к дверям Ависаги, пока я не пришлю за тобой».

Соломон удивленно уставился на нее, а царица Мелхола и мать Ависаги, Зурлин, обменялись такими взглядами, как будто поняли друг друга без слов...

Пить он не стал, но за ним действительно прислали, неожиданно и второпях, и он только и успел, что схватить Ависагу за руку, пока тело ее остывало и она оставляла его, уходя в бескрайнюю ночь...

И, глядя в ее невидящие глаза, он мог думать лишь о том, что не поклялся выполнить ее просьбу в те последние мгновения, которые они смогли разделить. А еще он радовался, что не связал себя этой клятвой, ведь он знал, что не сумеет ее выполнить. «Ни одна женщина не сможет занять твое место, любимая. Никогда. Никто мне не нужен, кроме тебя».

Царица Юга показала ему, что он заблуждался. «И в то же время был прав. Ведь ни одной женщине не под силу вырвать Ависагу из моего сердца». Но другая могла занять там свое собственное место. «Соломон, человеческое сердце не такое маленькое, чтобы вместить лишь одну любовь».

«Неужели все женщины мудрее, чем мужчины? Я не пообещал Ависаге того, о чем она просила, – но никогда не поздно. Пока мы живы,

еще не поздно».

Он похоронил Ависагу в гробнице, возведенной умелыми руками. Стены покрывала роспись – розы и ласточки. Искуснейший мастер царства вырезал на камне, запиравшем вход, раскидистое гранатовое дерево. Люди говорили, что эта гробница – достойная память о любимой жене. Соломон понимал, что пора по-настоящему почтить Ависагу.

Пришло время выполнить наконец клятву, которую он так и не принес возлюбленной.

Македа

Царевич Давид лежал голенький на чистой овчине, отчаянно дрыгая ножками и размахивая ручками, пытаясь достать яркую погремушку, которой манила его мать. Позолоченные ореховые скорлупки, нанизанные на кожаный ремешок, трещали, когда Македа помахивала игрушкой перед сияющими, словно солнце, глазами сына. Она держала ее как раз на такой высоте, чтобы он не мог дотянуться своими пальчиками.

– Правильно, маленький мой царь, тянись за тем, чего хочешь.

Она улыбнулась, и Давид сильнее забил ножками и сморщился, словно собираясь расплакаться. Македа зажала ему рот рукой:

– Тихо, душа моя. Сила и спокойствие, львенок мой, сила и спокойствие.

Мальчик уже знал, что плачем ничего не добьется. Он укусил руку матери, а та со смехом ее отдернула:

– Да, сынок, да. Огненное сердце и острый ум, будущий царь всего мира. Да.

Македа опустила погремушку так, чтобы он смог ухватиться, и от его ликующего смеха все ее тело согрела радость.

– Львиное сердечко.

Македа погладила сына по щеке, нежной, как голубиный пух, темной, как красноватый янтарь. Волосы у него были, как черное дерево в ночи, а весь он – словно тень и огонь.

– Ты прекрасен, у тебя гладкая кожа, и ты румяный, ты мудрый, как змей, – приговаривала она, – ты царь тысячи тысяч царей...

Она оборвала свои слова, почувствовав, что не одна. В дверях стояла рабыня. Она опустилась на колени, когда Македа обернулась.

– Говори.

Македа не улыбалась и не хмурилась, спокойно ожидая, что ей скажут.

Слуги не тревожили ее без веских причин.

– Госпожа моя, царь пришел.

Из всех слов, какие Македа могла услышать, этих она ожидала меньше всего. Не мигая, она смотрела на рабыню.

– Царь здесь?

Мысли Македы змеями расползлись во все стороны, ища объяснения. «Сегодня не моя ночь, да и вообще ничья, ведь все ночи принадлежат царице Савской. Так зачем он пришел ко мне? Хочет забрать Давида? Нет, мой сын еще младенец, сосущий грудь». Ни одно предположение не подходило. Размеренность действий Соломона никогда не нарушалась такими поступками. «Подожди, – приказала змея, свернувшаяся в уголке разума. – Смотри, слушай и верь, что я приведу тебя домой...»

Верить и ждать. Она хотела было встать, но снова села на леопардовую шкуру. Соломон знал ее как женщину, как диковинную самку. Пусть теперь увидит ее как мать. «Да, и как царицу», – прошипел Джангу-сет. Македа улыбнулась:

– Скажи царю Соломону, пусть войдет.

И она снова склонилась над сыном.

Соломон

Войдя к своей темной неистойой Македе, свернувшейся на леопардовой шкуре, воркующей над маленьким сыном, Соломон остановился, удивленно глядя на нее. Ведь теперь он увидел ее без диковинных уборов. Она казалась не вызывающей, а нежной, переполненной материнской любовью. «Как любая женщина. Может, ее образ языческой царевны – лишь уловка, хитрость, чтобы пробудить во мне интерес?» А потом Македа искоса посмотрела на него и улыбнулась своими полными губами, приоткрыв зубы, острые, словно кинжалы из слоновой кости, и на миг он снова увидел перед собой неприрученную полуночную змею.

– Царь мой и господин, ты почтил нас своим присутствием.

Но, почтил он их или нет, Македа не шелохнулась, чтобы встать, а лишь наклонила голову.

– Увы, мы не готовы принять тебя, – продолжала она. – Разве госпожа Чадара изменила нашу очередность? Если сегодня моя ночь, она забыла мне об этом сообщить. Мы обе виноваты.

– Никто не виноват.

Соломон услышал насмешку в ее, казалось бы, смиренных словах, но решил не обижаться. У Македы были причины его упрекать. «Я совсем забросил своих жен, я пренебрегал ими – нет, оставил их ради моей любви к царице Юга». Ничего удивительного, что Македа журила его, и хорошо, что так мягко.

Заставив себя улыбнуться, Соломон подошел ближе и склонился над сыном. Маленький Давид на миг замер, внимательно глядя на него круглыми глазами, а потом отчаянно замахал кулачками, пытаясь ухватить золотую бахромку, свисавшую с царского пояса. Погремушка из ореховых скорлупок вылетела из его руки, ударившись о ногу Соломона. Тот снова улыбнулся.

– Такой маленький и такой неистовый. – Соломон опустился на колени, протягивая Давиду руку, и тот крепко в нее вцепился. – Хороший царь из него получится, Македа.

Она ничего не ответила, лишь снова искоса посмотрела на него.

– Царь чего, мудрый мой господин? – произнесла наконец она. – Израилем и Иудеей будет править царевич Ровоам, и это уже записано.

– Да, на тех табличках давно высохла глина. Но у тебя ведь собственные замыслы, змеиная моя царица. Будущее – твое и нашего сына – не в стенах Иерусалима.

Он часто называл ее змеей, и теперь она ждала, свернувшись по-змеиному. Соломон улыбнулся и подхватил Давида на руки.

– Я был глупцом, Македа, но не думай, что я не знаю, как и почему ты здесь оказалась. И ты осталась тут потому, что тебе нужно убежище, – это я тоже знаю. – Он посмотрел в яркие глаза мальчика. – Убежище и новый царь, с которым ты сможешь вернуться домой.

– Соломон воистину мудрейший человек в мире.

В этих словах могло скрываться что угодно, согласие или пустая лесть.

– Ничего не говори, твой царь еще слишком юн для великих дел. – Соломон коснулся губами щеки Давида, теплой, как янтарь. – Но, когда придет время, Македа, ты вернешься домой со всеми почестями и богатствами, которых достойна царица. И с достаточным количеством вооруженных людей, чтобы все это сохранить.

Он увидел, что она наконец улыбнулась, и ему впервые показалось, что в глазах ее мелькнуло что-то похожее на нежность.

– Соломон воистину достоин своей короны, – ответила она, протягивая руки, и он отдал ей сына. – И он может не волноваться, я умею ждать.

– Да, женщины – терпеливые создания, – сказал Соломон, глядя, как Давид хватается за материнскую грудь.

– Нам иначе нельзя.

И Македа с улыбкой поцеловала нежную щеку сына.

Нефрет

«Итак, она наконец уехала. Слишком поздно». Госпожа Нефрет стояла над недвижимой гладью пруда посреди своего сада, глядя на позолоченную солнцем воду. Многие царские жены отправились на дворцовую крышу посмотреть, как царица Савская покидает Иерусалим навсегда. Они нарядились в лучшие свои одежды и украшения, как на праздник. Они сияли от радости, которую даже не пытались скрывать.

«Все в Женском дворце радуются так, словно она, уезжая, увозит с собой все невзгоды». Нефрет невидящими глазами смотрела на спокойную водную гладь. Неужели остальные жены не понимали, что без царицы Савской все их союзы и все жалобы стали бессмысленными?

«Она уехала, и все станет как прежде». Дочь фараона знала, что это ложь, и заставила себя посмотреть на жестокую правду, встретиться со своим безрадостным будущим.

Царица Юга объединила жен царя Соломона, пусть даже против себя. Расстановка сил в Женском дворце изменилась навсегда. «И царская дочь уехала – теперь некому связать наш мирок воедино». Почувствовав вдруг усталость, она села у пруда, подогнув под себя ноги, как в юности, когда ее тело было гибким и послушным. «Ничего. Ничего не осталось. Южанка забрала с собой царскую дочь и его сердце. У нас ничего не осталось».

Одна из ее кошечек вышла в залитый солнцем сад и начала виться у ног Нефрет. Та наклонилась, подхватила зверька на руки, положила себе на колени и принялась гладить. Кошечка подогнула под себя серебристо-бурые лапки и замурлыкала, тихо, едва ощутимо подрагивая под руками Нефрет.

«Сколько еще лет терпеть все это? Сколько еще лет ласкать котят и выращивать лилии?» Ей нравились цветы, и она очень любила своих священных кошек, но от мысли о том, что к этому сводится вся ее жизнь, день казался мрачным. Она вздохнула и закрыла глаза.

– Госпожа моя! – Шепот рабыни едва слышался в жарком воздухе. – Госпожа моя, царь пришел.

Нефрет открыла глаза и начала было подниматься, но царь Соломон уже стоял рядом, глядя на нее.

– Нет, сиди. Ты сейчас похожа на девочку.

К ее удивлению, он сел рядом с ней возле пруда и положил руку на

голову ее кошечки.

– Ты изящна, как эта кошка, Нефрет.

– Царь очень добр, – пробормотала она.

«Нет. Не нужно себя обманывать. Он всегда ласков».

– Нет, – их пальцы соприкоснулись, когда Соломон погладил кошку по выгнутой спинке, – это ты добра, Нефрет. Ты добрее, чем я заслуживаю.

Она посмотрела ему в глаза и увидела то, чего не выдавал его голос. «Конечно, ему грустно. Царица его сердца едет на юг, а с ней его любимый ребенок. Теперь он одинок». Нефрет осенило, и она собралась с силами для того, что предстояло сделать. Она улыбнулась и скользнула пальцами по его руке, даря нежное, словно кошачий мех, прикосновение.

– Мой повар хочет приготовить для меня новое блюдо. Если царь ничего не имеет против абрикосов и меда, может быть, он почтит меня, поужинав со мной завтра?

– Если дочь фараона окажет такую честь царю Израиля и Иудеи, – начал он, а потом улыбнулся, – да, Нефрет. Я буду очень рад прийти к тебе завтра.

Когда он оставил ее, Нефрет некоторое время сидела неподвижно. Кошка мурлыкала у нее на коленях. Потом она ласково отстранила ее и встала. «Царица Юга уехала – но я осталась. Я дочь фараона и жена царя Соломона. Я еще не стара и не мертва».

Царица хлопнула в ладоши, призывая служанок. Когда они, явившись, склонились перед ней, она принялась отдавать приказы:

– Вывесите мое новое платье на воздухе, пусть проветрится, потом сбрызните его ароматом лотоса. Да, и корицы. Приготовьте мне ванну. И немедленно позовите ко мне повара.

Следующим вечером она будет принимать Соломона, а значит, сегодня предстояло многое сделать, чтобы подготовиться.

Соломон

Он поговорил с Македой и Нефрет. Его ожидала еще одна задача: разговор с Наамой. «Нужно заверить ее, что никто из моих сыновей не займет место Ровоама. Я должен убедить ее, что Ровоам – не просто мой старший сын, но и мой истинный наследник, и я уверен в своем выборе».

Теперь – наконец – это стало правдой. Может быть, Наама сможет поверить, хотя никогда не узнает, что укрепило Соломона в его решении. Но Соломон надеялся, что сумеет говорить достаточно убедительно, чтобы

успокоить ее.

«Да, нужно зайти к Нааме. Но не сейчас». Соломон чувствовал невыносимую усталость. Уже сегодня казалось, что Билкис приезжала давным-давно, в далеком прошлом, и эхо разносилось по опустевшему без нее дворцу. Теперь он хотел лишь отдохнуть и собраться с силами, чтобы встречать все будущие дни, которые его ожидали.

Даже царю нужно убежище.

Как в детстве, он по привычке пошел к саду, принадлежавшему по очереди трем женщинам, которых он любил. «Моей матери Мелхоле. Моей жене Ависаге. Моей дочери Ваалит».

Соломон смотрел на ворота из черного дерева. Потом коснулся задвижки из слоновой кости – на темном фоне она блестела, как белые зубы, – и открыл ворота.

На миг ему показалось, что он вернулся в прошлое, потому что у поющего фонтана он увидел женщину. «Ависага. Милый мой призрак». А потом женщина повернула голову, откинула свое переливающееся покрывало, и Соломон встретился взглядом с черными, как ночь, глазами Зурлин.

Он молчал, а она встала и низко поклонилась:

– Приветствую тебя, Соломон Премудрый. Да продлятся дни твои вечно, о царь.

– Я не мудр, дни мои не продлятся вечно, а ты опоздала, госпожа. Твоя внучка уже уехала.

– Я приехала не ради нее.

– Тогда что же привело тебя сюда?

Зурлин внимательно посмотрела на него, а потом улыбнулась и протянула руки. От запястий до локтей по ним вились змейки, темные, словно тени.

– Меня привели сюда старая любовь и новая. Я приехала потому, что любила твоих матерей. И потому, что носила твою жену под сердцем девять полных лун.

– Они умерли, и та, кого любит моя душа, тоже ушла. – Соломон подошел к фонтану и остановился рядом с Зурлин. Он смотрел на его струи, видя лишь тени и солнечные блики. – Не называй меня мудрым, Зурлин, ведь я величайший в мире глупец.

Он услышал ее тихий и теплый смех.

– Лишь по-настоящему мудрые люди знают, до чего глупы все мужчины. И все женщины. Даже царица Утра. – Она помолчала. Вода пела, переливаясь из чаши в чашу. – Даже царица Мелхола, – добавила Зурлин.

Закатное солнце преображало камень и воду. Алебастровый фонтан сиял, как самоцвет.

– Почему ты заговорила о ней? Она давно умерла – и она была мудрейшей женщиной из всех, кого я знал. Намного мудрее меня. И мой отец был намного более великим царем, чем я.

«Отец бы знал, как удержать свою любимую. Если бы царица Утра приехала к моему отцу, она уже не вышла бы за порог дворца». Соломон повернулся к Зурлин и посмотрел в ее спокойные глаза.

– Я проигрываю везде, где они побеждали.

– Если ты и впрямь так думаешь, о царь, тогда ты действительно глупец. – Зурлин взяла его за руку. Несмотря на старость, руки у нее остались нежными и сильными. – Соломон, я не только жрица, но еще и старая женщина. Я знала Мелхолу до появления твоей матери Вирсавии, до твоего рождения, до того как власть испортила ее.

Разозлившись, он попытался вырваться, но ее хватка была крепкой.

– Нет, Соломон, – сказала она, – я молчала три поколения. Всю свою жизнь, всю жизнь дочери и внучки. Пришло время мне говорить, а тебе слушать. Пора тебе узнать правду и начать создавать собственное будущее.

Она заставила его сесть рядом с ней на краю фонтана.

– Ты не глупец, – начала она, – и ты не хуже меня знаешь, до какой степени Мелхола ненавидела Давида. Эта ненависть и злоба отравляли ее. Эта ненависть убила бы ее, если бы не твоя мать – и если бы не ты.

Зурлин принялась неспешно пересказывать историю о Давиде-песнопевце и юной царевне Мелхоло. О царевне, которую завоевал герой, о любви, растоптанной, когда Саул-безумец хотел умертвить героя и выдал свою дочь за другого...

– Все это я уже знаю. Об этом слагали песни, когда я еще ходить не научился.

– Не обо всем.

Зурлин невозмутимо начала пересказывать другую версию песни о царе Давиде и царице Мелхоло.

– В согласии и любви жила она со своим мужем Фалтиилом дважды по семь лет, готовила еду, пряла и ткала, согревала ему сердце и постель, и любовь ее набирала силу, как нить на прялке. А потом настал день битвы при Гильбоа – последней битвы царя Саула. Склоны холмов и равнина окрасились кровью. Смертью храбрых пал безумный Саул, а с ним его сын Ионафан. И герой Давид стал царем Давидом – но лишь в Иудее. Честолюбие грызло царя Давида, вонзая клыки в его большое тело. Давид хотел править еще и Израилем, но там царствовал Иевосфей, сын

безумного Саула. И вот Давид вспомнил о царевне Мелхоло и послал за ней. А почему нет? Из двух дочерей царя осталась лишь она. И она когда-то пылко и страстно любила Давида-героя. Итак, он послал за царевной Мелхолой, но в ней уже ничего не осталось от той царевны. Давид отнял жену у доброго земледельца, он заявил права на жену Фалтиила.

Зурлин искоса взглянула миндалевидными темными глазами на Соломона, словно оценивая его настроение, прежде чем продолжить:

– Жена Фалтиила погубила не только своего мужа, но и собственное счастье. Она не поняла тогда, что Давиду нет до нее дела. Ему нужна была лишь царская дочь – путь к короне. А к тому времени, когда Мелхола усвоила этот урок, она уже вызвала демонов, которые терзали ее еще много лет. Та девушка умела любить, но мудростью не обладала.

Горький смех Соломона заглушило журчание фонтана.

– А я повторяю тебе, что царица Мелхола была мудрейшей из женщин. Разве не она посадила меня на трон Давида?

Зурлин спокойно выслушала его слова.

– В юности Мелхола была умной, но не мудрой. Я это поняла, когда пыталась вразумить ее. Но она не хотела смотреть на вещи так, как следовало бы царице. Она противостояла царю Давиду – надменно и злобно. И обрекла на смерть своего мужа Фалтиила, ведь царю Давиду очень нужна была дочь царя Саула. Но и тогда она не увидела того, что следовало увидеть, и поэтому осталась беззащитной, вводя твою мать Вирсавию в свою жизнь и вкладывая в руки царю Давиду оружие против себя. Ведь Давид обладал даром – вызывать в сердцах людей любовь. Любовь, в которой Мелхола ему отказывала. Это разъедало его душу, как кислота. Как могла эта женщина отказать ему в том, что дарили все остальные? А она отказывала, и ему пришлось... – Зурлин вздохнула и покачала головой. Серебристые пряди волос шевельнулись на спине, словно беспокойные змейки. – Вместо нее он довольствовался любовью Вирсавии, и она понесла...

– Я знаю. Это не тайна, госпожа моя.

– Это часть тайны. Ведь ты не знаешь, что царь Давид предложил царице Мелхоло выбор: жизнь Вирсавии или ее мужа Урии.

«Так вот в чем дело». Эта мысль осветила разум Соломона, яркая и смертоносная, словно молния.

– Урия погиб в битве. Обычная смерть для воина.

– Урия погиб потому, что так велел царь Давид – по желанию царицы Мелхолы. Вот как все произошло. – Зурлин подняла руки, открывая правду. – На ней кровь троих мужчин, три жизни погубила ее жестокая

гордость.

– Троиш? Ты назвала лишь двоих, Фалтиила и Урию, мужей Мелхолы и Вирсавии.

– А еще твой единокровный брат Амнон. – Зурлин говорила тихо, внимательно глядя на него.

Амнон и Фамарь, их яркая, смертоносная любовь...

– Нет. Царица Мелхола хотела, чтобы Амнон стал царем. Рассказывая мне о том, что случилось с Амноном и Фамарью, она рыдала. Она обещала им помочь.

– И без конца мешкала со своей помощью. Соломон, ты был отрадой ее сердца, но в то же время ее мстью Давиду. Она не могла позволить, чтобы кто-то другой занял твое место в вытканной ею паутине. Она слишком поздно поняла, во что превратилась. Вот тебе правда, о царь.

– Почему? – спросил Соломон.

Она не стала делать вид, будто не поняла.

– Потому что я поклялась Мелхоло всегда быть ее подругой. А Мелхола хотела, чтобы ты стал...

– ...царем.

– Чтобы ты стал счастливым, Соломон.

Зурлин встала. Даже теперь, в старости, она двигалась плавно, как волна.

– Ты сделал все, что от тебя требовалось, и даже больше. Ты принес желание в жертву долгу. А сейчас ты должен наслаждаться счастьем, доступным царю, который пытается быть хорошим человеком и великим правителем. Мелхола всю жизнь боролась с призраками, а Соломону это не нужно. Отпусти их.

Она протянула руки, обхватила его лицо своими изящными раскрашенными ладонями и коснулась губами его лба.

– Прощай, Соломон Премудрый.

Он стоял и смотрел ей вслед. Когда она дошла до ворот из черного дерева, он позвал ее по имени, и она обернулась.

– Эти призраки терзали ее до самой смерти?

– Нет, – ответила Зурлин, – перед смертью ее терзало то, что они оставили ее.

Он обдумал ее слова, взвешивая каждое из них, сравнивая их с собственными воспоминаниями о Мелхоло, своей второй матери, Давидовой царице.

– Понимаю, – промолвил наконец он.

– Я знала, что ты поймешь.

И Зурлин ушла, исчезнув среди теней Женского дворца.

Она ушла, как царица Ваалит, как царица Юга. Снова перед ним лежал пустынный необитаемый сад. «Последняя моя любовь оставила меня...»

Эти грустные безмолвные слова еще не отзвучали в его мыслях, а им на смену уже пришли другие, колкие и животворные: «Последняя любовь? Это при том, что тебе осталось еще добрых четыре десятка лет? Да что ты такое говоришь?»

Так могла бы пожурить его каждая из женщин, любивших его. «А теперь, когда все они покинули меня, память о них действует как их наперсница». Царский сад опустел? Что ж, тогда...

«Тогда я должен чем-то заполнить эту пустоту – или что-то придумать вместо этого сада. Я спрошу Нефрет, что здесь лучше всего посадить. Да, так и сделаю».

Нефрет хорошо разбиралась в цветах.

Заключение

Рассвет

Сбылись мои молитвы: я подарила царю дочь. Но я не смогу увидеть, как она растет, не смогу воспитать из нее новую царицу, беречь и защищать ее. Эта задача ляжет на матерей Соломона и на мою. Ведь я отчаянно боролась за то, чтобы привести ее в мир, и эта кровавая битва отняла все мои силы. Когда Соломон склонился надо мной, я знала, что смотрю на него в последний раз.

– Любимая, у нас родилась дочка, – сказал он, – почти такая же красивая, как ты, душа моя. Хочешь посмотреть на нее?

Мне казалось, что он уже где-то далеко, я видела его неясно, словно сквозь пелену дождя или слез. И я знала, что должна посмотреть на дочь сейчас, – или никогда ее не увижу.

– Да.

Это слово показалось мне тихим, словно вздох. Я едва услышала собственный голос.

Соломон положил ее мне на руки – маленький теплый комочек, само совершенство. Взглядом она словно бы искала меня, но нет, мне это лишь показалось. Я ничего не могла ей дать.

Ничего, кроме имени, и я даже не знала, почему выбрала его.

– Ваалит. Ее зовут Ваалит. Когда она спросит обо мне, скажи, что это я ее так назвала.

– Ты скажешь ей сама.

– Соломон, мудрая и безумная моя любовь, мы оба знаем, что я умираю.

Я думала, что произнесла эти слова, но, казалось, они не донеслись до Соломона. И я знала, что для него больше никогда не прозвучит мой голос.

Оставалась лишь одна надежда: что когда-нибудь дочь услышит мой шепот в своих снах. Услышит и поймет.

И – может быть – запомнит.

Вот что поют певцы, завершая песню о Соломоне и царице Савской, и на свой лад это правда: «А потом царь Соломон, мудрый и могущественный, доказал, что достоин царицы Савской, и она хвалила его, говоря, что блаженна его земля и благословенны люди его, если у них такой

царь. И отправилась она обратно в свою землю...»

И с ней отправилась царская дочь, дар от царя Соломона царице Савской. Выезжая из Иерусалима, царица оглянулась, а царская дочь – нет.

Визит царицы Савской к Соломону Премудрому закончился так, как заканчиваются все встречи правителей: договорами о торговле, обещаниями вечной дружбы и обменом подарками, такими ценными, что можно выкупить из плена царя или царицу.

Были вручены и приняты и другие дары, и я знала, почему царица Билкис оглянулась, а я нет. Она в своей мудрости вернула отцу его сердце, которое увозила с собой на юг, а он в своей одарил ее прошлым, чтобы она утешалась воспоминаниями до конца своих дней.

Но мне он даровал намного больше: отец, никогда не отказывавший мне ни в одном сокровище, на этот раз дал мне будущее.

Будущее, с которым я могла делать что угодно.

Даже если я не усвоила ничего другого из отцовской мудрости, по крайней мере это я поняла. Я надеялась, что этого хватит, чтобы прожить хорошую и мудрую жизнь. А если нет...

Если нет, за это тоже отвечала лишь я одна. Боги дают нам жизнь для добра или зла. Если мы не умеем достойно пользоваться их дарами, это наша вина.

Не их.